VISIT…

ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

РУСЬ И ЛИТВА

Рюриковичи против Гедиминовичей

А.Б. Широкорад

Москва
«Вече»
2004

© ООО «Издательский дом «Вече», 2004
© Широкорад А.Б., 2004.

предисловие

В школьных учебниках истории вслед за нашествием татар следует отражение Александром Невским агрессии шведов и немцев, потом взаимоотношения с Ордой, ну а затем история, как московские князья собирали Русские земли в единое государство.

Пусть фрагментарность учебников истории в чем-то вещь неизбежная. Но, увы, и в многотомных монографиях отсутствует история южных и западных русских княжеств, начиная с 1240 г. К ним наши «мэтры» возвращаются лишь ко времени Богдана Хмельницкого, когда существуют пусть братские, но уже иные народы — белорусы и украинцы.

Возникают очевидные вопросы: откуда они взялись? Почему у них другой язык? да и вообще, что с ними было в течение четырех веков? Увы, эти вопросы повисают в воздухе. Еще в XVI — XVII веках московские цари и дьяки определили «магистральное направление отечественной истории», и все, что не соответствовало ему, попросту отбрасывалось. В результате сейчас не только в солидных монографиях, но и даже в архивах Российской Федерации можно найти лишь обрывочные сведения по четырем векам существования южных и западных русских княжеств.

Часть исторических документов была умышленно уничтожена по приказу русских царей, а большинство попросту погибло от небрежения. Ведь как бережно в Москве (а затем в Петербурге) хранили свои летописи. Вспомним, как немедленно после смерти Пушкина в дом на Мойке прибыли жандармы и опечатали все его бумаги. То же самое делалось и в отношении всех сановников и генералов. Их бумаги тщательно собирали и отправляли в государственные архивы.

В конце XVIII века в состав Российской империи вошли почти все русские земли, отторгнутые поляками и литовцами. Екатерина II имела полную возможность заполучить богатейшие городские архивы, а также частные архивы древних польских родов. Этому благоприятствовала и война с Речью Посполитой. Русские, от солдата до генерала, лихо экспроприировали имущество мятежных панов, от столовых приборов до карет и картин. Но никого не интересовали архивы Киевской, Смоленской, Волынской и других русских земель. Наконец, в 1815 г. на целое столетие Варшава стала частью империи. И опять же, ни правительство, ни чиновники, ни историки не заинтересовались древними документами русских княжеств.

Ларчик открывается просто. Эти документы не нужны были для обоснования «магистральной линии», а в отдельных случаях могли ей сильно повредить. Замечу, что не только русское правительство, но и значительная часть польской и русской знати не была заинтересована в изучении истории южных и западных русских княжеств.

Дело в том, что в XIX веке чуть ли не каждый пятый поляк был дворянином. В Польше несколько веков трудились еврейские конторы, которые мастерски подделывали родословные. Особенно легко и удобно было создавать легенды для родов, происходивших из Великого княжества Литовского. Понятно, магнаты с подделанными родословными как огня боялись открытия подлинных документов XIII —XVII веков.

Аналогичная ситуация была и в России. Там, к примеру, десятки знатных фамилий вели свои родословные от святого князя Михаила Черниговского. Естественно, каждое семейство имела

подробное генеалогическое древо, начинавшееся со святого Михаила. Но при попытке собрать вместе родословные князей Одоевских, Оболенских, Горчаковых, Волконских, Барятинских и прочих получается куча разночтений. Сразу бросается в глаза хронологическая несуразность — удельные князья живут по 80 — 120 лет, причем, участвуют в битвах до последнего издыхания, и т.д. Понятно, что тут пропущены одно-два поколения. Надо ли говорить, что все эти лица также были заинтересованы в сокрытии исторической правды.

Александр Твардовский писал: «Кто прячет прошлое ревниво, тот и с грядущим не в ладу». Тяжелая расплата за историческое невежество пришла в 1991 г.

В этой книге автор попытался дать историю борьбы литовских и московских князей за обладание русскими землями. Вместе с тем автор посвятил отдельные главы истории Киевского, Черниговского и Смоленского княжеств, а также Галицкого королевства и Новгородской республики. Для этого пришлось пойти на некоторое нарушение хронологии повествования, а в ряде случаев допускать повторы.

ГЛАВА 1

РОКОВОЙ РАЗДЕЛ БРАТЬЕВ - СЛАВЯН

В VII —VIII веках многочисленные западнославянские племена занимали обширную территорию по бассейнам рек Вислы, Одры (Одера) и Лабы (Эльбы). В бассейне верхней Лабы, рек Влатвы и Моравы жили чешско-моравские племена, в бассейне Вислы и Варты, до Орды и Ниссы на западе — польские племена. Земли в бассейне средней и нижней Лабы до Балтийского моря занимали полабские славяне, образовавшие несколько племенных союзов. Между Салой и Лабой и далее к востоку жили племена серболужицкого союза, а по средней Лабе и далее на северо-восток — племена союза лютичей. Нижнюю Лабу заселяли ободриты. Лютичи и ободриты занимали земли до самого Балтийского моря. К востоку от них, на балтийском побережье, жили поморяне, принадлежавшие к польской группе западнославянских племен. Ободритов, лютичей и поморян часто называют балтийскими славянами.

В IX веке возникает сильное государственное объединение славян — Великоморавская держава, ставшая одним из самых мощных государств Европы. В состав Великоморавской державы входили Чехия, Моравия, Словакия, Лужицы и земли ободритов.

В 863 г. из Византии в Великоморавское государство прибыла церковная миссия, возглавляемая братьями Кириллом (Константином) и Мефодием. Они начали перевод церковных книг на славянский язык, проповедовали христианство, проводили богослужения на славянском языке. В Паннонии и Моравии Кирилл и Мефодий содействовали подготовке славянского духовенства. Создание своей церкви укрепило политическую независимость Великоморавской державы и стало грозным оружием в борьбе с немецкой агрессией. Зависимость же от Константинопольского патриарха была чисто формальной.

Князь Ростислав и великоморавская знать поддерживали деятельность Кирилла и Мефодия. Но в 870г. ставленник немецких феодалов Святополк — племянник Ростислава — сверг своего дядю и занял княжеский престол. Ростислава же вывезли в Германию. Там он был ослеплен и навечно заточен в монастырь. Несколько позже немцы схватили и Святополка, и также отправили его в Германию.

Одновременно западное духовенство[1] начало преследовать славянских церковнослужителей. Мефодия схватили, бросили в темницу и подвергли жестоким пыткам[2].

Результатом насилий немецких феодалов и западного духовенства стало восстание, вспыхнувшее в конце 871 г. под руководством священника Славомира. Тогда рыцари вспомнили о князе Святополке, томившемся в застенках одного из немецких замков. Его освободили и поставили во главе немецкого войска, снаряженного для подавления восстания в Великоморавской державе. Но немцы просчитались — Святополк перешел на сторону восставших, помог славянам разбить немецкое войско и вновь занял княжеский престол. Правил он до своей смерти в 894 г.

Святополк сразу же освободил из тюрьмы Мефодия, который вместе с многочисленными учениками продолжил свою духовную деятельность в Великоморавском государстве. Однако князь Святополк оказывал недостаточную поддержку восточному духовенству в его борьбе с папистами. После смерти Мефодия в 885 г. его ученики были изгнаны из Моравии и нашли убежище в Болгарии.

После смерти Святополка его сыновья начали борьбу за власть. В результате чешские

земли попадают под власть германского князя Арнульфа. В 906 г. венгры завоевывают словацкие земли, составлявшие значительную часть Великоморавской державы. Словаки попали под власть венгерских феодалов и на целое тысячелетие оказались оторванными от чешского народа.

Падение Великоморавского государства кардинально изменило ход развития западных славян. Как писал известный историк С.М. Соловьев: «Разрушение Моравской державы и основание Венгерского государства в Паннонии имели важные следствия для славянского мира. Славяне южные были отделены от северных, уничтожено было центральное владение, которое начало соединять их, где произошло столкновение, загорелась сильная борьба между Востоком и Западом, между германским и славянским племенем, где с помощью Византии основалась славянская церковь. Теперь Моравия пала, и связь славян с Югом, с Грециею, рушилась: венгры стали между ними, славянская церковь не могла утвердиться еще, как была постигнута бурею, отторгнута от Византии, которая одна могла дать питание и укрепление младен-чествующей церкви. Таким образом, с уничтожением самой крепкой связи с востоком, самой крепкой основы народной самостоятельности, западные славяне должны были по необходимости примкнуть к западу и в церковном, и в политическом отношении. Но мало того, что мадьярским нашествием прекращалась связь западных славян с Византиею, прекращалась также и непосредственная связь их с Римом, и они должны были принимать христианство и просвещение из рук немцев, которые оставались для них теперь единственными посредниками. Этим объясняется естественная связь западных славян с Немецкою империею, невозможность выпутаться из этой связи для государственной и народной независимости»[3].

В IX веке территория Польши контролировалась десятками племенных группировок, только в Силезии их было не менее пяти. К началу X века наиболее сильными становятся две — висляне («люди Вислы») вокруг Кракова и поляне («люди полей») вокруг Гнезно. В 960 г. верх берет полянская группировка, во главе которой стоит князь Мешко (Мечеслав) из рода Пястов (922 — 992гг.). Согласно легенде основателем этой династии был простой крестьянин Пяст, изготавливавший колеса для телег.

Около 966 г. Мешко женится на чешской княжне Доброве (Дубровке). Невеста была христианкой, и Мешко пришлось креститься. Вместе с Добровой в Польшу приехало и несколько священников-папистов во главе с епископом Иорданом. Именно с них и началось крещение Польши.

Мешко начал сношения с римским престолом, и в 990 г. римский папа признал Мешко королем. Тем не менее, занявший после смерти Мешко престол Болеслав I Храбрый считался только великим князем и принял королевский титул лишь в 1025 г. за несколько недель до своей кончины.

Первое столкновение Руси[4] и Польши, о котором сохранились письменные свидетельства, произошло в 981 г. Согласно русской летописи князь Владимир Красное Солнышко (г. рож. неизв. — ум. 1015 г.) ходил с войском на ляхов и занял Перемышль, Чер-вен и другие их города. Забавно, что чешские историки утверждают, будто эти города не могли быть отняты у поляков, а были отняты у чехов, поскольку земля к востоку до Буга и Стыря, впоследствии названная Галицкой, принадлежала в то время чехам. Чехи ссылаются на данную Пражскому епископству при его основании грамоту, в которой границами епископства к востоку обозначены реки Буг и Стырь в Хорватской земле. С.М. Соловьев довольно аргументированною доказал недостоверность этой грамоты[5], так что 981 г. мы должны считать годом первой русско-польской войны.

Русские летописи свидетельствуют, что занятые князем Владимиром города принадлежали Руси еще при Олеге Вещем, но были заняты поляками в малолетство князя Игоря.

Согласно русским летописям, в 992 г. князь Владимир воевал с Мешко «за многие противности его» и в бою за Вислой одержал полную победу. Поводом к этой войне могли служить спор за Червенские города. Война эта могла вестись в союзе с чешским князем Болеславом II Благочестивым, который с 990 г. воевал с Мешко. Болеслав I Храбрый (967 —1025 гг.), занявший польский престол после смерти своего отца князя Мешко в 992 г., еще как минимум год продолжал войну.

Болеслав I был опытным политиком и храбрым воином. На севере он расширил свои владения до Балтийского моря, подчинив себе поморян и пруссов. Болеслав I, воспользовавшись смертью в 999 г. чешского князя Болеслава II, напал на Краков и присоединил его с окрестностями к Польше. В это же время он захватил Моравию и земли словаков до Дуная.

Примерно[6] в 1008—1009гг. Болеслав I заключил мир с Владимиром Красное Солнышко. Мир был скреплен родственным союзом: дочь Болеслава вышла замуж за сына Владимира

Свя-тополка (ок. 980 — ок. 1019 гг.). Но этот первый родственный союз польских и русских князей привел не к миру, а к серии новых войн. Где-то между 980 и 986 годом Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изясла-ва — в Полоцк, Святополка — в Туров, Ярослава — в Ростов. Следует заметить, что Владимир ставил сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

В конце 1012 или в начале 1013 года Святополк вместе с женой и ее духовником Рейнберном Колобрежским оказывается в киевской темнице. Подробности ареста Туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыграться фантазии историков. Так, Ф.И. Успенский писал: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия»[7]. Видимо, более близок к истине П. Голубовский: «Князь Туровский, Святополк, заводит отношения с Польшей, чтобы иметь поддержку для завоевания своей автономности, и попадает за это в тюрьму»[8]. Не исключено, что Святополк попросту отказался платить дань Киеву, как это сделал в 1014 г. князь Ярослав в Новгороде.

В немецкой хронике Титмара Мерзенбурского, умершего в 1018 г., говориться, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар не говорит, на каких условиях был освобожден Святополк. По версии Титмара Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остается только гадать, был ли Святополк при Владимире советником, или наоборот, Святополк правил страной от имени отца.

Любопытно, что все русские летописи молчат о последних годах жизни князя Владимира Красное Солнышко. Из этого может следовать лишь один вывод: кто-то, то ли сам Ярослав, то ли его дети, основательно отредактировали русские летописи, а периоды, где врать уже было невмочь, попросту опустили.

Так или иначе, но к 1015 г. Святополк был если не правителем Киева, то, по крайней мере, соправителем своего отца[9]. Надо сказать, что перед смертью Владимира на Руси было неспокойно. К примеру, после смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича, посаженного отцом в Полоцке, полоцким князем-наместником был назначен не следующий по старшинству брат, как было принято тогда и в последующие 400 лет на Руси, а сын Изяслава юный Брячислав. Это свидетельствует о фактической независимости Полоцкого княжества от Киева. Затем и Ярослав Владимирович в Новгороде отказался платить дань Киеву. Там начинают готовиться к походу на Новгород. Но весной 1015г. Владимир разболелся и 15 июля умер. Естественным возможным приемником Владимира был Святополк. Он был самый старший из сыновей Владимира, то есть законный наследник престола.

И тут согласно русским летописям и «Сказанию о Борисе и Глебе» начинаются абсолютно необъяснимые события. Полоцкое и Новгородское княжества отделяются от Киева и готовятся к войне с ним. Значительная часть князей Владимировичей (Мстислав — князь тмутараканьский, Святослав — князь древлянский и Судислав — князь псковский) держат нейтралитет и не собираются подчиняться центральной власти. Лишь два младших по возрасту князя — Борис Ростовский и Глеб Муромский — заявляют, что готовы чтить Святополка, «как отца своего».

А Святополк начинает свое правление с убийства... двух самых верных и, кстати, своих единственных вассалов, Бориса и Глеба.

Тайна была раскрыта норманнским скальдом в «Саге об Эймунде»[10]. Эймунд был командиром наемной варяжской дружины, служившей у Ярослава Владимировича, вошедшего в историю под именем Ярослава Мудрого (ок. 987 — 1054 гг.). Согласно саге Борис (Бурислейф) [п] верно служил своему сюзерену Киевскому князю Святополку и водил рати печенегов на Ярослава. Летом 1017 г. печенеги иод командованием князя Бориса ворвались в Киев, но они увлеклись грабежом, и варяги Эймунда выбили их из города. Следующим летом Борис опять идет с печенегами к Киеву. Тогда Эймунд обратился к Ярославу (Ярислейфу): «Никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Ярослав оказался действительно «мудрым» и хитро ответил: «Я никого не буду винить, если он (Борис) будет убит». Эймунд выполнил приказ своего князя и убил Бориса. Об убийстве Глеба достоверных данных нет. Предполагается, что он был сторонником Ярослава, и убили его свои же муромские подданные.

Но вот в 1054 г. умер Ярослав Мудрый, и на Руси вновь начались большие усобицы. Естественно, что о событиях 1015 — 1018 гг. все давно забыли. Этим и воспользовался князь Изяслав Ярославович, чтобы в 1072 г. канонизировать Бориса и Глеба как невинно убиенных

злодеем Святополком Окаянным.

Как уже говорилось, история убийства варягами Бориса и «варяжский вариант» гражданской войны на Руси 1015— 1025 гг. приведены в книге «Северные войны России». Здесь же я остановлюсь на «польском варианте» войны.

Осенью 1016 г. князь Ярослав Владимирович (в саге — Ярис-лейф) с помощью варягов разбил у города Любеч войско печенегов под предводительством Бориса Владимировича (Бурислей-фа) и вскоре овладел Киевом. Борис бежал к печенегам, а князь Святополк — в Польшу к своему тестю Болеславу Храброму. При этом его жена стала добычей Ярослава.

Однако Болеслав был поглощен борьбой с немцами, и судьба дочери и зятя его мало волновала. Поэтому Болеслав решил немедленно завести дружбу с победителем. Мало того, вдовый Болеслав предложил Ярославу Владимировичу скрепить союз браком с его сестрой Предславой. Одновременно, «с лисьим коварством» (по словам Титмара Мерзебургского), Болеслав вел переговоры и с германской знатью, и тоже отправил сватов к Оде, дочери майсенского маркграфа Эккехарда в Саксонии.

Ярослав же, овладев Киевом, считал себя непобедимым и грубо отказал Болеславу в союзе, как в политическом, так и в брачном. Мало того, Ярослав в первой половине 1017 г. отправил послов к германскому императору Генриху II, чтобы заключить наступательный союз против Польши. Генрих обрадовался русскому посольству, и в том же году была организована первая русско-германская коалиция против Польши. Кроме Руси и Германии в состав коалиции вошли чешский князь Олдржих и племя язычников лютичей.

Болеслав Храбрый решил бить врагов поодиночке. Войско его сына Мешко, будущего короля Мечеслава II (р. в 990 г., правил в 1025 —1034 гг.), вторглось в Чехию и, пользуясь отсутствием Олдржаха, разорило страну.

Германо-чешское войско осадило польскую крепость Нимч, но вскоре было вынуждено отступить в Чехию. 1 октября 1017г. Болеслав предложил Генриху начать переговоры о мире и отправил послов в город Мерзабург, где находилась ставка императора. Переговоры затянулись, и лишь 30 января 1018 г. в городе Будишине (Баутцене) был подписан мир между Польшей и Германской империей. Польша получила земли, принадлежавшие ей еще до начала войны 1015—1017гг.: Лужицкую марку и Мильско (земли мильчан). Однако если раньше Болеслав владел ими на правах имперского лена, то теперь они прямо включались в состав Польского государства.

Генрих дал согласие на брак с Одой. Бракосочетание состоялось с фантастической для того времени быстротой — всего через четыре дня после заключения Будишинского мира.

Между тем, в 1017 г. Ярослав с войском двинулся к Берестью (нынешнему Бресту). Город Берестье к 1015г. входил в состав Туровского княжества, и там мог находиться как русский гарнизон, преданный Святополку, так и польское войско. Взял ли Ярослав Берестье или нет, неизвестно, но хронист Титмар Мер-зебургский кратко написал, что Ярослав, «овладев городом, ничего [более] там не добился». Итак, войско Ярослава вернулось назад. Возможно, это было связано с нападением печенегов, ведомых Борисом Владимировичем.

Летом 1017г. Болеслав двинулся с войском навстречу Ярославу. Помимо поляков у него было 300 наемных немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. С поляками шла и русская дружина Святополка.

Рати встретились 20 июля 1017 г. на Волыни на реке Буг. Два дня противники стояли друг против друга и начали обмениваться «любезностями». Ярослав велел передать польскому князю: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками». На что Болеслав ответил: «Хорошо ты назвал меня свиньей в болотной луже, так как кровью охотников и псов твоих, то есть князей и рыцарей, я запачкаю ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно зверь небывалый».

На следующий день, 22 июля, воевода Ярослава некий Буда начал насмехаться над польским князем, крича ему: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!»[12] По словам летописца Болеслав был крупным и толстым, так что с трудом мог сидеть на лошади. Он не вытерпел насмешки и сказал своим дружинникам: «Если вам это ничего, так я один погибну», сел на коня и бросился в реку. Войско поспешило за своим князем. Русские полки не ожидали такой внезапной атаки, растерялись и обратились в бегство.

Разгром был полный. По свидетельству Титмара Мерзебургс-кого: «Тогда пало там бесчисленное множество бегущих». Тоже говорят и русские летописцы: «И иных множество победили, а тех, которых руками схватили, расточил Болеслав по ляхам». В числе погибших называют и воеводу Блуда (Буду).

Сам Ярослав с четырьмя дружинниками убежал в Новгород. Там он решил бежать в Швецию. Но новгородцы во главе с посадником Константином сыном Добрыни «рассекли ладьи Ярослава, так говоря: «Хотим и еще биться с Болеславом и со Свято-полком». Начали деньги собирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и отдали им деньги, и собрал Ярослав воев многих».

Между тем бегство Ярослава открыло союзному войску Болеслава путь на Киев. Титмар Мерзебургский пишет: «Добившись желанного успеха, [Болеслав] преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с честью и большими дарами». Войско Болеслава шло через Владимир Волынский, Дорогобуж, Луцк и Белгород. Жители этих городов не оказывали сопротивления и признавали власть Святополка.

Вначале августа 1018г. поляки подошли к Киеву. Дружина Ярослава и наемники-варяги попытались оказать сопротивление. Но Болеслав не спешил со штурмом города, и вскоре защитники Киева сдались из-за нехватки продовольствия. Судя по всему, капитуляция была почетной.

14 августа союзники вошли в город. У собора святой Софии (тогда еще деревянного) Болеслава и Святополка «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» встретил киевский митрополит.

Польские хронисты утверждают, что князь Болеслав, вступив в завоеванный Киев, ударил мечом по Золотым воротам города. На вопрос, зачем он это сделал, Болеслав будто бы ответил «с язвительным смехом»: «Как в этот час меч мой поражает золотые ворота города, так следующей ночью будет обесчещена сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать ее за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесенная нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестием».

В Великопольской хронике XIII —XIV веков говорится: «Говорят, что ангел вручил ему [Болеславу] меч, которым он с помощью Бога побеждал своих противников. Этот меч и до сих пор находится в хранилище краковской церкви, и польские короли, направляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами... Меч короля Болеслава... получил название «щербец», так как он, Болеслав, придя на Русь по внушению ангела, первый ударил им в Золотые ворота, запиравшие город Киев на Руси, и при этом меч получил небольшое повреждение».

В руки Болеслава попали все женщины из семьи Ярослава — его «мачеха» (видимо, последняя, неизвестная русским источникам, жена князя Владимира Святого), жена и девять сестер. Титмар пишет: «На одной из них, которой он и раньше добивался [Предславе], беззаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав». В Софийской Первой летописи говорится более определенно: «Болеслав положил себе на ложе Предславу, дщерь Владимирову, сестру Ярославлю».

Между прочим, Ярослав еще до битвы на Буге отослал в Новгород захваченную в полон жену Ярополка. Болеслав взял Предславу к себе в наложницы, а позже увез ее с собой. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Видимо, Болеслав нарушил условия капитуляции Киева и вскоре отдал город на разграбление. Разделив добычу, наемники — саксонцы, венгры и печенеги отправились восвояси. Сам же Болеслав с частью польского войска остался в Киеве, а остальная часть войска была размещена в ближайших городах. Польский князь явно не знал, что делать с Киевом. Он даже начал в Киеве чеканку серебряных монет, так называемых «русских денариев» с надписью кириллицей «Болеслав».

Но польский князь понимал, что удерживать Киев дольше будет невозможно. Он попытался даже вступить в переговоры с Ярославом, находившимся в Новгороде, и послал туда киевского митрополита. Поводом для серьезных переговоров стал вопрос об обмене дочери Болеслава и жены Святополка на жену Ярослава. Однако Ярослав не желал мириться в такой ситуации с Болеславом, кроме того, у него были весьма веские причины желать, чтобы жена его сгинула в польском плену.

Что же касается Святополка, то он не хотел ни мира с Ярославом, ни присоединения Киевской земли к Польше. В Повести временных лет говорится: «Болеслав же пребывал в Киеве, сидя [на престоле]; безумный же Святополк стал говорить: "Сколько есть ляхов по городам, избивайте их"». Киевлян и жителей других городов, оккупированных ляхами, долго уговаривать не пришлось. Почти одновременно началось изгнание поляков. Однако непонятным образом Болеславу удалось уйти из Киева с большей частью людей, а также с награбленными ценностями.

Знатные русские пленники — бояре Ярослава, жены и сестры — были отправлены в Польшу, видимо, еще раньше. Болеславу удалось сохранить за собой и Червенские города, приобретенные еще князем Владимиром Святым.

После ухода поляков Святополк стал киевским князем и тоже начал чеканить собственную серебряную монету. А тем временем Ярослав счел себя холостым и послал сватов к шведскому конунгу Олафу Шётконугу. Летом 1019 г. в Новгороде состоялось бракосочетание дочери Олафа Ингигерд, принявшей христианское имя Ирина, с Ярославом. Ингигерд привела с собой в качестве приданого дружину, а Ярослав передал шведам город Ладогу с окрестными землями. Шведы называли Ладогу Альдейгьюборг, первым правителем ее стал шведский ярл Рёгнвальд Ульвссон. Вернуть Ладогу русским князьям удалось лишь во второй половине XI века.

В том же 1019 г. Ярослав двинулся с большой ратью на Киев. Согласно Устюжской летописи у него было 40 тысяч человек, из них варягов 18 тысяч.

Святополк призвал на помощь печенегов, но в битве на реке Альте недалеко от Киева был разбит. Святополк в очередной раз бежал на запад, где и умер. Причем, достоверных сведений о месте и времени его смерти нет. Тем не менее, гражданская война на Руси с бегством «окаянного» Святополка не закончилась. Ярославу пришлось воевать еще с племянником Брячиславом Полоцким и братом Мстиславом Тмутараканьским.

В 1021 г. Ярославу удалось заключить мир с племянником. При этом он не только признал полную независимость Полоцкого княжества, но и уступил города Витебск и Усвят, где были стратегические волоки на пути «из варяг в греки». В 1025 г. Ярослав заключил мир с Мстиславом. Братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав — западную сторону с Киевом.

В 1022 г. войска Ярослава приходили к Берестью, занятому поляками, однако удалось ли им взять город, летопись умалчивает. В 1025 г. через несколько недель после своей коронации умер Болеслав Храбрый. В Польше началась усобица между Болеславичами — новым великим князем Мешко II и его братом Отгоном. В польские дела немедленно вмешиваются соседи — немцы и чехи. В ходе войны Оттон бежал к князю Ярославу Мудрому. Жить ему было приказано в Киеве, а не при дворе князя в Новгороде. В Киеве Оттон провел около шести лет. Оттуда он вступил в сношения с германским императором Конрадом, строя козни против брата. Все это, естественно, происходило с санкции Ярослава.

В 1030 г. Ярослав захватывает польский городок Белзы (Белз) на реке Жолокии, притоке Западного Буга (ныне на территории Львовской области). Согласно русской летописи «В лето 6539 (1031) Ярослав и Мстислав собрали воинов многих, пошли на ляхов и заняли грады Червенские опять, и повоевали Лядскую землю; и многих ляхов привели и разделили их: Ярослав посадил своих по Роси[13]; и пребывают они там и до сего дня».

В войске Ярослава находилось немало варягов, в том числе Эйдив Рёгнвальдссон и Харальд. Позднее исландский скальд Тьодольв Арнорссон воспел этот поход и подвиги наемниковварягов: «Воины задали жестокий урок ляхам» (в стихотворном переводе О.А. Смрницкой: «Изведал лях лихо и страх»).

Поход Ярослава и Мстислава на Польшу был согласован с наступлением с запада императора Конрада. Мешко II не смог остановить немцев и русских и был вынужден бежать в Богемию к чешскому князю Олдржиху. На польском престоле утвердился Оттон. Он прежде всего выполнил все приказания императора: отказался от титула короля и отослал польскую корону в Германию вместе с женой Мешка Риксой, а себя объявил вассалом германского императора.

Такое поведение пришлось не по нраву польской знати, и вскоре Оттон был убит, а его место занял брат Мешко II. Но править ему пришлось недолго, в 1034 г. убили и Мешко. Его вдова Рикса, урожденная принцесса пфальцская, приняла опеку над своим малолетним сыном Казимиром. Рикса попыталась оттеснить от власти вельмож-поляков и править с помощью немцев. Дело кончилось переворотом и изгнанием Риксы в Германию.

Править страной стали польские магнаты от имени малолетнего Казимира. Но дела у них явно не клеились, и Польшу охватило восстание смердов. Причем, восстание носило как антифеодальный, так и антицерковный характер, — а большинство восставших были язычниками.

После похода 1031 г. Ярослав не вмешивался в польские дела, удовлетворившись присоединением к своим владениям «Червенских градов».

В 1039 г. в большей части Польши установилось спокойствие, и власть прочно держал в руках сын Мешко II князь Казимир I Восстановитель (1016—1058 гг.). Казимир и Ярослав заключили союз в борьбе против Моислава — бывшего дружинника Мешко, захватившего

власть в Мазовии. Моислава поддерживали пруссы, литовцы и поморские славяне. В 1041 г. Ярослав совершает поход в Мазовию. Причем войско его шло варяжским способом на лодках по рекам Припяти и Западному Бугу.

В 1043 г. Казимир женился на сестре Ярослава Мудрого Доб-рогневе (Марии), получив богатое приданое, а вместо вена он отдал Ярославу 800 пленных, взятых Болеславом на Руси. В 1047 г. Ярослав опять пошел с войском на помощь Казимиру против Моислава. На этот раз Моислав был убит, а рать его разбита, Мазовия снова подчинилась польскому князю.

Вскоре союз Руси и Польши скрепился еще одним браком — сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира. До самой смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. с Польшей сохранялись добрососедские отношения.

Глава 2

РЮРИКОВИЧИ И ПЯСТЫ — ВРАГИ И СОЮЗНИКИ

В 1079г. польские паны и духовенство согнали с престола польского короля Болеслава II Смелого (1042 — 1081 гг., король с 1076г.) а вместо него на престол возвели его брата — слабовольного Владислава (Володислава) I Германа (1043—1102 гг.).

Как писал С.М. Соловьев: «Владислав вверился во всем палатину Сецеху, который корыстолюбием и насильственными поступками возбудил всеобщее негодование. Недовольные встали под предводительством побочного сына Владиславова, Збигнева. В эту усобицу вмешались чехи, а, с другой стороны, Владислав должен был вести упорную борьбу с поморскими славянами. Легко понять, что при таких обстоятельствах Польша не только не могла обнаружить своего влияния на дела Руси, но даже не могла с успехом бороться против Василька Ростиславича, который с половцами пустошил *ее* области»[14].

Замечу, что Васильке Ростиславович (1062—1124 гг.) был с 1085 г. удельным князем теребовльским.

В 1138 г. (по другим сведениям в 1139 г.) умер польский король Болеслав III Кривоустный (р. 1086 г., правил 1102 — 1138 гг.). После его смерти Польша окончательно вступила в период феодальной раздробленности. Свое юридическое оформление феодальная раздробленность получила в так называемом Статусе Болеслава Кривоустного, изданном в 1138 г. Согласно этому Статусу Польское государство было разделено между сыновьями Болеслава III. Старший сын — Владислав II (1105— 1159 гг.) получил Силезию, Мешко (1126—1202 гг.) — большую часть Великой Польши с Познанью и часть Куявии, Болеслав Кудрявый (1121 — 1173гг.) — Мазовию, а Генрих — Сандомирскую и Люблинскую земли. Статусом устанавливался принцип сеньората. Старший в роде получал верховную власть с титулом великого князя. Столицей его был Краков. Помимо собственного удела, он получал еще великокняжеский удел, в состав которого входили Краковская, Серадзьская и Ленчицкая земли, часть Куявии с городом Крушвицей и часть Великой Польши с Калишем и Гнезно.

Старший Болеславович Владислав II по натуре слыл человеком кротким и миролюбивым. Полной противоположностью ему была его жена Агнесса — дочь австрийского герцога Леопольда. Немецкой принцессе казались дикими родовые отношения между князьями. Она не могла смириться с тем, что ее супруг только старший среди братьев. Агнесса язвительно называла мужем «полукнязем» и «полумужчиной» за то, что он терпел рядом с собой столько равноправных князей. И Владислав, не выдержав насмешек жены, поддался ее увещеваниям и начал требовать дань с уделов братьев, хотел забирать их города и даже намеревался изгнать их из Польши. Но вельможные паны встали на защиту младших братьев, и Владислав в 1142 г. был вынужден сам бежать в Германию. Краковский престол перешел следующему по старшинству брату — Болеславу IV Кудрявому.

Русские князья вновь вмешались в польские усобицы. Тем более что великий князь Киевский Всеволод Ольгович (род. до 1094г. — ум. 1146г.) был в родстве с Владиславом II — дочь Всеволода Звенислава была замужем за старшим сыном Владислава Болеславом. В 1142 г. Всеволод послал своего сына Святослава, двоюродного брата Изяслава Давыдовича и Владимира Га-лицкого на помощь Владиславу II против его младших братьев. Но русские полки не спасли

Владислава. Русский летописец повествует, что княжеские дружины больше занимались опустошением и разграблением Польши, чем усмирением младших братьев Болеелавичей, «побравши в плен больше мирных, чем ратных людей».

Владислав еще надеялся с помощью русских или немцев вернуть себе польский престол, и в 1145г. князь Игорь Ольгович (ок. 1096 г. — 1147 г., с 1146 г. великий князь Киевский) с братьями вновь отправляется в польские земли воевать младших братьев Болеславичей. Летописец говорит: «В середине земли Польской встретились они с Болеславом Кудрявым и братом его Мечеславом (Мешко). Польские князья не захотели биться, приехали к Игорю с поклоном и помирились на том, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владение, а Игорю с братьями дали город Визну, после чего русские князья возвратились домой и привели с собою большой полон».

С XII века особое значение в русско-польских отношениях приобрело Галицкое удельное княжество. В 1187 г. умер галицкий князь Ярослав Владимирович Осмомысл. Перед смертью он обратился к боярам: «Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, а вот теперь приказываю свое место Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владимиру, даю Перемышль». Но Олег был сыном князя от наложницы Настасьи, которую в 1174 г. галицкие бояре сожгли на костре. Поэтому Олега сразу же после смерти отца изгнали из Галича, а на престол был посажен Владимир Ярославич (ок. 1151 г. — ок. 1198 г.). Но, увы, Владимир увлекался вином и женщинами, по словам летописца он «умел только пить, а не любил думы думать с своими боярами. Отнял у попа жену и стал жить с нею, прижил двоих сыновей. Мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно».

Встретившись с сильной боярской оппозицией, Владимир Ярославович решил не искушать судьбу и бежал из родного Галича в Венгрию. Галичем же овладел соседний владимиро-волынский князь Роман Мстиславич (род. после 1149г. — ум. 1205г.).

Венгерский король Бела III радушно встретил изгнанника Владимира Ярославича, собрал большую рать и пошел на Галич. У Романа Мстиславича не было сил для сражения с венгерским войском, и он отправился обратно на Волынь. Однако хитрый Бела III обманул Владимира и поставил галицким князем своего сына Андрея. Что же касается Владимира Ярославича, то его силой увезли в Венгрию и заточили в каменной башне.

В 1190г. Владимиру удалось бежать из венгерской неволи. Вскоре он объявился при дворе германского императора Фридриха Барбаросса. Владимир предложил Фридриху выплачивать ежегодно по две тысячи гривен серебром, и тот отправил его при своем после к польскому князю Казимиру II Справедливому (1138—1194гг.) с приказом, чтобы последний помог ему получить обратно галицкий престол. Казимир отправил с Владимиром своего воеводу Николая с войском. Когда галичане узнали о приближении своего бежавшего князя с польским войском, то вышли ему навстречу, провозгласили своим князем, а венгерского королевича Андрея изгнали.

В Польше после смерти Болеслава IV Кудрявого в 1173 г. великокняжеский престол перешел к следующему брату Мешко III. Но тот умудрился восстановить против себя вельможных панов, и вскоре был изгнан ими. Князем провозгласили самого младшего Болеславича — Казимира II Справедливого[15]. После смерти Казимира великим князем был избран его сын — несовершеннолетний Лешко Белый (1186—1227 гг.). Однако еще был жив отставной князь Мечеслав III, которого именовали Старым. Старый начал усобицу против племянника.

В это время в Кракове объявился уже знакомый нам князь Роман Мстиславич, который приехал просить помощи в своей очередной усобице. И он надеялся эту помощь получить, поскольку вдова Казимира Справедливого Елена приходилась ему родной племянницей, она была дочерью его брата Всеволода Мстиславича Бельского. Казимировичи ответили: «Мы бы рады были тебе помочь, но обижает нас дядя Мешко (Мечеслав), ищет под нами волости. Прежде помоги ты нам, а когда будем все мы поляки за одним щитом, то пойдем мстить за твои обиды».

Роман был не один, а с дружиной, и отправился вместе с детьми Казимира на Мечеслава Старого. Тот не желал биться с дружиной Романа Мстиславича и попросил его быть посредником в споре между ним и племянниками. Но Роман все же напал на войско Мешко. В результате дружина его была разбита, а сам князь, раненый, убежал в Краков, откуда уцелевшие дружинники перенесли его домой — во Владимир Волынский.

Тем не менее, союз с Казими-ровичами позже все-таки принес свои плоды Роману Мстислави-чу. В 1198 г. умер галицкий князь Владимир Ярославич, и польские войска помогли Роману занять галицкий престол. Теперь Роман сел в Галиче «всерьез и надолго» и стал

основателем династии галицких королей.

Между тем власть в Кракове три раза переходила от Лешко Белого к Мешко. В конце концов, Мешко III вроде бы твердо сел на престол, но в 1202 г. умер. Польские вельможи предложили престол Лешко, но не сговорились о цене и отдали его сыну Мешко Владиславу III Ласконогому (1161 — 1231 гг.). Вскоре Ласконогий поссорился с католическими прелатами и частью знати, и на престоле вновь оказался Лешко.

Князь Роман Мстиславич был постоянным союзником Лешко в его борьбе с Мешко и Ласконогим. Но когда Лешко основательно обосновался в Кракове, Роман потребовал у него волости в награду за прежнюю дружбу. Лешко отказал, в результате прежние союзники рассорились. По словам летописца в ссоре этой не последнюю роль сыграл Владислав Ласконогий. В 1205 г. Роман Мстиславич осадил Люблин, но, узнав, что Лешко с братом Конрадом идут на него, снял осаду и двинулся им навстречу. Перейдя Вислу, галицкие полки стали под городом Завихвос-том. Вскоре туда прибыли послы от Лешко и начали переговоры. Решено было приостановить военные действия до окончания переговоров. Роман Мстиславич с несколькими дружинниками спокойно отъехал на охоту, но в засаде его ждал большой польский отряд. Силы были не равны, и после короткого, но жестокого боя Роман Мстиславич и его дружинники были убиты.

С.М. Соловьев писал о галицком князе: «Роман слыл грозным бичом окрестных варваров — половцев, литвы, ятвягов, добрым подвижником за Русскую землю, достойным наследником прадеда своего, Мономаха: «он стремился на поганых, как лев, — говорит народное поэтическое предание, — сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, перелетал земли их, как орел, и храбр он был, как тур, ревновал деду своему, Мономаху». Мы видели, что одною из главных сторон деятельности князей наших было построение городов, население пустынных пространств: Роман заставлял побежденных литовцев расчищать леса под пашню, но тщетно казалось для современников старание Романа отучить дикарей от грабежа, приучить к мирным земледельческим занятиям, и вот осталась поговорка: «Роман! Роман! худым живешь, литвою орешь»[16].

Последнее дало повод историку Стрыйковскому утверждать, что Роман впрягал пленных литовцев и ятвягов в плуги и заставлял выпахивать корни деревьев по новым местам.

Роман Мстиславич оставил после себя двух малолетних детей — четырехлетнего Даниила[17] и двухлетнего Василько[18].

Галич представлял собой лакомый кусочек, и все соседи, как воронье, слетелись туда, узнав о смерти грозного Романа. В 1206 г. на Галич двинулось целое скопище русских князей: Владимир Святославич Чермный с братьями, Владимир Игоревич Северский с братьями, к ним присоединился смоленский князь Мстислав Романович с племянниками. К ним примкнули и половцы. В Киеве к компании присоединился Рюрик Ростиславич с сыновьями Ростиславом и Владимиром, и племянниками. С другой стороны к Галичу шел с войском из Кракова князь Лешко.

Вдова Романа княгиня Анна испугалась и попросила помощи у венгерского короля Андрея II, сына Белы III, того самого Андрея, который, будучи королевичем, когда-то княжил в Галиче.

Тем временем галицкие бояре, ненавидевшие Романа и его потомство, подняли мятеж и вынудили вдову с детьми и приближенными бежать во Владимир Волынский.

Наконец все три рати подошли к Галичу, но до битвы не дошло. Андрею II надо было возвратиться домой из-за интриг королевы Гертруды, поэтому он наскоро договорился с Лешко сделать галицким князем Ярослава Переяславского, сына великого князя Всеволода Суздальского, и отправился назад в Венгрию.

Однако галицкие бояре обманом посадили князем Владимира Игоревича Северского (ок. 1170 г. — 1212 г.). Свое правление Владимир Игоревич начал с того, что послал своих людей во Владимир Волынский с требованием выдать вдову и детей князя Романа. Анне вновь пришлось бежать ночью с двумя детьми, дядькой Мирославом, попом и кормилицей. Они долго думали, куда идти. Со всех сторон были только враги. Из всех зол беглецы выбрали меньшее, и, уповая на былую дружбу, направились в Польшу к Лешко, хотя князь Роман и был убит людьми Лешко, а мир с Польшей еще не был заключен. К счастью Лешко сжалился над беглецами и встретил их словами: «Не знаю, как это случилось, сам дьявол поссорил нас с Романом». Он отправил малолетнего Даниила в Венгрию со своим послом, велев передать королю: «Я позабыл свою ссору с Романом, а тебе он был друг: вы клялись друг другу, что кто из вас останется в живых, тот будет заботиться о семействе умершего. Теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдем возвратим им

отчину их».

Владимир Игоревич правил Галичем недолго. Он поссорился с галицкой дружиной и не придумал ничего лучшего, как попросту перебить ее. Однако убить удалось всего около пятисот человек, остальные разбежались. Многие из галицких дружинников и бояр отправились в Венгрию и стали просить короля Андрея: «Дай нам отчича нашего Даниила: мы пойдем с ним и отнимем Галич у Игоревичей». Король согласился, дал галицким боярам большое войско и вместе с Даниилом послал их в Галич. Лешко из Польши также направил отряд в помощь малолетнему Даниилу.

Владимир Игоревич с сыном не стали дожидаться прихода войска и бежали. Даниил торжественно въехал в Галич, и бояре посадили его на отцовский престол в соборной церкви Богородицы.

Трудности, *с* которыми встретился в Галиче юный князь, выходят за рамки нашего повествования. Поэтому я приведу лишь один эпизод, хорошо иллюстрирующий и обстановку в Галиче, и характер мальчика. С.М. Соловьев писал: «Легко понять, что эти бояре посадили Даниила не для того, чтоб усердно повиноваться малютке. За последнего хотела было управлять его мать, приехавшая в Галич, как скоро узнала об успехе сына, но бояре немедленно же ее выгнали. Маленький Даниил не хотел расстаться с матерью, плакал, и когда Александр, шумавинский тиун, хотел насильно отвести его коня, то Даниил выхватил меч, чтоб ударить Александра, но не попал и ранил только его коня. Мать поспешила вырвать у него из рук меч, упросила успокоиться и остаться в Галиче, а сама отправилась в Бельз опять к Васильку и оттуда к королю в Венгрию»[19].

В конце концов, Даниилу пришлось бежать, а Галицкое княжество поделили между собой венгерский король Андрей II и польский князь Лешко. В Галиче стал княжить сын Андрея королевич Коломан, которого по такому случаю женили на дочери Лешко Белого.

ГЛАВА 3
ЛИТВА И РУСЬ. ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ

Если *о* Польше наш читатель хоть что-то слышал, а при большом желании мог обратиться к трудам по истории Польши, изданных в XIX веке на русском языке или к современным на польском, то в отношении истории Литвы до XIV века даже в узко специальных трудах говорится весьма туманно.

Литовские племена относятся к индоевропейской группе и пришли на территорию, в основном совпадающую с нынешней Литвой, где-то в III тысячелетии до нашей эры. Сразу поставим точки над «1»: сведений о Литве до середины XIII века ничтожно мало. Так, первое письменное упоминание о Литве содержится в немецкой хронике (анналах Кведлинбурга) под 1009 годом.

По мнению литовских историков слово «Литва» пришло в русский, польский и другие славянские языки непосредственно из литовского языка. Они считают, что слово происходит от названия небольшой речки Летаука, а первоначальная Литва — это небольшой район между реками Нерис, Вилия и Неман.

Разрозненным литовским населением правили десятки князей (кунигасов). Важную роль играли языческие жрецы. Сведения о религии литовцев скудные и довольно противоречивые. Тем не менее, следует отметить, что их верования были очень близки к славянским. Так, и у славян, и у литовцев большую роль играл «живой огнь» — Знич. Раз в году с помощью трения добывался новый живой огонь, от него зажигали огонь у жертвенника и разносили по домам. Если огонь на жертвеннике потухал по вине жреца, то его немедленно убивали.

Бог войны, повелитель грома и молний, у литовцев звался Пяр-кунас, западные славяне называли его Перку нос, а восточные — Перун. Как и славяне, литовцы создавали большие деревянные идолы Пяркунаса. Перед этими идолами совершали жертвоприношения — буйволов, быков, но, разумеется, Пяркунас больше всего любил людей. При этом, если славяне убивали жертву Перуну (обычно пленных) мечом, то литовцы жгли людей живыми.

Особую роль в религии литовцев играл Крива — божество Луны. Славяне тоже поклонялись Криве, но культ его был менее распространен.

Общими в пантеоне богов были богиня любви Милда (у славян — Милка) и скотский бог Велияс (у славян — Велес). А вот бог пчеловодов Рагутис у славян не встречался.

Конфликты Руси с литовцами отмечены в русских летописях еще во времена Владимира

Святого. Но при этом летописцы лишь фиксировали факт набега литовцев или поход на них русского князя, не приводя никаких деталей.

Литовцы же вообще не имели своей письменности. В XIII веке переписку литовских князей с немцами и поляками вели на латыни немцы (пленные или католические миссионеры). Вначале XIV века государственным языком Великого княжества Литовского становится русский, и вся документация ведется по-русски кириллицей, и лишь в конце XVI века появляется собственно литовская письменность, то есть, литовские слова, написанные латиницей.

На русские земли нападали как литовские князья, так и небольшие группы латрункулей, то есть профессиональных разбойников. Русские князья действовали достаточно пассивно и походы в Литву совершали в основном для того, чтобы вернуть награбленное. Впрочем, не исключено, что ряд пограничных литовских племен платили дань русским.

В начале XIII века крестоносцы предприняли первые походы против Литвы. Столкновения с крестоносцами приносили литовцам иногда и выгоду — они улучшали свое вооружение и изменяли тактику боя. Произошло укрупнение племенных образований и возникло несколько межплеменных союзов. Тем не менее, в летописях с 1240 по 1292 год упоминается 33 имени литовских князей, принадлежавших к девяти поколениям.

Позже, в XV веке, в литовских летописях появляются сведения, что литовские князья произошли от Палеймона, родного брата... римского императора Нерона. Сей мифический брат отправился из Рима на север, там родил трех сыновей Барка, Куноса и Спера, и вот от Куноса де и пошли литовские князья. Понятно, что иных сведений о существовании «римлянина» Палеймо-

на, нет. Есть и куда более реальная версия о происхождении, по крайней мере, части литовских князей от сыновей полоцкого князя Ростислава Роголодовича[20]. Существует еще много легенд, но от пересказа их я воздержусь, дабы не утомлять читателя. Однако ничего достоверного о происхождении литовских князей сказать нельзя.

В 20-х годах XIII века на русские княжества нападают уже значительные силы литовцев. Вот, к примеру, запись *в* летописи за 1229 год: Литва «опустошила страну по озеру Селигеру и реке Поле, новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полон». В 1234 г. «литовцы явились внезапно перед Русою и захватили посад до самого торгу. Но жители и засада [гарнизон — *А.Ш.]* успели вооружиться: огнищане и гридьба, купцы и гости ударили на литву, выгнали ее из посада и продолжали бой на поле. Литовцы отступили. Князь Ярослав, узнавши об этом, двинулся на врагов с конницею и пехотою, которая ехала в насадах по реке Ловати. Но у Муравьина князь должен был отпустить пехоту назад, потому что у ней не достало хлеба, а сам продолжал путь с одною конницею. В Торопецкой волости на Дубровне встретил он литовцев и разбил их. Побежденные потеряли 300 лошадей, весь товар [добычу — *А.Ш.]* и побежали в лес, побросавши оружие, щиты, совни, а некоторые тут и костью пали». Новгородцы в этом бою потеряли 10 человек убитыми.

Летом 1235г. у Могильного местечка при впадении реки Дитвы в Неман[21] произошла битва литовцев с объединенными силами мелких западных русских князей — Дмитрия князя Друцкого, Льва Даниловича князя Волынского и Святослава Всеволодовича князя Стародубского. В ходе битвы литовский князь Рин-гольд наголову разгромил русских.

Допекла Литва и псковичей. В конце концов, их терпение лопнуло, и они отправили отряд на помощь крестоносцам, шедшим на Литву. Немецко-русскому войску удалось разгромить ряд районов Литвы, но на обратном пути у Сауле[22] они попали в засаду, организованную тем же Рингольдом. В битве на стороне литовцев участвовали и земгалы — племя, жившее на территории современной Южной Литвы. Разгром был полный. Погиб гроссмейстер ордена Меченосцев Фольквин фон Винтерштеттен, граф Данненберг, барон фон Газельдорп и еще 48 знатных рыцарей. Согласно псковской летописи, домой вернулся лишь каждый десятый русский воин.

После нашествия Батыя литовцы осмелели и стали чаще вторгаться на территорию русских княжеств. Но, увы, это не всегда им сходило с рук. Так, в 1245 г. 10 тысяч литовцев появились около Торжка и Бежецка. В Торжке в это время сидел князь Ярослав Владимирович, возвратившийся после заключения мира из Ли-вонии. Он погнался было за литовцами, но потерпел поражение, потерял всех лошадей. Но вскоре на подмогу Ярославу Владимировичу подошла дружина из Москвы, возглавляемая молодым (17 —20-летним) князем Михаилом Хоробритом[23]. Михаилу удалось догнать литовцев под Торопцом. Литовцы были разбиты, а уцелевшие заперлись в городе. Но на следующее утро подошел Александр Невский с новгородской дружиной, совместными усилиями они взяли Торопец, отняли у литовцев весь полон, и при этом были перебиты более восьми литовских князей.

Через несколько дней после взятия Торопца Александр Ярос-лавич получил весть о появлении нового отряда литовцев. Он отпустил новгородские полки домой, а сам с ближней дружиной (двором, как сказано в летописи) погнался за литовцами, нагнал и перебил всех без пощады у озера Жизца. Затем князь отправился в Витебск, забрал там своего сына и направился домой, в Новгород. Но по дороге, недалеко от Усвята, Александр Яросла-вич опять наткнулся на литовцев и разбил их.

На следующий, 1246-й год , литовцы решили попытать счастья на юге. Но, возвращаясь с набега на окрестности Пересопни-цы, они были настигнуты у Пинска Даниилом и Васильком Романовичами и наголову разбиты. В 1247 г. Романовичи вновь разбили литовцев.

В 1246г. в Орде умер великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Его старшие сыновья Александр Невский и Андрей в это время также находятся в Орде, и владимирский престол перешел к их дяде Святославу Всеволодовичу. Михаил Хоробрит нарушил обычай и согнал дядю с престола. Но покняжить ему удалось совсем недолго. В 1248 г. на Владимирскую Русь двинулось 30-тысячное литовское войско. Навстречу с небольшой дружиной вышел Хоробрит. Битва произошла на реке Протве близ Можайска. Михаил ворвался в ряды литовцев и погиб. Дружина его растерялась и отступила. Но и литовцы понесли большие потери и отошли. Епископ Кирилл, бывший тогда во Владимире, приказал найти тело князя, и торжественное погребение его состоялось во владимирском Успенском соборе. Михаил Ярославич Хоробрит был не только первым московским князем, но и первым русским святым, погибшим от рук литовцев и поляков. Писать о западных и южных русских княжествах второй половины XIII — начала XIV веков очень трудно. По разным при- и народное собрание — вече. Однако вече могло решить какие-то важные вопросы, даже сместить князя, но править оно не могло и приглашало нового князя.

Исключение из этого правила представляли лишь Новгород и Псков, которых многие историки называли городами-республиками. Там управление городом и землями находилось в руках вече и выборных людей — посадников, частично деливших их с церковной властью. Князья же в Новгороде и Пскове обычно приглашались вечем, но иногда им силой удавалось навязать свои услуги. Функции князей сводились к защите города и страны от внешнего врага, иногда — к ведению внешней политики, но всегда при участии посадников и церкви.

Князьями же, повторяю, были только чистокровные Рюриковичи (по отцовской линии, разумеется). Князь Рюрикович мог быть женат на дочери половецкого или татарского хана и на боярской дочери. Но в последнем случае статус боярина никак не менялся, и при отсутствии наследников боярин (тесть или шурин князя) никогда не мог претендовать на престол. Князья Рюриковичи за всю 750-летнюю историю своего правления на Руси не произвели в князья ни одного безродного родственника по женской линии. (Исключение — Борис Годунов, и то после смерти последнего Рюриковича на московском престоле.)

Взойти на княжеский престол половецкий или татарский хан — родственник по женской линии — не мог по религиозным соображениям. А вот православный литовский князь приравнивался боярством и вечем русских городов к князю Рюриковичу.

С середины XIII века до конца XIV века Рюриковичи выдали замуж за православных литовских князей 16 княжон, и, в свою очередь, женились на 15 литовках.

Характерный пример — Витебское княжество. Там с XII века княжили потомки Всеслава Брячиславича Полоцкого. В первой половине XIII века Витебская земля стала подвергаться нападениям литовцев (1235г., 1263г. и т.д.). В 1281 —1297гг. Витебск опять попал в зависимость от смоленских князей. Последним удельным витебским князем был Ярослав Васильевич, дочь которого Марию выдали замуж за литовского князя Ольгерда. В 1320 г. Ярослав Васильевич умер, не оставив мужского потомства, и Ольгерд на правах зятя занял Витебское княжество.

Непросто сложилась судьба города Бреста, впервые упомянутого в летописи под 1019 годом. Согласно хронике Быховца Брест был захвачен литовским князем Монгвилом в 50-х годах XIII века. На самом же деле город с конца XIII века несколько раз переходил из рук в руки. В 1282 г. брестскому воеводе Титу удалось отбить нападение мазовецких князей. В 1334 г. Брест захватили рыцари Тевтонского ордена, а через год город занял литовский князь Кейстут Гедеминович. Наконец, в 1348 г. всю Брестскую землю заняли поляки. Однако в 1366г. Кейстут вернул себе Брест.

В августе 1379 г. немецкие рыцари во главе с Т. Эльнером, комтуром из Бальги, ограбили и сожгли город, но замка взять не смогли. В период борьбы между польским королем Ягайло и князем Витовтом Брестский замок зимой 1390 г. осадило королевское войско. После 10 дней обороны защитники замка сдались.

В том же году первым из белорусских городов Брест получил Магдербургское право[25] и к середине XV века превратился в один из крупнейших торговых центров, который польский историк Ян Длугош назвал «пристанью и воротами в литовские и русские земли».

Глава 4
ГАЛИЦКОЕ КОРОЛЕВСТВО

Особое место в нашей истории занимают отношения Литвы и Польши с Галицкой землей, в которой с 1238г. окончательно утвердился князь Даниил Романович.

Уже известный нам молодой князь Даниил Романович начало 20-х годов XIII века встретил в небольшом, но сильно укрепленным городе Каменец, а к 1229 г. перебрался в Угровск. Здесь его и нашел посланец из Галича с просьбой галичан: «Ступай скорее к нам: Судислав ушел в Понизье, а королевич один остался в Галиче». Даниил немедленно с небольшой дружиной пошел на Галич, а своего тысяцкого Дамьяна послал на Судислава.

На третьи сутки в ночь подошел Даниил к Галичу и встал напротив города на другом берегу скованного льдом Днестра. Галичане и венгры несколько раз предпринимали вылазки и бились на льду с дружинниками Даниила. Но к вечеру потеплело, лед поднялся, и река наводнилась. А боярин Семьюнко (летописец даже сравнивает его по цвету лица с лисицей), лютый враг Даниила, зажег мост. В это время к Даниилу подошел Дамьян с перешедшими на их сторону галицкими боярами. Таким образом, у Романовича собралась уже довольно значительная рать. К счастью, подожженный мост через Днестр погас прежде, чем развалиться, и через него, хоть и с риском, но можно было переправиться.

На следующее утро даниилово войско перешло Днестр и окружило Галич. Осажденные вскоре сдали город, а королевича Коломана взял в плен сам Даниил. Но молодой князь уже был не только смелым воином, но и здравомыслящим политиком. Он решил не ссориться с венгерским королем и попросту отослал королевича к отцу.

Тем не менее, Андрей II пришел в ярость, собрал войско и объявил поход. «Не станет в Галиче камень на камень, — говорил он, — никто уже теперь не избавит его от моей руки». Но как только венгерское войско достигло Карпат, начались проливные дожди, лошади тонули, люди спасались на высоких местах. Король упорно вел войско дальше, дошел до Галича и осадил его. Для защиты города Даниил оставил небольшую дружину под командованием Дамьяна. Воевода не сдавал города, а король вскоре был вынужден снять осаду и увести свое войско, потому что страшный недуг поразил его людей: «кожа падала у венгров с ног, как обувь». Галичане нападали на отставших, убивали и брали в плен, а еще больше венгров умерло по дороге от этой жуткой болезни.

Венгры не унялись и попытались взять реванш в 1232 г. Однако кампании 1232 и 1233 годов были выиграны Даниилом.

Между тем в Польше Владислав Ласконогий, уступив Краков Лешко Казимировичу, тихо жил в своем уделе. Однако вскоре на него напал племянник Владислав, сын Отгона, в русских летописях он фигурирует как Одонич. Вскоре эта усобица охватила всю Польшу. В 1227 г. Владислав Одонич нанес страшное поражение Ласконогому и занял почти все его владения. Тогда на помощь Ласконогому пришли князья Лешко Краковский, его брат Конрад Мазовецкий и Генрих Бреславский. Сторону Одонича принял его зять (брат жены) князь Святополк Поморский. Их объединенное войско неожиданно напало на князей — сторонников Ласконогого, в этом бою был убит Лешко Казимирович — номинальный правитель Польши.

Тогда брат Лешко Конрад призвал на помощь русских князей Даниила и Василька Романовичей — старых союзников покойного Лешко. Русские полки вместе с поляками осадили город Калиш. Даниил хотел взять город, но поляки отказались идти на штурм, несмотря на то, что Конрад, «любя русский бой», приказывал им идти вместе с Русью. Осажденные же, видя приготовления русских к приступу, послали к Конраду двоих послов для переговоров. Один из посланников, Пакослав, предложил Даниилу переодеться в его одежду и поехать с ним в Калиш для переговоров. Даниил сперва отказался, но брат Василько уговорил его: «Ступай, послушай их вече», поскольку один из посланников, Мстиуй, не вызывал доверия у Конрада.

Даниил, одев шлем Пакослава, поехал в Калиш и, встав там позади послов, слушал, что просят осажденные передать Конраду: «Скажите вот что великому князю Конраду, этот город не твой ли, и мы разве чужие, ваши же братья, что ж над нами не сжалитесь? Если нас Русь пленит, то какую славу Конрад получит? Если русская хоругвь станет на забралах, то кому честь доставишь? Не Романовичам ли одним? А свою честь унизишь! Нынче брату твоему служим, а завтра будем твои, не дай славы Руси, не погуби нашего города». Пакослав отвечал на это: «Конрад-то бы и рад вас помиловать, да Даниил очень лют, не хочет отойти прочь, не взявши города. Да вот он и сам стоит, поговорите с ним», — прибавил он, смеясь, и указывая на Даниила. Князь снял шлем, а калишане закричали ему: «Смилуйся, помирись». Романович от души посмеялся и хорошо поговорил с горожанами, потом взял двоих человек, привел их к Конраду и тот заключил с ними мир. В этом походе русские захватили в полон много челяди и знатных боярынь. Но тут между Русью и Польшей был заключен договор, что если впредь случится между ними война, то полякам не пленять русской челяди, а русским — польской.

Князья Даниил и Василько Романовичи возвратились домой с честью и славой: как говорил русский летописец, ни один русский князь не входил так далеко в землю Польскую, кроме Владимира Великого, который землю крестил.

В ходе этой усобицы князь Конрад Мазовецкий совершил величайшую ошибку, за которую позже веками станут расплачиваться русский и польский народы. Он пригласил на территорию Польши рыцарей Тевтонского ордена. Наивный князь думал, что немцы защитят от набегов язычников — пруссов и литовцев.

В 1225г. послы Конрада предложили магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальцу Хельмскую (Кульмскую) землю в обмен на обязательство защищать польский народ от набегов язычников. В 1226 г. германский император Фридрих II предоставил Ордену владение Кульмской землей и всеми землями, которые он впредь завоюет у пруссов, но в виде императорского лена, без всякой зависимости от мазовецких князей. В 1228 г. в новые владения Ордена с большим отрядом рыцарей прибыл первый областной магистр Пруссии Герман Балк. В 1230 г. последовало окончательное утверждение всех условий с Конрадом, и Орден начал свою деятельность на новых землях.

О непосредственных столкновениях новых германских завоевателей с Русью до нас дошел лишь смутный рассказ летописца, датированный 1235 годом. По его словам Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям», и пошел с братом на них в силе тяжкой, взял город, захватил в плен старшину Бруно, ратников и возвратился во Владимир».

На Руси же продолжались усобицы за обладание Галицким княжеством. Опуская подробности, скажу лишь, что на короткое время Галич захватил Михаил Черниговский, но в 1238 г. он был выбит оттуда Даниилом Романовичем.

Батыево нашествие выходит за рамки нашего исследования. Здесь же стоит отметить лишь два нюанса. Во-первых, ни польские, ни венгерские власти не ответили на просьбы русских князей о помощи.

Во-вторых, основные силы татар Батый двинул на Венгрию, а не на Польшу. В Польшу же вторгся конный отряд численностью от 8 до 10 тысяч под командованием темника Байдара. 10 марта 1241 г. Байдар переправился через Вислу у Сандомира, оттуда он отправил отряд под командованием Кайду для опустошения края в направлении Ленчицы с последующим выходом к Кракову. Сам Байдар предпринял глубокий рейд до окрестностей Кельц. Прикрывая путь на Краков, польские краковские войска воеводы Владимежа и сандомирские воеводы Пакослава пытались остановить татар, но 18 марта под Хмельником были разбиты. Сам воевода Владимеж был убит, а войска бежали. Краковский и сан-домирский князь Болеслав Стыдливый с матерью, русской княжной Гремиславой Ингваревной, и другими домочадцами бежал из столицы в Венгрию.

28 марта 1241 г. татары штурмом взяли Краков. Далее Байдар двинулся к Вроцлаву. Под Вроцлавом поляки собрали большие силы иод командованием князя Генриха Благочестивого. На помощь к ним прибыли немецкие рыцари и французские тамплиеры.

9 апреля соединенные войска сразились с татарами у Легни-цы и были наголову разбиты. В письме аббата бенедиктинского монастыря Мариенбурга в Вене от 4 января 1242г. говорится о более сорока тысячах павших. Великий магистр Понсе д'Обона писал французскому королю Людовику IX, что тамплиеры потеряли под Легницей пятьсот человек. Погиб и сам князь Генрих, а татары надели на копье его отрубленную голову.

Батый, в это время находившийся с главными силами в Венгрии, приказал войску Байдара отрезать чешские войска, бывшие к северу от Дуная. Байдар 16 апреля отошел от Рацибужа и направился в Моравию.

Замечу, что галицкий князь Даниил Романович со своим сыном Львом еще до взятия

Киева Батыем поехал в Венгрию, но был плохо принят королем, который отказался выдать свою дочь за сына Даниила. Даниил выехал из Венгрии, но повстречал толпы народа, бегущего от татар, и вынужден был вернуться. Вскоре Даниил получил известие, что его брат, жена и дети успели убежать от Батыя в Польшу. Тогда князь направился туда же, по дороге повстречал свое семейство, и все вместе они поехали к сыну Конрада Болеславу. Тот дал на время Даниилу город Выш-город, и галицкий князь с семейством пробыл там до тех пор, пока татары не ушли.

То обстоятельство, что Даниил уехал из Галича только с одним сыном, оставив всю остальную семью дома, свидетельствует, что он не бежал от татар, а действительно ездил в Венгрию для сватовства и заключения союза с королем против татар.

В апреле 1245 г. римский папа Иннокентий IV отправил к татарам специальную дипломатическую миссию во главе с одним из основателей ордена Францисканцев Плано Карпини. Он должен был вручить папскую бумагу великому монгольскому хану, а заодно вступить в контакт с южнорусскими князьями. В начале 1246г. Карпини побывал во Владимире Волынском, где беседовал с братом Даниила Васильком Романовичем, сам же Даниил в это время ездил к Батыю. По пути в Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с Даниилом и рассказал ему о желании Рима вступить с ним в переговоры. Даниил согласился, поскольку поверил обещанию Иннокентия IV поддержать его в борьбе с татарами.

Замечу, что Иннокентий IV параллельно пытался завести переговоры и с северными русскими князьями. Ведь именно в 1250 г. в Новгород к Александру Невскому прибыло чрезвычайное посольство от римского папы. Причем, папское послание было датировано 8 февраля 1248 г. Александр, как известно, заявил папским послам Гольду и Гементу: «От вас учения не принимаем».

Даниил, напротив, пошел на переговоры, руководствуясь интересами Галицкой Руси и, разумеется, своими собственными. Иннокентий IV отправил доминиканского монаха Алексея с товарищами для постоянного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволил русскому духовенству совершать службу на заквашенных просвирах, признал законным брак брата Даниила Василька на своей родственнице, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя.

Даниилу в первую очередь от папы нужна была помощь против татар. Но время крестовых походов прошло. Да и в XI — XII веках крестовые походы организовывались с целью пограбить богатые восточные страны, а попутно и Константинополь. Сражаться же за идею, да еще со страшными монголами, никто не хотел. Для порядка папа отправил в 1253—1254 гг. несколько булл к христианам Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Ливонии и др. с призывом устроить крестовый поход против монголов. Но на его призыв так никто и не откликнулся.

Тогда вместо помощи против татар Иннокентий IV предложил Даниилу королевский титул в награду за соединение с римской церковью. Но галицкого князя не прельстила корона. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подать мне помощь?», — велел ответить он папе.

В 1253 г. во время пребывания Даниила в Кракове у князя Болеслава, туда прибыли папские послы с короной и пожелали встретиться с галицким князем. Даниил отделался от них, велев передать, что не годится ему встречаться с папскими послами на чужой земле. На следующий год послы опять явились с короной и обещанием помощи. Даниил, не веря в обещания, опять хотел отказаться от королевского титула, но мать и польские князья уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганых». Римский папа даже отправил специальное послание Даниилу, в котором проклинал тех, которые ругали православную греческую веру, и обещал созвать собор для обсуждения вопроса о соединении церквей.

Дело кончилось тем, что князь Даниил короновался в начале 1254 г.[26] в Дорогичине (Дрогичине). В этом небольшом городке у западной границы Галицкого княжества Даниил оказался во время похода на ятвягов. Видимо, у него были какие-то веские основания поспешить с коронацией. Получив корону, Даниил забыл обо всех обещаниях, сделанных римскому папе (к этому времени на папском престоле уже сидел Александр IV), и не обращал внимания на его укоры и увещевания.

В Риме рассердились, и в 1255 г. папа Александр IV разрешил буллой литовскому князю Миндовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. римский папа пригрозил Даниилу за непослушание крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. Но и Даниил, и Александр IV прекрасно понимали, что это пустые угрозы.

Таким образом, никаких материальных выгод сношения с Римом Даниилу Романовичу не

дали, но впредь и он, и его потомки именовались королями.

А теперь вернемся к отношению Руси с Литвой. В 40-х годах XIII века среди множества литовских князей выдвинулся умный, смелый и жестокий князь Миндовг. В 1252 г. он отправил своего дядю Выкынта и двоих племянников Товтивила и Едивида на Смоленск, сказав им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». На самом же деле Миндовг отправил родственников в этот поход, чтобы в их отсутствие захватить принадлежавшие им земли. Миндовг послал вслед за родственниками войско, чтобы нагнать их и убить. Но князей кто-то предупредил, и они попросили защиты у своего родственника Даниила Романовича, женатого на сестре Товтивила и Едивида.

Миндовг отправил послов к Даниилу с требованием выдать беглецов. Но Даниил категорически отказался не столько из родственных чувств, сколько из желания вмешаться в литовские дела. Посоветовавшись с братом Василько, он послал сказать польским князьям: «Время теперь христианам идти на поганых, потому что у них встали усобицы». Поляки на словах пообещали Даниилу союзничество, но войск не дали. Тогда Романовичи стали искать других союзников для борьбы с Миндовгом и отправили князя Выкынта в Жмудь к ятвягам и в Ригу к немцам. Выкынту удалось за хорошую плату уговорить ятвягов подняться на Миндов-га, немцы также пообещали помощь и велели сказать Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкынтом, хотя он погубил много нашей братьи».

Братья Романовичи, посчитав собранные силы достаточными, выступили в поход. Даниил послал Василька на Волковыск, своего сына — на Слоним, а сам пошел к Здитову. Поход был успешным, и русские полки с богатой добычей и полоном возвратились домой.

Затем галицко-полоцкое войско под началом Товтивила вторглось в удел Миндовга. С другой стороны Миндовга должны были атаковать немцы, но Орден не торопился, и Товтивилу пришлось лично приехать в Ригу, принять христианство, и только тогда рыцари начали готовиться к войне.

Миндовг сообразил, что войну на два фронта, с Даниилом и с Орденом, он не осилит. Тогда он тайно послал к магистру Ордена Андрею фон Штукланду богатые дары и велел передать: «Если убьешь или выгонишь Товтивила, то еще больше получишь». Магистр дары принял, но передал Миндовгу, что, несмотря на свое расположение к нему, Орден не может оказать ему помощь, пока тот не примет христианства. Миндовг, не долго думая, крестился. Папа римский Иннокентий IV был в восторге. Он принял литовского князя под покровительство святого Петра, отписал ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять новообращенного, поручил кульмскому епископу венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископства. И действительно, кульмский епископ возложил королевскую корону на голову Миндовга.

Но Миндовг принял христианство только для вида, надеясь при первом же удобном случае возвратиться в прежнюю веру. В летописи говорится: «Крещение его было льстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту, и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

Как бы то ни было, но Миндовг сделал Орден из врага союзником, и теперь уже князь Товтивил вынужден был бежать из Риги. Прибыв в Жмудь к своему дяде Выкынту, он собрал войско из ятвягов, жмуди и русского отряда, присланного Даниилом, и выступил против Миндовга, на помощь которому подошли немцы. В 1252 г. эта война не ознаменовалась никакими решительными действиями. На следующий год вмешался князь Даниил, он опустошил Новогрудскую область, а Васильке *с* племянником Романом Данииловичем взяли Городен.

Но в конце 1255 г. Миндовг и Даниил заключают мир. Посредником и миротворцем стал сын Миндовга Воишелк. Личность эта была весьма одиозная, поэтому не грех и сказать о нем пару слов. Наивный рассказ летописца наводит ужас: «Воишелк стал княжить в Новгороде [Новогрудке], будучи в поганстве, и начал проливать крови много: убивал всякий день по три, по четыре человека. В который день не убивал никого, был печален, а как убьет кого, так и развеселится». Вдруг пронеслась весть, что Воишелк — христианин. Мало того, он оставляет княжеский престол и постригается в монахи под именем Давида.

Вот этот-то раскаявшийся Воишелк и явился к королю Даниилу, чтобы быть посредником между ним и своим отцом Миндовгом. Условия были предложены крайне выгодные: младший сын Даниила Шварн получал руку дочери Миндовга, а старший, Роман, получал Новогрудок, Слоним, Волковыск и другие города, хотя и с обязательством признавать над собой власть Миндовга. Даниил не мог не согласиться, и мир был заключен. Воишелк хотел пробраться в

Афонский монастырь, и Даниил выхлопотал для него свободный путь через Венгрию. Но смуты и волнения, охватившие тогда весь Балканский полуостров, заставили Воишелка возвратиться назад из Болгарии. Впоследствии на реке Неман между Литвой и Новогрудком он основал свой монастырь.

Таким образом, южным русским князьям Мономаховичам удалось снова утвердиться в волостях, занятых было литовскими князьями. В середине XIII века полоцкие князья Изяславичи уступили свои волости Литве. Последним полоцким князем был Брячислав, его имя встречается в русской летописи в 1239г. по случаю брака его дочери и князя Александра Невского. А в 1262 г. в летописи уже фигурирует полоцкий князь литвин Товтивил — сын сестры Миндовга.

Однако мир между Даниилом и Миндовгом просуществовал только пять лет. В 1260 г. Воишелк и Товтивил за что-то схватили молодого князя Романа Данииловича. На выручку ему в Литву вторглись король Даниил и его брат Василько. Чем кончилось дело, как освободили Романа — неизвестно. Известно только, что в 1262 г. Миндовг, желая отомстить Василько, который вместе с татарами нападал на его земли, послал на Волынь две рати. Пограбив вволю, литовские воины с богатой добычей двинулись в обратный путь. Одна рать остановилась у озера вблизи города Небл, тут-то их и нагнал Василько. По словам летописца, русские дружинники не оставили в живых ни одного человека — одних порубили мечами, других загнали в озеро, где те и потонули.

В 1261 г. король Миндовг в очередной раз поссорился с Орденом. Для начала он приказал схватить всех христиан в Литве, причем, часть их при этом была убита. Видимо, пострадали только католики, поскольку православных немецкие хронисты не считали христианами. В том же году Миндовг вступил в союз с Александром Невским, которого немецкие хронисты величали королем. Однако по ряду причин совместного удара по Ордену не получилось. Русские и литовцы действовали порознь и в разное время. Тем не менее, литовцы осадили Венден. А русские под командованием князя Дмитрия, сына Александра Невского, сожгли орденский город Дорпат (он же Дерпт, бывший русский город Юрьев), но не смогли взять замок.

В 1262г. произошло вроде бы незначительное событие, чуть было не перевернувшее историю Литвы, России и Польши, — у великого князя литовского Миндовга умерла жена. Миндовг согласно языческим обычаям решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то, что она была уже замужем за нальцанским князем Довмонтом. Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда та приехала, Миндовг сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», — и женился на свояченице.

Довмонт сильно обиделся, но для виду покорился своему сюзерену. Он вступил в сговор с племянником Миндовга от его сестры жмудским князем Тренятой. В 1263г. Миндовг отправил войско за Днепр на брянского князя Романа Михайловича. В одну прекрасную ночь Довмонт объявил войску, что волхвы предсказали несчастья, и с преданной ему дружиной покинул рать. Внезапно люди Довмонта ворвались в замок Миндовга и убили князя вместе с двумя его сыновьями.

Тренята по уговору с Довмонтом стал княжить в Литве вместо Миндовга, оставив за собой и жмудскую вотчину. Он послал сказать своему брату полоцкому князю Товтивилу: «Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово». Но, деля Миндовгово добро, братья рассорились, да так, что оба думали, как бы убить друг друга. Боярин Товтивила Прококий Полочанин донес Треняте о замыслах своего князя, тот опередил брата, убил его и стал княжить один. Но княжить Треняте пришлось недолго. Четверо конюших Миндовга решили отомстить убийце своего князя и убили Треняту, когда тот шел в баню.

О смерти Миндовга Давид-Воишелк узнал в монастыре на Святой горе. Он испугался и бежал из Литвы в Пинск, а оттуда обратился за помощью к Шварну Данииловичу — мужу своей сестры. Объединенная русско-литовская дружина изгоняет Довмонта и его сторонников из Литвы.

При этом стоит отметить две любопытные детали. В битве с войсками Шварна и Воишелка погиб дравшийся на стороне Дов-монта безудельный рязанский князь Евстафий Константинович. А сам Довмонт бежал вместе с остатками своей дружины в Псков. Там Довмонт крестился и получил православное имя Тимофей. Вскоре Довмонт стал грозой ливонских немцев и любимцем псковичей. Последний раз он разгромил рыцарей в 1298 г., а в следующем году умер.

После смерти Тимофей-Довмонт был причислен псковичами к лику святых. В его житии сказано: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

После изгнания Довмонта власть в Литве перешла к Воишелку, причем Шварн вместе с дружиной по-прежнему остается в Литве. Воишелк вновь прославился жестокими расправами над своими противниками. Приступы жестокости и даже садизма часто сменялись у него религиозным экстазом.

В 1264 г. умер король Даниил. Королем стал его сын Лев, который управлял княжеством («королевствовал») совместно с братьями Мстиславом и Шварном (Роман, видимо, к тому времени уже умер), а дядя их Василько по-прежнему княжил на Волыни. В Литве же сложилась любопытная ситуация. Воишелк в 1268 г. вновь вспомнил, что он монах Давид и поселился в угровском Даниловом монастыре, а всю власть в своих владениях отдал зятю Шварну. Тот, опасаясь, видимо, возобновления внутренних волнений в Литве, просил Воишелка покняжить еще совместно, но тот решительно отказался: «Много согрешил я перед богом и перед людьми. Ты княжи, а земля тебе безопасна». Живя в угровском монастыре, Воишелк говорил: «Вот здесь йодле меня сын мой Шварн, а там господин мой отец князь Василько, буду ими утешаться». Но утешаться монаху Давиду пришлось всего год: в 1269 г. Шварн умер. Детей у него не осталось, и литовские вельможи срочно вызвали Воишелка-Давида из монастыря. Князь победил монаха, и Воишелк вновь стал княжить в Литве, да еще так, что ухитрился поссориться с братом Шварна королем Львом Даниловичем.

Дело шло к войне, но тут вмешался старый Василько Романович, князь волынский, и пригласил обоих к себе для примирения. Воишелк и Лев приехали к Василько во Владимир Волынский, где старый советник князя Даниила немец Маркольд, позвал всех троих князей к себе на обед. За обедом князья примирились, повеселились от души, хорошо поели и изрядно выпили. К ночи старый князь Василько поехал к себе домой, а Воишелк — в Михайловский монастырь, где он остановился. Но дело этим не кончилось. Среди ночи к Воишелку приехал Лев и предложил продолжить веселье: «Кум! Попьем-ка еще!» Попили еще, рассорились, дошло до драки, и Лев убил Воишелка.

После этого Лев предложил себя в кандидаты на литовский престол. Однако там о нем и слышать не хотели. Вскоре литовские вельможи выбрали себе князя из этнических литовцев. Так провалилась первая попытка мирного объединения Литвы с Русью.

В 1279г. умер бездетный Болеслав V Стыдливый (1226 — 1279гг.) — князь краковский, и в Польше началась очередная усобица. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников Лешко Черный, князь мазовецкий и сераджский, сын Казимира Конрадовича, и краковская шляхта утвердила его на княжение (годы правления 1279 — 1288).

Король Лев Даниилович не угомонился после неудачи в Литве и решил предложить свою кандидатуру на краковский престол, но, по выражению летописца, «бояре сильные не дали ему земли». Тогда Лев в порядке компенсации решил завладеть несколькими приграничными польскими городами и стал просить татарского хана Ногая помочь ему войсками. Ногай людей дал, и Лев с татарскими полками и сыном Юрием вступил в польские владения. К нему присоединились родной брат Мстислав, князь Луцкий, и двоюродный брат Владимир Васильевич, князь Волынский. О двух последних летописец говорит, что пошли они «неволей татарскою».

К Кракову Лев шел, по словам летописца, «с гордостью великою, но возвратился с великим бесчестием», поскольку при Гош-личе, в двух милях от Сандомира, был разбит поляками наголову. А в 1281 г. Лешко Черный вторгся в Галицкую область, взял город Перевореск (Пршеворск), сжег его, а всех жителей перебил. Другой польский отряд численностью двести человек вошел в волынские земли у Берестья. Поляки разорили с десяток сел и пошли назад. Но жители Берестья во главе с воеводой Титом, всего около семидесяти человек, напали на поляков, убили восемьдесят человек, остальных взяли в плен и возвратили все награбленное.

Затем начались усобицы между князьями мазовецкими — детьми Семовита Конрадом и Болеславом. Конрад обратился за помощью к князю волынскому Владимиру Васильковичу, тот послал сказать: «Скажи брату — бог будет мстителем за твой позор, а я готов тебе на помощь», и стал собирать полки. Послал князь Владимир и к своему племяннику князю холмскому Юрию Юльвовичу, тот ответил: «Дядюшка! С радостию бы пошел и сам с тобою, но некогда: еду в Суздаль жениться, а с собою беру немногих людей: так все мои люди и бояре богу на рука да тебе, когда тебе будет угодно, тогда с ними и ступай».

Владимир Василькович собрал полки и двинулся к Берес-тью, но прежде послал к Конраду посла. Тот, опасаясь неверных бояр, сказал Конраду: «Брат твой Владимир велел тебе сказать: с радостию бы помог тебе, да нельзя: татары мешают». При этом посол взял князя за руку и крепко пожал ее. Князь догадался, уединился с послом и тогда услышал радостную

весть: «Брат велел тебе сказать: приготовляйся сам и лодки приготовь на Висле, рать у тебя будет завтра». На следующий день волынское войско переправилось через Вислу и пошло с Конрадом во владения Болеслава. Полки осадили город Гостинный. Конрад стал подстрекать их на штурм: «Братья мои, милая Русь! Ступайте, бейтесь дружнее!» Часть войска двинулась под стены, а остальные полки остались на месте, на случай внезапного нападения поляков с тыла.

Вскоре город был взят, разграблен и сожжен, жители частично перебиты, частично взяты в плен. Волынские полки с победой и великой честью вернулись домой, потеряв всего двух человек, да и то не при штурме Гостинного, а по дороге. Один был родом прусс, а другой — придворный слуга князя Владимира, любимый его сын боярский Рах Михайлович. Когда русские войска шли мимо Сохачева (Сохоцин), то князь Болеслав Семовитович выехал из города, чтобы поймать какой-нибудь небольшой отряд, на все же войско он боялся напасть .

Князь Владимир приказал своим воеводам не распускать войска, но тридцать человек отделились и поехали в лес, чтобы ловить челядь, скрывавшуюся от них из окрестных сел. Болеслав напал на отряд, все разбежались, кроме двоих — Раха и прусса. Прусс бросился на самого Болеслава, но тут же был убит, а Рах убил знатного боярина Болеслава, но и сам заплатил жизнью за свой подвиг. По словам летописца, умерли они мужественно и оставили по себе славу будущим векам.

Глава 5
ВЕЛИКАЯ ЛИТВА. ГЕДИМИН И ОЛЬГЕРД

В 1315г. власть в Литве захватил князь Гедемин. Происхождение его неизвестно. Согласно позднейшей официальной литовской версии Гедемин, как и Миндовг, происходил от Палемона, брата римского императора Нерона. Мол, этот брат отправился в I веке нашей эры на север и основал там Литовское государство. По русским же летописям и хроникам Тевтонского ордена Гедемин служил конюхом у князя Витенеса (Витеня), а затем вошел в сговор с молодой женой князя, дочерью бортника из Жемайти, убил его и овладел престолом. По Тверской летописи Гедемин служил «слободчиком» у великого князя тверского Александра Михайловича и был послан им на Неман по каким-то делам, но там обогатился и стал называть себя великим князем литовским. Еще по одной версии Гедемин был потомком Давила, сына уже упоминавшегося нами полоцкого князя Ростислава Рогволодовича.

Сейчас в Польше получила широкое распространение версия, выдвинутая польским историком Е. Охманьским. Он обратил внимание на текст знаменитой «Задонщины», где упомянуты участники Куликовской битвы Андрей и Дмитрий, «сынови Ольгердови, а внуки есмя Едимантовы, а правнуки семи Сколомендовы…» Поскольку слово правнуки употребляется обычно в русских летописях в смысле потомков вообще, Охманьский предположил, что Сколоменд и был отцом литовского князя Пуковера (Лютовера), а Гедемин и был сыном Пуковера.

В 1320 г. Гедемин предпринял поход на Владимир Волынский, где княжил Владимир, сын Василька Романовича. Город упорно защищался, но после гибели князя Владимира его бояре согласились на капитуляцию. Замечу, что в войске Гедемина этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими — полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедемин овладел Луцком, а на зиму остановился в Берестье.

После Пасхи 1321 г. Гедемин, собрав литовские, жемайтийские и русские полки, двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Литовцы взяли города Обруч и Житомир. В 10 верстах от Киева, на реке Ирпени, войско Гедемина было встречено дружинами короля Льва Юрьевича (правнука Даниила Романовича), его брата Андрея Юрьевича, их «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени русские войска потерпели страшное поражение, король Лев с братом и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

После сражения Гедемин осадил Белгород. Горожане, оставшиеся без князей и воевод, по зрелому размышлению решили сдать город, после чего присягнули Гедемину.

Гедемин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и к Гедемину двинулся Крестный ход. Духовные лица и местные бояре

били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедемин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев».

«И услышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Слеповрод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедемину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедемину. А переяславцы, услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедемину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедемином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедемину, и на том присягнули.

И князь великий Гедемин, взяв Киев и Переяславль и все те перечисленные пригородки, и посадил в них сына Миндовга князя Ольгимонта, великого князя Гольшанского, а сам с великим весельем возвратился в Литву. И в то время великий князь киевский Станислав, изгнанный великим князем Гедемином, находился в Брянске, и прислал к нему [посла] князь Иван Рязанский. Будучи старым, он просил Станислава, чтобы тот приехал к нему и взял замуж его дочь по имени Ольгу, потому что сына не имел, а только одну ту дочь, и чтобы Станислав был после его смерти великим князем рязанским. И князь Станислав к нему поехал, и дочь его взял в жены, и после его смерти был великим князем рязанским» («Хроника Быховца»).

Сведения о взятии Гедемином Киева имеются лишь в «Хронике Быховца» и последующих ее компиляциях. Ряд же историков, начиная с XIX века, как, например, М.С. Грушевский,[27] В.Б. Антонович и др., оспаривают это утверждение. Тот же Антонович в рассказе о завоевании Волыни признает воспоминание о борьбе Гедемина с волынскими князьями из-за Подляхии. Поход же на Киев происходил в действительности при Витовте и неправильно перенесен в эпоху Гедемина.

Итак, захват Киева в 1321 г. представляется достаточно спорным. Но, в любом случае, Гедемину удержаться там не удалось. Новгородская летопись под 1331 годом упоминает о киевском князе Федоре, который вместе с татарским баскаком гнался, «как разбойник», за новгородским владыкой Василием, шедшим от митрополита из Волыни. Новгородцы, провожавшие владыку, «остереглись», и Федор не посмел напасть на них. Из этого известия следует, что в 1331 г. Киевом владел какой-то князь, плативший дань татарам.

В Галиче же стал править последний король Владимир, сын Льва Юрьевича. О Владимире известно только, что умер он, не оставив наследника, в 1340г., и от его имени правили галицкие бояре.

Богатое Галицкое княжество было лакомым кусочком, и на него с завистью поглядывали соседи. Недавний союзник галицких князей Льва и Андрея польский король Владислав Локеток (1305 — 1333 гг.) попытался организовать захват Галицко-Волынское княжества. Летом 1325 года он добился от римского паны провозглашения крестового похода на «схизматиков»[28]. Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князьями Галицких и Волынских земель.

В этих условиях бояре, правившие Галичем, решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 году Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедемином и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Гедеминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литовско-русского хрониста о том, что в 30-х годах XIV века «Люборта принял Володимерьский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть сделал литовского князя своим наследником.

Чтобы понять дальнейшие события, нам придется обратиться к Польше на несколько десятилетий назад. В XIII веке центральной власти в Польше практически не существовало. Почти непрерывно шли войны удельных князей. Периодически в эти усобицы вмешивались и

русские князья. Чаще всего в конце XIII века в Польшу хаживали галицкие короли. Вот, к примеру, король Лев послал своего сына Юрия (с 1307 года короля Галиц-кого) в Люблин на князя Конрада. Конрад испугался и не стал биться с Юрием, о чем летописец сказал: «...взявши себе позор великий, так что лучше было бы ему умереть». Но и Юрию не удалось взять Люблин, и, сильно опустошив окрестности, он отправился восвояси.

В конце XIII века во главе великопольских феодалов в их борьбе за объединение страны стал силезский князь Генрих IV Пробус (Праведный, Неподкупный), потомок Владислава II Изгнанника. В 1288г. он стал краковским князем и обратился к папе римскому с просьбой разрешить ему «носить скипетр и корону и называться королем». Однако,так и не дождавшись ответа из Рима, 23 июня 1290 г. Генрих IV умер, отписав в завещании Краковскую землю великопольскому князю Пшемыславу (Пржемыслу) II (1257—1296гг.), внуку Владислава Одонича.

Пшемыслав быстро распространил свою власть на всю Великую Польшу и присоединил к своим владениям Краковскую землю и Восточное Поморье. В 1295 г. архиепископ Якуб Свинка короновал Пшемыслава в гнезненском кафедральном соборе. Об этом событии польский историк Ян Длугош писал: «Тем самым Польше с божьей помощью возвращены королевский скипетр и высокий титул короля, которого она были лишена почти 200 лет».

Но новому королю пришлось вести войну как с маркграфом Бранденбургским, так и с чешским королем Вацлавом II, который также претендовал на Краков. В 1296г. войско маркграфа Бранденбургского было разбито, и на радостях Пшемыслав II со своими вельможами решил отметить Масленицу в маленьком городке Рогозно. Узнав об этом, маркграф отправил отряд рыцарей к Рогозно. Ночью рыцари напали на поляков. Немцы пытались связать пьяного короля, но в последний момент он очнулся, схватил меч и оказал сопротивление. Тогда немцы зарубили его и бросили прямо на улице.

Входе усобицы 1290—1300гг. все воевали против всех: и немцы, и венгры, и князь мазовецкий Владислав Локеток, а также галицкий король Лев и его брат луцкий князь Мстислав. За и против кого воевали русские князя — источники до нас не донесли, известно лишь, что они опустошили Сендомирскую область.

По смерти Пшемыслава чешскому королю Вацлаву (Вячеславу) удалось утвердиться в Кракове. Пясты, княжившие в других польских областях, должны были признать свою зависимость от него, как от короля всей Польши, а сам Вячеслав был вассалом германского императора.

После смерти Вацлава II в 1319 г. Краковом овладел мазовецкий князь Владислав Локеток, сын Казимира Конрадовича. В 1320 г. Локеток принял королевский титул. Любопытно, что его некоторые историки именуют Владиславом I, а другие — Владиславом IV, с учетом древних князей (королей) Пястов. Кстати, прозвище Локеток, то есть Локоток, было связано с малым ростом короля. При Владиславе Польша вступает в союз с Литвой, и в 1323 г. польский король женится на Анне, дочери Гедемина. После смерти Владислава в 1333 г. королем Польши становится его сын Казимир III Великий (1310—1370 гг.). В 1335г. Казимир заключил мир с чешским королем, а в 1343 г. — с Тевтонским орденом. Теперь у него были развязаны руки для похода на Галицко-Волынскую землю, раздираемую внутренними конфликтами.

Еще в начале 1340 г. знать составила заговор против Юрия-Болеслава. Главой заговорщиков стал крупный галицкий феодал Дмитрий Дядька (Детько). 7 апреля 1340 г. Юрий-Болеслав был отравлен во Владимире Волынском. Большинство средневековых авторов сходится на том, что галицкий князь нажил себе врагов среди местной знати из-за того, что окружил себя католиками и стремился изменить «закон и веру» Руси. Европейские хронисты рассказывают, что Юрий-Болеслав буквально наводнил княжество иностранными колонистами, в основном немцами, и пропагандировал католичество. Естественно, прозападная ориентация князя, поляка по рождению и католика по воспитанию, возмущала широ- кие массы русского населения Галицко-Волынских земель, чем и воспользовались бояре.

Смерть Юрия-Болеслава и последовавшая за ней анархия в Галицко-Волынском княжестве позволили польскому королю Казимиру III в конце апреля 1340 г. напасть на Галицкую Русь. Польские войска заняли несколько замков, в том числе и львов-ских, и грабили местное население. Одновременно и венгерский король, очевидно, по договоренности с Казимиром, двинул в Га-личину свои войска, но они были остановлены на границе га-лицкими дружинами.

В июне 1340 г. галицко-волынское войско вместе с призванными на помощь ордынцами нанесли контрудар по Польше и дошли до Вислы. Хотя полностью разгромить войско Казимира не удалось, именно благодаря этому походу Галицкая Русь вплоть до 1349 г. сохраняла свою независимость от Польши. Казимир III был вынужден подписать с Дмитрием Дядькой договор о

соблюдении нейтралитета.

Тем временем галицкие бояре усиленно искали нового князя для Волыни и остановились на кандидатуре Любарта[29], которого Юрий-Болеслав назвал своим наследником. Бояре надеялись, что Любарт, как представитель литовского княжеского рода, не имевшей опоры на Волыни, станет их покорной марионеткой. Итак, Волынь отошла к Литве.

С 1340 г. история Галичины отделяется от истории Волыни. Га-личина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически же ей правили галицкие бояре во главе с Дмитрием Дядькой. В 40-х годах XIV века Дядька самостоятельно, без участи Любарта, ведет военные операции и дипломатические переговоры с польским и венгерским королями. Такая ситуация сохранялась до конца 40-х годов XIV века. В борьбе против Польши и Венгрии и Дядька, и Любарт опирались на ордынского хана Узбека и его приемников.

Польских же королей к походам на Восток постоянно подталкивал Рим. Еще папа Григорий IX в послании к доминиканцам в 1233 г. запрещал браки с православными. Когда после набега язычников-литовцев и убийства мазовецкого князя Земовита I в 1262 г. папа Урбан IV обратился за помощью к королю Оттокару II, перечисляя грозящих врагов, то русские «схизматики» оказались на первом месте в этом списке, впереди язычников-литовцев, хотя речь шла именно о них. В этом послании, датированном 4 июня 1264 г., впервые выступает прямое зачисление христианской Восточной Церкви, вместе со всеми неверными и язычниками, в число общих врагов... «Христианской Церкви». С этой даты «схизма» занимает первое место в перечных врагов Церкви. Так, в письме к королю Локетку в 1325 г. папа Иоанн XXII дает отпущение грехов идущим на войну «contra scismaticos, Tataros, paganos aliasque permixtas nationes infideliun» («против схизматиков, татар и других поганых....»). Это же повторил папа Урбан V в письме от 8 июля 1363 г.

В 1343 г. Казимир III получил от папы значительную финансовую помощь для борьбы с «русинами» и в 1344 —1345 гг., заручившись нейтралитетом Любарта, отторг от Галичины Саноц-кую землю. Осенью 1349 г. поляки предприняли новый поход на Галичину и Волынь. Преодолевая сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили города Львов, Белз, Берестье, Владимир Волынский. Сам же Любарт отсиделся в осажденном Луцке. Правда, на следующий год он сумел вернуть себе власть на Волыни, но Галичина уже не только вышла номинально из-под его контроля, но и была присоединена к Польскому королевству.

Тут следует отметить один важный момент. В 90-х годах XX века многие литовские и украинские историки стали утверждать, что де польские и литовские войска освободили русские земли от татарского ига. На самом же деле после перехода Галичины к Польше дань татарам платилась в том же объеме. Так, папа Иннокентий VI в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у «схизматиков» земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю»[30].

Великий литовский князь Гедемин (годы правления 1315 — 1340) имел семерых сыновей:[31] Монвида (ум. 1340 г.), Нариман-та (1277-1348 гг.), Ольгерда (1296-1377 гг.), Кейстута (1298-1381 гг.), Корьята (ум. 1390г.), Любарта (1312-1397 гг.) и Евнута (Евнутия) (1317 —1366 гг-.).

Официальных жен у Гедемина было две. По одной версии первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй — Ольга Всеволодовна, княжна смоленская (или Ольга Глебовна, княжна рязанская). По второй версии первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна смоленская, а второй — Евна Ивановна Полоцкая.

Тот факт, что у Гедемина была одна или даже обе жены русскими означает, что он принял православие: выдача княжей дочери за язычника была невозможна на Руси. Другой вопрос, что Гедемин и его потомство, тот же Ольгерд, относились к смене вер очень спокойно, и производили их по мере надобности. Нужно жениться или заключить союз с соседом — выполняют христианские обряды, нужна поддержка местной знати — начинали публично выполнять языческие обряды.

Формально все сыновья Гедемина были крещены и имели православные имена, так Наримант был Глебом, Ольгерд — Александром, Корьят — Михаилом и т.д. Немцы уже с XIV века стали называть Вильно[32] «русским городом», а польские хронисты — «столицей греческого [православного] отщепенства».

Большинство сыновей Гедемина женилось на русских княжнах, а позже их потомки служили как польским королям, так и московским великим князьям. Так, от Монвида пошли такие известные на Руси фамилии, как Хованские, Корецкие, Голицыны, Куракины, Булгаковы, Щенятевы. От Ольгерда пошли князья Чарторыжские, Несвижские, Трубецкие, Вишневецкие и другие.

Литовская экспансия на Русь в значительной степени ослаблялась непрерывными войнами с

Тевтонским орденом. За время правления Гедемина немцы совершили свыше пятидесяти походов на Литву, а литовские князья — не менее двадцати нападений на земли Ордена.

На борьбу с язычниками на помощь Тевтонскому ордену съезжались рыцари со всей Европы. Так, в 1336 г. только из германских княжеств прибыло свыше 200 рыцарей. Из Германии же было доставлено и огнестрельное оружие.

В 1340 г. войска Тевтонского ордена осадили замок Велона на правом берегу реки Неман на границе между Жмудью и Литвой. Немцы не смогли взять Велону штурмом и решили прибегнуть к правильной осаде. Для этого они построили рядом с Ве-лоной два хорошо укрепленных замка.

Великий литовский князь Гедемин с войском прибыл для освобождения Велоны от тевтонской осады и в свою очередь осадил оба замка. Однако их гарнизоны имели огнестрельные орудия. Метким выстрелом из пушки Гедемин был убит. Сыновья отвезли тело князя в Вильну, где но древнелитовскому обычаю облачили в парадные одежды и сожгли на погребальном костре в Кривой долине Свинторога вместе с вооружением, любимым конем, слугой, частью добычи и тремя пленными немецкими рыцарями.

Вопреки феодальному праву место Гедемина занял младший сын Евнут (в русских летописях Евнутий). По словам литовского летописца, старшие браться Ольгерд и Кейстут вступили в сговор, чтобы выгнать брата из Вильно. Однако Ольгерд, шедший из Витебска, не успел, и Кейстут один напал на Вильно и ворвался в город. Евнут бежал, но отморозил ноги и попался в плен. Его доставили к Кейстуту. Тот тотчас отправил гонца к Ольгерду, что бы тот шел скорее, и что Евнут уже в его руках. Когда Ольгерд пришел, Кейстут сказал ему: «Тебе следует быть великим князем в Вильне, ты старший брат, а я с тобою буду жить заодно».

Ольгерд стал княжить в Вильно, а Евнуту дал Изяславль. Потом братья Ольгерд и Кейстут договорились между собой, чтобы всем слушаться старшего брата Ольгерда и условились, что если добудут город или волость, все делить пополам и «жить до смерти в любви, не мыслить лиха одному на другого». Оба брата сдержали клятву.

По словам же московского летописца Ольгерд и Кейстут внезапно напали в Вильно на своих братьев Нариманта и Евнута. Наримант бежал в Орду, а Евнут — в Псков, оттуда в Новгород, из Новгорода в Москву к приемнику Ивана Калиты князю Симеону Гордому (1316—1353 гг.), в 1346г. был крещен и назван Иваном.

В 1349 г. Ольгерд послал своего брата Корьята к ордынскому хану Чанибеку просить у него помощи против Симеона Гордого. Московский князь, узнав об этом, послал немедленно сказать хану: «Ольгерд опустошил твои улусы (юго-западные русские волости) и вывел их в плен. Теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого». Хан понял справедливость слов Симеона, велел схватить Корьята и выдал его московскому князю. Ольгерд на время присмирел и отправил в Москву послов с богатыми дарами и че-лобитной, прося освободить брата. В конце концов, Симеон согласился.

Особую роль во внешней политике Литвы в XIV веке играло Великое Тверское княжество, с которым Литва имела стоверстную границу. Ржева (Ржев), Зубцов и Холм были тверскими по-граничными городами.

Зимой 1320—1321 гг. великий тверской князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи (1299 — 1326 гг.) женился на дочери великого князя Гедемина Марте, а в начале 1351 г. Ольгерд, ставший после смерти своего отца в 1345 г. великим князем литовским, попросил руки Ульяны Холмской, дочери великого князя Александра Михайловича, племянника Дмитрия Грозные Очи. Холмской ее прозвали, поскольку она жила при дворе своего брата Всеволода Александровича, удельного князя холмского, вассала великого князя тверского.

Тем не менее, прочного мира между Литвой и Тверским княжеством достичь не удалось. В 1356г. литовцы напали на городок Ржеву (Ржев) и захватили его. В том же году умер Василий Александрович Брянский, сын смоленского князя Александра Глебовича (1285—1287 гг.). Брянск тогда входил в состав Смоленского княжества, а, кроме того, князь Василий Александ-рович имел на Брянск ярлык от татарского хана Ианнибека. Но, тем не менее, Ольгерд, воспользовавшись смертью брянского князя, внезапно напал на город и взял его. Иван, сын Василия Александровича, был взят в плен и увезен в Литву, где и умер (или был убит). Забегая вперед, скажу, что отбить Брянск у литовцев удалось лишь в 1500 г. Ивану III.

В 1358 г. объединенное тверское и можайское войско (замечу, что можайский князь был вассалом Москвы) отбило Ржев у литовцев. Но в следующем году сын Ольгерд а Андрей (1325 — 1399гг.) вновь захватил Ржев. В 1360г. сам Ольгерд приезжал инспектировать управление этого города.

В составе Великого княжества Литовского было много областей с русским православным населением, да и многие литовцы, особенно в городах, приняли православие. Ольгерд не собирался менять православную веру на католическую. Как писал академик Р.Г. Скрынников: «Когда к Ольгерду в Вильнюс явились послы с Запада и предложили ему принять католичество, они услышали насмешливый ответ: Литва готова принять католичество при условии освобождения всех старых литовских земель, захваченных крестоносцами. Ордену предложили переселиться на земли татарской Орды с тем, чтобы обратить в католичество татар, а заодно и русских»[33]. Так, при Олыерде около половины жителей Вильно были православными. Надо ли говорить, что Ольгерд не желал иметь православное духовенство, подчиненное Москве. Поэтому ему пришлось вступить в борьбу с московским клиром за создание независимой от Москвы митрополии. (Подробнее об этом мы скажем в главе 14.)

О занятии Ольгердом Киева и присоединении его к Великому княжеству Литовскому в советских учебниках истории, как школьных, как и в университетских, говорилось коротко и неясно. Мол, польско-литовские феодалы захватили русские земли, пользуясь раздробленностью северо-восточных русских княжеств, находившихся иод татаро-монгольским игом.

Между тем нельзя путать литовских князей XIV века с польскими панами XVII века. В XIV веке не было фанатичных ксендзов и зверских расправ их с православными. Поэтому русское население, как в Киеве, так и в Брянске и Ржеве относилось к литовским завоевателям достаточно спокойно. Ну, вошел в Киев православный князь Ольгерд-Александр с дружиной, которая более чем на половину состояла из православных, а остальные были язычниками. Большого погрома в Киеве не было, а после ухода Ольгерда все в городе осталось по-прежнему. Владимир Ольгердович с дружиной охранял город, брал умеренную дань и особенно не вмешивался ни в хозяйские, ни в церковные дела города.

Заметим, кстати, что родной брат Владимира, Андрей Ольгердович, отправился в Псков и стал псковским князем. Конечно, статусы псковского и киевского князей различны, но этот факт хорошо показывает отношение русских к литовским князьям.

Киевское княжество на несколько десятилетий стал владением Ольгердовичей — Александра Владимировича (умер в 1455 г.) и Семена Александровича (умер в 1471 г.). После 1471 г. Киевское княжество было упразднено, и в Киеве правил наместник великого князя литовского.

По крови православные литовские князья были больше чем наполовину Рюриковичи. Да и само войско Ольгерда, вошедшее в Малороссию, больше, чем на половину состояло из жителей Белой Руси — Витебского, Минского, Гродненского и других княжеств. Сами же коренные «литовские феодалы» практически не интересовались пахотными землями Малороссии, их куда больше привлекали охота и бортничество.

Еще раз замечу, что между литовскими князьями и их русскими подданными не было языкового барьера. Дело в том, что официальный язык в Великом княжестве Литовском в XIV веке был... русский. Точнее, диалект древнерусского языка, который был принят на землях, в настоящий момент входящих в состав республики Беларусь. Так что можно по-другому сказать, что они говорили на древнебелорусском языке. Сразу скажу, что это личное мнение автора. Я обращался в Институт русского языка в Москве, но, увы, внятного ответа на вопрос, чем отличались языки регионов Киева, Москвы и Минска в XIV веке, так и не получил.

Однако, судя по текстам дошедших до нас официальных документов, а также по свободному общению жителей этих районов можно сделать однозначный вывод, что в XIII —XVI веках жители Пскова свободно, без переводчика могли общаться с жителями Киева или Полоцка. К примеру, те же донские казаки десятки раз ходили в совместные походы с запорожцами, сотни казаков с Дона месяцами жили в Сечи и наоборот. И нет сведений, чтобы им когда либо требовались переводчики.

Таким образом, можно сказать, что официальным языком Великого княжества Литовского для большинства его населения был русский язык[31].

На мой взгляд, существенная разница в московском, белорусском и украинском языках появилась в конце XVI века. И эти различия в значительной мере связаны с принятием католичества и оиолячиванием дворянства Великого княжества Литовского. Дворяне переходят на польский язык, а тот, в свою очередь, в XIII — XVI веках оказался иод сильным воздействием латинского, немецкого и французского языков. Соответственно, язык москалей впитал в себя сотни татарских слов. Я умышленно говорю про московский язык, поскольку в том же XV веке москвичи и новгородцы понимали друг друга, но их речь существенно различалась.

Любопытно, что в царствование Ивана Грозного литовские послы, услышав неприятные им речи царя или бояр, сразу говорили, что им какие-то слова не понятны, и просили изложить

сказанное на бумаге.

Таким образом, переход Приднепровской Руси под власть литовского князя практически никак не отразился на быте, вере и всем укладе жизни ее жителей. Приднепровьем правили князья боковых ветвей Рюриковичей и некоторые Гедеминовичи, причем последние очень быстро обрусевали. Между прочим, сыновья Ольгерда-Александра Андрей, князь трубчевский, и Дмитрий Корибут, князь северский, со своими дружинами бились с ханом Мамаем на Куликовом поле под началом Дмитрия Донского. Дмитрий Корибут стал зятем князя Олега Рязанского. В XIX веке один русский историк остроумно заметил: «Победила не Литва, а ее название».

Но вернемся к князю Ольгерду. Дела киевские не очень отвлекали его от дел тверских. В 1367 г. великий князь московский Дмитрий Иванович (еще не Донской) (1350 — 1389 гг.) начал притеснять великого князя тверского Михаила Александровича (ок. 1341 —1399 гг.). Михаил не имел достаточных сил для борьбы с Москвой и поехал в Литву к своему зятю Ольгерду за помощью.

Отъездом князя воспользовались его вассалы: дядя кашинский князь Василий Михайлович и двоюродный брат князь дорогобужский Еремей (Иремия) Константинович. Князь Василий с сыном Михаилом, с князем Еремеем и «со всею силою кашинскою и с полками московскими» подступил к Твери и осадил ее. Взять город не удалось, но окрестности Твери на правом берегу Волги были основательно разграблены.

Московская рать ушла, а через несколько дней явился князь Михаил Александрович «с полками литвы». Он разгромил дорогобужский уезд, сами князья бежали, а Михаилу удалось захватить в плен их жен, бояр и слуг. После чего тверской князь отправился со своей и литовской дружинами к Кашину. Но по дороге, в селе Андреевском, его ждали послы дяди от тверского епископа Василия. Бог, по словам летописца, «утишил ярость Михаила», и он помирился с дядей, а потом и с двоюродным братом Еремеем и с московским князем Дмитрием Ивановичем. Но еще в том же году Еремей сложил с себя крестное целование к Михаилу Александровичу и уехал в Москву.

В 1368 г. великий князь московский Дмитрий и митрополит Алексий зазвали к себе князя Михаила якобы в гости, а на самом деле устроили над ним третейский суд. После чего Михаила вместе с его боярами схватили и посадили под стражу, но вдруг узнали о неожиданном приезде трех ордынских князей. Князь Дмитрий и митрополит на всякий случай отпустили Михаила, хотя и заставили его отказаться от Городка и части удела Семена Константиновича (брата дорогобужского князя Еремея), где великий князь московский Дмитрий посадил своего наместника вместе с князем Еремеем.

Обиженный Михаил опять отправился жаловаться зятю. И осенью 1368 г. Ольгерд с большим войском двинулся на Москву. По словам летописца, у Ольгерда Гедеминовича был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход и зачем собирает большое войско, «этою-то хитростию он и забрал города и земли и попленил многие страны, воевал он не столько силою, сколько мудростию».

Обычно Ольгерд наступал на Москву с северо-запада, из района Ржева, чтобы иметь в тылу союзницу Тверь. Теперь же он напал с юго-запада.

Дмитрий Иванович разослал по всем городам грамоты для сбора войск, но ратники не успели прийти из отдаленных областей, и Дмитрий выслал против Ольгерда только сторожевой полк из москвичей, коломенцев и дмитровцев. Командовали полком московский воевода Димитрий Минин и Акинфа Федорович Шуба — воевода двоюродного брата князя Дмитрия Владимира Андреевича.

Между тем Ольгерд уже добрался до рубежей Московского княжества. Князь стародубский Семен Дмитриевич Крапива пытался задержать литовцев, но дружина его была разгромлена, а сам князь убит. Затем Ольгерд взял Оболенск[33], где был убит князь Константин Юрьевич, удельный князь оболенский, вассал Москвы.

Наконец 21 ноября 1368 г. на реке Тросне (приток Рузы) Ольгерд встретил московский сторожевой полк и разбил его; князья, бояре и воеводы — все погибли. Князь же Дмитрий заперся в Москве. Ольгерд быстро пошел к столице княжества. Дмитрий велел поджечь посады, а сам с митрополитом, двоюродным братом Владимиром Андреевичем, со всеми боярами и людьми заперся в новом каменном Кремле. Три дня Ольгерд стоял под стенами, но взять Кремля не смог, зато опустошил все окрестности, угнал много людей и весь скот.

Таким образом, князь Михаил Тверской был отомщен, Дмитрий вынужден был вернуть ему Городок и отобранную часть удела Семена Константиновича.

Но мир Москвы с Тверью и Литвой продержался совсем недолго. В 1370 г. большое войско, состоявшее из литвы, жмуди, руси и татар, под предводительством князей Ольгерда, его сына

Ягайло, Кейстута и его сына Витовта, вторглось в Пруссию, где великий магистр встретил его под замком Рудавою и наголову разбил.

Московский князь был несказанно рад поражению Ольгерда и в августе 1370 г. двинулся с ратью на Тверь. Великий князь Михаил Александрович по обычаю бежал в Литву, а великий князь Дмитрий Иванович вторгся в Тверское княжество, взял и сжег города Зубцов и Микулин и многие села, взял большой полон и угнал весь скот.

Ольгерд сумел собрать рать для отпора Москве лишь к концу1370 г. В рождественский пост он двинулся к Москве с братом Кейстутом, князьями Михаилом Тверским и Святославом Смоленским. Они подошли к Волоку Ламскому (Волоколамску) и с ходу начали штурм кремля. В ходе боя один литовец проткнул копьем князя Василия Березуйского, через час князь скончался, тем не менее, приступ был отбит. Три дня литовцы грабили окрестности, а затем двинулись к Москве. Осада была начата 6 декабря 1370 г. Великий князь Дмитрий Иванович остался в Кремле, а двоюродный брат его Владимир Андреевич начал сбор войска в Перемышле (северном). К нему подошли пронский князь Владимир Дмитриевич и полки рязанского князя Олега Ивановича.

Вскоре Ольгерд убедился, что Кремля ему не взять, и предложил Дмитрию Ивановичу мир, желая скрепить его браком своей дочери и князя Владимира Андреевича. Но Дмитрий Иванович согласился только на перемирие до Петрова дня. Ольгерд двинулся назад, шел с большой осторожностью, все время опасаясь погони. Тверской князь Михаил возвратился в Тверь и вскоре помирился с Дмитрием Ивановичем.

В 1371 г. великий князь московский зачем-то отправил войско на Рязань, хотя Олег Рязанский и помог ему в борьбе против Ольгерда. А в следующем 1372 г. опять началась война с Тверью.

Великий князь тверской Михаил Александрович сумел взять город Кистму[36], воеводы которого были схвачены и привезены в Тверь. Сразу после этого кашинский князь Михаил Васильевич отправил посла в Москву, заключил мир с князем Дмитрием и сложил крестное целование князю Михаилу Тверскому. А Михаил Александрович не остановился на Кистме и пошел к Дмитрову, взял с города откуп, а посады и окрестные села сжег, бояр и многих людей взял в плен. В то же время он тайно повел на Переяславль[37] литовскую рать Кейстута с сыном Витовтом, Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Друцкого, как и с Дмитрова, взял с Переяславля откуп, а окрестности пожег. Затем тверской князь повел литовскую рать на Кашин, который разделил участь Дмитрова и Переяславля.

Переяславль и Кашин были вынуждены покориться литовскому войску и выплатить большую контрибуцию, а кашинский князь вновь целовал крест Михаилу.

От Кашина союзники пошли к Торжку, взяли его, и Михаил Александрович посадил там своих наместников. Но в Петров пост к Торжку подошли давние союзники — новгородцы, и наместники Михаила со своим небольшим конвоем бежали из города. Тогда новгородцы отыгрались на тверских купцах. Узнав об этом, князь Михаил 31 мая 1372 г. вернулся к Торжку. Навстречу ему вышло новгородское войско. В этом бою новгородцы были наголову разбиты, а их воевода Александр Абакумович убит. Разгневанный Михаил сжег Торжок, а затем двинулся к Любутску, где стояла рать Ольгерда.

Через несколько дней после соединений тверичей с литовцами к Любутску скрытно подошла рать Дмитрия Ивановича. Москвичи внезапно атаковали и разгромили литовский сторожевой полк. Основные литовские силы и их русские союзники отошли за естественную преграду — крутой и глубокий овраг. Москвичи подошли к оврагу с другой стороны и так стояли несколько дней. В конце концов, стороны заключили перемирие «от Спожина заговенья до Дмитриева дня» (с 31 июля по 26 октября 1372г.). Договор был заключен от имени Ольгерда, Кейстута и великого князя смоленского Святослава Ивановича; в него включены также были тверской князь Михаил, брянский князь Дмитрий и те князья, «которые будут в имени Ольгерда и Святослава Смоленского». Трое князей рязанских (Олег, Роман и Владимир Пронский) находились на стороне Дмитрия Московского. Ольгерд поручился, что Михаил Тверской вернет все награбленное им в московских землях и отзовет оттуда своих наместников. Если же Михаил во время перемирия начнет грабить Московское княжество, то князь Дмитрий волен разделаться с ним, и литовские князья за него не вступятся. Дмитрий Иванович добился также для себя права покончить с Михаилом с помощью татарского хана: «А что пошли в Орду к царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы в божьей воле и в царевой: как повелит, так мы и будем

делать, и то от нас не в измену».

Далее по-прежнему происходили мелкие дрязги между Москвой и Тверью, но я их опускаю, поскольку литовские войска в них участия не принимали. Однако союз Твери с Литвой не только не был разорван, но и окреп вследствие бракосочетания дочери ольгердова брата Кейстута Марии и сына великого князя Михайла Александровича Ивана. Венчание состоялось в Твери летом 1375 г.

В следующем 1376 г. Дмитрий Иванович послал своего двоюродного брата Владимира Андреевича с войском к Ржеву. Рать три дня простояла под стенами, город так и не взяла и отошла, предварительно разграбив и предав огню посад. Но ожидаемого в Москве ответного похода литовцев не было, так как в 1377 г. скончался князь Ольгерд. Замечу, что перед смертью Ольгерд принял монашеский сан и переменил мирское православное имя Александр на монашеской Алексей.

ГЛАВА 6

ЛИТВА НА РАСПУТЬЕ. УНИЯ ИЛИ НЕЗАВИСИМОЕ КОРОЛЕВСТВО?

После смерти Ольгерда великим князем литовским стал его сын Ягайло (православное имя Яков, 1350—1434 гг.). Его дядя Кейстут, князь трокский (тройский) без колебаний присягнул племяннику. Однако у Ольгерда был еще и старший сын Андрей, который по феодальному праву должен был наследовать отцу. Он княжил в Полоцке и после смерти Ольгерда заявил было свои права на престол, но, не получив ниоткуда помощи, вынужден был уступить Ягайло. Андрей лишился своего удела, бежал в Псков, где псковичи посадили его на княжение с согласия великого князя Дмитрия Ивановича, к которому Андрей ездил в Москву.

Московский князь решил воспользоваться смутой в Литве, и в 1379 г. Андрей Ольгердович вместе с серпуховским князем Владимиром Андреевичем и московским воеводой Дмитрием Михайловичем Волынским двинулись на Литву, взяли города Трубчевск и Стародуб, разграбили многие городки и села и возвратились с большой добычей.

Сын Ольгерда Дмитрий, князь трубчевский, не сопротивлялся московским полкам. Он покинул город вместе с семьей и боярами, поехал в Москву и стал служить великому князю московскому, как выразился летописец, «урядился в ряд и крепость взял». Дмитрий Иванович принял его хорошо и дал в удел город Переяславль со всеми пошлинами.

Усобица между Ягайло и Андреем Ольгердовичами почти не сказалась на жизни Литовского княжества. Но через некоторое время началась куда более сильная усобица между Ягайло и Витовтом.

В Полоцке после изгнания Андрея Ольгердовича княжил сын Кейстута Андрей по прозвищу Горбатый. Ягайлу и его фавориту Войдылло хотелось отнять эту волость у Кейстутовича и отдать ее родному брату Ягайло Скиригайло (1352 —1394 гг.).

Скиригайло (Скиргайло) был сыном Марии Александровны Тверской. Но, как и отец, он наряду с православными обрядами не брезговал и языческими. В литовской глубинке это лишь прибавляло ему популярности. Но в Полоцке выполнение языческих обрядов кончилось для Скиригайло печально. Разъяренная толпа горожан посадила князя задом наперед на старую клячу и под свист и улюлюканье погнала ее к городским воротам. В Придвинье еще и сейчас жива поговорка: «Поехал, как Скиригайло с Полоцка». Наука пошла Скиригайло на пользу: вернувшись через несколько лет в Полоцк как великокняжеский наместник, он крестился, принял православное имя Иван и вел себя как примерный христианин.

Великий князь литовский Ягайло выслал в Полоцк против Андрея Ольгердовича войско, к литовцам присоединились и немцы. Но полочане объявили, что скорее сдадутся немцам, чем Скиригайло и отразили все приступы литовцев.

Князь Кейстут, узнав о полоцких событиях, пожаловался своему сыну Витовту на Ягайло: «За Войдылла отдал мою племянницу, уговорился с немцами на мое лихо, а вот теперь с кем мы воевали? С немцами? А он с ними заодно добывает Полоцка». Витовт ответил, что не верит он в такое коварство Ягайло, и выехал в Дрогичин, а оттуда — в Гродно. Но старик Кейстут не разделял сомнений сына и решил для собственной безопасности опередить Ягайло. Он неожиданно явился с большой ратью под стенами Вильно, занял город, взял в плен Ягайло со всем

семейством, захватил все грамоты, в том числе и последний договор Ягайло с немцами. Ягайло был вынужден обещать никогда не воевать против Кейстута, и тогда его отпустили в Витебск.

На некоторое время великим князем литовским стал Кейстут, но вскоре Ягайло удалось обманом захватить Кейстута и Витовта, и через пять дней старый дядя был удушен в тюрьме. А тяжело больного Витовта и его жену Анну Ягайло вывез в Крево, где держал под крепкой стражей. Витовт вскоре поправился, но посчитал нужным еще попритворяться хворым. Жена ежедневно навещала его вместе с двумя служанками. Наконец она получила от Ягайло разрешение только для одной себя ехать в Моравию. В ночь перед отъездом Анна пришла проститься с мужем и задержалась у него дольше обычного: в это время Витовт переодевался в платье одной из служанок, Елены, которая осталась вместо него. Витовт же спокойно вышел с женой из тюрьмы, нашел лошадей, высланных из Волковыска от тамошнего тиуна, и вскоре был уже в Слониме, оттуда поехал в Берестье и на пятый день был уже в Полоцке. Елена, не вставая с постели, так хорошо изображала больного князя, что только на третий день Ягайло доложили о его бегстве, и разгневанный князь велел убить служанку.

Смуты в Литве дали возможность Дмитрию Ивановичу заняться ордынскими землями. В 1380 г. ему удалось разбить войско хана Мамая. Замечу, что в этой битве отличились два сына Ольгерда — Андрей и Дмитрий. О защите же Москвы литовским князем Остеем в 1382 г. от орды Тохтамыша будет рассказано в главе 7.

В «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева говорится, что рязанский князь Олег «спешил войти в переговоры с Мамаем и с Ягайлом литовским. Говорят, будто Олег и Ягайло рассуждали так: «Как скоро князь Димитрий услышит о нашествии Мамая и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в дальние места или в Великий Новгород или на Двину, а мы сядем в Москве и во Владимире; и когда хан придет, то мы его встретим с большими дарами и упросим, чтоб возвратился домой, а сами, с его согласия, разделим Московское княжество на две части — одну к Вильне, а другую к Рязани, и возьмем на них ярлыки и для потомства нашего»[38]. Ягайло де собрал большое войско и двинулся на помощь хану, но опоздал: Дмитрий Донской уже разбил Мамая. Приблизительно так писали и в советских школьных и вузовских учебниках по истории.

На самом же деле у советских историков не было достоверных данных о походе и намерениях Ягайло. Литовский князь действительно шел к Дону, но не через находившеюся под его властью Северскую землю, а через владения союзников Дмитрия Донского — черниговских князей. Естественно, что через враждебные земли литовское войско шло с боями.

Видимо, Ягайло и не торопился соединиться с Мамаем, ему было гораздо важнее использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своего влияния в землях бассейна верхней Оки. В «Летописной повести» говорится, что литовцы «не поспеша... на срок за малым, за едино днище или менши», то есть, находились на расстоянии одного дневного перехода от места сражения. А по «Сказанию о Мамаевом побоище» выходит, что Ягайло дошел до Одоева, находившегося в 140 км от Дона, и, узнав о выступлении войска Дмитрия Донского к Дону, «пребысть ту оттоле неподвижным».

Однако если говорить честно, то сейчас никто не знает, где конкретно произошла знаменитая Куликовская битва. Согласно «Полному географическому описанию нашего Отечества», изданному в 1902 г. иод редакцией П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Куликово поле представляло собой степную «поляну», протянувшуюся на 100 км по всему югу нынешней Тульской области с запада на восток (от верховья реки Снежедь до Дона) и на 20 —25км с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши).

Внимательный читатель спросит, а как же быть с памятником русским воинам, стоящим на Куликовом поле? Все очень просто. В июне 1820 г. тульский губернатор В.Ф. Васильев поставил вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия в 1380 году». А дальше все, как положено: велело начальство, и нашли место битвы.

На мой взгляд, нельзя полностью исключить желание Ягайло соединиться с Мамаем для разгрома московской рати. Однако вероятность этого крайне мала. Видимо, Ягайло просто решил подстраховаться. А вдруг Дмитрий заплатит большую дань Мамаю, помирится с ханом, а затем хан один, а то и вместе с Дмитрием отправится грабить Литовскую землю. Так много раз бывало у золотоердынцев и будет у крымских татар.

Этот вариант еще более вероятен, если вспомнить, что поход Мамая в 1380 г. был не карательным, как, например, «Дюденева рать» или «Неврюева рать», а чисто грабительским. В Орде была большая усобица, и один из претендентов на ханский престол[39] и, надо сказать,

незаконный, поскольку Мамай не был Чингизидом, решил подкормить свою рать. Татарская орда должна была сходить «за зипунами» в Москву, а затем вновь участвовать в борьбе за золотоордынский престол.

После разгрома Москвы Тохтамышем в 1383 г. в Орду за ярлыком на великое княжение владимирское отправились конкуренты: тверской князь Михаил Александрович с сыном Александром и Василий, сын Дмитрия Донского. Хан быстро понял, что с тверичей взять нечего и 6 декабря 1383 г. отослал Михаила Александровича в Тверь, «несолоно хлебавши». А за Василия Дмитриевича (будущий великий князь московский Василий I, 1371 — 1425 гг.) Тохтамыш вначале потребовал восемь тысяч золотых монет. То ли денег у Донского не было, то ли не особенно жаловал он несильного умом первенца, но Москва денег не дала. Зато в конце 1385 г. молодому князю удалось бежать.

Как не принижалась роль личности в истории, а ведь именно отдельные личности на столетия определяли развитие одной страны, а то и мира в целом! Одна меткая татарская стрела, выпущенная в спину княжича Василия Дмитриевича, в корне бы изменила русскую историю. Мы не получили бы двух слабых и тугоум-ных Василиев (I и II), управляемых московскими боярами, не было бы тридцатилетней кровавой гражданской войны на Руси. Московским князем стал бы Юрий Дмитриевич — храбрый воин, мудрый стратег и политик. С ордынской зависимостью было бы покончено в самом начале XV века. Но, увы, увы...

Целый и невредимый Василий Дмитриевич бежал из Орды, причем, обманывая погоню, устремился на юг, а оттуда, через Литву, пробрался в Москву. В Литве он оказывается в руках Витовта, который заставил княжича принять ряд обязательств перед Литвой, в том числе жениться на дочери Витовта.

Сам же Витовт в начале 80-х годов XIV века не на жизнь, а на смерть воевал со своим двоюродным братом Ягайло за власть над Литвой. При этом Витовт, вступив в союз со злейшим врагом Литвы Тевтонским орденом, принял католичество. Но в 1384-1385 гг. двоюродные братья помирились и Витовт вместе начали бить немцев, а Витовт поменял католичество на православие.

Смоленские князья попытались воспользоваться смутой в Литве и отбить город Мстиславль, который принадлежал смоленским князьям, но затем был захвачен литовцами. Чтобы избежать обвинений в предвзятости, процитирую С.М. Соловьева: «В 1386 году смоленский князь Святослав Иванович с сыновьями Глебом и Юрием и племянником Иваном Васильевичем собрал большое войско и пошел к Мстиславлю, который прежде принадлежал смоленским князьям и потом был у них отнят литовцами. Идучи Литовскою землею, смольняне воевали ее, захватывая жителей, мучили их нещадно различными казнями, мужчин, женщин и детей: иных, заперши в избах, сжигали, младенцев на кол сажали. Жители Мстиславля затворились в городе с наместником своим, князем Коригайлом Ольгердовичем[40]; десять дней стояли смольняне под Мстиславлем и ничего не могли сделать ему, как в одиннадцатый день поутру показался в иоле стяг литовский: то шел великий князь Скиригайло Олгердович; немного подальше выступил другой полк — вел его князь Ди-митрий-Корибут Олгердович, за полком Корибутовым шел полк Симеона Лугвения Олгердовича, наконец, показалась и рать Витовтова. Литовские полки быстро приближались; смольняне смутились, увидевши их, начали скорее одеваться в брони, выступили на бой и сошлись с литовцами на реке Вехре под Мстиславлем, жители которого смотрели на битву, стоя на городовых забралах. Битва была продолжительна, наконец, Олгердовичи одолели; сам князь Святослав Иванович был убит одним поляком в дубраве; племянник его Иван был также убит, а двое сыновей попались в плен. Литовские князья вслед за бегущими пошли к Смоленску, взяли с него окуп и посадили князем из своей руки Юрия Святославича, а брата его Глеба повели в Литовскую землю»[41] .

А теперь мы перенесемся в Польшу, где династический кризис инициировал ряд судьбоносных событий, круто изменивших историю Польши и Литвы. В 1370 г. умер польский король Казимир III. Он был бездетен, и при нем на польском престоле пресеклась династия Пястов, правившая с X века. Правда, в Моравии вассальные князья — потомки Пястов, правили до 1526 г., а в Силезии — до 1675 г. После этого Пясты все вымерли. В XVII — XVIII веках же Пястами назывались польские короли или претенденты на престол, которые были просто этническими поляками, а вовсе не прямыми потомками древних Пястов (например, Любомирские).

Казимир III назначил наследником сына своей дочери Людовика, короля Венгрии, который по отцу принадлежал к Анжуйской династии. Оттуда и его прозвища — Людовик Венгерский и

Людовик Анжуйский.

Итак, в 1370 г. Людовик стал одновременно и польским, и венгерским королем. Все двенадцать лет своего правления Людовик постоянно жил в Венгрии и мало уделял внимания Польше.

В 1374 г. Людовик издал так называемый «Кошицкий приви-лей», освобождавший панов и шляхту от всех государственных повинностей, за исключением военной повинности в пределах страны и небольшой денежной платы. Он обратил бенефиции польского дворянства в наследственные владения. Кроме того, в этом «привилее» король обязался назначать на должности в областях только представителей местной знати.

Кошицкий «привилей» представлял собой первый «привилей», выданный польскому дворянству — панам и шляхте — как сословию. До этого времени существовали лишь привилегии типа иммунитетов, выдававшиеся отдельным лицам. Время правления Людовика Венгерского отличалось крайним своеволием шляхты, грабежами, разбоями и другими проявлениям феодальной анархии.

«Кошицкий привилей» свел уплату податей шляхтой и панами к чистой формальности, тем самым значительно уменьшив постоянные доходы короля и поставив финансы государства в зависимость от панов и шляхты. Для разрешения новых податей шляхта стала собираться на местные съезды — сеймики, которые скоро стали органами власти шляхты на местах.

В 1382г. умер Людовик Венгерский. Он не имел сыновей и поэтому назначил наследником польского престола мужа своей старшей дочери Марии Сигизмунда — маркграфа бранденбургского, сына чешского короля и немецкого императора Карла IV. Но польские вельможи решили присягнуть второй дочери Людовика, одиннадцатилетней Ядвиге, и самим выбрать ей мужа.

Но самое забавное, что Ядвига была уже... замужем. Ее обвенчали в 7 лет с десятилетнем австрийским герцогом Вильгельмом.

Но сразу после церемонии детишкам объявили, чтобы они шли по домам, а выполнять супружеские обязанности Ядвига должна была начать с 12 лет.

Ряд польских магнатов нашли Ядвиге нового мужа — мазо-вецкого князя Семовита, прямого потомка Пястов. Немедленно началась кровавая усобица между сторонниками Сигизмунда и Семовита.

В ходе войны оба претендента успели разонравиться польским магнатам, и было решено сделать Ядвигу королевой и подыскать ей еще одного жениха. В 1385 г. к Ядвиге прибыли литовские послы и предложили ей в мужья князя Ягайло. Послы обещали, что жених и все его родственники, вельможи и народ примут католичество, все польские пленные, захваченные литовцами в предыдущих войнах, будут отпущены без выкупа, Ягайло поможет вернуть Польше все потерянные земли, привезет в Польшу некоторые отцовские и дедовы сокровища, заплатит некую сумму Вильгельму австрийскому за отказ от жены.

Однако Ядвига и слышать не хотела о сыне Ольгерда. По ее зову в Краков приехал герцог Вильгельм. Он тайно проник в замок Вавель, где жила Ядвига. Супруги на радостях устраивают пир. Но когда Ядвига ушла в спальню, на неудачливого мужа напали свирепые придворные паны, и Вильгельму пришлось спешно ретироваться через окно по веревочной лестнице. Полуодетая Ядвига выскочила на двор, но дубовые ворота заперты. Придворные не решились дотронуться до своей королевы, но и не открыли ворота. Тринадцатилетняя жена-девственница схватила тяжелый топор и рубила дубовые ворота. Ударив несколько раз, королева убедилась в напрасности своих усилий, бросила топор и горько заплакала. Тогда один из вельмож упал перед ней на колени и стал умолять пожертвовать своим личным счастьем для блага отечества.

Плачущая девочка пошла в церковь, где ксендзы начали петь ей ту же песню, что и придворные. Ради такого случая ксендзы объявили ее брак фиктивным, то есть не имеющим законной силы.

А между тем Ягайло с большой свитой приближался к польской столице. Вельможи вновь стали уговаривать Ядвигу не отказываться от брака с литовским князем и заслужить славу просветительницы его народа. В конце концов, уговоры, а также появление самого Ягайло, который оказался не уродливым варваром, а мужчиной вполне приятной наружности, оказали нужное воздействие на королеву.

14 августа 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии (объединении Литвы и Польши). С литовской стороны его подписали великий князь литовский Ягайло и его братья Скири-гайло, Корибут, Витовт и Лугвен. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, навсегда присоединить к

Польскому королевству Великое княжество Литовское. Замечу, что польские паны сами толком не знали, с кем они объединяются. В частности, в старопольском языке литовец назывался шзт (русин), то есть, так же, как ляхи в X —XIII веках называли русских.

Весной 1386 г. совершилось бракосочетание Ягайло с Ядвигой, имевшее огромное значение для судеб государств Восточной Европы. Согласно условиям унии, Ягайло отрекся от православия, а имя Ягайло переменил на имя Владислав. Ему последовали родные братья Ольгердовичи, в который раз сменил веру и двою- родный брат Витовт, приехавший на свадьбу. Так Ядвига вышла замуж за Ягайло, не разведясь с Вильгельмом, что, впрочем, не помешало в 1979г. папе Иоанну Павлу II объявить королеву Ядвигу блаженной.

Одним из первых деяний нового короля стала инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что но нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386г. вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волын-ский князь Федор Данилович и новгород-северский князь Дмитрий-Корибут. Примечательно, что новгород-северские князья и бояре, в свою очередь, поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он вознамерится выйти из-под власти Польского королевства. Федор Данилович и другие волын-ские князья в 1388 г. поручились за волынского князя Олехна. Обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось нелегко. Католиков там к 1385 г. почти не было. Православие в Литве распространялось почти 150 лет, но очень медленно, поскольку, как писал С.М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны власти». Так, к примеру, в столице Вильно около половины жителей исповедовали православие. В сельских же местностях Литвы население было почти на сто процентов язычниками. Соответственно, население Малой и Белой Руси было на сто процентов православным.

Католические миссионеры рьяно взялись за обращение в свою веру населения Литвы. Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 г. дал «привилей» литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот «привилей» даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой «привилей», который разрешал всем литовцам принять католичество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство — от юрисдикции светского суда.

Тем не менее, большинство православных и язычников в Литве сохранило свою веру. Православным остался даже родной брат Ягайло Скиригайло.

При Ягайло в Литве появились первые «православные мученики», ставшие жертвами католического фанатизма. Видимо, и православные периодически давали отпор. Так, известно, что Андрей Ольгердович, княживший в Пскове, двинулся в Литву и вторично овладел Полоцком. При этом Андрей заявил, что Ягайло, приняв католичество, не имеет более права владеть православными областями, Андрей объединился с немецкими рыцарями, которые опустошили литовские владения больше, чем на сто верст. Война эта кончилась тем, что другой брат Ягайло, Скиригайло, взял Полоцк, захватил в плен Андрея, а его сына убил.

Следствием унии стала и ликвидация удельных княжеств на русских землях, находившихся в вассальной зависимости от великого князя московского.

В 1387 г. у удельного князя острожского Федора Даниловича по приказу Ягайло изымается Луцкая земля и передается во владение «до королевской воли» (то есть во временное владение) Витовту. Старостой же Луцка, то есть соправителем Витовта, Ягайло назначает поляка — сандомирского каштеляна'[12] Кресла-ва из Курозвенков. В 1390г. князь Федор Любартович по воле короля потерял последнюю волость своего Волынского княжества — Владимир Волынский с окрестностями. Так волынские земли перешли в непосредственную зависимость от Польского королевства. Весной 1393 г., потерпев поражение в сражении под Докудовом с войском Витовта и Скиригайло, лишился своего удела новгород-северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович. Наместником же в Новгород-Северское княжество король назначает утратившего свой волынский удел князя Федора Любарто-вича.

Весной 1393 г. Витовт во главе польского королевского войска вторгся в Подолию и занял замки Брацлава, Каменца, Смотрича, Скалы и Чернева. Подольский князь Федор Кориатович бежал в Закарпатье, а Витовт получил Брацлавщину от короля в вассальное владение. Западная Подолия с центром в Каменце стала еще более зависима от Польши, издавна претендовавшей на эти земли. В 1395 г. грамоту короля Ягайло на владение Западной Подолией «на полном княжеском праве» получил краковский воевода Спытко Мелыштинский.

Киевский удельный князь Владимир Ольгердович по настоянию Ягайло выдал ему одну за другой три присяжные грамоты (в 1386, 1387 и 1388 годах) с обещанием верности ему и полькой короне. Обратим внимание, как сразу же ляхи положили глаз на Киев! В конце 80-х — начале 90-х годов XIV века возникла очередная усобица между Ягайло и Витовтом, но в 1392 г. они заключили мир. По нему князь Скиригайло Ольгердович потерял литовские владения, а взамен ему дали Киевскую землю. Однако окончательно выбить князя Владимира Ольгердовича из Киева удалось лишь в 1395 г. Взамен Витовт дал ему маленький Копыльский удел. Владимир «бегал в Москву», ища помощи у московского князя, но безуспешно, и дожил свой век в Копыле. Но захоронен он был, однако, в Печерском монастыре.

Скиригайло не просидел в Киеве и года и умер 10 января 1397 г., не оставив потомства. Предположительно он был отравлен. Киевская земля отошла к Витовту. Но он не отдал ее, по обычаю своему, близкому родственнику, а назначил в Киев наместника Ивана, сына Ольгимонта, князя Гольшанского.

Тут мы сделаем маленькое отступление, чтобы показать планы Витовта в отношении северо-западной Руси. В 1398 г. Витовт заключил договор с Тевтонским орденом, пообещав помощь в завоевании Пскова. За это Орден обязался помогать Витовту в завоевании Великого Новгорода. Но поход этот был отложен, поскольку Витворт посчитал, что вмешательство в ордынские дела сулит ему гораздо большие выгоды.

Хан Тохтамыш, изгнав своего конкурента Тамерлана на юг, было утвердился на золотоордынском престоле, но вскоре сам был изгнан ханом Темир-Кутлуем. Тогда Тохтамыш вступил в союз с Витовтом, который обещал ему возвратить престол с тем, чтобы хан потом помог ему овладеть Москвой.

В 1399 г. Витовт собрал огромное войско: кроме руси, литвы, жмуди и тохтамышевых татар, были полки волошские, польские и немецкие (находившийся в то время в мире с Витовтом великий магистр Тевтонского ордена прислал ему большой отряд). Летописец одних князей только насчитал в этом войске до пятидесяти человек.

Перед началом похода к Витовту прибыли послы от Темир-Кутлуя с посланием хана: «Выдай мне беглого Тохтамыша, он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша. Нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только что чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг. Так выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе». Витовт велел ответить на это: «Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам».

Свидание состоялось на берегу реки Ворсклы. Войска Витовта первыми атаковали татар. Замечу, что Витовт в бою широко использовал пушки и нищали. Но огнестрельное оружие было татарам не в новинку и не решило дело. Свежие татарские полки атаковали с флангов войско Витовта и устроили ему небольшие «канны».

Поражение было страшным, Витовт бежал с несколькими дружинниками, а татары гнались за ним пятьсот верст до самого Киева. Встав иод стенами города, Темир-Кутлуй распустил свое войско «воевать Литовскую землю, и ходила татарская рать до самого Луцка, опустошив все на своем пути». Киев откупился тремя тысячами рублей, причем Печерский монастырь дал от себя тридцать рублей, и хан ушел в свои степи, оставив Литовскую землю «в плаче и скудости».

После Ворсклы Витовт притих и в 1400 г. заключил мир с Великим Новгородом «по старинке». А в это время смоляне, которых тяготило литовское господство, вошли в сговор со своим князем Юрием Святославичем, жившим у тестя князя Олега Ивановича в Рязани. Юрий пришел к тестю и стал просить: «Пришли ко мне послы из Смоленска от доброхотов моих, говорят, что многие хотят меня видеть на отчине и дедине моей. Сотвори, господин, христову любовь, помоги, посади меня на отчине дедине моей, на великом княжении Смоленском».

И вот в 1401 г. князь Олег Рязанский вместе с Юрием и князьями пронским, муромским и козельским отправились к Смоленску. Подойдя к городу, Олег велел передать его жителям: «Если не отворите города и не примете господина вашего, князя Юрия, то буду стоять здесь долго и предам вас мечу и огню. Выбирайте между животом и смертию». Смоленск сдался без боя.

Тем не менее, Юрий Святославич начал свое правление с того, что убил наместника Витовта брянского князя Романа Михайловича вместе с его боярами, а потом перебил и всех смоленских бояр, преданных Витовту. Олег же с войском пошел дальше, изрядно пограбил Литву и с большой добычей вернулся в Рязань.

В 1404 г. Витовту удалось окончательно присоединить Смоленские земли к Великому княжеству Литовскому (об этом подробно рассказано в главе 9).

Ободренный захватом Смоленска Витовт в следующем 1405 г. двинулся на Новгород, но это была лишь военная хитрость. Вместо Новгорода он обрушился на Псковскую землю. Псковичи были застигнуты врасплох и не успели собрать рать. Как писал С.М. Соловьев: «Витовт взял город Коложе и вывел 11 000 пленных, мужчин, женщин и детей, не считая уже убитых. Потом стоял два дня под другим городом, Вороначем[43], где литовцы накидали две лодки мертвых детей: такой гадости, говорит летописец, не бывало с тех пор, как Псков стоял»[44].

Псковичи послали в Новгород за помощью, и новгородцы прислали полки с тремя воеводами. Но к этому времени Витовт уже покинул русскую землю. Псковичи решили отомстить ему походом на Литву и звали с собой новгородцев: «Пойдемте, господа, с нами на Литву, мстить за кровь христианскую». Новгородские воеводы не захотели связываться с литовским князем и отвечали псковичам: «Нас владыка не благословил идти на Литву, и Новгород нам не указал, а идем с вами на немцев». Тогда псковичи отправили новгородцев домой и выступили в поход одни. Они заняли и разграбили Ржев, в Великих Луках взяли Коложский стяг, бывший у литовцев в плену, и с богатой добычей возвратились в Псков.

В 1406 г. псковское войско вошло в пределы Литвы и осадило Полоцк. Взять город с ходу не удалось, и русские, простояв три дня и, естественно, ограбив окрестности, удалились.

Судя по всему, у Витовта с Василием I по поводу Смоленска был какой-то уговор, но захват тестем Пскова и Новгорода зятя явно не устраивал. Василий сложил с себя крестное целование Витовту и послал полки на Литву. Московский князь заставил «кнутом и пряником»[45] тверского князя Ивана Михайловича (ок. 1357 —1425 гг.) отправить и свою рать на соединение с москвичами. Правда, сам князь Иван не поехал, а послал своих братьев Василия и Федора, своего сына Ивана и Ивана Еремеевича Дорогобужского. Но тверичей Василию показалось мало, и он позвал с собой еще татарское войско.

Как уже говорилось, попытки окатоличить Литву пришлись не по нраву многим князьям — вассалам Витовта. Но первое время им пришлось помалкивать, так как помощи ждать было неоткуда, кроме как от иноверного Тевтонского ордена. Сильный единоверный московский князь постоянно находился в союзе с Витовтом. Но когда дружба эта сменилась враждой, недовольные литовские князья увидели убежище в Москве. Первым из Литвы на службу к великому московскому князю приехал князь Александр Нелюб, сын князя Ивана Ольгимантовича. Василий принял Александра «с любовью и дал ему в кормление Переяславль». Узнав об этом, в Москву отправилось еще несколько литовских князей.

Осенью 1406 г. русская и литовская рати встретились на реке Плаве близ Крапивны[46]. У Витовта тоже было большое войско, усиленное поляками и жмудью. Войско Василия I было явно сильнее, но московский князь был трусоват и вместо битвы решил вступить в переговоры с тестем. Не исключается и сильное влияние на мужа великой княгини Софьи Витовтовны, которая, как показали дальнейшие события, была энергичной и властной, хотя и не особенно умной.

Так или иначе, но 1 октября 1406 г. стороны согласились на перемирие до 16 мая 1407 г. Перемирие ничего не давало Василию, а главное, очень обидело его союзников. Больше всех обиделись тверичи, поскольку в грамоте о перемирии ни тверской князь, ни тверское войско даже не упоминались. Татары пришли не из-за красивых глаз Василия Дмитриевича, а «за зипунами». Обманутые татары удалились, но по пути в порядке компенсации изрядно пограбили московские земли.

В следующем 1407 г. боевые действия первым начал Витовт, заняв город Одоев. В ответ Василий I с большим войском двинулся на Литовскую землю, взял и сжег город Дмитровец, но, встретившись с тестем у Вязьмы, опять заключил перемирие, и оба князя разъехались по домам.

В июле 1408 г. родной брат короля Ягайло северский князь Свидригайло Ольгердович отъехал из Литвы в Москву. Свидри-гайло был постоянным и очень опасным соперником Витовта, поскольку пользовался любовью православного населения Южной Руси. Вместе с северским князем уехали черниговский архиепископ, шесть князей Юго-западной Руси и многие северские и черниговские бояре. Василий I несказанно обрадовался приезду Свидригайло и дал ему в кормление город Владимир со всеми волостями, пошлинами и селами, а еще Переяславль

(отобранный у князя Нелюба), Юрьев Польский, Волок Ламский, Ржев и половину Коломны.

В сентябре того же года московские и татарские полки уже стояли на литовской границе на берегу реки Угры, а на противоположном берегу стоял Витовт с поляками, немцами и жмудью. Но опять князья, простояв так несколько дней, заключили перемирие и разошлись.

После мира на Угре Витовт до конца княжения Василия I (1425 год) не воевал Московские земли. Это в известной степени было связано с попыткой Витовта отделиться от Польши. В 1398 г. королева Ядвига прислала Витовту письмо, в котором говорилось, что Ягайло отдал ей княжества Литовское и Русские в вено, поэтому она теперь имеет право на ежегодную дань с этих княжеств. Витовт собрал сейм в Вильно и спросил литовских и русских бояр: «Считают ли они себя подданными короны Польской в такой степени, что обязаны платить дань королеве?» Ответ был единогласным: «Мы не подданные Польши ни под каким видом. Мы всегда были вольны, наши предки никогда полякам дани не платили, не будем и мы платить, останемся при нашей прежней вольности». После этого поляки больше не говорили о дани, но Витовт и бояре не могли забыть об этом и стали думать, как бы им освободиться от номинального подчинения Польше. Однажды во время обеда, данного в честь заключения мира с Тевтонским орденом, бояре провозгласили тост за *короля литовского и русского* и попросили Витовта впредь его так величать. Витовт на этот раз заскромничал и сказал, что пока не смеет считать себя достойным такого высокого титула.

Тем не менее, Литве пришлось вновь сплотиться с Польшей перед лицом страшного общего врага — Тевтонского ордена. Наконец, в сражении у Грюнвальда в 1410 г. объединенному польско-литовскому войску иод предводительством Ягайло и Витовта удалось наголову разгромить войско Ордена. В сражении участвовали и русские полки: смоленский, полоцкий, витебский, киевский, пинский и другие. Замечу, что использование пушек в полевом сражении не помогло магистру фон Юнгингену, как и не помогло 11 лет назад Витовту в битве на реке Ворксле.

В феврале 1425г. умер великий князь московский Василий I. В этом случае по завещанию Дмитрия Донского великокняжеский стол должен занять средний сын Донского Юрий Галицкий (ок. 1374—1434 гг.) [47]. Но у московских бояр, вдовы Василия Софьи Витовтовны и митрополита Фотия иное мнение — они сажают на престол девятилетнего мальчика Василия II (1415 — 1462гг.). Дружина галицкого князя была существенно меньше московской. Тем не менее, московские бояре обратились за помощью в Орду. Как уже говорилось, к этому времени Золотая Орда, распираемая внутренними противоречиями, сильно ослабла. Казалось, что времена, когда московские князья ходили за ярлыком к золотоордынскому хану, давно миновали. Василий I наследовал Дмитрия Донского по завещанию последнего, не спрашивая хана. Но тут московские бояре поехали на поклон к хану Улу-Мухаммеду. Московские бояре подкупили ряд татарских вельмож, а боярин Иван Дмитриевич Всеволжский заявил Улу-Му-хаммеду: «Государь, вольный царь. Позволь молвить слово мне, холопу великого князя. Мой государь великий князь Василий ищет стола своего великого княжения, а твоего улуса, по твоему царскому жалованию, и но твоим девтерям (записям) и ярлыкам». Таким образом, хану дали понять, что Василий II будет его послушным слугой. Да и без этого хан мог легко сообразить, что девятилетний ребенок на московском престоле куда менее опасен, чем его пятидесятилетний дядя, храбрый воевода, правивший 36 лет полунезависимым княжеством. Естественно, хан выдал ярлык Василию П.

Тем не менее, и татарской помощи московским боярам показалось мало, и они обратились к Витовту. Литовский князь, как уже говорилось, до смерти Василия I был его примерным соседом, но, узнав о смерти зятя, начал озорничать в Псковских землях.

1 августа 1426 г. Витовт осадил крепость Опочку. В его войске, кроме литовцев, были наемники (немцы, чехи и волохи), а также татары из дружины свергнутого уже к тому времени золото-ордынского хана Улу-Мухаммеда. Два дня литовское войско безрезультатно простояло под стенами города, и тогда Витовт решил найти другое место в псковской обороне, которое можно было бы прорвать. 5 августа литовское войско подошло к Вороначу. Защитники крепости мужественно оборонялись три недели, несмотря на то, что литовцы использовали большие пушки. Под крепостью Котелно четыреста псковичей разбили семитысячный отряд литовцев и татар. Видимо, эти цифры не точны, но факт победы псковичей не вызывает сомнения. У крепостицы Велье жители города Острова уничтожили татарский отряд из сорока человек. Мужественно сражались и жители города Врева. Так что легкой прогулки у Витовта не вышло. Не поддержал литовского князя и Орден, державший во время этой войны нейтралитет. Дело кончилось уступкой Псковом по московской летописи трех тысяч рублей, а по тверской летописи — тысячи рублей за захваченных в плен псковичей.

Но вот 14 августа 1427 г. Витовт писал магистру Ливонского ордена: «…как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту». Итак, наступил звездный час великого литовского князя — ему покорилась Москва! Ради своих привилегий местные бояре готовы были отдать могучее государство и хану, и Витовту, лишь бы не оказаться под властью Юрия Дмитриевича. Правда, если говорить серьезно, славный витязь Юрий (Георгий) был достойным противником. Забегая вперед, скажу, что именно он, став московским князем, начал впервые чеканить монеты с изображением Георгия Победоносца, и многие русские люди олицетворяли князя с его святым покровителем.

Русские летописи подтверждают факт обращения Софьи Ви-товтовны и московских бояр к Витовту. С 25 декабря 1426г. по 15 февраля 1427г. у литовского князя находился с дипломатической миссией московский митрополит Фотий. Тем не менее, эту постыдную историю постарались забыть как монархические, так и советские историки.

Вслед за малолетним Василием II на поклон к Витовту кинулись удельные князья — вассалы и союзники Москвы. Вот, к примеру, договор рязанского князя Ивана Федоровича с великим князем литовским: «Я, князь великий Иван Федорович рязанский, добил челом господину господарю своему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнется ссора между великим князем Витовтом и внуком его великим князем Василием или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости».

В том же 1427 г. великий тверской князь Борис Александрович стал вассалом Литвы. В договоре говорилось: «Господину, господарю моему, великому князю Витовту, са язъ... добилъ семи челом, дался если ему на службу... А господину моему, деду, великому князю Витовту, меня, князя великого Бориса Александровича тверского боронити ото всякого, думаю и помощью. А в земли и в воды, и во все мое великое княженье Тверское моему господину, деду, великому князю Витовту не вступаться».

Итак, Борис Тверской признал Витовта своим господином, что же касается «деда», то дед Бориса Иван Михайлович был первым браком женат на сестре Витовта, то есть Витовт приходился Борису двоюродным дедом.

В силу этого договора в июле 1428 г. Борис Александрович послал свои полки на помощь литовскому сюзерену в походе на Новгород.

Витовту удалось взять Себеж, но крепость Порхов оказала ожесточенное сопротивление литовцам. Они стреляли по крепости из пищалей, тюфяков (род гаубиц) и пушек. Ответным огнем осажденным удалось взорвать огромную литовскую пушку «Галка» и убить немца Николая, заведовавшего осадной артиллерией. В итоге Порхов взять не удалось. Витовт взял выкуп за пленных пять тысяч рублей с Новгорода и столько же с Порхова и на том отправился восвояси. По словам летописца, Витовт сказал новгородцам, принимая у них деньги: «Вот вам за то, что называли меня изменником и бражником».

Угроза похода Витовта на Галич произвела должное действие на Юрия Дмитриевича, и 11 марта 1428г. между Москвой и Галичем был заключен мир, по которому 54-летний дядя признавал себя «молодшим братом» 13-летнего племянника. Тем не менее, договоренность о том, что князья должны жить в своих уделах по завещанию Дмитрия Донского, оставляла за князем Юрием возможность поставить перед ордынским ханом вопрос о судьбе великого княжения.

Старый Витовт был в зените славы. Единственное, чего ему не хватало, так это королевского титула! Ну чем он хуже своего брата Ягайло? И Витовт обратился к германскому императору Сигиз-мунду. Император вел трудную войну с гуситами и турками, требовал помощи от слабого Ягайло, но тот говорил, что ничего не может сделать без совета с Витовтом. Вот почему Сигизмунду так хотелось сблизиться с литовским князем. «Вижу, — говорил он, — что король Владислав[48] человек простоватый и во всем подчиняется влиянию Витовта, так мне нужно привязать к себе прежде всего литовского князя, чтоб посредство его овладеть и Ягайлом».

Витовт и Сигизмунд долго переписывались и, наконец, договорились встретиться в Луцке, куда должен был приехать и Ягайло. В 1429 г. состоялся знаменитый съезд трех коронованных лиц вместе с множеством вельмож польских, литовских и русских. После празднеств начались совещания. На одном из них Сигизмунд сказал: «Я понуждаю папу, чтоб он созвал собор для

примирения с гуситами и для преобразования церкви. Отправлюсь туда сам, если он согласится. Если же не согласится, созову собор собственною моею властию. Не должно пренебрегать также и соединением с греками, потому что они исповедуют одну с нами веру, отличаясь от нас только бородами да тем, что священники у них женатые. Но этого, однако, не должно ставить им в порок, потому что греческие священники довольствуются одною женою, а латинские держат их по десяти и больше».

Эти слова императора вскоре были на устах у всех русских, которые восхваляли Сигизмунда к большой досаде католиков и поляков. Но еще больше они расстроились, когда узнали, что Сигизмунд решил признать Витовта независимым королем Литвы и Руси. Император без проблем уговорил Ягайло дать на это свое согласие, но прелаты и польские вельможи категорически возражали. Ведь у них буквально из рук уплывала богатая добыча. Краковский епископ Збигнев Олесницкий, умный и предприимчивый, при всех обратился к Витовту с резкими словами. Он припомнил, что при избрании Ягайло польские паны руководствовались только духовным благом литовцев, поскольку владения их не представляли никакой ценности, так как были разорены соседями. Палатин краковский Ян Тарновский и другие поляки выразили свое согласие со словами епископа. Витовт, всегда сдержанный, на этот раз громко выражал свое неудовольствие: «Пусть так! А я все-таки найду средства сделать по-моему!» Тогда поляки упрекнули Ягайло: «Разве ты нас за тем сюда позвал, чтобы быть свидетелями отделения от Польши таких знатных владений?» Ягайло благодарил панов за верность и клялся, что никогда не даст согласия Сигизмунду и Витовту на отделение Литвы, что рад хоть сейчас бежать из Луцка, куда они сами назначат. И польские прелаты и вельможи быстро собрались и уехали днем, а Ягайло побежал за ними в ночь. Витовта сильно расстроило это поспешное бегство поляков и их короля.

Польские прелаты, руководствуясь личными корыстными интересами, послали в Рим донос, где представили папе всю опасность, которая грозит католицизму при отделении Руси и Литвы от Польши, потому что издревле господствовавшие там православные подавят только что водворившееся в Литве католичество. Перепуганный папа немедленно отправил германскому императору запрет посылать корону в Литву, а Витовту — запрет принимать ее.

Одновременно Витовт велел присягнуть себе, как независимому государю, князьям и боярам Великого Литовского княжества. Император Сигизмунд возвел Витовта в королевское достоинство, на что, замечу, он имел право, и послал ему корону.

Коронация Витовта должна была состояться в 1430 г. в Вильно. Днем коронации назначили праздник Успения богородицы. Но так как посланцы Сигизмунда не подвезли еще корону, коронацию перенесли на другой праздник — Рожество богородицы. В столице были собраны все вассалы великого князя литовского, среди которых был 15-летний внук Витовта Василий II, тверской князь Борис Александрович и другие. Понятно, что Юрий Дмитриевич Галицкий в эту компанию не входил.

Поляки знали о готовящейся коронации и расставили сторожевые посты по всей границе, чтобы не пропустить сигизмун-довых послов в Литву. На границе Саксонии и Пруссии схватили двух послов, Чигала и Рота, которые ехали к Витовту с известием, что корона уже отправлена, и с грамотами, по которым он получал право на королевский титул. За этими послами ехали другие, многочисленные знатные вельможи, везшие корону. На их перехват бросились трое польских вельмож с большим отрядом. Послы, узнав об этом, быстренько развернулись назад, к Сигизмунду.

Посланцы Сигизмунда убеждали Витовта венчаться короной, изготовленной в Вильно, поскольку это не помешает императору признать коронацию законной. Но Витовт колебался. 27 октября 1430 г. Витовт умер. Скорей всего, причиной этому была старость, князю было уже 80 лет, хотя, не исключено и отравление.

После смерти бездетного Витовта встал вопрос о его приемнике на великокняжеском престоле русско-литовского государства и о дальнейшей судьбе унии с Польшей. Формально прежний великий князь, а теперь польский король Владислав II (Ягайло) мог претендовать на литовский престол. Но он не пошел на это в силу своего преклонного возраста, нерешительного характера, а также противодействия русских и литовских князей, дороживших самостоятельностью своего государства.

Кроме польского короля оставались в живых еще два внука Ге-демина — Свидригайло Ольгердо-вич и Сигизмунд Кейстутович. Кроме того, имелась еще большая компания правнуков Гедемина — внуков Ольгерда: удельные князья Корибутовичи, Лугвеневичи, Владимировичи и др. Но о последних и говорить не стоило, поскольку они по степени родства и по политическому

значению не могли сравниться со Свидригайло и Сигизмундном. Кроме того, они все были православными.

Формально и Свидригайло, и Сигизмунд были на 1430г. католиками, но Свидригайло был женат на православной княжне, и фактически был скорее православным, нежели католиком. Сигизмунд же гораздо больше был склонен к католицизму. Кстати, это и следует из имен, иод которыми они вошли в историю. Свидригайло — это языческое литовское имя, позже он принял православие и стал Львом, затем перешел в католичество и стал Болеславом. Но польские историки, дабы подчеркнуть его нелояльность к католицизму, везде именовали его языческим литовским именем. А вот с Сигизмундом все было сделано наоборот. Его литовское языческое имя Шигитас было польскими историками навеки забыто, и он вошел в историю как Сигизмунд.

Ягайло отдал предпочтение своему родному брату Свидригайло и торжественно венчал его великокняжеской короной в кафедральном виленском соборе в присутствии съехавшихся со всей страны литовских и русских князей и бояр.

Для начала новый князь занял литовские крепости, кроме Вильно, и привел к присяге их гарнизоны на свое имя, не упоминая Ягайло, тем обнаружив свое намерение отложиться от Польши.

Отношения с Ягайло у Свидригайло еще более испортились после того, как поляки, узнав о смерти Витовта, захватили Подо-лию. В 1431 г. Ягайло приехал в Литву на охоту, что было поводом, главной же его целью было примирение с братом.

Великий князь литовский Свидригайло поначалу обращался с братом-королем с большим почетом. Когда Свидригайло узнал о вероломном захвате поляками Подолии, он немедленно вызвал короля, охотившегося в пущах под Вильно. Как гласит «Хроника Быховца», Свидригайло с гневом сказал Ягайло: «"Милый брат, для чего ты держишь Подольскую землю, отчину той земли Литовской; верни ее мне, а если не хочешь вернуть ее мне, я тебя из Литвы не выпущу". После этого князь Свидригайло схватил короля Ягайло и посадил под стражу».

Ягайло был вынужден заключить с братом договор, который возвращал ему Подольские земли. Король из Вильно отправил на Подол своего приближенного Тарла Щекоревича с приказом польским магнатам братьям Бучанским, захватившим каменецкий замок, передать Каменец русскому воеводе князю Михаилу Бабе. Обрадованный Свидригайло наградил Тарла сотней гривен и отпустил короля с богатыми подарками в Польшу.

Однако польские вельможи, возможно, с ведома самого Ягайло, надули простодушного Свидригайло. Они написали Бучанским особое письмо, где советовали не исполнять королевского приказа, а Тарла и Бабу заключить под стражу. Письмо это свернули в трубку и облили воском. Сделанную таким образом свечу попросили одного из спутников Тарла передать Бучанским, чтобы они «поискали в ней света». Бучанский сломал свечу, нашел письмо и выполнил поданный ему совет.

Возмущенный Свидригайло отправился с войском на Подол и попытался отвоевать замки силой. Ему удалось взять Черво-ноград, но Каменец и Смотрич остались в руках поляков. Со своей стороны, польские паны, собранные королем на сейм в Судомире, постановили требовать от Свидригайло уступить не только По-долию, но и город Луцк (на реке Стырь на Волыни) с южной частью Волыни. Кроме того, он должен был прибыть в Польшу и торжественно принести ленную присягу королю.

Старый Ягайло два раза отправлял послов к брату. Главой посольства был пан Ян Л утек Бржеский. Он так дерзко заговорил с великим князем литовским, что тот отвесил послу увесистую плюху и отправил назад. Второй раз приехал тот же Бржеский и опять начал с польских претензий. Свидригайло вновь развернулся и врезал Бржескому, но на сей раз отправил его не домой, а в темницу.

Теперь Ягайло пришлось идти с войском на родную Литву. Поляки осадили Луцк. Жители города отчаянно сопротивлялись. Вскоре полякам пришлось снять осаду и отвести войска. А население в отместку разрушило все католические храмы (костелы) в Луцкой земле.

Поляки и литовцы договорились устроить съезд в городе Парчеве для заключения мира, но Свидригайло туда не приехал. Тогда поляки решили расколоть литовскую знать и увести от Свидригайло наиболее пропольски настроенных панов. Кстати, уже тогда и литовская, и русская знать в Великом княжестве Литовском именовали себя панами.

Ягайло отправил к брату своего посла Лаврентия Заронбу, который официально должен был склонить Свидригайло к миру, а сам начал подговаривать литовских панов к свержению Свидригайло и к принятию к себе в князья брата Витовта Сигизмунда Кейстутовича, князя

стародубского. Зоронба успел как нельзя лучше выполнить свою миссию: был составлен заговор, с помощью которого Сигизмунд Стародубский напал на Свидригайло и выгнал его из Вильно. Однако большинство русских земель в Великом княжестве Литовском осталось на стороне Свидригайло. Великий князь тверской Борис Александрович также поддержал Свидригайло. В начале 1432 г. Свидригайло женился на княжне Анне, дочери тверского князя Ивана Ивановича, дяди тверского князя Бориса Александровича.

Ягайло отправил к новому великому князю литовскому официального посла Збигнева Олесницкого. Сигизмунд с почестями принял посольство и подчинил и себя, и свое княжение короне Польской. Сигизмунд был готов на все, он прекрасно понимал, что без поляков у него нет шанса удержаться на престоле. Вскоре был открыт заговор против Сигизмунда, возглавляемый знатными вельможами — палатином Троцким Янутом и гетманом литовским Румбольдом. Янут и Румбольд вместе с другими заговорщиками были публично казнены. Но это не столько устрашило, сколько озлобило противников Сигизмунда в Вильно.

Осенью 1432 г. Свидригайло собрал 40 тысяч[49] своих сторонников и двинулся на Сигизмунда. К Свидригайло присоединилась дружина под командованием князя Ярослава Александровича, брата великого князя тверского. Русское (литовское и тверское) войско подошло на 10 верст до Вильно и стало в Ошмя- нах. 8 декабря 1433 г. состоялась битва между Свидригайло и Си-гизмундом. Несмотря на большой численный перевес, русские были разбиты. Тверской боярин Семен Зобин погиб, но князьям Ярославу и Свидригайло удалось бежать. В плен попало много «русских литовцев» — князь Юрий Лаврентьевич, князь Митка Зубревицкий, князь Василий Красный, его брат Дедиголдович пан виленский, пан Юшка Гольцевич, пан Иван Вяжевич и др.

Тем не менее, Свидригайло и не думал сдаваться. Зимой 1432/ 33 гг. он страшно опустошил окрестности Вильно. Летом 1433 г. Свидригайло стал снова собирать войска. На этот раз он получил помощь от Немецкого Ордена, и тверской князь Борис Александрович послал ему свое войско. Целью этого похода Свидригайло определил центральные районы Литвы в округе Вильно. Войска Свидригайло сначала стояли под Вильно, а в августе — под Тракаем, но Сигизмунд не вступал с ними в бой.

После взятия сильно укрепленного замка Крево Свидригайло услышал, что к нему идут войска Сигизмунда. Он послал против них воеводу киевского Михаила с русским князем. Сигизмундо-во воинство под началом пана Петра Монгирдовича было наголову разбито. Затем Свидригайло взял и сжег Заславль, Минск и Витебск. У Лукомля Свидригайло отпустил союзников, а сам пошел в Киев. Замечу, что магистр Ордена действовал в Литве независимо от Свидригайло.

Возникает вопрос: почему великий князь тверской Борис Александрович столь активно вмешивался в литовские дела, но при этом хранил нейтралитет в большой гражданской войне между Василием II и его родственниками? Дело в том, что кто бы не победил в этой войне — Василий II, Юрий Дмитриевич или Дмитрий Шемяка, все равно новый или старый московский князь возьмется за Тверь. А вот успех Свидригайло в попытке создания большого православного русско-литовского государства в союзе с Тверью кардинально изменил бы ситуацию на Руси. В этом случае союз Твери и Вильно мог положить конец экспансии Москвы.

В 1434 г. умер польский король Владислав И. Со смертью Ягайло закончилась целая эпоха знаменитых литовских князей. Началась новая глава в русско-литовских отношениях.

ГЛАВА 7
ЛИТОВСКИЕ КНЯЗЬЯ – ЗАЩИТНИКИ РУССКИХ ГОРОДОВ

Лучшим доказательством того, что присоединение многих западных и южных русских княжеств к Великому княжеству Литовскому происходило мирно, служит факт призвания литовских князей рядом русских городов, никогда не входивших в состав Великого княжества Литовского. Речь идет в первую очередь о Пскове, Новгороде и... Москве.

Мы уже знаем, что литовскому удельному князю Довмонту[50] пришлось в 1265 г. бежать из Литвы от гнева князя Воишелка. Вместе с ним прибыли 300 литовских дружинников. В данном случае это были в основном этнические литовцы-язычники, да и сам Довмонт был таковым.

Сразу по прибытии в Псков Довмонт принял крещение в соборной церкви святой Троицы и

получил православное имя Тимофей. Псковские мужи выбрали Довмонта-Тимофея князем. Замечу, что статус князя в Пскове был аналогичен статусу князя в Новгороде. Так, князь не мог жить в кремле, и тот же Довмонт построил себе и дружине Довмонтово городище.

В 1266 г. Довмонт с небольшой ратью, всего 360 всадников, совершил поход против литовского князя Герденя, правившего в Полоцке. Сам Гердень отсутствовал, но его княжество подверглось разгрому, Полоцк взят, а княгиня и дети пленены. Кстати, жена Герденя была родной теткой Довмонта. После набега Довмонт двинулся домой. Далее я процитирую сказание о Довмонте: «Перейдя вброд через Двину, отошел на пять верст и поставил шатры в бору чистом, а на реке Двине оставил двух стражей — Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою Литовником. Два же девяносто воинов он отправил с добычей, а с одним девяносто остался, ожидая погони.

В то время Гридень и князья его были в отъезде, когда же приехали они домой, то увидели, что дома из их земли разорены. Ополчились тогда Гридень, и Гойторт, и Люмби, и Югайло, и другие князья, с семью сотнями воинов погнались вслед за Дов-монтом, желая схватить его и любой смерти предать, а мужей-псковичей мечами посечь; и, перейдя вброд реку Двину, встали они на берегу. Стражи, увидев войско великое, прискакали и сообщили Довмонту, что рать литовская перешла Двину. Довмонт же сказал Давыду и Луве: «Помоги вам бог и святая Троица за то, что устерегли войско великое, ступайте отсюда». И ответили Давыд и Лува: «Не уйдем отсюда, хотим умереть со славой и кровь свою пролить с мужами-псковичами за святую Троицу и за все церкви святые. А ты, господин и князь, выступай быстрее с мужами-псковичами против поганых литовцев». Довмонт же сказал псковичам: «Братья мужи-псковичи! Кто стар — тот отец мне, кто млад — тот брат. Слышал я о мужестве вашем во всех странах, сейчас же, братья, нам предстоит жизнь или смерть. Братья мужи-псковичи, постоим за святую Троицу и за святые церкви, за свое отечество! ...

Выехал князь Довмонт с мужами-псковичами и божиею силою и помощью святого Христова мученика Леонтия с одним девяносто семьсот врагов побил. В этой битве был убит великий литовский князь Гойторт, и иных князей многих убили, многие литовцы в Двине утонули, а семьдесят из них выбросила река на остров Гоидов, а иные на другие острова были выброшены, некоторые же вниз по Двине поплыли. Из псковичей же тогда был убит один Антон, Лочков сын, брат Смолигов, а другие остались невредимыми»[51].

Видимо, в сказании есть преувеличения, особенно в числе воинов Герденя. Но, судя по всему, Довмонт внезапно атаковал переправлявшегося вброд противника. У литовцев началась паника, и они потеряли место брода.

Узнав о том, что псковичи самовольно взяли князя литовца, великий князь владимирский Ярослав Ярославич (младший брат Невского) решил было пойти войной на Псков. Но «мужи новгородские» пояснили ему, кто такой Довмонт, и чем сей поход может обернуться. Поэтому дело кончилось как в хорошей сказке — свадьбой. Довмонт с подачи великого князя владимирского женился на княжне Марии Дмитриевне, внучке Александра Невского.

В 1268 г. новгородцы и псковичи решили проучить датчан, которые еще 30 —40 лет назад (в 1219 —1230 гг.) захватили северную часть Эстляндии и, разрушив русский город Колывань, по-• строили свой город Ревель. Чухонцы так и назвали его Таллинн, что в переводе означает «датский город».

В походе псковскую рать, естественно, вел Довмонт, а новгородские и низовые полки — князь Юрий Андреевич[52]. Кроме того, в походе участвовали сыновья великого князя владимирского Яро-! лава Ярославича Святослав и Михаил, а также его племянник (Дмитрий Александрович.

Объединенное войско двинулось на город-крепость Раковор[53], находившийся на севере Эстляндии, посередине между Нарвой и Ревелем. В одном месте русские нашли огромную пещеру с маленьким входом, где спряталось несколько сот чухонцев (чуди). Три дня полки стояли и не могли добраться до чуди, пока один новгородский мастер не провел канал ко входу в пещеру и не затопил ее водой. Вся чудь была перебита.

Стремясь заманить православное воинство в ловушку, немецкие епископы и рыцари поклялись на кресте не участвовать в войне на стороне датчан. Псковская летопись так говорит об этом: «Прислаша немцы послы свои с лестью глаголюще: «Мы с вами мирны, перемогайтесь с колыванцы и с раковорци, а мы им не помогаем и в том крест целуем». И на том крест целоваше пискупи и Божий дворяне».

Но когда русские 18 февраля 1268 г. подошли к Раковору, то с изумлением увидели, что их ждали нарушившие клятву тевтонские рыцари и их союзники. Немецкие рыцари пошли в атаку «железной свиньей». Новгородцы понесли страшные потери, были убиты посадник Михаил,

тысяцкий Кондрат, новгородские бояре Твердислав Чермный, Никифор Радятинин, Твердислав Мосее-вич и др. У немцев погиб епископ Александр и много рыцарей.

Однако на правом фланге псковичи, ведомые Довмонтом, разогнали противостоящих им немцев, датчан и чудь и нанесли удар но «свинье» с фланга. Немцы бежали, и русские гнали их 7 верст.

Но перед самыми сумерками какой-то свежий отряд немцев атаковал новгородский обоз. Русские князья хотели их контратаковать, но не решились вести ночной бой, чтобы не перебить своих. А наутро немцев уже и след простыл.

Однако двигаться в погоню большое русское войско не решилось из-за огромных потерь. Три дня войска стояли «на костях», а на четвертый повернули обратно. Лишь Довмонт с псковичами пошел гулять по Эстляндии. Часть немцев и чудь отступали водным путем по Чудскому и Псковскому озерам и реке Великой. За ними с малой дружиной на пяти насадах[54] и гонялся Довмонт, «божьею силою восемьсот немцев победил на реке Миро-повне, а два их насада скрылись на островах. Боголюбивый князь Довмонт, подъехав, зажег остров и пожег их в траве, — одни побежали, и волосы их горели, а других Довмонт посек, а третьи потонули в воде помощью святой Троицы, и славного великого воина Георгия»[55].

Летом 1272 г. войско Тевтонского ордена во главе с магистром захватило Изборск и осадило Псков. Ливонская рифмованная хроника сообщает, что в походе участвовало 180 братьев-рыцарей, 18 тысяч ополченцев и 9 тысяч корабельщиков.

Как гласит «Сказание о Довмонте»: «Услышав о том, что ополчилось на него множество сильных врагов без ума и без бога, Довмонт вошел в церковь святой Троицы и, положив меч свой перед алтарем господним, пал на колени, молясь со слезами, говоря так: «Господи боже сил, мы, люди твои и овцы пажити своей, имя твое призываем, смилуйся над кроткими, и смиренных возвысь, и надменные мысли гордых смири, да не опустеет пажить овец твоих». И взял игумен Сидор и все священники меч и, препоясав Довмонта мечом и благословив его, отпустили. Довмонт в ярости мужества своего, не дождавшись полков новгородских, с малою дружиною мужей-псковичей выехав, божьею силою победил и побил полки врагов, самого же магистра ранил в лицо. Те же, положив трупы убитых во многие учаны, повезли их в землю свою, а оставшиеся в живых обратились в бегство»[56].

В июне 1272 г. между Псковом и Орденом был заключен мирный договор, но Довмонту, по свидетельству летописи, вскоре пришлось отражать новые набеги крестоносцев: «И паки поганая латина начала силу деяти на псковичах нападением». В Житии святого Довмонта (Тимофея) говорится: «Вскоре же вновь язычники-латине стали нападать на села, насилием, принуждением и всякими злыми делами пытаясь, словно звери дикие, разогнать и ввергнуть в горе овец Божиих, искупленных драгоценной Его Кровью. Они же, потерпев такое от язычников, к городу Пскову приходят и о нападении злых змей с плачем возвещают. Христолюбивый же князь Тимофей, это услышав, не потерпел обиды от язычников, но стремительно собрался против них, взял войско Свое и вышел на язычников с яростию величайшей».

Князь Довмонт верой и правдой служил Пскову 33 года, с помощью божией отразив все нападения крестоносцев. В марте 1299 г. Немецкий орден вновь попытался покорить Псков. Захватив Све-,Тогорский и Мирожский монастыри, тевтонские инквизиторы предали огню насельников, а также женщин и детей, искавших убежища в монастырских стенах. «Бесовскую свою мысль исполняют, обители иноческие сжигают и множество их без милости убивают, разными пытками тела постников мучают. Тогда же убит был преподобный игумен Иоасаф из монастыря Святой горы, и Василий, игумен Мирожского монастыря, и Иосиф пресвитер... Также и нищих, женщин и детей множество убито было», — свидетельствует Житие святого Довмонта, написанное очевидцем событий.

В фильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» экзекуция неверно датирована временем первого нападения крестоносцев на Псков в 1240г., что вполне оправдывается художественным жанром фильма.

Узнав о зверствах католиков в захваченных монастырях, Довмонт принял решение без промедления атаковать немцев. 5 марта 1299 г., несмотря на преклонный уже возраст, Довмонт сам повел в бой свою малую дружину и псковское ополчение, возглавленное Иваном Дорогомиловым. Сражение на берегу реки Псковы, близ церкви Петра и Павла, закончилось полным поражением крестоносцев. Многие Тевтонские рыцари сдались в плен, а оказавшие сопротивление были сброшены с крутого берега в Пскову, где и утонули.

В апреле 1299 г. Довмонт заболел и 20 мая умер. Весь город был на его похоронах. Гроб с телом Довмонта-Тимофея поставили в соборной церкви Святой Троицы. Над гробницей был пове-

шен меч князя[57].

Вскоре началось почитание князя как святого. Точную дату канонизации установить не удалось. Но уже в 1374 г. в Пскове была поставлена церковь во имя «святого Тимофея Доманта князя».

О посмертных деяниях святого Довмонта свидетельствуют летописи. Так, в 1480 г., когда немцы осадили Псков, он явился во сне одному горожанину и сказал: «Возьмите одеяние (покров) гроба моего, обнесите его три раза вокруг города с крестами и не бойтесь». Псковичи исполнили указание Довмонта, и немцы отступили от города.

Причем, культ Довмонта не ограничивался Псковом. Вот случай, происшедший в нескольких тысячах километров от Пскова, на далеких берегах Амура. Летом 1679г., в Петров пост, отряд казаков во главе с Гаврилой Фроловым отправился из Албазина на разведку в долину реки Зеи. Три года несли казаки дозорную службу на Зее, приводили в русское подданство тунгусское население, основывали зимовья и остроги. Однажды казачий разъезд повстречал в горах двух всадников на белых конях, вооруженных луками и мечами. Это были псковские святые Всеволод и Довмонт. Вступив в разговор с казаками, святые князья-воины предрекли последовавшее вскоре вторжение китайских войск на Амур, трудную оборону и конечное торжество русского оружия. «И паки придут китайцы, будут приступы и бои великие, и мы в тех боях будем в помощь русским людям. А града китайцы не возьмут». И действительно, несколько раз в 1684 — 1686 гг. китайские войска подступали к Албазину, но града не взяли.

Довмонт стал единственным литовским князем, вошедшим в пантеон православных святых, но факт его приглашения на княжение псковичами был не экстраординарным, а типичным явлением в Северной и Северо-восточной Руси.

Так, в начале 20-х годов XIV века в Пскове княжил литовец Давид. Особо хорошего или плохого он городу не сделал, и Псковская летопись упоминает о его княжении вскользь, без комментариев.

Особый интерес представляет короткое, но эффектное княжение литовца Остея в... Москве. Дело было так. После поражения на Куликовом поле Мамай был убит в Крыму, а ханом Золотой Орды стал его давний соперник Тохтомыш.

Узнав о захвате власти в Орде ханом Тохтамышем, Дмитрий Донской отправил послов с большой данью. Никаких разговоров о том, что можно дань не платить, в Москве не велось.

После Куликова поля Тохтамыш понял, что у русских произошел определенный психологический перелом. Исправить ситуацию мог только поход-реванш. Хан знал, что русские купцы, торговавшие с татарами, плавающими по Волге, часто являлись шпионами русских князей. Поэтому в 1382 г. Тохтамыш велел внезапно схватить всех русских купцов на Средней Волге, а товары разграбить. Замечу, случай беспрецедентный, обычно золотоордынские ханы покровительствовали купцам, особенно на Волге.

Все же в Орде нашлись «доброхоты», предупредившие Дмитрия Донского о походе Тохтамыша на Русь. Таким образом, Дмитрий имел достаточно времени для сбора войска — великий князь поехал «собирать полки». Обратим внимание на его маршрут: Переяславль — Ростов — Кострома. По мнению одних историков, Дмитрий остановился в Костроме, другие же считают, что двинулся на север, к Вологде.

Но это не тактический маневр, это скорее бегство. Если бы князь думал о сопротивлении татарам, он мог либо отсидеться в Москве, в недавно построенном каменном Кремле, либо стать с войском в 30—100 верстах от Москвы, к примеру, в Можайске, Волоколамске, Дмитрове и др. Если бы Тохтамыш осадил Москву, Дмитрий мог бы не допустить движения отдельных татарских отрядов на запад и на север, а главное, угрожал бы осаждающим, в любой момент мог прийти на помощь Москве, например, при штурме ее татарами. Зачем собирать войско в Костроме или в Вологде? Да пока эти рати дойдут до Москвы, татары десять раз успеют уйти в степи. При этом в летописях нет сведений о том, что хоть кого-то там собрал великий князь.

Итак, великий князь бежал, в Москве началась паника. Не хочу фантазировать и процитирую «Повесть о нашествии Тохтамыша», созданную на базе летописных сводов 1408 г.

«А в Москве было замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные. Одни хотели остаться, затворившись в городе, а другие бежать помышляли. И вспыхнула между теми и другими распря великая: одни с пожитками в город устремлялись, а другие из города бежали, ограбленные. И созвали вече — позвонили во все колокола. И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и

грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев. И всем угрожали, встав на всех вратах градских, сверху камнями швыряли, а внизу на земле с рогатинами, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, не давая выйти тем из города, и лишь насилу упрошенные, позже выпустили их, да и то ограбив[58].

Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в буру великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель»[59].

Между тем Тохтамыш перешел Оку, захватил Серпухов и сжег его. В «Повести...» утверждается, что «Олег [Рязанский — А.Ш.] обвел царя вокруг своей земли и указал ему все броды на реке Оке»[60].

Передовые татарские отряды подошли к Москве 23 августа 1382 г. Согласно «Повести...»: «И подойдя к городу в небольшом числе, начали, крича, выспрашивать, говоря: «Есть ли здесь князь Дмитрий?» Они же из города с заборол отвечали: «Нет». Тогда татары, отступив немного, поехали вокруг города, разглядывая и рассматривая подступы, и рвы, и ворота, и заборола, и стрель-ницы. И потом остановились, взирая на город.

А тем временем внутри города добрые люди молились богу день и ночь, предаваясь посту и молитве, ожидая смерти, готовились с покаянием, с причастием и слезами. Некие же дурные люди начали ходить по дворам, вынося из погребов меды хозяйские и сосуды серебряные и стеклянные, дорогие, и напивались допьяна и, шатаясь, бахвалились, говоря: «Не страшимся прихода поганых татар, в таком крепком граде находясь, стены его каменные и вороты железные. Не смогут ведь они долго стоять под городом нашим, двойным страхом одержимые: из города — воинов, а извне — соединившихся князей наших нападения убоятся». И потом влезали на городские стены, бродили пьяные, насмехаясь над татарами, бесстыдным образом оскорбляли их, и слова разные выкрикивали, исполненные поношения и хулы, обращаясь к ним, — думая, что это и есть вся сила татарская. Татары же, стоя напротив стены, обнаженными саблями махали, как бы рубили, делая знаки издалека.

И в тот же день к вечеру те полки от города отошли, а наутро сам царь подступил к городу со всеми силами и со всеми полками своими. Горожане же, со стен городских увидев силы вели кие, немало устрашились. И так татары подошли к городским стенам. Горожане же пустили в них по стреле, и они тоже стали стрелять, и летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на заборолах, уязвленные стрелами, падали, ибо больший урон приносили татарские стрелы, чем стрелы горожан, ведь были у татар стрелки очень искусные. Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад быстро и без промаха стреляли. А некоторые из них, изготовив лестницы и приставляя их, влезали на стены. Горожане же воду в котлах кипятили, и лили кипяток на них, и тем сдерживали их. Отходили они и снова приступали. И так в течение трех дней бились между собой до изнеможения. Когда татары приступали к граду, вплотную подходя к стенам городским, тогда горожане, охраняющие город, сопротивлялись им, обороняясь: одни стреляли стрелами с заборол, другие камнями метали в них, иные же били по ним из тюфяков, а другие стреляли, натянув самострелы, и били из пороков. Были же такие, которые и из самих пушек стреляли. Среди горожан был некий москвич, суконник по имени Адам, с ворот Фроловских приметивший и облюбовавший одного татарина, знатного и известного, который был сыном некоего князя ордынского; натянул он самострел и, угадав момент, пустил стрелу, которой и пронзил его сердце жестокое, и скорую смерть ему принес. Это было большим горем для всех татар, так что даже сам царь тужил о случившемся. Так все было, и простоял царь под городом три дня, а на четвертый день обманул князя Остея лживыми речами и лживыми словами о мире, и выманил его из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям своим приказал окружить город со всех сторон.

Как же обманули Остея и всех горожан, находившихся в осаде? После того как простоял царь три дня, на четвертый, наутро, в полуденный час, по повелению царя приехали знатные татары, великие князья ордынские и вельможи его, с ними же и два князя суздальских, Василий и Семен, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И подойдя к городу и приблизившись с осторожно- стью к городским стенам, обратились они к народу, бывшему в городе: «Царь вам,

своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслужили смерти, ибо не на вас он войной пришел, но на Дмитрия, ратуя, ополчился. Вы же достойны помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите». Также и князья Нижнего Новгорода говорили: «Верьте нам, мы, ваши князья христианские, вам в том клянемся». Люди городские, поверив словам их, согласились и тем дали себя обмануть, ибо ослепило их зло татарское и помрачило разум их коварство бесерменское; позабыли и не вспомнили сказавшего: «Не всякому духу веруйте». И отворили ворота городские, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них был убит князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, и игуменов, хотя и были они в ризах, и с крестами, и черных людей...

Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на заборолах, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили — лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и нигде от острия меча укрыться! Лишились всего и князь и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных укрылись, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли»[61].

После взятия Москвы Тохтамыш двинулся к Твери. Но великий князь Тверской Михаил отправил к хану послов со «многими дарами», и Тохтамыш «разослал силы свои татарские по земле Русской завоевывать княжение великое, одни, направившиеся к Владимиру, многих людей посекли и в полон повели, а иные полки ходили к Звенигороду и к Юрьеву, а иные к Волоку и к Можайску, а другие — к Дмитрову, и иную рать послал царь на город Переяславль. И они его взяли и огнем пожгли, а переяс-лацы выбежали из города; город покинув, на озере спаслись в судах. Татары же многие города захватили, и волости повоевали, и села пожгли, и монастыри пограбили, а христиан посекли, иных же в полон увели, и много зла Руси принесли»[62].

По версии «Повести...» князь Владимир Андреевич Серпуховской разбил какой-то малый татарский отряд близи Волока Ламского. Это дало повод московскому летописцу утверждать, что де Тохтамыш испугался и бежал. На самом деле Тохтамышево войско спокойно собралось и, обремененное богатой добычей, отправилось к Оке. По дороге татары взяли Коломну, принадлежавшую Москве.

На обратном пути татары основательно пограбили Рязанское княжество. «Царь же переправился через Оку, и захватил землю Рязанскую, и огнем пожег, и людей посек, а иные разбежались, и бесчисленное множество повел в Орду полона. Князь же Олег Рязанский, то увидев, обратился в бегство»[63].

Лишь тогда приехали Дмитрий Донской и Владимир Андреевич в Москву. «И повелели они тела мертвых хоронить, и давали за сорок мертвецов по полтине, а за восемьдесят по рублю. И сосчитали, что всего дано было на погребение мертвых триста рублей»[64].

Все русские и советские историки при изложении событий 1382 г. брали за основу «Повесть о нашествии Тохтамыша», ну, и прибавляли понемногу отсебятины.

А вот казанский профессор З.З. Мифтахов, опираясь на булгарские летописи, изложил совсем другую историю. С некоторым упрощением, дело было так. Тохтамыш подошел к Москве, но затем отошел, а осаждать город отправил булгарский отряд под началом князя Буртаса, сына погибшего на Куликовом поле Сардара Гарафа. (Мифтахов пишет о трех тысячах булгар при трех пушках с пушечных дел мастером Раилем.)

Князь Остей видел уход основной татарской рати и решил пойти на вылазку, чтобы уничтожить булгар. Из двух московских ворот вылетела тысяча литовских всадников[65] и четыре тысячи русских.

В ходе битвы князь Остей погиб, а литовцы и русские начали беспорядочный отход. В воротах началась давка. «Тем временем мастер «Раиль, подтащив пушки прямо ко рву, несколько раз выстрелил из них по бегущим в Москву обезумевшим толпам и по башне над

воротами» [«Свод булгарских летописей». С. 220]. После непродолжительного боя Буртас захватил ворота»[66].

Бой за ворота шел с переменным успехом. И в этот момент к стенам Москвы подошли основные силы Тохтамыша. Татары ворвались в город и учинили резню.

Я предоставляю читателю самому выбрать наиболее достоверную версию событий 23 — 26 августа 1382 г. Думаю, большинство по укоренившейся традиции предпочтет версию «Повести...». Но я более склонен верить булгарской летописи. Дело в том, что и русские, и литовские князья прекрасно знали обычаи татар. От них часто удавалось откупиться, но при этом ворота городов им никогда не открывали.

Татары с одинаковым рвением грабили и союзников, и врагов, и разорение Рязанского княжества в сентябре 1382 г. — лишний тому пример. Так что винить князя Остея и московских ратников в трусости или в излишней доверчивости нет оснований. Трус никогда бы не поехал защищать Москву от орд Тохтамыша. Видимо, Остея подвела его излишняя лихость.

О призывах литовских князей в Господин Великий Новгород говорится в отдельной главе. А здесь я хочу сделать некоторые обобщения. Довмонт был, видимо, этническим литовцем, то же можно сказать и о его дружине. Довмонт был язычником, но по прибытии в Псков немедленно крестился вместе с дружиной. На момент приезда Довмонт достаточно хорошо владел русским языком, хотя это и был не родной язык. А вот все остальные литовские князья, приезжавшие в Псков, Новгород и Москву, имели большую или меньшую примесь русской крови, родным языком их был русский, а главное, они уже были крещены по православному обряду. Поэтому население русских городов без проблем принимало литовских князей, не делая особой разницы между ними и князьями Рюриковичами.

Отмечу и еще один важный момент. В Новгороде, Пскове и Москве призванные литовские князья имели очень сильную конкуренцию со стороны Рюриковичей. На эти столы были десятки конкурентов. В такой ситуации решающим фактором становилось воинское мастерство и личная смелость князя. Определенную роль играли и корысть князя, и его стремление менять жизнь доверившихся ему горожан. В последнем Гедеминовичи заметно выигрывали по сравнению с большинством Рюриковичей, особенно с родней Александра Невского.

А теперь представим себе, как должна была принимать князей типа Довмонта и Остея Южная и Западная Русь, где конкуренция Рюриковичей была куда слабее, а то и отсутствовала вообще.

ГЛАВА 8

КИЕВ С 1242 г. ПО 1550 г.

Осенью 1240 г. Киев подвергся разорению ратями Батыя. Татары установили многочисленные осадные орудия перед юго-восточными Лядскими (Польскими) воротами Киева, где лесистый склон обеспечивал хорошее укрытие. Через несколько дней ворота были разрушены, и татары ворвались в Киев. Свыше суток бой шел внутри города. Последние защитники дрались насмерть у Десятинной церкви в самом центре Киева. 6 декабря татарам удалось, используя пороки (тараны), разрушить церковь, и сотни горожан погибли под ее обломками.

В начале 1243 г. Ярослав Всеволодович получил в Орде ярлык на Великое княжество Владимирское, в состав которого, по мнению татар, входил и Киев. Сразу после этого (не исключено, что и заранее) Ярослав отправил в Киев своего наместника боярина Дмитрия Ейковича. После смерти Ярослава татары в 1250 г. дают его старшему сыну Александру Невскому ярлык на Киевское княжество, а следующему но старшинству князю Андрею — ярлык на Великое княжество Владимирское. Но Александр принципиально не захотел ехать в Киев. После Батыева погрома не было восстановлено и десятой части города. Так что кормиться князю и его дружине в Киеве было нечем, да и в любой момент могли нагрянуть татары. В итоге Александр Невский несколько месяцев погостил у брата Андрея во Владимире, а потом отъехал в Новгород.

Надо ли говорить, что Александру неуютно жилось в Новгороде, где его ненавидела значительная часть горожан. И вот царский официальный историк С.М. Соловьев вынужден признать, что «в 1252 году Александр отправился на Дон к сыну Батыеву Сартаку с жалобою на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы татар под начальством Неврюя вторгнулись в землю Суздальскую. Андрей при этой вести сказал: «Что это, господи! покуда нам между собою

ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружиться с татарами и служить им». Собравши войско, он вышел против Неврюя, но был разбит и бежал в Новгород, не был там принят и удалился в Швецию, где был принят с честию. Татары взяли Переяславль, захватили здесь семейство Ярослава, брата Андреева, убили его воеводу, шшленили жителей и пошли назад в Орду. Александр приехал княжить во Владимир»[67] .

Итак, Александр Невский стал великим князем владимирским, но при этом он остался и киевским князем. Однако ни Ярослав Всеволодович, ни Александр Ярославич после 1240г. ни разу не были в Киеве. Приемники Невского на престоле Великого княжества Владимирского Ярослав Ярославич и даже Иван Данилович Калита в числе своих титулов имели «князь киевский». Но, вероятнее всего, это была чистая формальность. Нет ни прямых, ни косвенных данных, чтобы установить хотя бы приблизительно, когда Киевская земля вышла из подчинения великих князей владимирских.

Вообще говоря, история Киевской земли с 1240г. до конца XIV века — сплошная черная дыра. Историк М.С. Грушевский писал: «Остается сказать еще об одном обстоятельстве — об отсутствии сведений о Киевской земле за вторую половину XIII в. и почти весь XIV в.»[68].

Данных о существовании местного летописания у нас нет, а ни князей, ни летописцев Владимиро-Суздальской Руси Киев абсолютно не интересовал.

Как же управлялась Киевская земля? По косвенным источникам, в том числе по сообщениям итальянского путешественника Плано Карпини, проезжавшего через эти места в 1246 г., южнее и западнее Киева вообще не было князей, а местным населением управляли атаманы (ватманы) [69], выбираемые вечем. Периодически приезжали татарские баскаки, которым атаманы сдавали дань. В двух днях пути южнее Киева уже находились передовые татарские заставы.

Киев покинули митрополиты, бежали многие знатные люди. Например, в конце XIII века или в самом начале XIV века из Киева в Москву отъехал боярин Родион Несторович. Согласно московским летописям, он де привел с собой дружину численностью1700 человек. Тот же Грушевский писал: «таких бояр, которые имели до 1700 человек детей боярских и пр., конечно, ни в это, ни в более раннее время в Киевщине не было»[70]. По моему мнению, Родион мог привести с собой максимум 100—150 дружинников.

Ряд историков считает, что Киев с 70-х годов XIII века принадлежал галицким королям, которые отправляли туда наместниками мелких князей-подручников. Доказательства этого утверждения довольно зыбкие, но у противников этой версии вообще доказательств нет. Посему мне кажется наиболее достоверной принадлежность Киева галицким королям. В 1299 г. из Киева бежал митрополит Максим, причем, бежал не от недругов, а от безденежья.

Согласно «Хроники Быховца», в 1321 г. Киев был занят войсками Гедемина. Подробнее об этом рассказано в главе 5.

О двух последующих десятилетиях жизни Киевской земли сведения отсутствуют. Есть только краткие упоминания в русских летописях, что в 1331 г. в Киеве правил князь Федор, и там сидел татарский баскак. Литовские летописи молчат о Киеве, но в подробном списке земель, разделенных в 1345 г. сыновьями Гедемина, ни Киев, ни его окрестные города не фигурируют. Видимо, в 30 —40-х годах XIV века Киев Литве не принадлежал. И лишь в записи за 1362 г. в так называемом Густинском своде говорится: «В лето 6870 Ольгерд победил трех царьков татарских и с ордами их, си есть Котлубаха, Качзея (Качбея), Дмитра, и оттоли от Подоли изгнал власть татарскую. Сей Ольгер и иные Русские державы в свою власть принял, и Киев под Федором князем взял, и посадил в нем Владимира сына своего, и начал на сими владеть, им же отцы его дань давали».

Из этого текста явствует, что в 1362 г. под урочищем Синие Воды[71] рать литовского князя Ольгерда разбила войска трех местных татарских князьков. Правда, тут возникают большие сомнения насчет третьего князька Дмитра. Судя по имени, он был русским и, скорее всего, командовал не татарами, а киевской дружиной.

Замечу, что Ольгерд очень удачно выбрал время похода на Киев. Дело в том, что со смертью хана Бердибека в 1359 г. в Золотой Орде началась «большая замятия», как выразился русский летописец. Победа у Синих Вод позволила Ольгерду захватить Киев и посадить там своего сына Владимира Омелько (1316—1385 гг.). При этом Владимир Ольгердович сохранял вассальную зависимость от татар. Неопровержимым доказательством этого является татарская тамга на киевских монетах Владимира Ольгердови-ча. На дошедших до нас монетах этого периода можно установить три или четыре различных типа тамги, что указывает на достаточно продолжительное время зависимости Киева от ханов, поскольку тамга могла изменяться только со сменой ханов. Когда Киев избавился от татарской зависимости, точно неизвестно, но крайним сроком можно считать время нападения хана Тохтамыша (1395 г.). Любопытна позднейшая

грамота крымского хана Менгли Гирея (1466—1513гг.), где говорилось: «...великие цари, деды наши, и великий царь Ачжи-Кгирей [Хаджи-Девлет Гирей], отец наш, пожаловали Киевом, в головах, и многие места дали великому князю Витовту».

В ходе очередной усобицы в Литве между сыном великого князя Ольгерда Скиригайло и сыном Кейстута Витовтом 4 августа 1392 г. было достигнуто перемирие. Витовт стал великим князем литовским, а Скиригайло получил Киевское княжество с титулом великого князя русского.

К тому времени в Киеве княжил Александр Олелько, сын Владимира Ольгердовича[72]. Он не хотел отдавать Киев, и Витовту пришлось осенью 1393 г. выгнать его силой. Взамен Олелько получил небольшой город Копыл. Однако Скиригайло недолго довелось править, в 1395 г. он умер и был погребен в Киеве в Пе-черской лавре. Замечу, что Скиригайло при крещении получил имя Иван и был большим ревнителем православия.

Вакантный киевский престол вскоре вновь был занят Александром Олелько.

В неудачном для литовцев сражения на Ворксле в 1399 г. участвовала и киевская дружина. Она понесла большие потери, в числе убитых оказался и киевский князь Иван Борисович. Так гласит хроника Быховца, но, возможно, здесь ошибка: ни Иван Борисович, а Иван Владимирович, то есть брат Александра Олелько. Хотя есть версия, что Иван Борисович был наместником Витовта в Киеве. Татары преследовали бегущих до Киева. Тимур-Кутлуй взял большой откуп с этого города, «будто бы 3000 руб., да еще с Печерского монастыря 30 руб.». Татарская орда опустошила Киевскую и Волынскую земли до самого Луцка, а затем вернулась в свои степи, обремененные огромной добычей и пленниками.

После смерти Витовта в Литве вновь началась усобица. Власть в Великом княжестве Литовском пытался захватить Скиригайло Ольгердович, а его соперником стал брат Витовта Сигизмунд Кейстутович. Первого поддерживала литовская Русь, а второго — польский король Ягайло (Владислав).

В битве на реке Святой Скиригайло был разбит, а его союзник князь киевский Александр Олелько взят в плен. Но 20 марта 1440 г. Сигизмунд был убит, а Александр Олелько обратился к новому великому князю литовскому Казимиру и «бил челом о Киеве». Казимир отдал Олелько Киев со всеми пригородами.

В 1455 г. князь киевский Александр Олелько умер. Однако польский король Казимир IV дал Киев сыну Олелько Семену не в удел, а поставил там его королевским наместником. Таким образом, Киевское княжество было формально ликвидировано. Тем не менее, Семен Александрович носил титул князя киевского. Брат его Михаил Александрович владел старинным семейным уделом — городом Копылом. В 1471 г. Семен Александрович умер, но его сыновья не стали наместниками в Киеве. Семен Семенович получил в княжение Луцк, а Василий Семенович — Пинск.

Несколько слов стоит сказать о границах Киевского княжества в XIV веке. Во владении Владимира Ольгердовича был 71 укрепленный населенный пункт, в том числе Черкассы, Канев, Путивль, Снепарод и Переяславль Русский.

К концу XIV века значительная часть Левобережья была присоединена к Киевскому княжеству. Это подтверждается жалованными грамотами киевских князей Александра Владимировича Олелько и Семена Александровича. Так, Александр Владимирович пожаловал боярину Олехну Сохновичу в числе прочих имений «три городисча за Днепром: Бусурменское, Ярославское, Саль-ково». Одна из грамот Семена Александровича была выдана им в Прилуках. Он же пожаловал боярину Демиду село «у Путивля на имя Чаплища и землю Терн». В конце XV века некий боярин Осташкович владел селищем Ермаковичи в Путивльском повете как «даниной» князя Александра Владимировича.

Кроме Путивля Киевскому княжеству в XIV веке принадлежало черниговское Посемье с волостными центрами Хоробор и Сосница, а также замок Остер и его земли в нижнем течении Десны. Принадлежность Посемья к Киеву подтверждается неоднократными находками в этом районе кладов с монетами Владимира Ольгердовича. Они были обнаружены в Путивле, в Козельце, в селе Вишенки бывшего Коропского уезда, а в Соснице был обнаружен самый большой клад — 969 монет, чеканенных в Киеве от имени Владимира Ольгердовича.

Управление Киевским княжеством в XIV — XV веках мало отличалось от других литовских земель. В городах и местечках исполнительная, военная и судебная власть осуществлялась державцами (воеводами), подчиненными киевскому князю. Высшие придворные чины государственно-вотчинного аппарата вместе с иерархами православной церкви составляли ближайшее окружение удельного князя — раду (сословный орган местных землевладельцев). С участием рады удельный князь решал вопросы законодательства, управления, пожалования

земельных владений, отношений с церковью, а иногда и внешней политики.

В первой половине XIV века вече еще собиралось в Киеве, но позже о нем нет никаких известий.

До конца XV века нет никаких сведений об экспансии католиков в Киевскую землю. Там безраздельно господствовало православие. Все делопроизводство, как и в других землях княжества, велось на русском языке.

ГЛАВА 9

СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Город Смоленск впервые упомянут в летописи под 862 годом как уже существующий город. В 1125 г. после смерти Владимира Мономаха смоленский стол занял его внук Ростислав Мстиславич, при котором княжество окончательно отделилось от Киевской Руси. Ростислав Мстиславич правил Смоленском до самой своей смерти в 1168 г. При этом он дважды, в 1154 — 1155 гг. и в 1159—1161 гг., становился великим князем киевским, но сохранял при этом и смоленский престол. Чтобы сделать Смоленское княжество независимым в церковных делах, Ростислав Мстиславич в 1137 г. учреждает местную епископию. Ростислав Мстиславич стал родоначальником династии смоленских князей.

Смоленск расположен на реке Днепр на знаменитом «пути из варяг в греки», игравшем первостепенную роль как во внутри-русской, так и в транзитной восточноевропейской торговле. К концу XII века Смоленское княжество контролировало систему волоков, связывающих Днепр с Западом, Севером и Востоком. Княжеству принадлежали истоки Днепра, Западной Двины и ее притоков, Ловати, Торопы, Волги, Вазузы и Москвы[73].

Несколько слов стоит сказать и о главных городах Смоленского княжества. Пограничным городом на юго-западе была Орша, расположенная на Днепре ниже Смоленска. Орша впервые упоминается в летописи под 1067 годом. Несколько раз Оршу ненадолго захватывали полоцкие и минские князья, но вскоре она возвращалась Смоленску.

Еще ниже Орши по течению Днепра стоял город Копыл, впервые упомянутый в 1059г. Городище древнего Копыла расположено на холме с крутыми склонами на левом берегу Днепра при устье небольшой речки Сморковки. Поселение обнесено кольцеобразным валом высотой до 5 м. В середине XII века, судя по уставной грамоте Ростислава Мстиславича, Копыл был пунктом сбора торговой пошлины как с товаров, шедших вниз и вверх по Днепру (с этих сборов в пользу смоленских князей ежегодно выплачивалось 4 гривны), так и за перевоз через Днепр (тоже 4 гривны). Кроме того, город выплачивал ежегодно 6 гривен «погоро-дья», 4 гривны полюдней дани и неопределенную сумму с корчемных сборов.

Город Торопец (первоначальное название Кривит) расположен на береговом мысу озера Соломенного, при истоке из него реки Торопы. Раскопки показали, что первоначальное укрепление было основано здесь во второй половине X века на невысоком холме среди болотистой низины. В первой половине XII века система укреплений была усилена — по периметру городища насыпан мощный вал высотой около 8 —9 м. Площадь Тороиец-кого городища свыше 5 гектаров.

Одна из систем волоков шла от Ловати к Днепру по реке То-ропе. Другой важный путь проходил по реке Кунье через погост Волок к реке Торопе и далее до ее впадения в Западную Двину.

На юге Смоленского княжества на реке Сож при слиянии ее с Проней находился Проиойск (Прупой). В XIV веке этот город именуется Пропошеском, а сейчас — Славгородом.

На правом берегу реки Вехры, недалеко от ее впадения в Сож, находился древний Мстиславль (ныне город в Могилевской области). Это круглое в плане укрепление размерами 140 на 130 метров.

Остатки древнего города Ростиславля (городище в городе Рос-лавле) находятся при слиянии речек Становки и Глазомойки (притоков Остра). Городище имеет правильную округлую форму диаметром 70 м и защищено кольцеобразным валом высотой до 3 м.

По реке Десне шел путь из Смоленска в Чернигов и Новгород Северский. В смоленской

части деснинского бассейна находился город Ельня (Елна). Ельнинское городище принадлежит к типу круглых и расположено на территории современного города Ельня на левом берегу Десны при впадении в нее реки Мойки. Размеры городища около 150 на 100 метров.

Довольно крупным городом княжества был Дорогобуж, расположенный на Днепре выше Смоленска.

На севере княжеству принадлежали города Клин (впервые упомянут в 1131 г.) и Ржев (впервые упомянут в 1216г.). Укрепления Ржева находились на перешейке мыса, образованного рекой Халыной близ ее впадения в Волгу. Ржев был предметом распрей смоленских князей с тверскими.

На востоке Смоленску принадлежал город Можайск, расположенный в 110 км от Москвы в верховьях Москвы-реки. Впервые Можайск был упомянут в Никоновской летописи иод 1231 годом.

Но перейдем от географии княжества к политике. Ростиславу Мстиславичу наследовал смоленский стол его старший сын Роман, который, как и отец, дважды на короткий срок становился великим князем киевским — в 1171 —1172гг. и в 1175г. После смерти Романа в 1180г. смоленский стол занял его брат Давыд Ростиславович, который до этого был князем витебским. И до 1240 г. Смоленским княжеством правили дети и внуки Давыда.

Первое батыево нашествие практически не задело Смоленское княжество. После отступления от Новгорода какой-то правофланговый отряд татар подошел к Смоленску и стал в 25 верстах от него на Долгомостье. Дальнейшие события известны лишь из жития святого мученика Меркурия Смоленского. Ночью у княжеского дружинника по имени Меркурий было видение Богородицы, которая повелела ему напасть в одиночку на татар. Тот той же ночью Меркурий сел на коня и отправился в татарский стан в Долгомостье. Никем не замеченный, он прошел стражу, и среди неприятельского стана увидел великана. Оградясь крестным знамением, Меркурий воскликнул: «Пресвятая Богородица, помоги мне!», и убил гордого и надменного исполина, а затем истребил еще множество врагов. Сын убитого татарского великана, желая отомстить за смерть отца, напал сзади на Меркурия и нанес ему смертельный удар. Но внезапно непонятный ужас охватил врагов, и, бросая оружие, они бежали от города, гонимые неведомой силой из пределов Смоленской земли.

По моему мнению, в житии правда перемешена с вымыслом. Скорее всего, имела место удачная вылазка смоленской дружины князя Ростислава, сына смоленского князя Мстислава Давыдовича. Татарский отряд был разбит и ушел на юг в степь.

Смоленские князья имели претензии на киевский престол. И в 1239 г. после бегства из Киева Михаила Всеволодовича туда поспешил смоленский князь Ростислав Мстиславич. Однако покняжить ему удалось только несколько недель, после чего он был схвачен дружиной князя Даниила Галицкого и в 1240 г. умер в темнице.

Воспользовавшись отъездом Михаила Всеволодовича в Киев, великий князь владимирский Ярослав Всеволодович помог овладеть Смоленском Всеволоду Мстиславичу[74].

В 1239 г. литовские князьки совершили набег на Смоленскую землю и даже осадили Смоленск, но вынуждены были бежать. После разгрома Киева татары разделили свое войско на две армии. Большая часть войска вошла в первую армию во главе с ханом Батыем. Второй армией командовали царевичи Орду (Хорду-Ичана) и Байдар, с ними шли и булгары Гази Бараджа.

Первой в поход в январе 1241 г. двинулась армия Орду. Наши и польские историки вообще не знают, как шла эта армия. Так, по атласу 1955 г. часть войска Орду пошла на Люблин, а часть — на Берестье (Брест) и далее к Мариенбургу в пределы Тевтонского ордена.

Булгарская же летопись утверждает, что Орду двинулся для начала к Смоленску, но не только не стал разрушать его, а наоборот, там к татарам присоединилась дружина смоленского князя Михаила[75] числом в 10 тысяч человек. Там же в Смоленске к татарам присоединился и какой-то литовский князь по имени Аскал.

В конце января 1241 г. армия Орду взяла Люблин, а в начале февраля — Сандомир. 13 февраля татары разгромили войско малопольских князей в битве под Турском.

10 марта 1241 г. татары переправились через Вислу у Сандомира, оттуда отряд под командованием Кайду отправился в направлении Ленчицы с последующим выходом к Кракову. Прикрывая путь на Краков, польские войска краковского воеводы Владимежа и сандомирского воеводы Паковлава пытались остановить татар, но 18 марта под Хмельником были разбиты. Сам воевода Владимежа был убит, а войска бежали. Краковский и сандомирский князь Болеслав Стыдливый с матерью, русской княжной Гремиславой Ингваревной, и другими домочадцами бежал из столицы в Венгрию. 28 марта 1241 г. татары штурмом взяли Краков, а затем двинулись

к Вроцлаву.

Польские летописи отмечают успехи смоленских ратников при штурме польских городов. Видимо, за военную помощь татарские ханы освободили Смоленск от уплаты дани. А может, смоленские князья попросту не ездили в Орду, как владимирские, а ханам было не до Смоленска.

В 1249 г. умер, не оставив мужского потомства, князь Всеволод Мстиславич, и Смоленское княжество до самого своего падения переходит под власть потомков Ростислава Мстиславича.

У Ростислава Мстилавича было пять сыновей: Глеб, Федор, Михаил, Константин и Юрий. После смерти их троюродного дяди в 1249 г. смоленский стол занял старший брат — Глеб. Правил он долго, до самой своей смерти в 1277 г. Следующий по старшинству брат Федор, прозванный Чермным (не Черным, а Чермным, то есть красивым на древнерусском языке) получил в удел город Можайск и стал первым можайским князем. Естественно, честолюбивый красавец не то что бы не желал, он просто физически не мог провести жизнь в таком захолустье.

Между тем в 1249 г. умер ярославский князь Василий Всеволодович. Его единственный сын Василий умер младенцем, и на престол вступил его брат Константин Всеволодович, но в 1257 (по другим данным в 1256) г. и он умирает бездетным. В таких случаях обычно призывали на княжение другого родственника мужского пола. Но по неясным причинам власть в Ярославле захватили молодая вдова князя Василия Всеволодовича Ксения. Точный возраст ее неизвестен, но в брак она вступила в 1242 г., то есть в 1257 г. ей было от 27 до 32 лет[76]. У Ксении была дочь Мария, родившаяся между 1243 и 1249 годами.

Федор Ростиславич поехал в Ярославль и сумел втереться в доверие к Ксении, и в 1260г. состоялась его свадьба с Марией Васильевной. Вскоре у них родился сын Михаил. Но тихая жизнь в Ярославле Федору быстро надоела. В 1277 г. вместе с еще тремя русскими князьями — Андреем Городецким (сыном Александра Невского), Глебом Ростовским и его сыном Михаилом — он собрал войско и отправился в Золотую Орду. Вместе с татарами Федор принял участие в походе на осетин. Русские вместе с татарами разгромили осетин и взяли «славный град Тетяков» (Татян).

В 1278 г. по указанию хана Менгу-Тимура князья Федор Чермный и Михаил Белозерский[77] устроили карательную экспедицию в Волжскую Булгарию. По данным профессора З.З. Мифтахова они разрушили 40 городов и 600 селений[78]. Арабские источники свидетельствуют об особой жестокости воинства Чермного и Белозерского.

После ратных подвигов 1277—1278 гг. Чермный решил не возвращаться к тихой жизни в Ярославле, а остаться при дворе хана Менгу-Тимура. В летописи сказано: «А князя Феодора Ростиславовича царь Менгу-Тимур и царица его вельми любяще и на Русь его не хотяше пустити мужества ради и красоты лица его». Федор стал ханским виночерпием, но через три года решил все-таки наведаться в Ярославль, узнав о смерти своей жены Марии. Ярославцы же не пожелали открывать ворота своему князю, «не приняша его во град, но рекоша ему: «Сей град княгини Ксении, и есть у нас князь Михаиле»».

Ксения, правившая княжеством от имени малолетнего внука Михаила, почувствовала вкус власти и не желала делиться ею с непутевым зятем. Не солоно хлебавши, Федору пришлось вернуться в Орду.

В итоге одна из дочерей хана Менгу-Тимура была крещена и получила имя Анна. Затем состоялась их с Федором пышная свадьба. Супруги, как говорится, стали в Сарае жить да поживать, и детей наживать. В Орде у Федора родилось два сына — Давид и Константин. Федор жил в Сарае до 1290г., когда «пришла ему весть с Руси, от града Ярославля, что его первый сын князь Михаил преставился».

Помня, как его прогнали ярославцы, Федор выпросил у хана Талабуги (Телебуги) татарское войско. Ярославцы не отважились драться с татарами и были вынуждены признать Федора своим князем.

Между тем Глеб Ростиславич правил Смоленском в довольно спокойной обстановке. Изредка нападали литовцы, и смоленская рать устраивала ответные карательные рейды. Самый большой набег произошел в 1258 г., когда литовцам удалось штурмом взять и разорить городок Войшину на севере княжества. Но потом литовцы очень быстро ушли в Новгородскую землю.

В 1286 г. брянский князь Роман вторгся в Смоленскую землю. Он разорил окрестности Смоленска, сжег посад, но города взять не сумел и ушел восвояси. Подробности дальнейшей смоленско-брянской войны историкам неизвестны, но дело кончилось победой смоленских князей, которые между 1290 г. и 1300 г. присоединили Брянск к своим владениям. Последним брянским князем из смоленской династии Ростиславичей стал Василий Александрович, погибший в 1356 г., защищая город от Литвы.

В 1277 г. умер князь Глеб, у него осталось три сына, но по горизонтальной схеме наследования смоленским князем стал млад- ший брат Глеба Михаил Ростиславич. Вообще-то законное право на престол имел средний брат — хорошо нам знакомый Федор Чермный. Но он сидел в Ярославле.

Михаилу Ростиславичу не повезло. Он правил около двух лет и умер в 1279 г. И вот тогда Федор Чермный позвал на помощь своих любимых татар и двинулся к Смоленску. Видимо, рать татарская была достаточно велика, и смоляне предпочли изгоя сыновьям Глеба Ярославича.

Вот тут-то Федор Чермный и обложил родной Смоленск татарской данью. В самом деле, нехорошо платить налог лишь с одной половины имущества, то есть с Ярославского княжества.

Побыв какое-то время в Смоленске, Федор Ростиславич отправился в Орду, оставив своим наместником племянника Андрея[79], сына Михаила Ростиславича. Старший сын Глеба законный наследник престола Святослав был отправлен удельным князем в Можайск.

Вскоре, примерно в 1285 г., Александр, младший сын Глеба Ростиславича, захватил власть в Смоленске и стал великим князем смоленским.

Федор Чермный к тому времени влез в усобицу сыновей Александра Невского, и ему было не до Смоленска. Лишь в 1298 г. Федор с ярославцами и татарами подошел к Смоленску, но взять его не смог и ушел обратно.

В 1299 г. князь Федор Чермный умер. Надо ли говорить, что об этом деятеле думали тогда смоляне, ярославцы, а также жители других русских земель?! Но в 1463 г. ярославским князьям и духовенству потребовался срочно собственный святой для идеологического противостояния Москве. И тут случайно ярославское духовенство обнаружило останки князя Федора Чермного и его сыновей Давида и Константина, почившие почему-то в одной гробнице. «Во граде Ярославле в монастыре Святого Спаса лежали три князя великие, князь Феодор Ростиславич да чада его Давид и Константин, поверх земли лежали. Сам же Великий князь Федор велик был ростом, те у него сыновья, Давид и Константин, под пазухами лежали, зане меньше его ростом были». И тут вся троица была автоматически причислена к лику святых.

Смоленские земли первыми из русских княжеств испытали агрессию молодого и жадного хищника — Москвы, отхватившего от Смоленского княжества город Можайск с его уделом. Понятно, позже наши историки найдут оправдание, мол, Москве обязательно нужно было контролировать верховья одноименной реки. Риторический вопрос: зачем? Ну, положим, там была бы граница с Литвой или Новгородом и был бы волок. А тут и дальше шли смоленские земли. Просто Москва отхватило то, что плохо лежало.

Литовцы нападали на Москву еще со времен Михаила Хо-робрита, и Смоленск был прекрасным щитом и буфером для Москвы. Увы, политика московских князей способствовала не усилению, а ослаблению русских земель и поглощению их Литвой.

О времени и способах захвата Можайска у современных историков нет единого мнения. Многим очень хотелось бы присоединить Можайск пораньше, еще при Данииле, скажем, к началу 90-х годов XIII века. В 1293 г. в ходе нападения Дюденевой рати татары сожгли Москву и разорили Можайск. И вот на основании этого историк А.А. Горский делает вывод о принадлежности Можайска в 1293 г. Московскому княжеству. «Обращает на себя внимание упоминание в списке взятых Дюденем городов Можайск. Традиционно считалось, что он был присоединен к Московскому княжеству в 1303г., а до этого входил в состав Смоленской земли. Но смоленским князем в 1293 г. был тот же Федор Ростиславич, союзник Дюденя, шедший вместе с татарским войском. Если исходить из принадлежности Можайска Смоленскому княжеству, придется признать, что Федор навел татар на подвластный ему город, при том, что целью похода были, естественно, владения князей — противников Федора и Андрея»[80]

Неубедительность умозаключений Горского очевидна. Во-первых, татары не особенно разбирались, кто враг, кто союзник, когда дело доходило до грабежа. А главное то, что в Смоленске уже давно правил враг Чермного — князь Александр Глебович. Так что как раз Чермный и мог навести татар на своих конкурентов.

То, что Можайск был присоединен к Москве при Юрии Даниловиче в 1303 г. доказывает запись под 6812 годом: «И тое же весны князь Юрья Данилович с братьею своею ходил к Можаеску и Можаеск взял, а князя Святослава ял и привел к собе на Москву». Все становится на свои места. Святослав по-прежнему сидел в Можайске с середины 80-х годов до 1303 г.

Нападение Москвы в 1303 г. толкнуло смоленских князей к союзу с Литвой. Начался период конфликтов между Москвой и Смоленском. Новый смоленский князь Иван, сын Александра Глебовича, не пожелал платить дань татарам, которую устроил его двоюродный дед Федор Чермный.

Татары несколько лет терпели, но вот в 1333 г. хан Узбек послал татарскую рать на

Смоленск. Вместе с татарами шел с дружиной брянский князь Дмитрий Романович. Но взять город не удалось, и татарам с союзниками пришлось возвращаться, несолоно хлебавши.

Зимой 1339/40 г. хан Узбек вновь вспомнил о непокорном Смоленске и направил туда куда большее войско во главе с Товлу-бием (убийцей князя Александра Тверского). Еще в Орде к Товлубию присоединился рязанский князь Иван Коротопол с дружиной.

По ходу к Товлубию присоединились со своими дружинами князья Константин Суздальский, Константин Ростовский, Иван Юрьевский, Иван Друцкий и Федор Фоминский. Московский князь Иван Калита болел и присоединиться не мог, но послал большую рать во главе с боярами Александром Ивановичем и Федором Акинфовичем. Как писал Н.С. Борисов: «Калита поднял и погнал иод Смоленск даже тех, кто отродясь не хаживал в такие походы — «мордовска князи с мордовичи»»[81]. Тверские князья в походе не участвовали.

Подойдя к Смоленску, огромная союзная армия начала жечь и грабить округу, но взять города не смогла. Замечу, что тогда в Смоленске не было большой каменной крепости, которая была построена при Борисе Годунове и сохранилась до сих пор. Зато город прикрывал мощный земляной вал, толщина которого в основании достигала 30 м. Длина вала составляла примерно 3,5 версты, площадь крепости — 65 гектаров. На валу имелся деревянный тын с несколькими башнями.

Как с едкой иронией написал летописец: «И пришедше под Смоленск, посады пожгоша, и власти и села пограбиша, и под градом немного дней стояше, и тако татарове поидоша во Орду со многым полоном и богатеством, а русстии князи возвратиша-ся во свояси здравы и целы»[82].

Видимо, при отходе смоляне хорошо наподдали «собирателям земли русской».

В 1351 г. московский князь Симеон Гордый с братьями Иваном и Андреем ходил с войском на Смоленск, но смоленские послы встретили его на реке Угре, где и был заключен мир. Причины похода и условия мира, увы, остались неизвестными.

Как уже говорилось, в 1356 г. Ольгерд взял Брянск, принадлежавший смоленским князьям. В том же году литовцы взяли Ржев. В 1358г. тверские и можайские дружины отбили Ржев у литовцев, а в следующем 1359 г. смоленские войска вторглись в литовские пределы.

В декабре 1370 г. обиженные Москвой князья Святослав Иванович Смоленский и Михаил Александрович Тверской вместе с литовским князем Ольгердом пошли войной на князя Дмитрия Ивановича (еще не Донского). 6 декабря они осадили Москву. Князь Дмитрий сел в осаду. Но на помощь ему поспешили его двоюродный брат Владимир Андреевич и войско рязанского князя Олега Ивановича. Дело кончилось перемирием.

Но вот по неясным причинам в августе 1375 г. смоленские войска присоединяются к войску московского князя и еще семнадцати князей, осадивших Тверь. Через несколько месяцев князь Ольгерд в качестве мести за нападение на своего союзника тверского князя делает набег на Смоленское княжество.

Как уже говорилось, Витовт поставил условием отпуска княжича Василия в Москву помолвку с его дочерью Софией. У молодого князя не было выбора, и он согласился, не ведая, какое горе это принесет и Северо-восточной Руси, и Смоленску. Сама же свадьба состоялась в Москве в 1390 г. уже после смерти Дмитрия Донского.

Но вернемся в 1386 г. Почти одновременно с помолвкой Василия Дмитриевича, 15 февраля 1386 г. великий князь Литовский Ягайло принимает в Кракове католичество и становится Владиславом, а еще через 3 дня он торжественно венчается с польской королевой Ядвигой, и, наконец, 4 марта он становится королем Польши.

Личная уния Литвы и Польши представляла страшную угрозу Тевтонскому ордену, одновременно эта уния представляла смертельную опасность и для православного населения Великого княжества Литовского. Поэтому против Ягайло (Владислава) образовалась довольно странная коалиция: Тевтонский орден, православный литовский князь Андрей Ольгердович Полоцкий и смоленский князь Святослав Иванович. Кроме всего прочего Святослав хотел вернуть ряд городов, захваченных литовцами ранее у Смоленского княжества.

Князь Святослав захватил Оршу, несколькими десятилетия ранее отнятую у смоленских князей литовцами. Хроника Быхов-ца сообщает, что смоляне «много зла причинили христианам, поступая не по-человечески и не по-христиански: мучили христиан, собирая запирали в избах и зажигали, а иных хватали, и, приподняв большие хоромы, клали пленных под стены головами и зажимали, а о иных различных нехристианских муках из-за великого страха не пишу: ни Антиох Ассирийский, ни Юлиан Отступник так народ не мучили. И повоевав и забрав в плен жителей, возвратились восвояси, замкам же ничего не сделали». Эти строки С.М. Соловьев перенес в свою «Историю государства Российского» без ссылок и комментарием.

Затем Святослав осадил город Мстислав ль, где сидел литовский наместник Коригайло[83] Ольгердович. Смоляне начали разрушать стены крепости пороками, но через 10 дней, 29 апреля 1386 г., большое литовское войско во главе с родным братом Ягай-ло князем Скиригайло и с братьями Дмитрием Корибутом и Симеоном Лугвеном приблизилось к Мстиславлю. Святослав Иванович отступил от города и неподалеку, на берегу речки Вехры, правого притока Сожи, принял сражение. Смоляне были наголову разбиты, сам Святослав пал, пронзенный копьем, а оба его сына, Юрий и Глеб, попали в плен.

Литовцы преследовали русских аж до Смоленска, но штурмовать город не решились. За большой выкуп Скиригайло отдал смолянам тело убитого князя Святослава.

Раненого Юрия Святославича Скиригайло велел выходить в Торжке, а потом отправил Юрия княжить в Смоленск. Старший же сын Святослава Глеб на некоторое время был оставлен заложником. Различное отношение к братьям Святославичам объясняется родственными связями, Юрий был мужем старшей сестры Скиригайло.

Вскоре Витовт вновь поссорился со своими двоюродными братьями Ягайло и Скиригайло, и ему пришлось искать убежища в землях Тевтонского ордена. В 1390 г. орденское войско вместе с дружиной Витовта вторглось в Литву. Любопытно, что в рядах крестоносцев находилось много западноевропейских рыцарей, в том числе граф Дерби, позднее ставший английским королем под именем Георга IV. Генеральное сражение произошло иод Вильно на берегу речки Вилни. Ягайло и Скиригайло были наголову разбиты. Среди пленных князю Витовту достались и смоленские князья Глеб Святославич и какой-то Глеб Константинович[84], сражавшиеся на стороне Скиригайло. Впрочем, не исключено, что Глеб Святославич сам перешел на сторону Витовта, тем более что тот был ему шурином[85].

Так или иначе, но Витовт согнал со смоленского престола Юрия Святославича, ставленника Скиригайло, и посадил туда Глеба, а Юрия в виде утешительного приза послал княжить в городок Рославль.

В орденском войске Глеб увидел действие пушек, и, став смоленским князем, купил или получил в подарок от Витовта несколько тяжелых пушек (картунов).

Летом 1395 г. великий князь литовский Витовт отправился в поход на татар на помощь своему зятю великому князю московскому Василию I. Замечу, что Москве действительно угрожало нашествие Тамерлана (Тимура). Витовт как бы случайно объявился около Смоленска. Глеб Святославич выехал ему навстречу, Витовт принял его хорошо, одарил подарками и отпустил, предложив быть третейским судьей для смоленских князей в их распрях, и пообещал оборонять их от Юрия и Олега Рязанского. Смоленские князья поверили Витовту и приехали к нему в стан со своими боярами. Но тут Витовт велел схватить князей вместе со свитой.

28 сентября 1395 г. Смоленск, оставшийся без князей, был обманом взят литовцами. Витовт отправил Глеба Святославича на княжение в городок Поденное в Литве, а в Смоленске оставил своих наместников князя Ямонта и боярина Василия Борейко-вича вместе с литовским гарнизоном. На воле остался лишь князь Юрий Святославич, гостивший в то время у своего тестя Олега Ивановича Рязанского.

Узнав о захвате Смоленска Витовтом, Юрий Святославич Смоленский и Олег Иванович с рязанской ратью вторглись в литовские пределы. Витовт не стал вступать в сражение и отправился в свою очередь грабить Рязань. Олег Рязанский приказал своему войску спрятать в надежном месте добычу, взятую в Литве, и налегке начать поиски литовцев, вторгшихся на Рязанщину. Рязан-цы нагнали литву и побили ее, а сам Витовт едва сумел уйти.

Московский же князь Василий I не только не помог смоленским князьям, а наоборот, в 1396 г. поехал в Смоленск на встречу с Витовтом. При въезде в Смоленск зять Витовта приказал салютовать из огромных картанов (пушек) в течение двух часов. В захваченном Смоленске родственники отпраздновали Пасху.

Олег Рязанский в это время осадил литовский город Любутск, но Василий направил к Олегу посла, и тот, угрожая московской ратью, заставил рязанцев снять осаду.

Осенью 1396 г. Витовт с большим войском напал на Рязанскую землю. Как писал Д.И. Иловайский: «...предал ее опустошению; причем «литовцы сажали людей улицами и секли их мечами». По выражению летописца, Витовт «пролил Рязанскую кровь как воду». После этих подвигов прямо из Рязанской земли он заехал к своему Московскому зятю в Коломну, где пировал с ним несколько дней»[86].

И после этого наши историки смеют называть Олега Рязанского «изменником Руси», а персонажей типа Василия I — «собирателями Руси».

Битва на Ворскле имела большое значение для Смоленского княжества, ведь там был убит

его князь Глеб Святославич. Смоляне, тяготившиеся зависимость от Витовта, обратились к своему прирожденному князю Юрию Святославичу, жившему в Рязани у своего тестя князя Олега. В 1400 г. Юрий стал просить тестя: «Прислали ко мне смоленские доброхоты с известием, что многие хотят меня видеть на моей отчине и дедине. Сделай милость, помоги мне сесть на великом княжении Смоленском». Олег исполнил просьбу зятя, на следующий год явился с войском под Смоленском и объявил его гражданам, что если они не примут к себе Юрия, то рязанская рать не уйдет от стен, пока не возьмет города и не предаст его огню и мечу.

В это время князем в Смоленске был Роман Брянский, посаженный туда Витовтом после смерти Глеба. Большинство горожан не желали ни Романа, ни Витовта, и в августе 1401 г. смоляне открыли ворота Юрию Святославичу. Видимо, произошел кровавый переворот, в ходе которого были убиты Роман Брянский и несколько бояр, как местных, так и «не местных», от Витовта. Жену Романа Брянского с детьми князь Юрий велел отпустить на все четыре стороны.

Юрий Святославич занял Смоленск в августе 1401 г., а уже осенью Витовт с полками стоял иод городом. В самом Смоленске сторонники Витовта подняли мятеж, но были перебиты. Витовт без толку простоял под городом четыре недели, в конце концов, заключил перемирие и отступил.

Следующий 1402 год оказался более удачным для Витовта. Сын рязанского князя Родислав Олегович пошел на Брянск, но у Лю-бутска его встретили князья Гедеминовичи — Семен Лугвений Ольгердович и Александр Патрикиевич Стародубский. Они разбили рязанское войско, а самого княжича взяли в плен. Три года Родислав провел в темнице у Витовта и, наконец, был отпущен в Рязань за три тысячи рублей.

В 1403 г. Лугвений Ольгердович взял Вязьму, а в 1404 г. Витовт опять осадил Смоленск, и опять неудачно. Три месяца стоял он под городом, литовцы построили батареи под стенами и начали обстрел Смоленска из тяжелых осадных орудий. Но взять город не удалось, и Витовт, разграбив окрестности, ушел в Литву.

В 1402 г. умер рязанский князь Олег Иванович. Теперь Юрию Святославичу пришлось рассчитывать только на себя. Защитить Смоленск мог только московский великий князь Василий Дмитриевич, но тот был женат на Софье Витовтовне. Юрий видел, что из двух подданств надо выбрать наименее тяжкое и, взяв опасную грамоту, поехал в Москву и стал умолять князя Василия: «Тебе все возможно, потому что он тебе тесть, и дружба между вами большая, помири и меня с ним, чтоб не обижал меня. Если же он ни слез моих, ни твоего дружеского совета не послушает, то помоги мне, бедному, не отдавай меня на съедение Витовту. Если же и этого не хочешь, то возьми город мой за себя, владей лучше ты им, а не поганая Литва».

Василий обещал помочь, но медлил. По сему поводу Супрасль-ская летопись говорит: «Князь же Василий обеща ему дати силу свою и удержа его на тые срокы, а норовя тьсти своему Витовту». То есть попросту Василий арестовал Юрия и дал знать об этом тестю.

Витовт не заставил себя ждать и в 1404 г. с большим войском заявился к Смоленску. Несколько изменников бояр открыли ему городские ворота и выдали жену Юрия — дочь Олега Рязанского. Витовт в Смоленске особой популярностью не пользовался, поэтому многих бояр он казнил, а других взял с собой в Литву вместе с княгиней и малолетними детьми князя Юрия. Там они и погибли в заточении. В Смоленске был посажен наместник Витовта. С удельным княжеством Смоленским на этот раз было покончено навсегда.

А что же делал «собиратель русских земель» Василий I? Да ровным счетом ничего. Узнав о захвате Смоленска Витовтом, он свалил все с больной головы на здоровую и заявил Юрию Свя-тославичу: «Приехал ты сюда с обманом, приказавши смольня-нам сдаться Витовту». Юрий, видя гнев московского князя, уехал в Новгород, где жители приняли его и дали тринадцать городов[87] . Юрий и новгородцы поклялись друг другу жить в вечном мире, а в случае, если неприятель нападет на Новгород, князь Юрий обещал биться с новгородцами заодно.

Вместе с Юрием в Новгород прибыли его брат Владимир Свя-тославич, сын Федор, а также вассал Семен Иванович[88] Вяземский. Но в Новгороде Юрий прокняжил всего два года, а затем вместе с Семеном Вяземским уехал в Москву. В Новгороде же остался княжить Федор Юрьевич.

Василий I дал Юрию в кормление город Торжок. Потерявший жену Юрий влюбился в жену Семена Вяземского Ульяну[89]. Страсть овладела князем настолько, что он убил Семена и решил силой овладеть Ульяной. Но та схватила нож и попыталась убить насильника. Юрий выхватил меч и изрубил тело несчастной на куски. Затем князь приказал слугам бросить останки Ульяны в реку. Там их нашел рыбак и сообщил местному попу. Боясь наказания великого князя московского, Юрий бежал в маленький монастырь близ Венева, где постригся в монахи и умер 14 сентября 1408 г. Тело Юлиании было торжественно предано земле в центральном соборе

Торжка. Почти сразу же духовенство прославило ее, а в середине XVI века на Стоглавом соборе Юлианию (Ульяну) из местночтимых святых ввели в пантеон общерусских святых. Мощи ее к 1917 г. находились в Преображенском соборе в Торжке. Любопытно, что в Веневе позже началось почитание и ее убийцы — князя Юрия Смоленского.

Сын Юрия Федор княжил в Новгороде до 1412 г., когда Витовт стал грозить Республике войной, требуя высылки ненавистного ему смоленского князя. Юрий Федорович на вече сам сложил с себя полномочия, не желая быть поводом к войне.

Он уехал в земли Ордена, а оттуда — в Западную Европу. Далее о нем лишь известно, что в 1413г. он был участником собора в Констанце. Причем, судя по его гербу, Юрий вступил в военно-монашеский орден святого Иоанна Иерусалимского.

Потомки смоленских князей — роды Жижемских, Коркоди-новых, Кропоткиных, Дашковых, Порховских и другие — служили в XV —XVII веках как в Литве, так и в России. С XIV века служили великому князю московскому другие потомки удельных князей смоленских — Ржевские и Фоминские, видимо, лишившиеся своих уделов в результате литовского продвижения на восток. Со временем они потеряли свои княжеские титулы и стали родоначальниками многих известных служилых родов Московского государства — Полевых, Еропкиных, Толбузиных, Травиных, Осокиных и других.

Витовт в 1403 г. взял и Вязьму — столицу одноименного удельного княжества, находящуюся примерно в 210 км от Москвы и в 150 км от Смоленска. При этом вяземские князья признали себя вассалами Великого княжества Литовского, но сохранили свою власть в княжестве. Как и в случае со Смоленском, Василий I промолчал. Лишь в 1405 г. он вдруг послал двух татарских царевичей на литовские города Вязьму, Брянск и другие. Татары хорошо повоевали, много народу перебили и в плен увели, разорили и пожгли Литовскую землю до самого Смоленска и вернулись домой с большой добычей.

О жизни города Смоленска с 1404 г. по 1440 г. под властью наместников великого князя литовского практически ничего не известно. В позднейших документах упоминаются привилегии, данные городу великим князем литовским Витовтом, а позже Сигиз-мундом и Казимиром. Однако в чем заключались привилегии — неизвестно. Видимо, жили смоляне не так уж и плохо.

В 1410г. в Грюндвальдской битве тремя смоленскими полками командовал мстиславский князь Юрий, сын Семена Ольгердовича Лугвеня. Смоляне сумели остановить натиск крестоносцев, но сами понесли большие потери.

Остальные немецкие сведения о Смоленске того времени носят бытовой характер. Так, в 1415г. в Смоленске был пожар и мор, а в 1430 г. объявился в городе огромный бесшерстный волк, который коих граждан покусал, а коих даже съел.

В 1434 г. великий князь литовский Сигизмунд отправил в Смоленск своего наместника воеводу Андрея Саковича. В 1440 г. смоляне восстали против власти великого князя литовского. Как гласит хроника Быховца: «И после Пасхи на святой неделе в среду вздумали смольняне, черные люди, кузнецы, кожемяки, сапожники, мясники, котельники Андрея силой выгнать *из* города и нарушить присягу; и вооружились они сулицами и стрелами, и косами, и топорами, и зазвонили в колокол. Андрей начал советоваться со смоленскими боярами, и бояре ему сказали: «Прикажи своим дворянам вооружаться, а мы с тобой; разве лучше даться им в руки?». И пошли на конях с копьями против них и сошлись они в городе у святого Бориса и Глеба и побили копьями много черных людей насмерть, а иные раненые остались живы, и разбежались черные люди от Андрея».

Однако ночью Андрей Сакович с женой несколькими смоленскими боярами бежал из города. Утром смоляне схватили маршалка[90] Петра и утопили в Днепре. Воеводой в Смоленске был выбран князь Андрей Дмитриевич Дорогобужский. Однако некоторым боярам новый воевода пришелся не по душе, и они поехали жаловаться к великому князю литовскому Казимиру. В ответ горожане позвали Мстиславского князя Юрия Лугвеневича, сына Семена Ольгердовича Лугвеня. Тот долго не заставил себя ждать и по прибытии объявил себя князем смоленским. Когда обиженные бояре вернулись от Казимира, князь Юрий некоторых из них казнил, а остальных отправил в темницу. Имущество опальных Юрий роздал своим боярам.

Весной 1441 г. великий князь литовский Казимир послал польско-литовское войско на Смоленск. Однако это войско постояло три недели под городом, «посады и монастыри пожгли, и людей множество увели в плен, и кровопролитие христианам учинили немалое»[91]. А затем польско-литовское войско было вынуждено двинуться восвояси.

Осенью 1441 г. Казимир собрал большое войско и лично отправился под Смоленск. Узнав о приближении Казимира, князь Юрий вместе с женой бежал в Великий Новгород. Смоленск был

взят штурмом. После этого Казимир вновь назначил своим наместником Саковича, а сам отправился в Вильно.

Так закончилась последняя попытка смолян восстановить свою независимость, воспользовавшись усобицами в Литве.

ГЛАВА 10
ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

К 1238 г. Новгородская республика (земли) была одним из самых крупных государств Европы и существенно превосходила по площади любое русское княжество. На западе границей Новгородской земли была река Нарова и владения Пскова. На юге она граничила с Литвой, Смоленским и Тверским княжествами. Новгороду принадлежали города Луки (Великие Луки) и Торжок. На юго-востоке Новгородские земли соприкасались с владениями Белозерских князей. А вот на северо-западе и северо-востоке владения республики были буквально безграничны. Действительно, можно лишь приблизительно провести границы территорий, которые платили дань Новгороду.

Новгородская колонизация успешно велась с начала X века. При этом проникновение русских на север и северо-восток происходило относительно мирно. Емь, водь, карелы, саамь, чудь за-волочная, печора и другие народности имели крайне низкую плотность населения, и новгородцы не вытесняли их, а занимали, говоря современным языком, пустующую нишу. Эти народности занимались в основном охотой и рыболовством, а русские — торговлей и земледелием.

Православное духовенство в XI — XIV веках не вело на севере активной миссионерской деятельности, и обращение туземцев в православие носило исключительно добровольный характер. Я, по крайней мере, не нашел сведений о конфликтах северных народов с русскими на религиозной почве.

Спору нет, имели место и кровавые столкновения, но они были не типичны и в значительной степени вызывались субъективными факторами. Конечно, платить дань, пусть даже небольшую, никому не хочется. Но от новгородской колонизации туземцы имели и большую прибыль — защиту от воинственных соседей, торговлю и т.д. Не хочется использовать избитый штамп, но короче не скажешь: новгородцы цивилизовали северные народы.

К 1238г. Новгороду платили дань не только жители Карельского перешейка, но и большая честь Средней и Северной Финляндии, а также вся Карелия.

В конце XII века новгородцы уже собирали дань на Терском берегу Белого моря. Этим делом руководил специальный представитель администрации — «терский данник». В 1216 г. им был Семен Петрилович.

Норвежские источники позволяют заключить, что новгородская дань на Кольском полуострове не ограничивалась Терским берегом, а достигала Ивгей-реки и Люгенфьорда[92]. В скандинавских сагах сохранились сведения о связях Ладоги (Альдъюбор-га) с Нижним Подвиньем (Биармаландом).

В начале XII века новгородские дани распространялись на племена пермь и печору. Из попавшего на страницы летописи рассказа новгородца Гюряты Роговича, посылавшего в XI веке своего отрока «в Печеру люди, иже суть дань дающие Новгороду»[93].

К концу XII века новгородские данники проникли в югру. Так, под 1187 годом в Новгородской первой летописи сказано: «В то же лето изьбиени быша Печеръскыи и Югорьскыи даньници, а друзии за Волокомъ, и паде головъ о сте кметеи».

Сначала непосредственный сбор дани оставался в руках туземных вождей, затем основывались новгородские погосты-становища.

В Финляндии во второй половине XII века новгородцы столкнулись с экспансией шведов. Шведскому королю Эрику Святому очень нужны были деньги, и посему он счел «своей священнейшей обязанностью содействовать распространению христианства не только в своих владениях, но и в странах соседних. Тотчас по вступлении на престол с величайшей ревностью занялся он приготовлениями к походу и на другой же год (1156), сопровождаемый епископом упсальским Генрихом и многими монахами, во главе значительного ополчения внес крест и меч на берега Финляндии. Высадка произведена была на самой юго-западной оконечности, при устье реки Авра

(Аига^Ы), и там, где ныне стоит город Або»[94]. Там и была построена первая шведская крепость. Успех Эрика в значительной степени был обусловлен слабостью обитавшего там финского племени Суомляна (Сумь по русским летописям). Часть суомлян, подвергшихся внезапному нападению, разбежалась по лесам, а часть подчинилась требованиям завоевателей и приняла крещение. Король Эрик, увидев, что предприятие его не требует особых усилий, на следующий год с большей частью войска возвратился в Швецию, а дело обращения язычников поручил епископу Генриху. Но финны ревность епископа не оценили, и тому пришлось «принять мученический венец» и быть позже причисленному к лику католических святых.

В 1164 г. шведы провели смелый рейд на город Ладогу (ныне г. Старая Ладога). Шведская флотилия через Неву прошла в Ладожское озеро. Шведское войско осадило город. Ладожане сожгли свой посад, а сами с посадником Нежатою заперлись в каменном кремле и послали за помощью в Новгород. Шведы попытались взять кремль приступом, но были отражены с большими потерями и отошли к устью реки Вороной[93], и устроили там укрепленный лагерь. Через пять дней к лагерю шведов подошел новгородский князь Святослав Ростиславович с посадником Заха-рием. Атака русского войска оказалась для шведов неожиданностью. Большинство шведов было убито или взято в плен. Из 55 шнек сумели уйти лишь двенадцать.

После этого стычек между шведами и новгородцами не было почти 20 лет. Новгородцы были слишком заняты своими внутренними проблемами и игнорировали шведские проникновения в Финляндию. Лишь в 1188 г. в Центральную и Северную Финляндию ходили новгородские молодцы с воеводой Вышатой Васильевичем и «пришли домой иоздорову, добывши полона». В 1191 г. ходили новгородцы вместе с карелами на емь, «землю их повоевали и пожгли, скот перебили». В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович пошел с новгородцами на емь в Центральную Финляндию, «землю всю повоевали, полона привели без числа».

Самый сильный удар шведам русские нанесли в ходе таинственного похода на шведскую столицу Сиггуну в 1187 г. Флотилия кораблей с новгородскими, ижорскими и карельскими воинами скрытно прошла по шведским шхерам к Сиггуне. Столица шведов была взята штурмом и сожжена. В ходе боя был убит архиепископ Ион. Надо сказать, что у русских и, особенно, у карел были основания разделаться с этим духовным лицом, которое «9 лет воевало с русскими, ижорой и карелами ради господа и святой веры».

Русско-карельская рать благополучно вернулась домой. Шведы даже не стали восстанавливать разрушенную Сиггуну, а начали строить новую столицу Стокгольм. Стокгольм был основан вдовой архиепископа Иона[96] и ярлом Биргером из рода Фоль-кунгов. (Читатель не должен путать этого Биргера с однофамильцем, противником Александра Невского, этот Биргер умер в 1202г.)

Почему же поход 1187г. назван таинственным? Дело в том, что о нем нет никаких упоминаний в русских летописях, а все сказанное взято из шведской «Хроники Эрика». При этом и шведские, и отечественные историки[97] считают «Хронику Эрика» вполне достоверной.

А в России сохранилось даже вещественное доказательство похода — врата, украшенные бронзовыми барельефами. Эти врата новгородцы вывезли из Сиггуны и приделали к входу в новгородский храм святой Софии. Врата эти и поныне там, а копия их находится в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве.

Итак, русские разрушили до основания вражескую столицу и увезли много ценностей. Так почему же об этом молчат наши летописи? Да потому, что летописцы фиксировали буквально каждый шаг наших князей, а походы удалой новгородской вольницы предпочитали не замечать. Так было и потом. Много ли наши летописцы писали о победах ушкуйников над ордынцами?

Обратим внимание, молодцы новгородские оказались не только смелыми воинами, но и опытными мореходами, хорошо знающими шведские шхеры. Явно, поход 1187 г. был не первым дебютом новгородской вольницы. Обратим внимание и на поддержку, оказанную новгородцам карелами, ижорой и другими угро-финскими племенами в борьбе с емью (тавастами) и шведами. Карелы ходили с новгородцами на емь не только в 1191 г., когда об этом говорит летопись, поход на емь известен еще под 1143 г., а в 1228г. они же вместе с ижорой приняли деятельное участие в отражении набега на Ладожское озеро.

Несколько забегая вперед, я хотел бы обратить внимание на тактику новгородцев в борьбе со шведами. Шведы со времен Эрика Святого действовали но шаблону: высадка десанта на юге Финляндии, на Карельском перешейке или на реке Неве, а затем немедленное строительство крепости. В дальнейшем сеть шведских крепостей с сильными гарнизонами позволяла контролировать этот район. Параллельно проводилось насильственное обращение местного населения в католичество.

Новгородцы же принципиально не строили крепостей ни в устье Невы, ни на побережье

Финского залива. Многие наши историки полагают, что новгородцы боялись, что эти крепости могут быть захвачены неприятелем, и потом его будет очень трудно выбить. По мнению автора, такие суждения несерьезны. Взяли же русские в 1300 г. Ландскрону, построенную итальянскими инженерами, посланными самим папой римским.

Проблема заключалась в общественном строе Новгородской республики. Новгородцы в XIII—XV веках использовали князей и их дружины в качестве наемных «кондотьеров», по возможности не допуская их вмешательства во внутренние дела республики. Построив на Неве крепость, потребовалось бы содержать там сильный гарнизон. А кто бы дал гарантию, что начальник гарнизона не начнет брать дань с проплывающих русских и иностранных купцов, а также с жителей окрестных мест. В перспективе сей воевода мог объявить себя князем, а то и попытаться взять власть в Новгороде.

Итак, обратим внимание, что внешнюю политику Новгорода определяла его система правления. Как писал один из лучших знатоков истории Господина Великого Новгорода Н.И. Костомаров: «Вся масса жителей Великого Новгорода и Пскова, составляя целое собрание концов и улиц, пользовалась в обширном смысле правами самоуправленого государства; она разделялась на сословия, которых границы не были определены строгими юридическими правилами, но возникли из обстоятельств и течения жизни, изменялись и зависели от своенравного хода свободы. В обширном смысле жители делились на духовных и мирских: между теми и другими проводилась строгая черта. Сами же миряне составляют существенный подел на старейших и молод-чих; первые назывались также вящие люди, передние люди, большие люди; последние назывались также меньшие люди, черные люди. При более разнообразных условиях общественной жизни являлись более дробные поделы, и в Новгороде обозначались следующие названия сословий: гридьба, княжеские дворяне, посадники, бояре, дети боярские, купцы, житые люди, земцы и собственно черные люди: смерды и холопы. Название дворян и гридьбы давалось только свите князя; люди, носившие это название, не принадлежали к новгородскому гражданству, не жили в городе, но пребывали на Городище»[98].

Тут очень важно указать разницу в звании боярина на Руси XIII века в Московском государстве XIV—XVII веков и в Великом Новгороде. У нас в художественной литературе и даже в трудах историков в ходу штамп — «древний боярский род». Это очень удобный термин, и я сам, скрепя сердце, иногда им пользуюсь. Но, чтобы не вводить в заблуждение читателя, следует пояснить — если любой законный сын князя Рюриковича с момента рождения становился князем, то боярство в русских княжествах не передавалось по наследству. С таким же успехом можно сказать — «древний генеральский род». Но если папа был генералом, то карьера его сына вполне может кончиться чином капитана. Так и сын боярина вполне мог закончить свою карьеру в чине стольника или окольничего. Боярин — это высший чин при дворе князя. Таким образом, под «боярским родом» следует понимать группу родственников, служивших при дворе князя, среди которых несколько человек получили боярство.

Тут я говорил о московской XIV —XVII веков трактовке звания боярин. В удельных княжествах XIII века боярами считались наиболее сильные и верные дружинники, командовавшие отдельными отрядами. Существовало даже право отъезда боярина к другому князю. Но, опять же, новый князь мог признать боярство приехавшего, а мог в окольничьи его записать.

В Господине Великом Новгороде боярином считался просто богатый человек из числа потомственных новгородцев. Причем, знатность и богатство в Новгороде, в отличие от остальной Руси, не определялись исключительно по родовому землевладению. Земля в Новгородском крае не была главным источником экономических сил, и не могла доставить сама по себе средств к возвышению. Богатство, а вместе с ним и знатность приобретались и торговлей, и промыслами, поэтому в кружок бояр, людей влиятельных, поступали разбогатевшие купцы. А богатые землевладельцы, в свою очередь, как правило, занимались торговлей.

По условиям жизни в Новгороде бояре не могли не заниматься внутренней и внешней политикой, что обуславливалось, с одной стороны, их материальной заинтересованностью в осуществлении тех или иных мероприятий республики, а с другой, деньги давали возможность влиять на вече и на администрацию города.

Из бояр в Новгороде выбирали Совет, членов которого иноземцы называли «господами». Из числа бояр выбирали посадников и тысяцких. В Новгороде звание боярин часто передавалось по наследству. Отмечу: звание, а не должность, как в остальной Руси. Если у сына боярина не было состояния, он переходил в звание (сословие) детей боярских.

Как писал Н.И. Костомаров: «Торговый класс обозначается в Новгороде сословным названием купцов. Это не было сословие в том значении, как мы привыкли понимать это слово, т.е.

с особыми гражданскими правами. В Новгороде это было занятие, доступное по праву для всех. Из массы торговцев по достоинству, которое измерялось в глазах народа богатством и широтою торговых оборотов, выделялись гости, или добрые купцы. Кроме новгородских купцов, были местные, жившие в пригородах и волостях: например, обонежские, русские, ладожские»[99].

Житыми людьми назывались новгородцы, имевшие свои дворы и оседлость в городе в концах. Боярин и купец могли и не иметь своего двора в Новгороде, но при этом оставаться участниками новгородского гражданства, первый — как землевладелец и человек, приобретший влияние, а второй — как торговец в Новгородской земле. И тот, и другой могли иметь оседлость не в Новгороде, а где-нибудь в пригороде или в волости.

Все остальное свободное население носило название черных людей. Причем, к черным людям новгородец принадлежал не по праву рождения. К примеру, богатый купец разорялся (терял свое имущество во время пожара или войны) и становился поденщиком, то есть, поступал в массу черных людей. А поденщик, сумевший каким-то образом разбогатеть, становился житым человеком и даже боярином. К черным людям в Новгороде принадлежали ремесленники, не имевшие своих домов и хозяйств и работавшие на хозяина за определенную плату.

Замечу, все, что говорилось ранее и будет сказано ниже о порядках в Господине Великом Новгороде, не было записано в каком-либо «конституционном акте», а являлось неписаным обычаем, которого придерживались все граждане.

Кроме князя главными административными распорядителями в Новгороде были посадник и тысяцкий. Их имена всегда стояли впереди в грамотах. Они представляли законодательную и исполнительную власть в Новгородской республике.

Важнейшим органом власти в Новгороде считалось вече — народное собрание. По старым русским понятиям вече в общем значении не было чем-либо определенным, юридическим. Под вечем вообще подразумевалось народное сходбище.

Часто случалось в спорных ситуациях, что каждая противоборствующая сторона собирала свое вече. Так, в 1342 г. состоялись два враждебных друг другу веча: одно на Ярославском дворе, другое на Софийском. И оба эти сходбища назывались вече. В 1384 г. по поводу спора о князе Патрикии одно вече собралось, по обычаю, на Ярославском дворе, а другое — на Софийском. В 1388 г. то же повторилось и по поводу посадника Есипа Захарьина, когда Софийская сторона была против посадника, а Торговая — за него.

Созыв веча не был прерогативой посадников или бояр. Созвать вече означало представить дело на обсуждение народа. Поэтому каждый, кто считал себя вправе говорить перед народом, мог и созвать вече. Удар в вечевой колокол был знаком, что есть требование народного голоса. Бывало, созывал вече и князь, но не по какому-то особому признанному за ним праву, а потому, что он, как правитель, имел и поводы, и необходимость говорить с народом.

Все граждане, как богатые, так и бедные, как бояре, так и черные люди, имели право быть на вече деятельными членами. Цензов не существовало. Но, увы, неизвестно, имели ли право участвовать все жители Новгородской земли, или только жители города.

Часто споры на вече кончались потасовкой. Это было изъяном демократии. Риторический вопрос, а что лучше — потасовка при принятии того или иного решения или ситуация в сегодняшней Российской Федерации, когда у большинства населения (к примеру, о власти олигархов, о войне в Чечне, о разрешении гражданам носить короткоствольное оружие, о смертной казни и т.д.) мнение одно, а у Государственной думы — совсем другое?

Хорошо известно, что подлинная демократия худо-бедно может быть только у вооруженного народа — в античных Афинах, в Риме в VII — I веках до н.э., в Североамериканских штатах в конце XVIII века, наконец, в той же Новгородской республике. Там люди выходили на агору, вече и т.д. решать свои животрепещущие вопросы, и при этом никого не интересовало мнение певички или размалеванного скомороха. Дело решали мужчины, готовые постоять за него с оружием, а также достойные женщины типа Марфы Борецкой. А если за 6 месяцев до выборов президента кандидат «Икс» имеет 5% приверженцев, а после двух-трех месяцев ежедневного телепромывания мозгов рейтинг «Икса» возрастает до 60%, то как назвать такую демократию и эти 55% избирателей, переменивших свое мнение?

Особую роль в Господине Великом Новгороде играла церковь. Новгородская церковь составляла часть общей русской церкви. Новгородские архиепископы зависели от киевского митрополита, носившего многозначительное название первопрестольника русского и наместника константинопольского патриаршества. Первоначально киевские митрополиты назначали новгородских владык (до 1168 г. их называли епископами, а затем архиепископами), но затем их стали выбирать на вече. При этом в XIV — XV веках вече выбирало три кандидатуры,

а затем тянуло жребий — «на кого Бог укажет». Затем новый владыка ехал на утверждение к митрополиту. В отдельных случаях митрополит сам ехал в Новгород посвящать архиепископа. Так, в 1251 г. митрополит Кирилл приезжал для посвящения владыки Далмата, а в 1300 г. митрополит Максим прибыл для посвящения Феоктита. Замечу, что новгородцы всеми силами старались откреститься от такой чести. Ведь митрополиты требовали дорогие подарки и средства для содержания большой свиты. Так что вольный город предпочитал посылать владык к митрополитам.

В XIV —XV веках владимирские, а затем и московские митрополиты повадились ездить в Новгород для проведения «выездных судебных сессий по церковным, гражданским и уголовным делам», а, говоря языком летописей, «давать суд».

Разумеется, митрополитов меньше всего беспокоило состояние судопроизводства в Республике, их обуревало желание обобрать до нитки свою новгородскую паству, а заодно показать свою власть. Этот вопрос постоянно был камнем преткновения между новгородскими владыками и митрополитами. Так, с 70-х годов XV века и до 1393 г. Новгород не признавал митрополичьего суда, но позже был вынужден уступить — за митрополитом стояли московские полки. Замечу, что никаких принципиальных религиозных расхождений между владыками и митрополитами не было, новгородцы лишь хотели умерить аппетиты последних.

В 1353 г. владыка Моисей послал жалобу на митрополита к патриарху в Константинополь. Тот с сочувствием отнесся к новгородским обидам, но не изменил ситуацию.

Главной причиной гибели Новгородской республики стала жадность ее бояр и купцов. При их огромных средствах без проблем можно было собрать необходимую сумму и отправить ее вместе с владыкой в Константинополь. Обратно владыка вернулся бы уже в сане митрополита, и впредь новгородская церковь была бы напрямую подчинена патриарху. Кстати, нечто подобное сделали эстонские власти в 90-х годах XX века, переподчинив православные приходы Эстонии с московского на константинопольского патриарха.

ГЛАВА 11
МЕЖДУ РЮРИКОВИЧАМИ И ГЕДИМИНОВИЧАМИ

Первоначально отношения с князьями Рюриковичами определялись какой-то грамотой Ярослава Мудрого, данной новгородцам. Но сама эта грамота до нас не дошла, и что в ней написано — можно только гадать. Но с 1265 г. новгородцы, приглашая к себе князя, каждый раз заключают с ними индивидуальный договор.

А зачем новгородцам вообще был нужен князь? Ведь у них административными делами ведал посадник, церковными — владыка, а военными — тысяцкий. Но в Новгороде не было сильной военной организации, и права тысяцкого имели ограничения. Князь же требовался в основном как полководец для защиты от внешнего врага. Он должен был иметь талант и опыт в военных делах. Авторитет тысяцкого в войсках был несоизмеримо ниже княжеского. Да и вообще на Руси князь был символом войска, его знаменем. Часто бывало, что воины русских княжеств отказывались идти в бой без князя. Поэтому на поле брани при отсутствии взрослых князей выводили 8—12-летних князей Рюриковичей, которые отдавали приказы, нашептанные воеводами. А князь Святослав Игоревич в X веке первый раз участвовал в битве в возрасте... трех лет. Ребенка посадили на лошадь, и он первым бросил копье, тем самым дав сигнал к началу сражения. Копье, понятно, было легким дротиком и упало у ног лошади. Тем не менее, русские полки смело пошли в бой.

Немалую роль играла и дружина князя, состоявшая из профессионалов высокого класса. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что новгородцы нанимали себе «кондотьера» с дружиной.

В некоторых случаях князья вместе с новгородскими представителями участвовали в переговорах с иностранными государствами. При этом решающее слово всегда оставалось за новгородцами. Характерный случай произошел в 1292 г., когда в Нов- город прибыли немецкие послы по поводу разграбления немецкого двора. Переговоры шли одновременно и с великокняжескими боярами на Городище, и в самом Новгороде с новгородцами: тысяцким и двумя боярами. Новгородцы подкрепляли свои доводы прежним договором с немцами, заключенным от лица великого князя и Великого Новгорода. Но когда великий князь согласился

признать законность требуемой немцами компенсации за убытки, понесенные немецкими купцами, новгородцы отказались платить, и великий князь ничего не мог поделать. Шесть раз великий князь посылал к новгородцам дать ему ответ, наконец, лично просил их, но все было напрасно. Князь прекрасно сознавал свое бесправие в этом вопросе и лишь оправдывался перед немецкими купцами. «Воздайте им тем, что они вам наделали», — это все, что могли посоветовать великокняжеские бояре послам.

Большинство же договоров с иностранными государствами Господин Великий Новгород заключал только от своего имени и не привлекал к переговорам князей.

Вступление князя в должность ознаменовывалось присягой Господину Великому Новгороду, которую князь подтверждал, целуя крест. В свою очередь, представители городской власти также целовали крест князю. Князь в любой момент мог отказаться от должности. Для этого он должен был созвать вече и публично сложить с себя крестное целование Новгороду. Другой вопрос, что князья часто просто бежали с Городища без всякого предупреждения. В свою очередь, и вече могло в любой момент прогнать князя.

Из договоров, сохранившихся до нашего времени, видно, что князь был поставлен, насколько возможно, вне связей с жизнью Новгорода. Земли считались достоянием святой Софии и Великого Новгорода. Князь не имел права покупать или принимать в дар в Новгородской земле имений, не мог брать закладников и, следовательно, совершать сделок. Правила эти касались и родни князя, и его дружинников. Князю позволялось торговать в Новгороде, но только через посредничество коренных новгородцев, и, следовательно, это дозволение ограничивалось правом пускать капитал в оборот.

Без участи избранного вечем посадника князь не имел права назначать правителей в землях, подчиненных Великому Новгороду, отдавать в кормление принадлежащую Новгороду землю, давать кому бы то ни было грамоты, нарушать изданные прежде грамоты. Князь не имел права вершить суд без участия посадника, лишать волостей, раздавать их в собственность, наказывать без суда, и вообще без воли веча и без участия посадника делать какие бы то ни было распоряжения. Все это распространялось также и на его дружинников.

Важный момент — князь и его дружина не могли жить в Новгороде. Для этого имелась специальная крепость вне городских стен, именуемая Городищем. Комментарии тут, я думаю, излишни.

Лишенный права на недвижимые имения, князь имел указанные Новгородом ряд других доходов. В их число входили судные пошлины, которыми князь делился с посадниками. Пошлины эти выплачивались на суде виновной стороной. Для сбора судных пошлин ежегодно (обычно в Петров день) но волостям рассылались проезжий судьи. Князю также давались доходы с некоторых мест Новгородской земли, и для этого он мог посылать туда для сбора своих тиунов. Но размер этих доходов определялся заранее. Краями, определенными для княжеских доходов, были половина Волока Дамского и часть в Торжке. Хотя Великий Новгород мог назначить и другие места для сбора княжеских доходов. К примеру, литовским князьям, приглашенным в Новгород, давались другие волости в кормление.

Великий Новгород предоставлял своим князьям право охоты в определенных местах и в определенное время. К примеру, в Русу князья могли ездить только на третью зиму, а в Ладогу для звероловства — только на третье лето. Князьям давали в пользование «рыболовли», также в определенном месте и в определенное время, и право медоварения, с такими же ограничениями: «а в Ладогу тобе слати осетрника и медовары; а ездить тобе, княже, в Ладогу на третье лето».

В XIV —XV веках московские князья вымогали с Новгородской волости черный сбор. Это не был постоянный доход или годовой налог. Брался он однажды во всякое великое княжение и почти всегда силой. Новгородцы соглашались на черный сбор только тогда, когда не могли отвязаться от притязаний на него великого князя.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что конфликт между Господином Великим Новгородом и владимирскими, а затем московскими князьями заключался в статусе князя.

Домонгольский период истории Великого Новгорода выходит за рамки данной работы. Поэтому я начну с батыева нашествия.

Пока часть татарских войск шла к реке Сить, где собирались дружины владимирских князей, другая часть осадила город Торжок. В Торжке не оказалось ни князя, ни княжеской дружины, и оборону возглавил «Иванко посадник Новоторжскыи, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михаиле Моисеевич», то есть верхушка купеческого посадского населения. Жители Торжка заблаговременно обратились за помощью к Господину Великому Новгороду, который периодически бывал сюзереном Торжка. Замечу, что в Новгороде в 1237 —1238гг. князем был

молодой Александр Ярославич, будущий Невский[100]. Новгородские власти и Александр могли вместе или порознь (в этом вопросе они были независимы друг от друга) оказать помощь Торжку, но они и пальцем не пошевелили.

Как гласит Тверская летопись, татары окружили весь город тыном, «также как и другие города брали, и осаждали окаянные город две недели. Изнемогли люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, потому что все были в недоумении и в страхе. И так поганые взяли город, убив всех — и мужчин и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано, и в горькой и несчастной смерти предали свои души в руки господа месяца марта в пятый день, на память святого Конона, в среду четвертой недели поста. И были здесь убиты: Иванко, посадник новоторжский, Аким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Моисеевич. А за прочими людьми гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского чина»[101].

И вот уже 200 лет историки спорят, кто помимо сил небесных спас Новгород. Так, С.М. Соловьев пишет, что татары, «не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку на степь»[102]. И эта осторожная фраза вскоре превратилась в каноническую версию и вошла в наши школьные учебники. Кто-то говорит, что в боях с русскими татары были обескровлены и побоялись идти на Новгород.

Историк В.В. Каргалов утверждает, что татары вообще не собирались брать Новгорода, а до Игнатьева креста дошел лишь небольшой татарский отряд, преследовавший беглецов из Торжка.

Булгарские же летописи дают весьма четкое и недвусмысленное объяснение. Дело в том, что еще в конце 1237 г. в Новгород была прислана грамота с печатью Великого хана с обещанием не разорять город, если новгородцы не будут помогать великому князю владимирскому. Князь Александр Ярославич, городские и церковные власти (три независимые силы Новгорода) дали согласие и действительно держали строгий нейтралитет, пока татары громили северо-восточные русские земли.

В начале XIII века новгородцы были избавлены от нападений шведов, поскольку там шла война между готским и шведским владетельными домами. В середине 20-х годов XIII века эта борьба закончилась усилением властных кругов феодалов, между которыми первое место занимал род Фолькунгов, владевший наследственно достоинством ярла. Могущественный представитель этой фамилии Биргер, побуждаемый папскими посланиями, предпринял в 1249 г. крестовый поход против Руси. Заметим, что в 1239 г. папа Гонорий призвал рыцарей-крестоносцев соединиться со шведами в борьбе с Русью и финскими племенами.

Достоверные данные о силе шведского войска отсутствуют, хотя в трудах наших историков и всплывают неведомо откуда появившиеся числа. Так, И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев[103] пишут о пяти-тысячном войске и ста кораблях ярла Биргера.

Согласно «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» Биргер, прибыв с войском в устье Невы, отправил в Новгород своих послов заявить князю: «Аще можещи иротивитйся мне, то се есмь уже зде, пленяя землю твою». Это, по-видимому, интерполяция составителя «Повести о житии...», поскольку внезапность нападения зачастую была решающим фактором в сражениях на севере.

На самом деле шведов заметила новгородская «морская охрана». Эту функцию выполняло ижорское племя во главе со своим старейшиной Пелугием (Пелгусием). По версии «Повести о житии...» Пелугий, де, был уже православным и имел христианское имя Филипп, а все остальное племя оставалось в язычестве. Морская стража ижорцев обнаружила шведов еще в Финском заливе и быстро сообщила о них в Новгород. Наверняка существовала система оперативной связи: устье Невы — Новгород, иначе само существование морской стражи становится бессмысленным. Возможно, это была оптическая система связи — огни на курганах; возможно — конная эстафета; но, в любом случае, система оповещения срабатывала быстро. В дальнейшем морская стража вела скрытое наблюдение за шведскими кораблями, вошедшими в Неву.

Князь Александр, которому было около 20 лет[104], быстро собрал дружину и двинулся на ладьях по Волхову к Ладоге, где к нему присоединилась ладожская дружина.

Ярл Биргер находился в полном неведении о движении новгородской рати и решил дать отдых войску на южном берегу Невы у впадения в нее реки Ижоры.

15 июля 1240г. «в 6-м часу дня»[105] русское войско внезапно напало на шведов. Согласно «Повести о житии…», Александр Ярославич лично ранил копьем в лицо ярла Биргера.

Внезапность нападения и потеря командующего решили дело. Шведы стали отступать к кораблям.

Александр Невский не имел желания постоянно заниматься новгородскими делами, но и не хотел отказываться от денег Республики. Выход был найден просто: в 1252 г. он заставил новгородцев взять князем своего старшего сына Василия. Но в 1255 г. горожане прогнали Василия и взяли себе князем Ярослава Ярос-лавича — младшего брата Александра Невского. В 1252 г. Ярослав был на стороне Андрея Ярославича против Неврюя и Невского. В результате ему пришлось бежать в Псков. Видимо, Ярослав Ярославич был более опытным военачальником, чем Василий, но главное заключалось в другом — тверской князь был изгнанником и врагом татар, и куда больше подходил на роль «кондотьера», чем сын великого князя владимирского.

Василий бежал в Торжок и там дождался войска своего отца. Ярослав Ярославич не захотел воевать с братом и покинул Новгород, но новгородское войско вышло навстречу Невскому. Однако до битвы дело не дошло, новгородцам пришлось покориться Александру. Как гласит летопись: «Посол Александров явился на вече и объявил народу волю княжескую: «Выдайте мне Ананию посадника, а не выдадите, то я вам не князь, еду на город ратью». Новгородцы отправили к нему с ответом владыку и тысяцкого: «Ступай, князь, на свой стол, а злодеев не слушай, на Ананию и всех мужей новгородских перестань сердиться». Но князь не послушал просьб владыки и тысяцкого. Тогда новгородцы сказали: «Если, братья, князь согласился с нашими изменниками [т.е. со сторонниками князя — *А.Ш.],* то бог им судья и св. София, а князь без греха», — и стоял весь полк три дня за свою правду, а на четвертый день Александр прислал объявить новое условие: «Если Анания не будет посадником, то помирюсь с вами». Это требование было исполнено: Анания свергнут, его место занял Михалко Степанович, и Василий Александрович опять стал княжить в Новгороде»[106].

В 1255 г. умер Батый. Ему наследовал болезненный сын Сартак. Он процарствовал около двух лет, и в 1257 г. Золотая Орда досталась брату Батыя Берке, которому было примерно 56 лет. Одним из первых мероприятий нового хана стала всеобщая перепись населения Руси на предмет взимания дани. В начале лета 1257 г. о татарской переписи узнали и в Новгороде. Несколько недель город был в смятении. И вот в Новгород приехал Александр Невский с татарскими послами, которые потребовали десятины и тамги[107].

Новгородское вече не согласилось с требованием татар. Горожане послали богатые дары Берке и отпустили послов с миром. Замечу, что даже Василий, сын Невского, княживший в Новгороде, был против дани татарам. При приближении отцовской дружины Василий бежал в Псков. Каким-то способом Александру удалось схватить сына и отправить его в Суздаль, а потом он жестоко расправился с руководством дружины Василия. Это был единственный успех Невского, обложить же вольный Новгород данью ему не удалось.

В начале 1259 г. перед Новгородом вновь появился Александр с войском и татарские послы — «окаянные татары сыроядцы». Появиться в городе «сыроядцы» не рискнули и стали просить Александра: «Дай нам сторожей, а то убьют нас». И Невский велел посадскому сыну и детям боярским по ночам охранять татарских послов. Но татарам вскоре наскучило ждать. «Дайте нам число, или побежим прочь», — говорили они.

Александр начал шантажировать новгородцев, и, заметим, делал он это не бескорыстно. Как писал историк Н.И. Костомаров: «Этот платеж выхода привязал его [Новгород — *А.Ш.]* к особе великого князя, который был посредником между ханом и князьями и русским народом всех подчиненных земель»[108].

В конце концов, новгородцы уступили, «и начали ездить окаянные татары по улицам, переписывая домы христианские». Закончив перепись, татары уехали, вскоре уехал и Александр, оставив в Новгороде своего второго сына Дмитрия.

Новгородцы подчинились силе, а не авторитету Невского. Как только он умер, Дмитрий был с позором изгнан из города. Новым князем новгородцы взяли себе младшего брата Невского Ярослава Ярославича. Одним из достоинств нового князя была его жена — дочь новгородского боярина[109].

Как писал Костомаров: «Заключая договор с Ярославом, новгородцы припомнили ему, что прежний князь делал насилия Новгороду, но того вперед не должно быть. В самом деле, обращение князя с Новгородом и Новгорода с князем в это время носит признаки равенства. Ярослав, говоря с новгородцами, выражался о князьях так: «Братия мои и ваши». В 1269 году Новгород не поладил с князем за то, что он употреблял во зло право охоты около города, держал много ястребов, соколов и собак, выводил из города иноземцев и делал поборы: — вече судило его и изгнало. Напрасно Ярослав хотел примириться с вечем и присылал сына своего Святослава. —

«Простите мне этот раз, — говорил он через сына: — вперед буду так поступать; целую крест на всей воле вашей». Новгородцы закричали: — «Мы не хотим тебя! Ступай от нас добром, а не то прогоним тебя, хоть тебе и не хочется идти от нас!»»[110].

Замечу, что все требования новгородцев носили исключительно экономический характер: князь незаконно отдал позволение ловить рыбу в Волхове «гогольным ловцам», а те, видимо, делились с князем; перечисляли незаконные поборы князя с новгородских бояр и купцов, а также притеснения заморский гостей.

В итоге Ярослав был вынужден с позором покинуть Новгород, а горожане послали в Переяславль Залесский за правившим там князем Дмитрием Александровичем, вторым сыном Александра Невского. Дмитрий же не захотел усобицы, или не имел достаточно сил. Во всяком случае, он отказался ехать в Новгород, заявив: «Не хочу взять стола перед дядею».

Тем временем Ярослав послал беглого новгородского тысяцкого Ратибора к хану Менгу Тимуру (Темир, племянник Берке) за помощью, и тот передал хану: «Новгородцы тебя не слушают. Мы просили у них дани для тебя, а они нас выгнали, других убили, домы наши разграбили и Ярослава обесчестили». Хан, выслушал, поверил и отправил войско в помощь Ярославу.

Страшная опасность нависла над Новгородом, да и над другими русскими землями, ведь татары грабили всех подряд, не разбирая правых и виноватых. Выручил Новгород самый младший (на 1270 год) сын Ярослава Всеволодовича костромской князь Василий Квашня. Он не только мечтал о владимирском престоле, но и побаивался за свой удел от происков слишком властолюбивого брата Ярослава.

Василий послал новгородцам сказать: «Кланяюсь святой Софии и мужам новгородцам: слышал я, что Ярослав идет на Новгород со всею своею силою, Димитрий с переяславцами и Глеб с смолянами. Жаль мне своей отчины». Но Василий не ограничился одними сожалениями, он сам поехал в Орду и сказал хану, что новгородцы правы, а Ярослав виноват, и хан велел своему посланному к Ярославу войску вернуться с дороги.

А новгородцы между тем построили острог возле города, все свое имущество вывезли из крепости, а когда у Новгорода появились передовые отряды Ярослава, то все горожане от мала до велика вышли с оружием в руках. Узнав об этом, Ярослав остановился в Русе, и послал в Новгород свои мирные предложения: «Обещаюсь впредь не делать ничего того, за что на меня сердитесь, все князья в том за меня поручатся». Новгородский боярин Лазарь Моисеевич ответил: «Князь! Ты вздумал зло на святую Софию, так ступай: а мы изомрем честно за святую Софию. У нас князя нет, но с нами Бог и Правда и святая София, а тебя не хотим».

Новгородцы могли себе позволить так разговаривать с Ярославом — татары к нему на подмогу не приходили, а к Новгороду собралась вся волость. Псковичи, ладожане, корела, ижора, вожа-не — все пришли к устью Шелони и стояли неделю на броде, а войско Ярослава — на другом берегу реки. Но до драки дело не дошло, поскольку явился новый посредник — митрополит прислал грамоту, в которой писал: «Мне поручил бог архиепископию в Русской земле, вам надобно слушаться бога и меня: крови не проливайте, а Ярослав не сделает вам ничего дурного, я за то ручаюсь. Если же вы крест целовали не держать его, то я за это принимаю епитимью на себя и отвечаю перед богом».

Грамота эта подействовала: Ярослав снова послал к новгородцам с поклоном, новгородцы помирились с ним и опять посадили у себя княжить. Зимой Ярослав уехал во Владимир, а оттуд а — в Орду. В Новгороде своим наместником он оставил боярина Андрея Вратиславовича, а в Пскове — литовского князька Айгуста. Видимо, князь псковский Довмонт (Тимофей) на какое-то время допустил до власти этого Айгуста.

Ярослав Ярославич умер в 1272 г., возвращаясь из Орды. На законных основаниях Великое княжество Владимирское перешло к последнему оставшемуся в живых Ярославичу — костромскому князю Василию. Вскоре в Новгород одновременно прибыли послы Василия Ярославича и его племянника переяславского князя Дмитрия Александровича. Оба князя метили в князья новгородские. Казалось бы, новгородцы должны были выбрать своего избавителя от татар — Василия. Но вече предпочло Дмитрия. Дело в том, что все Ярославичи, включая Невского, ездили в Новгороде не столько «оборонять землю Русскую» от злых шведов и немцев и не для объединения русских земель, а «за доходами». Благодетель Василий запросил слишком много и его не приняли.

Василий обиделся на вольный Новгород, а главное, деньги ему были нужны позарез и он позвал в союзники нового тверского князя Святослава Ярославича, унаследовавшего отцовский трон[111]. Оба князя призвали и татарские войска. Во главе татарского войска, шедшего с

Василием, стоял великий баскак Амраган. Кроме того, в костромском войске был зять Василия Ярославича татарин — князь Айдар.

В Твери и Костроме были ограблены и брошены за решетку новгородские купцы. Войска Василия и Святослава, двигавшиеся порознь, вторглись в новгородские пределы. Василий взял Торжок. «Князь велики тферский Святослав Ярославич... иде с татары царевыми, и воеваша Новогородцкия власти: Волок, Бежи-чи, Вологду, и со многим полоном возвратишася во Тферь»[112].

Обратим внимание, Никоновская летопись подчеркивает: «татары царевы», то есть не отряды наемников, а регулярные войска золотоордынского хана.

«Смутишася новгородцы, — говорится далее в Никоновской летописи, — и бысть страх и трепет на них, глаголюще: «Отьвсюду намъ горе! Се князь велики володимерский, а се князь велики тферский, а се великий баскак царев [ханский — *А.Ш.*] с татары и вся Низовская [Суздальская — *А.Ш.]* земля на нас».

В августе 1273 г. князю Дмитрию Александровичу пришлось покинуть Новгород и отправиться в родной Переяславль, а Новгород согласился на все условия Василия Ярославича.

Историки не располагают достоверными данными о русско-татарских отношениях во время правления Василия Ярославича, но похоже, что в середине 70-х годов XIII века татарские войска постоянно дислоцировались на Руси. Великий князь владимирский Василий физически не мог их так быстро вызвать из Орды для расправы над Новгородом.

Оценивая правления трех великих князей владимирских — братьев Ярославичей Александра, Даниила и Василия, можно сделать несколько очевидных выводов. За время их правления тяжесть татарского ига в Северо-Западной Руси не только не ослабела, а наоборот, усилилась. Ярославичи сделали нормой призыв татарских орд для расправы с личными врагами. Власть великого князя владимирского не усилилась, а несколько ослабела. Внешняя экспансия великих князей владимирских была направлена исключительно на Новгород и Псков. О причинах такого внимания к богатым купеческим городам я писал — Ярославичам нужны были деньги. С помощью «низовых» князей Новгороду и Пскову удалось в описываемый период отбить нападения как Тевтонского ордена, так и литовцев. Однако не только подчинить себе Новгород и Псков, но даже как-то изменить в свою пользу взаимоотношения с этими городами владимирским князьям не удалось.

Старший сын Невского Василий после своего неудачного кня-женья в Новгороде совершенно исчез с политической арены. Некоторые историки даже считают, что отец заключил его в темницу, где Василий и скончался. В любом случае, умер он в 1271 г., не оставив потомства. Поэтому в 1276 г. Великое княжество Владимирское в законном порядке перешло к следующему сыну Невского — переяславскому князю Дмитрию.

Новый великий князь владимирский первым делом занялся Псковом и Новгородом, то есть тем же, чем начинали его предшественники. Новгородцы немедленно после смерти Василия признали Дмитрия Александровича своим князем. В 1279г. он, по словам летописца, выпросил у новгородцев позволения поставить для себя крепость Копорье, и в том же году деревянная крепость была готова. На следующий год Дмитрий опять поехал в Копорье вместе с посадником Михаилом и знатными новгородцами и заложил уже каменную крепость.

Но в 1281 г. новгородское вече выступило против Дмитрия. Поводом к ссоре послужила именно крепость Копорье. Нашему читателю, воспитанному на советских учебниках истории и фильме «Александр Невский», покажется непонятным, почему новгородцы воспротивились постройке крепости в ключевом пункте своей западной границы вблизи Финского залива. Действительно, крепость Копорье играла крайне важную роль в обороне Новгорода от немцев и шведов. Но, как уже говорилось, «низовые» князья не только не хотели даром «защищать землю Русскую», но их не устраивали и нормальные выплаты, скажем, средние по Европе, где многие города платили за свою защиту местным феодалам. Владимирские князья поначалу соглашались на умеренные суммы, а потом начинали попросту грабить новгородцев и псковичей хуже всяких шведов и немцев[113].

Дмитрий немедленно собрал войско и двинулся на Новгород для расправы над недовольными. Переяславцы грабили и жгли новгородские волости. В итоге Господин Великий Новгород запросил мира и принял все условия Дмитрия.

Но тут в распрю между Новгородом и великим князем владимирским встревает его младший брат Андрей Городецкий. Прозвище это Андрей получил давно, ведь удельным князем Городецким он стал сразу после смерти отца (Александра Невского), будучи еще ребенком 6 — 8 лет, но после смерти в 1276 г. бездетного князя Василия Ярославича Андрею удалось присоединить к своему уделу Кострому.

Андрей Городецкий со своей русско-татарской армией действовал в стиле Батыя и Неврюя. Джон Феннел писал: «Соединенные силы начали разорять и грабить Русскую землю. Районы Мурома, Переславля, Владимира, Юрьева Польского и Суздаля пострадали первыми. Затем войско двинулось на север, к району Ростова, а на западе дошло до Твери и Торжка, опустошив эти земли. Троицкий летописец, оставивший самое подробное описание этой, как он выражается, «первой рати Андрея» и сильно настроенный против Андрея, дает себе полную волю и нагнетает атмосферу ужаса, мучений и гибели, обрушивая поток довольно стертых клише: мужчин, женщин и детей убивают или угоняют в неволю; монахинь и попадей насилуют; города, деревни, монастыри и церкви разоряют; иконы, книги, драгоценные камни и церковные чаши (потиры) разграбляют; «и бяше велик страх и трепет на христианском роде»»»[114].

Дмитрий Александрович не рискнул дать генеральное сражение русско-татарской рати брата, а решил отступить с дружиной, боярами и семьей в свою новопостроенную каменную крепость Копорье. Однако на берегу озера Ильмень князя Дмитрия окружили новгородские полки. В ходе переговоров новгородцы разрешили князю с дружиной пройти в Копорье, но взяли двух его дочерей и бояр в заложники, а также часть, а то и всю казну князя, а Дмитрию сказали: «Отпустим их тогда, когда дружина твоя выступит из Копорья». Заложники и казна были отправлены подальше — в отдаленную крепость Ладога в низовьях Волхова. Но Дмитрий, прибыв в Копорье, решил там остаться и переждать нашествие татар. При этом он допустил тактическую ошибку, отправив начальника копорского гарнизона своего зятя Дов-монта с частью войска на захват крепости Ладога — то ли дочек пожалел, то ли казну.

Возмущенные нарушением перемирия новгородцы осадили Копорье, и Дмитрий был вынужден согласиться на почетную капитуляцию. Князю и гарнизону было разрешено беспрепятственно с оружием покинуть крепость. Затем новгородцы до основания срыли укрепления Копорья.

1 января 1282 г. Дмитрий уехал «за море», по-видимому, в Швецию. Довмонту же удалось захватить Ладогу и освободить заложников, но больше он ничем не мог помочь своему тестю.

Андрей Городецкий отметил большим пиром победу над братом. Он богато одарил ордынских воевод, в том числе и Федора Чермного. Затем Андрей, подобно своим предшественникам, поехал в Новгород, где вече признало его своим князем.

Но через несколько дней Андрей узнал, что Дмитрий вернулся из-за моря со шведскими наемниками. Дмитрий прибыл в родной Переяславль и начал собирать войско.

Андрей срочно покинул Новгород, прибыл во Владимир, а оттуда в Городец, и вместе с любимым боярином Семеном Тонили-евичем отправился жаловаться в Орду к хану Туда-Менгу (Тудаю), брату и приемнику Менгу-Тимура. Андрей уверил хана, что Дмитрий не хочет повиноваться Золотой Орде и платить дань. Хан поверил и дал Андрею большое татарское войско.

В отсутствие Андрея тверской князь Святослав Ярославич, младший брат Невского, и его племянник московский князь Даниил Александрович, соединившись с новгородской ратью, двинулись на Переяславль. Союзники сошлись с войском Дмитрия Александровича, но никто не решился на битву. Противники простояли друг против друга 5 дней, а затем заключили мир, условия которого до нас не дошли.

Через несколько недель появился и Андрей Городецкий с большой татарской ратью. И опять Дмитрий не рискнул биться с татарами, а предпочел бегство, на сей раз не к берегам Балтики, а к Черному морю. Шведские наемники хороши против своего брата — русского князя, а вот против татар лучше всего двинуть... татар.

В причерноморских степях кочевала огромная орда хана Ногая, уже давно вышедшая из повиновения Золотой Орды. Замечу, что к тому времени южнорусские удельные княжества Курское, Рыльское и Липецкое платили дань то сарайским ханам, то Ногаю, и не подчинялись великим князьям владимирским.

Ногай «с честью» принял Дмитрия и дал ему большое войско. По приходе в 1284 г. на Русь ногайской рати Андрей струхнул и отказался от Великого княжества Владимирского. И великим князем вновь становится Дмитрий.

А теперь обратимся к внутренним делам Новгорода. Для отражения шведской экспансии[115] новгородцы построили на севере Карельского перешейка крепость Корелу, обороной которой ведал служилый князь Борис Константинович, по-видимому, представитель младших ветвей тверских князей. В 1314 г. местное население Корелы (чухонцы) вырезали русских и впустили в город шведов. (К этому времени Борис Константинович был уже отозван).

В Новгороде тверской наместник Федор быстро собрал войско и пошел на Корелу. Теперь те же чухонцы без боя открыли ворота новгородцам и выдали им как шведский гарнизон, так и

заводчиков резни 1314 г. Федор, не мудрствуя лукаво, перебил и шведов, и «нереветников».

Но пока Федор бил шведов, к Новгороду подошло войско князя Федора Ржевского, нанятого Москвой. Федор Ржевский арестовал остававшихся в Новгороде тверских чиновников и, пополнив свое войско новгородской вольницей, двинулся на Волгу грабить Тверское княжество. На перехват Ржевскому вышел Дмитрий (шестнадцатилетний сын великого князя владимирского Михаила) с тверской ратью. Но до битвы дело не дошло. Простояв б недель, до морозов, на разных берегах Волги, новгородцы заключили мир с Дмитрием. В до говоре было зафиксировано старинное право Новгорода принимать к себе и высылать князей только по решению веча, без всяких разрешений со стороны великого князя владимирского.

Новгородцы взяли к себе князем Юрия Московского «по всей воле новгородской». Последнее означало, что брать надо по чину, скажем, по среднеевропейским расценкам, а Михаил Тверской только весной 1312г. собрал с Новгорода полторы тысячи гривен серебра.

Зимой 1314/15 г. Юрий Московский приехал в Новгород со своим младшим братом Афанасием, которого он и оставил в Новгороде. Однако вылазка Юрия в Новгород вызвала жалобу хану Михаила, который в то время находился в Орде. Юрий был вызван в Орду, куда и прибыл летом 1315 г.

Хан Узбек, разобравшись в «Новгородской земле», принял сторону Михаила и отправил в Новгород татарское войско под началом «окаянного Таитемеря». Татары должны были помочь Михаилу утвердиться в Новгороде.

В конце 1315 г. тверичи и татары двинулись на Торжок, а оттуда собирались идти на Новгород. В Новгороде собралось вече, кончившее дракой — богатые стояли за Москву, а бедные — за Тверь. В итоге московский князь Афанасий Данилович и его помощник Федор Ржевский выступили из Новгорода на помощь Торжку «с новгородскими бояры без черных людей».

Шесть недель стоял князь Афанасий с новгородцами в Торжке, ожидая подхода противника, а 10 февраля 1316 г. у стен Тор- жка началось сражение. В Новгородской летописи о нем сказано: «Тогда же поиде князь Михаиле со всею Низовьскою землею и с татары к Торжуц; новгородци же с князем Афанасьем и с новоторжци изидоша противу на поле. Бысть же то попущением Божием: съступившема бо ся полком обеима, бысть сеча зла, и створися немало зла, избиша много добрых муж и бояр новго-родскых... и купец добрых много, а иных новгородцев и новоторжцев Бог весть; а инии остаток вбегоша в город и затвори-шася в городе с князем Афанасьем».

Посланник Михаила заявил осажденным: «Выдайте мне Афанасия и Федора Ржевского, так я с вами мир заключу». На это новгородцы ответили: «Не выдаем Афанасия, но помрем все честно за святую Софию». Тогда Михаил потребовал выдать хотя бы одного Федора Ржевского. Новгородцы и на это не согласились поначалу, но потом были вынуждены выдать Федора, да еще заплатили Михаилу 50 тысяч гривен серебра и заключили мир. Позже Михаилу удалось схватить Афанасия Даниловича и часть новгородских бояр и отправить их в Тверь заложниками. В Новгороде был выбран новый посадник из предложенных великим князем владимирским кандидатур.

Дружина Юрия разбита, а вся казна достается тверичам. Московский князь бежит, не разбирая дороги, и оказывается ... в Пскове. Видимо, он готов был бежать и дальше — в Литву или в Орденские земли. Но Дмитрий Тверской почему-то не требует у Пскова выдачи беглого московского князя. Зато с запада Пскову начинают угрожать литовские рыцари. Принять начальство над псковской ратью Юрий отказался и уехал в Новгород. Тогда призвали из Литвы князя Давыда Гродненского, который сумел отразить нападение рыцарей.

Новгородские бояре отправили Юрия на весьма прибыльное дело — наказать жителей Устюга, отказавшихся платить дань Господину Великому Новгороду. А дань была очень велика и состояла в основном из ценнейших мехов, собранных на Северном Урале и в Зауралье. Зимой 1323/24 г. Юрий с новгородским войском разорил Устюг. Теперь у него было, что везти в Орду. Причем, на сей раз он поехал не через Владимиро-Суздальскую Русь, а новгородцы провели его северными окраинами своих земель к реке Каме, а оттуда по Каме и Волге Юрий добрался до Орды.

Узнав о появлении Юрия в Орде, Дмитрий Тверской немедленно отправился туда же. Он сказал братьям, что боится, что «самого яко отца моего оклеветают». Тверь была оставлена на среднего брата Александра.

И вот 21 ноября 1324 г. в Сарае Дмитрий встречает своего врага Юрия Московского. Инцидент произошел недалеко от сарайско-го кафедрального храма, куда оба князя направились для торже-

ственного богослужения по случаю праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Обратим внимание, это была шестая годовщина убийства отца Дмитрия в Орде, когда Юрий надругался над мертвым тверским князем. Тут Дмитрий допустил роковую ошибку, не сумев сдержать своих чувств. Он лично убил московского князя. Конечно, убил не так, как убили его отца. На шее князя Юрия не было колоды, зато на боку висела сабля. Это был честный поединок.

Однако хан Узбек приказал убить Дмитрия Тверского. Великим князем владимирским стал Иван Данилович Калита. Понятно, что первым делом Калита послал сказать новгородцам: «ребята, делиться надо» (дань получали с закамских земель, «закам-ское серебро»). Новгородцы отказали, и Калита захватил Торжок и Бежецкий Верх. Новгородское вече разделилось на две партии: одна предлагала заключить мир с Москвой и уступить великому князю московскому, а другая предлагала обратиться за помощью к Литве.

Новгородцы послали к Калите архимандрита Лаврентия с двумя боярами с приглашением князя в Новгород, но Калита не поехал. Тогда новгородцы попытались еще раз заключить мировую. Сам владыка Василий поехал к Калите, который в это время находился в Переяславле. Владыка и сопровождавшие его бояре от имени Великого Новгорода предложили князю 500 рублей с тем, чтобы он отказался от захваченных на Новгородской земле слобод. Но Иван Данилыч их не стал слушать.

Известие об этом вызвало взрыв негодования в Новгороде. Вече постановило звать в князья новгородские литовского князя На-риманта, сына Гедемина. Он был православным и имел христианское имя Глеб. В октябре 1333 г. Наримант-Глеб прибыл в Новгород и был встречен колокольным звоном. Как писал Костомаров: «Весь Новгород присягнул ему как один человек»[116]. Новому князю дали в кормленье, в отчину и в дедину с правом передачи этого кормленья по наследству, Ладогу, Ореховский городок, Карельский город с Карельской землей и половину Копорья.

Иван Данилович Калита, узнав о приходе литовского князя с дружиной в Новгород, на время утих. Мало того, он предпринял «ответный ход», и зимой 1333/34 гг. женил наследника престола 17-летнего Семена Ивановича на Айгусте, дочери великого князя Гедемина. В 1334 г. по каким-то причинам Наримант уехал в Литву, но при этом формально остался новгородским князем и получал «кормление».

Но «закамское серебро» не давало спать спокойно московскому князю, и в 1337 г. он тайно послал рать в Заволочье, чтобы на месте захватить столь желанное серебро. Новгородцы срочно послали в Литву за Наримантом, но тот отказался ехать, а вместо этого велел своему сыну Александру, сидевшему в Орешке и охранявшему Новгородскую землю от шведов, идти с дружиной в Заволочье. Однако новгородцы разделались с московской ратью еще до подхода Александра Наримантовича.

Ссоры с московским князем не прекращались. В 1339 г. новгородцы привезли ему обыкновенный ханский выход (дань), но Калита потребовал двойной дани, сославшись на требование хана Узбека. Новгородские власти отвечали: «Изначала не бывало того: по старой пошлине новгородской и по грамотам прадеда твоего, Ярослава Володимировича».

Калита начал готовиться к новому походу на вольный город, но 31 марта 1340г. скончался.

Наследником Калиты стал его старший сын Симеон (1316 — 1353гг.). По семейной традиции Симеон с братьями уже летом 1340 г. съездил с богатыми дарами в Орду. Туда же направились еще три князя-конкурента: Константин Михайлович Тверской, Василий Давыдович Ярославский и Константин Васильевич Суздальский. Но, как и следовало ожидать, Москва заплатила больше, и Симеон получил от Узбека ярлыки на Московское и Великое Владимирское княжества. Ну а поистратившиеся в Орде Симеон с братьями отправились «за зипунами» в Новгород.

Новгородцы уплатили дань и соблюли все договоры с Москвой. Тогда Симеон устроил провокацию, его бояре начали грабить жителей Торжка. Доведенные до отчаяния жители послали просить помощи у Новгорода. Новгородцы выслали отряд, который внезапно овладел Торжком, новгородцы схватили великокняжеских наместников и сборщиков дани вместе и их женами и детьми, начали укреплять город и послали в Москву сказать Симеону: «Ты еще не сел у нас на княжении, а уже бояре твои насильничают».

Так нашелся повод. Симеон собрал союзников князей и отправился в поход на Новгород, взяв с собой митрополита Феогноста. Как будет сказано позже, грек к тому времени стал если не ручным, то очень послушным.

Новгородцы, узнав, что Симеон стал собирать войско, попытались кончить дело миром и послали владыку Василия бить челом к митрополиту, а тысяцкого — к великому князю.

Симеон согласился на мир по старым новгородским грамотам, но взял за это «черный сбор» по всей волости и тысячу рублей с Торжка, после чего отпустил наместника в Новгород.

К неправым поборам новгородцы уже давно привыкли, но на сей раз великий князь потребовал, чтобы новгородские послы тысяцкий и бояре пришли к нему босыми и просили мира, стоя на коленях. Понятно, какое оскорбление было нанесено лучшим людям Господина Великого Новгорода, но они смирились, предпочтя бесчестие разорению родного города. С тех пор Симеон получил прозвище Гордый. Замечу, что слово «гордый» в те времена звучало почти как ругательство, недаром попы часто цитировали Апостола Петра: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

Новгородцы капитулировали и стали платить. Зимой 1346 г. Новгород посетил сам Симеон Гордый — высматривал, что еще можно взять.

Видимо, усиление власти московских князей в Новгороде послужило причиной ухудшения отношений с Литвой. Согласно Новгородской летописи, великий князь литовский Ольгерд со своим братом Кейстутом явился в новгородских пределах на устье реки Пшаги, впадающей в Шелонь, и послал сказать новгородцам: «Я хочу с вами разделаться, меня лаял ваш посадник Евстафий Дворянинцев: назвал меня псом!» Затем Ольгерд разослал свои отряды разорять новгородские волости по рекам Шелони и Луге. Несколько мест литовцы разорили, а с Порхова взяли откуп — 300 новгородских рублей.

Новгородское ополчение вышло было против литовцев на Лугу, но без битвы повернуло назад. Вернувшись в Новгород, воеводы созвали вече и вызвали на суд Евстафия Дворянинцева. «Ты наделал войны! — кричали ему новгородцы, — Ты лаял короля, а через тебя теперь взяли волости наши!» И убили его прямо на вече. Если верить летописи, Ольгерд был удовлетворен казнью Дворянинцева и вышел из новгородских пределов.

В 1362 г. великим князем владимирским стал Дмитрий Иванович, будущий Донской, которому от роду было всего 12 лет. Не прошло и трех лет, а 15-летний мальчик обратил взор на Господина Великий Новгород. Причем, его бояре нашли новый повод, о котором стоит рассказать поподробнее.

Уже говорилось об огромных территориях на севере и северо-востоке, колонизированных Великим Новгородом, а также ватагами его добрых молодцев, прототипом которых стал былинный герой Васька Буслаев. Ходили добры молодцы в походы и на шведов, и на норвежцев.

С начала XIV века лихих молодцев стали называть ушкуйниками по названию морского или речного парусно-гребного судна — ушкуя. Ушкуи использовались как военные и торговые суда. Но в историю они вошли как военные корабли новгородской вольницы — ушкуйников.

Впервые о походах ушкуйников летописцы упоминают в 1320 г. В тот год Новгородская республика оказалась в критическом положении. С юго-запада напали литовцы, с запада — немецкие рыцари вели толпы грабителей-чухонцев. За Карельский перешеек — древнюю отчину Господина Великого Новгорода — шла длительная война со шведами, и вдобавок, на северные владения республики напали норвежцы.

В 1320 г. и 1323 г. ушкуйники нанесли ответные удары по Норвегии. В 1320 г. новгородец Лука разорил область Финмарнен, расположенную от южного берега Варангер-фьорда до района г. Тром-се. А в 1323 г. ушкуйники уже громили область Халогаланд юго-западнее Тромсе. Норвежское правительство, не сумев противостоять ушкуйникам, обратилось в 1325 г. за помощью к папскому престолу для организации «крестового похода» против русских и карел. Надо полагать, что походы ушкуйников произвели должное действие и на шведов. В 1323 г. Швеция заключила с Господином Великим Новгородом компромиссный Ореховецкий мир.

Можно ли представить, что добрые молодцы-ушкуйники повезли бы свою добычу в виде дани в Орду, наперегонки поползли бы к ханскому трону с доносами друг на друга, как это делали те же нижегородские, московские, рязанские и другие князья.

В жилах новгородцев текла кровь русских и варягов, которым при Игоре и Олеге платил дань Византийский император, а при Святославе покорилась вся Волга и Каспий. И ушкуйники решили впредь не мелочиться с нищими норвежцами, а заставить платить дань... Золотую Орду. Логика проста — раз Орда такая большая — от Днепра до Енисея, да еще и Золотой зовется, значит у них должны быть деньги и, видимо, немалые.

Первый крупный поход ушкуйники предприняли в 1360 г. С боями прошли по Волге до Камского устья, а затем взяли штурмом большой татарский город Жукотин (Джукетау близ современного города Чистополя). Захватив несметные богатства, ушкуйники вернулись в Кострому. Но хан Золотой Орды Хи-дырь отправил послов к русским князьям с требование

выдачи ушкуйников. Перетрусившие князья (суздальский, нижегородский и ростовский) тайно подошли к Костроме и с помощью части ее жителей захватили ничего не подозревавших ушкуйников. Князья поспешили выдать ушкуйников на расправу хану. Затмил страх перед татарами князьям не только совесть, но и разум. Ведь такие вещи ушкуйники не спускают. В ответ они и сожгли Нижний Новгород, а Кострому — так стали грабить почти каждый раз, как проплывали мимо.

Но эти, так сказать, карательные меры не отвлекали ушкуйников от основной задачи — борьбы с Ордой.

В 1363 г. ушкуйники во главе с воеводами Александром Аба-куновичем и Степаном Лепой вышли к реке Оби. Здесь их рать разделилась — одна часть пошла воевать вниз по Оби до самого Ледовитого океана (Студеного моря), а другая пошла гулять по верховьям Оби на стыке границ Золотой Орды, Чагатайского Улуса и Китая. По масштабам их путешествия не уступят и Афанасию Никитину. Вернувшись с добычей, ушкуйники не угомонились. В 1366 г. они с тем же воеводой Александром Абакуно-вичем уже промышляли на среднем течении Волги. Опять полетела ханская жалоба московскому князю. Димитрий послал грозную грамоту в Новгород. А новгородские бояре ответили, как ведется на Руси, отпиской — «Ходили люди молодые на Волгу без нашего слова, но гостей (купцов) твоих не грабили, били только басурман». По мнению новгородцев, бить басурман — дело житейское, а насчет своей непричастности бояре слукавили. Действительно, основную массу ушкуйников составляла новгородская голытьба и пришельцы с низу (Смоленск, Москва, Тверь), но в большинстве случаев ими руководили опытные новгородские воеводы Осип Варфоломеевич, Василий Федорович, тот же Абакуно-вич и др. Оружием и деньгами ушкуйников снабжали богатые новгородские купцы, причем не безвозмездно — вернувшись, ушкуйники щедро делились добычей.

Тогда московские бояре надоумили князя Дмитрия взять в заложники несколько знатных новгородцев, в том числе Василия Даниловича с сыном, Профия Киева и других. Новгородские власти были вынуждены пойти на компромисс. Понятно, что своих молодцев они Москве не выдали — не было того обычая в Господине Великом Новгороде, а частью добычи пришлось поделиться и выкупить заложников. Обратим внимание, что московские князья действовали в отношении Новгорода агрессивно. А вот Новгород ни разу за всю историю не нападал на Москву, а только оборонялся.

Чтобы более не возвращаться к теме, скажу, что походы новгородских ушкуйников продолжались. Ушкуйники имели первоклассное вооружение, и не стоит их представлять толпой крестьян в зипунах с топорами да рогатинами. Это были профессиональные бойцы, умело действовавшие как в пешем, так и в конном строю. Ушкуйники имели и традиционный набор наступательного вооружения — копья, мечи, сабли; причем саблям отдавали предпочтение. Из метательного оружия были луки и арбалеты, в том числе и стационарные, стрелявшие тяжелыми стальными стрелами.

С 1360 по 1375 год ушкуйники совершили 8 больших походов на среднюю Волгу, не считая малых налетов. В 1374 г. ушкуйники в третий раз взяли город Болгар (недалеко от Казани), затем пошли вниз и взяли сам Сарай — столицу Великого хана.

В 1375 г. новгородцы на семидесяти ушкуях под началом воевод Прокопа и Смолянина явились под Костромой. Московский воевода Александр Плещеев с пятью тысячами рати вышел навстречу им. У Прокопа было всего полторы тысячи ушкуйников, но он их разделил на две части: с одной вступил в бой с московской ратью, а другую отправил тайно в лес в засаду. Удар этой засады в тыл Плещееву решил дело. Москвичи разбежались, а ушкуйники в очередной раз взяли Кострому. Отдохнув пару недель в Костроме, ушкуйники двинулись вниз по Волге. Уже по традиции они нанесли «визит» в города Болгар и Сарай. Причем правители Болгара, наученные горьким опытом, откупились большой данью, зато ханская столица Сарай была взята штурмом и разграблена.

Паника охватывала татар при одной вести о приближении ушкуйников. Отсутствие серьезного сопротивления и сказочная добыча вскружили головы ушкуйникам. Они двинулись еще дальше к Каспию. Когда ушкуйники подошли к устью Волги, их встретил хан Салгей, правивший Хазтороканью (Астраханью), и немедленно заплатил дань, затребованную Прокопом. Мало того, в честь ушкуйников хан устроил грандиозный пир. Захмелевшие ушкуйники совсем потеряли бдительность, и в разгар пира на них бросилась толпа вооруженных татар. Так погибли Прокоп, Смолянин и их дружина, лишь немногие удальцы вернулись на Русь. Это было самое большое поражение ушкуйников. Но подробности этой трагедии скорее подчеркивают силу ушкуйников, чем их слабость. Татары даже не попытались одолеть их в открытом бою,

Хазторокань была не первым, а очередным городом, где ханы с поклоном предлагали дань, чтобы их только оставили в покое.

Так как же, скажет читатель, символ веры наших историков — «Куликовская битва переломила хребет Золотой Орде» неверен? Что ж, выходит, ушкуйники перебили хребет Орде? Увы, реальная история не терпит никаких догм. За два десятилетия ушкуйники убили больше татар, чем погибло на Куликовом поле. Но в условиях полигамии в Орде за 1380г. родилось на два порядка больше мальчиков, чем было убито в боях с русскими с 1360 по 1380 годы. Так что, ни князь Димитрий, ни воевода Прокоп физически не могли сломить хребет Золотой Орде.

Другой вопрос об огромной моральной победе русского народа. Расходились по городам и посадам добрые молодцы с заморскими драгоценностями, да с красотками из ханских гаремов. Возвращались к родным очагам рабы ордынские, угнанные в неволю много лет назад, по которым отплакали родные и отпели попы.

Слушал народ русский рассказы седых старцев, как за тридевять земель в столицу Сарай пришли богатыри русские, полонян православных освободили, а всех басурман побили. Не Русь, а Орда Руси стала платить дань.

Были ли ушкуйники вместе с князем Димитрием на реке Непрядве в 1380 году? Увы, нет — не любила вольница московских князей. Но зато каждый ратник в московском войске знал, что идет он не на непобедимую Батыеву или Дюденеву рать, а на войско, не сумевшее дважды за десять лет защитить свою столицу.

Продолжались походы и после Куликовской битвы, и взятия Москвы ханом Тохтамышем. Бить татар у ушкуйников стало не подвигом, а промыслом. В 1392г. они опять взяли Жукотин и Казань. В 1409 г. воевода Анфал повел 250 ушкуев на Волгу и Каму...

Московские князья сделали все, чтобы об ушкуйниках забыли. Царские и советские историки писали о них редко, неохотно и всегда с укором. Мол, воевали с татарами не так и не там, а главное, проявляли излишнюю самостоятельность, надо было пойти под начало мудрого Дмитрия Донского, и вот тогда...

Но наступила «перестройка», и в Казани началось издание неподцензурных Москве книг по истории Татарстана. И практически в каждой книге — горестные сетования о погромах мирных татарских городов, учиненных ушкуйниками. Получается, что в XIV веке жил да поживал мирный татарский народ на берегах Волги и Камы, а вот ушкуйники житья им не давали своими «разбойничьими» и «массированными» набегами.

Возможно, объективное изложение фактов режет ухо части читателей, которые привыкли воспринимать все действия московских владык как благодеяния ради великой цели — соединения русских земель.

Однако ни одного документального подтверждения, что Иван Калита и его потомки до Василия II включительно мечтали о «великой России» попросту нет. Все они думали лишь о сиюминутных выгодах. Риторический вопрос, почему наши историки и писатели хулят русских князей за то, что они не хотели оставлять земли своих дедов и идти добровольно в Московское княжество, а население их княжеств не желало помимо татарского ярма получить еще и московское. Вот, к примеру, Юрий Лощиц пишет: «Олег [Рязанский — *А.Ш.]* способен был сузить зрение на какой-то одной точке, надолго забыть напрочь про все остальное, про *русское целое,* которое больше Рязани, больше Москвы. Для него Москва, как и для многих его современников, все еще была *одним из* русских княжеств, ничем качественно от них не отличающимся. Ей просто везло и везет, но все это может сто раз измениться, вперед выступят другие, но и они возобладают лишь на время, условно, по указке ли Орды, по внутреннему ли согласию княжества-соседа»[117].

А вот пассаж о Господине Великом Новгороде: «Дань с них берут немалую? Так и со всех берут, даже с самых захудалых, безлапотных тверских да ростовских мужичишек. Разве то дань, что с новгородцев взимается? Они с каждой гривны огрызок за щеку прячут, сундуками все хоромы заставлены, так что и гостю ступить негде. И все недовольны Москвой. Да куда они денутся без Москвы-то в своем скудоумии? Сколько раз им Москва по первой же просьбе помощь посылала — от немца, от шведа, от той же Литвы, с которой нынче шушукуются... Нет, что ни говори, а легкомыслый народ новгородцы, заелись волей-то, упились ею как балованным медом, совесть свою с волховского моста на дно спустили... Ну так что ж! Не хотят по-доброму, можно и по-сильному»[118].

Ах, какие бескорыстные люди московские князья — защищают Новгород и Псков от врагов! Но почему же тогда, получив достойную плату за защиту, не откланяться, а надо

обирать вольные города, а их население делать своими холопами? То, что Александр Невский один раз спас Псков от немцев, сейчас знает каждый школьник, а литовского князя Довмонта, десятки раз спасавшего Псков от врагов, знает лишь узкий круг историков. И это при том, что Александр Невский стал «казенным» святым — по указу московских князей, а потом Петра I, а вот Довмонт стал буквально народным святым, и чтят его простые люди без указаний сверху более пяти столетий

Историк А.А. Зимин в книге «Витязь на распутье» пишет: «Панегиристы разных родов внушали читателям, что все было ясно и предопределено. «Москве самим Богом было предназначено стать "третьим Римом"», — говорили одни. «Москва стала основой собирания Руси в силу целого ряда объективных, благоприятных для нас причин», — поучающе разъясняли другие.

О первых — что говорить! Хочешь верь, хочешь нет. А вот о вторых — стоит. При ближайшем рассмотрении все их доводы оказываются презумпциями, частично заимствованными из общих исторических теорий, выработанных на совсем ином (как правило, западноевропейском) материале. Главная из них заключается в том, что создание прочного политического объединения земель должно было произойти вследствие определенных экономических предпосылок — например в результате роста торговых связей. Указывалось еще на благоприятное географическое положение Москвы, и, наконец, отмечалась роль московских князей в общенациональной борьбе с татарами. Эти два объяснения не соответствуют действительности. Никаких «удобных» путей в районе Москвы не существовало. Маленькая речушка Москва была всего-навсего внучкой-золушкой мощной Волги. Поэтому города на Волге (Галич, Ярославль, Кострома, Нижний) имели гораздо более удобное географическое (и торговое) положение.

М.К. Любавский писал, что древнейшее Московское княжество сложилось на территории, обладавшей «сравнительно скудными природными ресурсами. Здесь относительно мало было хлебородной земли — преимущественно на правой стороне р. Москвы; не было таких больших промысловых статей, какие были в других княжествах, — соляных источников, рыбных рек и озер, бортовых угодий и т.д.» Транзитная торговля (о роли которой писал В.О. Ключевский) едва ли могла захватить широкие массы местного населения, тем более что начала и концы путей, по которым она велась, не находились в руках московских князей. Москва, писал П.П. Смирнов, «как торговый пункт не обладал преимуществами в сравнении *с* такими городами, как Нижний Новгород или Тверь».

Не был Московский край и средоточием каких-либо промыслов...

Ну а Москва? В районах, прилегающих непосредственно к ней, не было никаких богатств — ни ископаемых, ни соляных колодезей, ни дремучих лесов. «В результате хищнического истребления лесов, — писал С.Б. Веселовский, — строевой лев в Подмосковье, главным образом сосна и ель, уже в первой половине XVI в. стал редкостью». Уже в 70-х годах XV в. появляются заповедные грамоты, запрещающие самовольную порубку леса.

Дорогостоящий пушной зверь был выбит. Только на юго-востоке Подмосковья сохранилась менее ценная белка. В первой четверти XV в. в последний раз в Подмосковье упоминаются бобры (на реке Воре). Поэтому зоркий наблюдатель начала XVI в. Сигизмунд Герберштейн писал, что «в Московской области нет... зверей (за исключением, однако, зайцев)».

Наиболее значительные места ловли рыбы располагались по крупным рекам, особенно по Волге, Шексне, Мологе, Двине, а также на озерах — Белоозере, Переелавском, Ростовском, Галицком и др.

Москва не была и тем единственным райским уголком для тех, кто желал скрыться от ордынских набегов, приводивших к запустению целых районов страны (таких, как Рязань). Место было небезопасное: татары не раз подходили к Москве, Владимиру, Коломне и запросто «перелезали» через Оку. Гораздо спокойнее чувствовали себя жители более западных (Тверь) или северных (Новгород) земель»[119].

Что же возвысило Москву? Совокупность случайных и закономерных факторов. Случайные факторы не стоит перечислять, их читатель найдет в книге более чем достаточно. Основных же закономерных фактора три: умелое использование московскими князьями «татарского батога»; приручение митрополитов и использование их в качестве тяжелой артиллерии в борьбе с конкурентами; и большая на порядок беспринципность и жестокость по сравнению с другими князьями.

Возникает риторический вопрос, почему мы должны считать новгородцев изменниками,

когда они ради спасения своего города от московско-татарских войск принимали у себя литовских князей? Причем, как я уже неоднократно говорил, литовских только по названию, а на самом деле православных людей с русскими именами, говоривших, писавших и думавших по-русски.

С 1383 г. и, по крайней мере, до 1387 г. в Новгороде был князем Патрикей, сын уже известного нам литовского князя Нариманта Гедеминовича. В январе 1386 г. на Новгород в очередной раз пошел войной Дмитрий Донской. Патрикей Наримантович возглавил новгородское войско. Как писал Костомаров: «Запылали новгородские волости; прибегали в город поселяне, извещали, что враги грабят имущество, сожигают жилища, гонят в плен женщин и детей»[120].

Но Донской не решился на бой с Патрикеем, а новгородцы были верны своей извечной тактике: лучше платить деньгами, а не кровью. К московскому князю отправился владыка Алексей, предложил Дмитрию 8 тысяч рублей и обещал наказать виновных в «разбоях на Волге». Дмитрий согласился.

Деньги ему новгородцы выдали, а вот ушкуйников наказывать не стали. Любопытно, что 3 тысячи рублей дал сам Новгород, а еще 5 тысяч взыскали с Заволочья, поскольку де большинство молод-цев, побивших в последний раз татар, было как раз из Заволочья. Между тем новгородские бояре, желая оправдаться перед народом в своих уступках Дмитрию Донскому, свалили все на князя. И пришлось Патрикею Наримантовичу Новгород покинуть. Вместо него в 1389г. прибыл князь Семен (Лугвень) Ольгердович.

В 1390 г. «ходиша новгородцы со князем Семеном Олгердови-чем на Псков ратью». В 1392 г. «приходиша Немцы разбоем в Нов-городцкиа власти, и внидоша в Несу и взяша власти и села по обе стороны реки за три версты от городка Орешка. И князь Семен, сорався з городчяны, погна вслед их, иных изби, а иных приведе во град, а инии утекоша. И поиде князь Семен в Литву, а град остави».

Почему уехал Семен-Лугвень — не ясно. Но позже Республика взяла на службу сразу двух князей: русского Константина Ивановича Белозерского и литовского Романа Федоровича, внука Ольгерда[121].

В 1389г. умер Дмитрий Донской. Ему наследовал сын Василий. Он начал свое княжение с требования денег с Новгорода. Вече отказало. В свою очередь Василий в 1393 г. послал своего дядю Владимира Андреевича и брата Юрия ограбить Торжок. Город был взят, а московская рать распущена воевать новгородские волости.

Москвичам удалось захватить Волок Ламский и Вологду. Жители Торжка подняли восстание и убили великокняжеского боярина Максима. По приказу Василия I Торжок был предан огню и мечу, а несколько десятков его жителей доставили в Москву, где подвергли мучительной казни.

Новгородцы в ответ решили устроить рейд по северным московским владениям, а точнее, по землям Ростовского княжества, захваченным Дмитрием Донским. Новгородская «охочая рать»[122], возглавляемая князьями Романом и Константином, посадником Тимофеем Юрьевичем, а также воеводами Юрием Онцифорови-чем, Василием Синицей, Тимофеем Ивановичем и Иваном Александровичем, вышла на Северную Двину и сожгла города Устюг и Кличен. Толпы пленных и груды товаров повезли новгородцы вниз по Двине на ушкуях.

Осенью того же 1393 г. стороны заключили мир. Новгородцы дали Василию и митрополиту 350 рублей на двоих. Обратим внимание, и в 1386г., и в 1393г. обе стороны стремились избежать генерального сражения. Зато велика разница в сумме, выплаченной Москве: в 1386г. Донскому выплатили 8 тысяч рублей, а в 1393 г. Василию было выплачено всего 350 рублей, да еще и делись с митрополитом. И это при огромной добыче литовца Романа и его ушкуйников на Двине и Сухоне. Новгородские бояре дали 350 рублей, чтобы московский князь мог «спасти свое лицо». Замечу, что Новгород, принимая на службу литовских князей, ни на йоту не терял своей политической независимости. Любопытный пример: Василий I, породнившись с Витовтом и попав под влияние тестя, потребовал, чтобы новгородцы объявили войну Ордену. Дело в том, что Витовт уже воевал с немцами, и ему была необходима помощь людьми, а также возможность действовать своими силами с территории Республики. Великий Новгород на вече отвечал великокняжескому послу: «Нам, князь, с тобою один мир, а с великим князем Витовтом другой, а с немцами иной!»[123]

Великий князь московский обрадовался новому поводу пограбить республику. Его воеводы в очередной раз захватили города Торжок, Волок Ламский, Бежецкий Верх и Вологду с их волос-

тями и посадил там московских наместников.

Одновременно Василий I послал войско в северо-восточные владения республики. Василию удалось подкупить новгородских воевод Ивана и Конона, представлявших Республику на Двинских землях. Новгородцы, опять же по традиции, решили уладить дело миром и послали владыку Иоанна в Москву вместе с боярами Богданом Абакумовичем и Кириллом Дмитриевичем.

Владыка явился к великому князю, благословил его и сказал: «Господине сыну, князь великий! Приими мое благословение и доброе слово, и новгородское челобитье: отложи нелюбье свое на вольных мужей твоих, новгородцев; прими их по старине, дабы при твоем княжении не учинилось между христианами кровопролития; отступись от Заволочья, Торжка, Волока, Вологды, Бежецкого Верха, взятых тобою противно крестному целованию. Пусть все пойдет Великому Новгороду по старине; отложи общий суд на порубежье: это все не по старине». Но Василий I не принял ни благословенья, ни просьб.

Владыка вернулся в Новгород и на вече рассказал, как принял его московский князь. Новгородцы выслушали и единодушно целовали крест «за один брат» сопротивляться притязаниям великого князя. Владыка Иоанн благословил их и, отпуская войско в поход, сказал: «Подите поищите пригородов и волостей святой Софии, своей отчины и дедины!»

В 1398 г. трехтысячное новгородское ополчение под начальством воевод Тимофея Юрьевича, Юрия Димитриевича и Василия Синча двинулось в Заволочье. Стало известно, что изменники сосредоточились в городе Орлеце[124].

По дороге к новгородским воеводам явился управитель владычного имения Исайя с известием: «Господа воеводы новгородские! Боярин великого князя, Андрей, с Иваном Никитичным, да с двинянами, наехали на волость св. София на Вель, на самый Великий день, повоевали волость св. Софии, побрали окуп на головах; от великаго князя приехал на Двину воеводою князь Федор, блюдет город, судит и берет пошлины по новгородским волостям. Двинские воеводы Иван и Конон, да их друзья, побрали себе волости Великаго Новгорода и новгородских бояр и разделили между собою». «Братья! — призвали воеводы. — Лучше нам умереть за святую Софию, чем быть в обиде от великого князя». И новгородское войско повернуло на великокняжескую белозерскую волость, рассеялось там отрядами, грабя и сжигая все вокруг. Сожгли Старый Белозерский городок и приступили к Новому. Но оттуда вышли белозерские князья, подручники Москвы, и сдались на милость победителю. Они отделались тем, что заплатили 600 рублей откупу.

Новгородцы захватили также кубенские волости, повоевали окрестности Вологды, подошли к Устюгу, взяли его штурмом и сожгли. От Устюга двое новгородских воевод с детьми боярскими ходили к Галичу, и только один дневной переход не дошли до него. Велика была добыча новгородская. Пленников отпускали за откуп, потому что ушкуи уже не поднимали добро, и многое пришлось даже бросить.

От Устюга новгородцы пошли Двиной к городу Орлецу. Город был хорошо укреплен, и его осаждали 4 недели. В стены били пороки, видимо, новгородцы применяли и пушки. Горожане были испуганы и решили сдаться. Навстречу новгородцам из ворот Орлеца вышел крестный ход.

В покоренном городе новгородские воеводы устроили судилище. Главнейших новгородских изменников Ивана, Конона, Герасима, Анфала, Родиона и Ивана заковали в железа и отправили в Великий Новгород. Более мелких изменников, переметнувшихся к Москве, казнили на месте.

Князь Федор Юрьевич Ростовский (подручник Москвы) покаялся, сдал все награбленное (поминки московские), и воеводы отпустили его с миром. Он был молод, да и не хотели новгородцы ссориться с удельными князьями. (И правильно сделали. Федор Юрьевич позже станет союзником Дмитрия Шемяки).

Несколько московских купцов, оказавшихся в Орлеце, заплатили 300 рублей и были также отпущены. На всю Двинскую землю была наложена контрибуция в 4 тысячи рублей, кроме того, взято 3 тысячи лошадей. (Объем изъятого показывает, насколько богатой была Двинская земля иод властью Новгорода).

Новгородское войско с торжеством возвратилось в родной город. Согласно летописи, из трех тысяч ратников был убит только один. Видимо, это преувеличение, тем не менее, рейд был проведен блестяще.

По дороге назад одному из изменников, Анфалу, удалось бежать, а остальных привезли в Новгород на суд. Герасим и Родион смогли разжалобить новгородцев, и их приговорили к вечному заточению в стенах монастырских. А главного заводчика, бывшего воеводу заволоцкого Ивана

Никитича со товарищи, всенародно сбросили с моста в Волхов. Однако Герасиму вскоре удалось бежать из монастыря. Он вместе с Анфалом собрал большую шайку разбойников и долго терроризировал Заволочье, пользуясь поддержкой Москвы.

Узнав об успехах новгородского войска, Василий I согласился отказаться от Двинских земель и от захваченных городов — Торжка, Вологды, Волока и Бежецкого Верха, где он уже посадил своих наместников.

В 1404 г. новгородцы пригласили на княжение смоленского князя Юрия Святославича. Князь лишился удела после того, как Витовт захватил Смоленск. Юрий приехал ни один, а с сыном Федором, братом Владимиром Святославичем и князем Семеном Мстиславичем Вяземским. Новгородцы с честью приняли Юрия смоленского и дали ему в кормление 13 городов: Русу, Ладогу, Орешек, Тиверьский, Корельский, Копорье, Торжок, Волок Ламе-кий, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое и Кошкин городец. Но княжил Юрий не долго и осенью 1406 г. уехал в Москву.

В 1407 г. новгородцы вновь взяли на княжение Семена Оль-гердовича и дали ему те же города в кормление, которые у него были в прежнее княжение. Параллельно князем служил и Федор Юрьевич Смоленский. В 1411 г. князь Семен решил избавиться от князя-конкурента и заявил боярам: «Или князь Федор Смоленский, или я». Бояре пояснили князю, что он всего лишь наемный «кондотьер». Семен обиделся и уехал в Литву. В следующем году великий князь литовский Витовт прислал в Новгород послов с грозной грамотой: «Вы свое слово забыли, как изымались быть с нами заодно, вы тогда лгали; и неправда великая показалась от вас. Ваши люди лают нас и безчевствуют, называют нас погаными и неверными; а мы христиане и ненавидим поганство; а пуще всего — зачем приняли и держите у себя врага нашего Юрия смоленского?»

Тогда князь Федор Юрьевич добровольно выручил новгородцев. «Братья мои и друзья, новгородцы! — сказал он на вече. — Вы меня держали в мое безвременье и кормили меня: Бог вам воздаст за это. Теперь поднимается из-за меня брань и кровопролитие! Не вступайте за меня с Витовтом в нелюбье. Отпустите меня туда, куда мне Бог путь укажет». И уехал князь из Новгорода. Это на время оттянуло войну с Литвой.

Тем не менее, в 1428 г. новгородцам пришлось повоевать с Витовтом. Подробнее об этом рассказано в главе 6.

В 1432 г. из Литвы в Новгород прибыл на княжение Юрий, сын известного нам Семена (Лугвеня) Ольгердовича. В 1440 г. князь Юрий Семенович уехал из Новгорода в Литву, где великий князь Казимир дал ему отчину.

В 1444 г. на княжение в Новгород был приглашен литовский князь Иван Владимирович[125].

В ходе почти тридцатилетней войны между детьми и внуками Дмитрия Донского Великий Новгород придерживался строго нейтралитета. Согласно вековой традиции, Новгород принимал низовых князей-изгнанников. В 1434 г. в Новгороде прятался от врагов Василий II (будущий Темный), а через несколько месяцев там же и его соперник Василий Юрьевич Косой. Родственники-соперники платили республике черной неблагодарностью, периодически требуя денег. Воспользовавшись гражданской войной, на Новгородскую землю смело нападали и тверские князья. Так, в 1441 —1442 гг. Василий II стребовал с Республики 8 тысяч рублей. В 1446 г. он был ослеплен и стал Темным, и тут же новый московский князь Дмитрий Шемяка начал вымогать у Новгорода деньги. Новгородцы зла старались не помнить, и когда Шемяка проиграл войну, республика предоставила ему убежище.

В 1443 г. псковичи призвали на княжение из Литвы Александра Васильевича Чарторыского[126]. А с 1447г. по 1455г. Александр Чарторыский княжил в Новгороде. Дружина Александра состояла из трехсот всадников «кованой рати».

Глава 12
ПАДЕНИЕ ВОЛЬНОГО НОВГОРОДА

В 1462 г. умер Василий Темный. С вступлением на престол Ивана III над Новгородом нависла страшная опасность. Недаром Иван III впервые в русской истории получил прозвище Грозный, и лишь позже его заполучил «свирепый внук» Иван IV.

Единственным спасением Господина Великого Новгорода могло быть Великое княжество Литовское. С XII века новгородцы отстаивали свою независимость, балансируя между владимиро-

суз-дальскими князьями. Теперь вся Владимиро-Суздальская Русь принадлежала свирепому Ивану.

Давайте посмотрим на противостояние Москвы и Новгорода не глазами историков XIX — XX веков, а глазами новгородцев XV века. Они не могли предвидеть Брестскую унию, полонизацию Литовской Руси, дикого произвола польских магнатов в XVII —XVIII веках и т.д. В их время большинство литовских князей и панов исповедывали православие, еще была веротерпимость. Многие города Литвы получили Магдебургское право, пускай и не всегда в полном объеме. Наконец, новгородцы привыкли видеть на Городище служилых литовских князей. Риторический вопрос, так почему мы должны вслед за историками называть часть новгородского населения, тяготевшую к Литве, изменниками?

Сторонников Литвы в Новгороде возглавляли бояре Борец-кие. Началом решительной схватки с Москвой можно считать осень 1470 г. 5 ноября умер новгородский владыка Иона. Через два дня после его смерти в Новгород приехал из Литвы Михаил Александрович, брат киевского князя Семена. Михаил прибыл с киевской дружиной и получил статус служилого князя. Любопытно, что в Новгороде одновременно с ним находился и наместник великого князя московского Ивана III. Собственно, в этом ничего необычного для Республики не было, мы помним, как часто на кормлении содержалось сразу по два князя. Но тут ситуация была совсем другой. Если Михаила с некоторой натяжной можно считать кондотьером, то Иван III считал своего наместника ровней наместникам в Ростове, Можайске и других захваченных Москвой городах.

Партию Борецких, которую возглавляла Марфа, вдова посадника Исака Борецкого, постигла серьезная неудача при выборе нового владыки. Марфа желала видеть архиепископом Пимена, заведовавшего при Ионе Софийской (церковной) казной. Но по новгородскому обычаю владыка выбирался по жребию из трех претендентов. Ими стали Пимен, Варсоний (духовник покойного Ионы) и протодиакон Феофил.

15 ноября 1470 г. на Софийском (владыческом) дворе собралось вече. Жребий пал на Феофила. Противники Борецких воспользовались случаем и потребовали провести ревизию влады-ческой казны. Вече согласилось — русские люди всегда ненавидели взяточников и казнокрадов. Не берусь судить, воровал ли Пимен церковные деньги, но была обнаружена большая недостача. Пимена схватили, долго били, разорили его двор и постановили взыскать с него тысячу рублей.

Дело, конечно, было не в тысяче рублей. У Борецких и других бояр — противников Москвы — средства имелись большие, проблема была в резком падении престижа литовской партии.

Выбранный владыкой протодьякон Феофил был серой бесхарактерной личностью. Его мало беспокоила судьба Господина Великого Новгорода, а интересовало лишь собственное благополучие. Он равно не хотел ни полного подчинения Новгорода Ивану III, ни победы литовской стороны. Феофил опасался, что в последнем случае его влияние резко упадет, в чем он действительно был прав. А свирепый Иван, между тем, был тише воды, ниже травы и посылал в Новгород доброжелательные грамоты, которые служили сильным оружием для промосковской партии.

Стороны сошлись на вече. Победила литовская партия, и вече приняло «договорную грамоту» с великим князем литовским Казимиром. Согласно договору король обязался держать в Новгороде своего наместника из числа православных панов. Наместник, дворецкий и тиуны, проживая на Городище, не должны были иметь при себе более пятидесяти человек. Если пойдет великий князь московский или сын его, или брат на Новгород войной, король вместе с Радой литовской должен был идти на подмогу новгородцам. Если же король, не помирив Новгорода с московским князем, поедет в Польскую или Немецкую землю и без него пойдет Москва на Новгород, то Рада литовская должна идти оборонять Новгород. Король обязался не притеснять православную веру, и где захотят новгородцы, там и поставят себе владыку, а король не будет строить католических церквей ни в Новгороде, ни в пригородах, ни по всей земле Новгородской.

В случае реализации этого договора в жизни новгородцев ничего бы не изменилось на много десятилетий. Другой вопрос, обошла бы вольный Новгород мутная волна католической экспансии и полонизации в конце XVI — начале XVII веков?

Планы литовской партии перечеркнуло незначительное событие, вроде бы не имевшее отношения к Новгороду. В Киеве умер князь Семен Александрович. Узнав о смерти брата, князь Михаил 15 марта 1471 г. бросает Новгород и вместе с дружиной отправляется в Литву. Конечно, ехал он не затем, чтобы возложить цветы на могилу. До Михаила дошли сведения, что Казимир решил отнять Киев у династии Олельковичей и посадить там своего наместника. Уходя из Новгорода, дружина Михаила кое-чего пограбила в новгородских волостях. Дело, вроде бы, житей-

ское — в те времена без этого никто не обходился. Но промос-ковские элементы подняли по сему поводу в Новгороде страшный шум.

И вот в мае 1471 г. великий князь Иван III созывает на думу братьев своих, митрополита, архиереев, бояр и воевод и объявляет, что необходимо выступить в поход на новгородцев за их «отступление». Встал вопрос, наступать ли немедленно или подождать до зимы. Новгородская земля изобилует озерами, реками, непроходимыми болотами, и поэтому прежние великие князья летом старались в походы на Новгород не ходить, а кто ходил, тот терял много людей. Решили все-таки выступать немедленно, и Иван III занялся распоряжениями перед своим отъездом. Москву он оставил на своего сына Ивана Молодого, при нем приказал быть своему брату Андрею Васильевичу Старшему вместе с татарским служилым царевичем Муртозой. С собой в поход великий князь взял братьев Юрия, Андрея Меньшого и Бориса, князя Михаила Андреевича Верейского с сыном и другого татарского служилого царевича Даньяра.

Немедленно из Москвы в Тверь и Вятку полетели гонцы с приказом идти на Новгород. И Тверское княжество, и Вятский край обладали значительными вооруженными силами, и, поддержи они Великий Новгород, Ивану мало бы не показалось. Но, увы, скупость и трусость тверского князя Михаила Борисовича и жадность вятчан (хлыновцев) решили дело. Они всеми силами поддержали Москву. Прошло совсем немного времени, и великий князь московский по заслугам отблагодарил союзников. В сентябре 1485 г. Иван III осадил Тверь. 15 сентября город капитулировал, а Иван III подарил Тверское княжество своему старшему сыну Ивану Молодому.

Через 4 года Иван III разделается с Вяткой. Московское войско вместе с отрядом казанского хана Махмет-Алина 16 августа 1489г. осадит Хлынов (Вятку). Город будет вынужден сдаться. С Хлыновым Иван III поступит так же, как и с Великим Новгородом — за массовыми казнями последует тотальные выселение горожан в Боровск, Алексин, Кременец, Дмитров и др. В свою очередь, часть населения этих городов ни за что, ни про что будет отправлено на Вятку, в места для них «не столь отдаленные».

Но все это будет потом, а сейчас хлыновцы послали войско на Новгород. Московская рать шла на республику через Тверское княжество, и Михаил Борисович обязался обеспечить его продовольствием и всем необходимым. По пути к Ивану III присоединилось и тверское войско под началом князя Михаила Федоровича Микулинского.

По настоянию Ивана III против Новгорода выступил и его «мо-лодший брат» Псков. (С Псковом покончит уже сын Ивана Василий III).

Наступление войск Ивана сопровождалось беспрецедентным психологическим давлением на новгородцев со стороны промос-ковской партии. Соловецкий отшельник Зосима ходил по Новгороду и заявлял, что на пиру у Борецких он видел знатнейших бояр *без* голов. (Впоследствии Иван III их казнит). Кто-то рассказывал, что на гробах двух новгородских архиепископов, почивающих в мартириевской паперти у святой Софии, увидели кровь; у хутынского Спаса зазвонили сами собой колокола; в женском монастыре Евфимии в церкви на иконе Богородицы из очей покатились слезы, как струя; заметили слезы и на иконе св. Николая Чудотворца в Никитинской улице, а на Федоровой улице полилась вода с ветвей и с вершины топольцев (ветл), и это были как будто слезы.

По Новгороду распускались слухи, что Марфа Борецкая выходит замуж за литовского князя и даже назывались мифические кандидаты. Предположим, что был бы хотя бы разговор, хоть строчка в письме от Марфы, немедленно или потом это Москва поставила бы ей в вину и раззвонила бы во все колокола.

Московские дьяки и летописцы лгали, как могли: «Неверные изначала не знают Бога; а эти новгородцы столько лет были в христианстве и под конец начали отступать к латинству; великий князь пошел на них не как на христиан, но как на иноязыч-ников и на отступников от православия; отступили они не только от своего государя, и от самого господа Бога; как прежде прадед его, великий князь Димитрий, вооружился на безбожного Мамая, так и благоверный великий князь Иоанн пошел на этих отступников»[127].

Итак, новгородцы, желающие жить по обычаям своих отцов и дедов, защищающие свое имущество и жизни, сравниваются с ханом Мамаем, идущим грабить Русь. Риторический вопрос, кто больше похож на Мамая — Марфа Борецкая или Иван III? Ну, ладно, простим московскому дьяку, ему, как-никак, деньги платили, а за неповиновение могли и голову снести. Но серьезный историк С.М. Соловьев предваряет вышеприведенную цитату из московской летописи своим умозаключением: «И прежде в летописях отражается нерасположение северо-восточного народонаселения к Новгороду; но теперь, при описании похода 1471 года, замечаем сильное

ожесточение»[128].

Как мог Соловьев согласиться с тем, что новгородцы отказались от православия и «от самого господа Бога»? А ведь в той же книге III сочинений Сергея Михайловича говорится, что Киев к 1470г., более чем 150 лет находившийся в составе Великого княжества Литовского, был в целом православным городом, и католиков в нем было меньше, чем немцев в 1469 г. в Новгороде.

29 июня Иван III с ратью зашел в Торжок. А 14 июля на реке Шелони состоялось сражение москвичей с новгородцами. Официальный летописец утверждает, что де москвичей было 4 тысячи, а новгородцев 40 тысяч (может, речь шла только о москвичах, и не были учтены татары, тверичи и т.д.). Между тем, именно удар татарских войск в тыл новгородцам решил исход битвы. Замечу, что важную роль тут сыграл и низкий моральный дух новгородского войска. Так, «владычный полк»[129] вообще не принял участия в битве, и воины его спокойно смотрели, как татары убивают их земляков.

Иван III приказал казнить наиболее знатных новгородцев, взятых в плен на Шелони — сына Марфы Борецкой Дмитрия, Василия Селезнева-Губу, Киприана Арьбузьева и архиепископского чашника Иеремия Сухощека.

В конце июля московские войска подошли к Новгороду. В самом городе вовсю действовала «пятая колонна». Некий Упадыш с товарищами ночью заколотил железом пятьдесят пушек,[130] стоявших на стенах, прежде чем их схватили сторожа. Изменников растерзал народ, но пушки в строй ввести уже было невозможно.

Новгород капитулировал. По приказу великого князя московского были составлены две договорные грамоты. По ним Новгород отрекался от союза с великим князем литовским Казимиром, обязывался не принимать врагов и всех лиходеев великого князя (а именно сына Шемяки Ивана Можайского и Василия Ярос-лавича Боровского). Теперь только московский митрополит мог поставить владыку в Новгороде. Новгородцы обязывались не мстить всем участникам «пятой колонны». Новгород терял часть северо-восточных владений. И, само собой разумеется, горожанам пришлось платить «за проступки» 15,5 тысяч рублей.

В отличие от прежних договоров Новгорода с Великими княжествами Владимирским и Московским в договоре фигурировал не один, а сразу два князя московских — Иван Васильевич и Иван Иванович. Дело в том, что Иван III был подозрителен, и на всякий случай короновал своего сына.

23 ноября 1475 г. Иван III прибыл в Новгород. Кроме обычных поборов, князь приказал схватить несколько десятков неугод- ных ему знатных новгородцев и в оковах отправить в Москву, а с их семейств еще содрать полторы тысячи рублей.

Сколько приобрел великий князь в Новгороде на сей раз, неизвестно, поскольку брал он частями. К примеру, владыка Фео-фил поднес Ивану «три постава сукон, 100 корабельников (червонцев), зуб рыбий, да и на проводях две бочки вина». А посадник Фома Андреевич Курятник вместе с тысяцким поднесли Ивану тысячу рублей от всего Великого Новгорода.

26 января 1471 г. великий князь покинул Новгород и уже 8 февраля был в Москве (по санному пути добираться быстрее). А в марте в Москву приехал владыка Феофил с боярами просить об освобождении заточенных новгородцев. Иван хорошо принял владыку, угостил, но не отпустил ни одного пленника.

В Москву прибыли и несколько новгородских бояр искать суда у великого князя, поскольку в Новгороде они не рассчитывали на успех в своих гражданских исках. В их числе был бывший посадник Василий Никифорович Пенков. И тут Иван III сделал хитрый ход — потребовал у новгородских бояр присягнуть ему как государю. Так, 27 февраля 1477 г. к Ивану III с челобитной приехали подвойский Назар и дьяк веча Захар. В Москве их приняли за послов от владыки и от всего Великого Новгорода. Назар и Захар называли великого князя и его сына государями, а не господами. (С утверждением самодержавия получили огромное значение титулы, которые впоследствии сыграли значительную роль в государственной истории России, и не один раз служили предлогом к войнам.) Великий князь тотчас придрался к фразе новгородцев, и на вопрос о титуле стал поводом к расправе над Новгородом. Он отправил в Новгород своих послов бояр Федора Давидовича и Ивана Тучкова и дьяка Василия Дал матова специально по этому вопросу.

Созвав вече, великокняжеские послы сказали: «Великий князь велел спросить Новгород: какого государства он хочет?» «Мы не хотим никакого государства!» — кричали взволновавшиеся новгородцы. «Но Великий Новгород, — продолжали послы, — посылал к великому князю от владыки и от всех людей Великого Новгорода послов свих, Назара и Захара,

бить челом о государстве, и послы назвали великого князя государем». «Вече никого не посылало! — кричали новгородцы. — Вече никогда не называло великого князя государем! От века не было того, как и земля наша стала, чтобы какого-нибудь князя мы называли государем. А что великому князю сказывали, будто мы посылали, так это ложь!»

Новгородцы попросили великокняжеских послов объяснить им, какая перемена будет, когда Новгород назовет великого князя государем вместо господина. Те сказали: «Коли вы его назвали государем, значит вы за него задались, и следует быть суду его в Великом Новгороде, и по всем улицам сидеть его тиунам, и Ярос-лавово дворище великому князю отдать, и в суды его не вступаться!»

Новгородцы, наконец, догадались, что их хотят лишить последних прав и закричали: «Как смели ходить в Москву судить и присягать великому князю, как государю!.. Этого от века не делалось, и в докончаньи сказано, чтоб новгородца не судить на низу, а судить в Новгороде! Давайте сюда тех, кто ездил судиться !»

31 мая притащили на вече Василия Никифорова Пенкова и Захара Овинова. «Переветник! — кричали новгородцы на Василия. — Ты был у великого князя и целовал ему на нас крест!» Василий ответил: «Я был у великого князя и целовал ему крест в том, что служить мне, великому государю, правдою и добра хотеть, а не на государя моего Великий Новгород и не на вас, свою господу и братию!» Тогда «прижали» Захара, и он показал на Василия, что тот целовал крест и от имени Новгорода.

Форма присяги, принятая в Москве, до уничтожения веча не была известна в Новгороде. Уж очень текст ее был раболепным, непривычным для вольных людей, какими считали себя новгородцы. Присягнувший по-московски обязывался, в случае нужды, действовать против Новгорода и доносить великому князю о всяком сопротивлении ему или недоброжелательстве.

Тут же на вече народ до смерти забил Василия и Захара. Новгородские власти продержали великокняжеских послов в Новгороде 6 недель и потом дали им такой ответ: «Бьем челом господам своим великим князьям, а государями их не зовем; суд вашим наместникам по старине, на Городище; а у нас суда вашего княжеского не будет, и тиунам вашим у нас не быть; дворища Ярославова не дадим вам. Как мы с вами на Коростыне мир кончили и крест целовали, так на том докончании и хотим с вами жить; а с теми, что поступали без нашего ведома, ты, государь, сам разведайся: как хочешь, так их и казни; но и мы тоже, где которого поймаем, там и казним; а вам, своим господам, бьем челом, чтоб держали нас по старине, по крестному целованию».

Так как лето 1471 г. было как никогда сухое, то Иван III ожидал осени. 23 ноября Иван с войском был уже у Сытина в 30 верстах от Новгорода. Здесь к нему явились владыка Феофил с посадником и житными людьми и стали бить челом: «Господин государь князь великий Иван Васильевич всея России! Ты положил гнев свой на отчину свою, на Великий Новгород, меч твой и огонь ходят по Новгородской земле, кровь христианская льется, смилуйся над отчиною своею, меч уйми, огонь утоли, чтобы кровь христианская не лилась: господин государь, пожалуй! Да положил ты опалу на бояр новгородских и на Москву свел их в свой первый приезд: смилуйся, отпусти их в свою отчину в Новгород Великий».

Великий князь ничего послам не ответил, но отобедать их пригласил. Тогда на следующий день новгородские послы пошли к брату Ивана III Андрею Меньшому, принесли подарки и попросили, чтобы он замолвил слово великому князю за Новгород. Потом послы пошли к Ивану III с просьбой, чтобы велел с боярами поговорить. Великий князь выслал к ним троих бояр «на говорку». Послы предложили им такие условия: чтобы великий князь ездил в Новгород на четвертый год и брал по 1000 рублей; велел бы суд судить своему наместнику и посаднику в городе, а с чем они не справятся, то великий князь бы тогда судил, когда сам приедет на четвертый год, но в Москву бы не вызывал. Чтобы великий князь не велел своим наместникам судить владычных и посадничьих судов, чтобы великокняжеские подданные в своих тяжбах с новгородцами судились бы перед наместником и посадником, а не на Городище. Вместо ответа Иван III велел своим воеводам подойти к Новгороду, занять Городище и пригородные монастыри.

27 ноября московское войско стало у стен города. 4 декабря в московский стан явились владыка Феофил с посадниками и житными людьми и били челом, чтобы государь пожаловал, указал своей отчине, как бог положит ему на сердце свою отчину жаловать. Ответ был прежний: «Захочет наша отчина бить нам челом, и она знает, как бить челом». Послы вернулись в Новгород, а на следующий день прибыли к Ивану с повинной, что действительно Новгород посылал в Москву Назара и Захара называть великого князя государем. «Если так, — велел ответить им Иван, — если ты, владыка, и вся наша отчина, Великий Новгород, сказались перед нами виноватыми и спрашиваете, как нашему государству быть в нашей отчине, Новгороде, то объявляем, что хотим

такого же государства и в Новгороде, какое в Москве».

7 декабря при очередном визите послов Иван III пояснил, чего он хочет: «Государство наше таково, вечевому колоколу в Новгороде не быть; посаднику не быть, а государство все нам держать; волостями, селами нам владеть, как владеем в Низовой земле, чтоб было на чем нам быть в нашей отчине, а которые земли наши за вами, и вы их нам отдайте; вывода не бойтесь, в боярские вотчине не вступаемся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит». Новгородцы вынуждены были согласиться.

Затем к новгородцам обратились московские бояре: «Великий князь велел вам сказать: Великий Новгород должен дать нам волости и села, без того нам нельзя держать государства своего в Великом Новгороде». Новгород предложил боярам две волости: Луки Великие и Ржеву Пустую, но великий князь не согласился. Тогда предложили десять волостей, и тут Иван III отказался. Новгородцы предложили самому князю назначить, сколь ему надо волостей. Иван не растерялся и назначил половину волостей владычных и монастырских и все новоторжские, чьи бы они ни были.

Затем начались переговоры о дани. Сначала великий князь хотел брать по полугривне с обжи. Новгородскую обжу составлял один человек, пашущий на одной лошади. Три обжи составляли соху, пашущий на трех лошадях и сам-третей составляли также соху.

20 января 1478 г. Иван III назначил своими наместниками в городе Ивана и Ярослава Васильевичей Оболенских. Перед отъездом великий князь велел схватить купеческого старосту Марка Панфильева, боярыню Марфу Борецкую[131] с внуком Василием Федоровым, еще пятерых знатных новгородцев, и отвезти их в Москву, а имения их Иван прибрал себе. Также были изъяты все договоры, когда-либо заключенные новгородцами с литовскими князьями.

17 февраля Иван выехал из Новгорода и 5 марта прибыл в Москву. За ним привезли в Москву вечевой колокол и подняли на колокольню на кремлевской площади.

После этого новгородцам показалось, что великий князь оставил их в покое. Но, увы, 26 октября 1479 г. Иван III вновь двинулся на Новгород якобы «с миром», благо, никаких поводов к войне новгородцы не давали. Однако, подойдя к Новгороду, Иван велел открыть артиллерийский огонь (командовал «пушечным нарядом» Аристотель Фиорованти). С момента приезда в Москву в 1475 г. Аристотель выполнял обязанности генерал-фельдцейхмейстера, говоря языком XVIII — начала XX века. Аристотель проектировал пушки, лил и ковал их, учил стрелять из пушек и управлять огнем орудий в бою.

После нескольких дней бомбардировки городские ворота открылись и оттуда вышли владыка и духовенство, несшие кресты и иконы, а следом — посадник, тысяцкий, старосты пяти концов, бояре и множество народа. Все пали ниц перед великим князем и взмолились о пощаде и прощении. Иван III сказал им: «Я, ваш государь, даю всем невинным в этом зле мир; ничего не бойтесь». Тем не менее, заняв город, Иван велел схватить свыше пятидесяти новгородцев и подверг их страшным пыткам. «Тут только великий князь узнал об участии владыки в заговоре и о сношениях братьев своих с новгородцами»[132].

Наш великий историк писал это вполне серьезно. Как Иван III, так и его «свирепый внук» Иван IV очень мало думали о логике своих обвинений. В 1569 г. Иван Грозный обвинит жителей Новгорода в том, что они де «Новгород и Псков отдати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии хотели злым умышлением извести, а на государство посадити князя Володимира Ондреевича».

Ларчик открывался просто — Ивану III и его внуку нужны были деньги и очень много денег, а заодно и подготовить материал для расправы над родными братьями[133]. В частности, Иван III мечтал залезть во владычную (архиепископскую) казну. Разумеется, трусливый Феофил ни в чем не был замешан.

Выявленные под пытками обвинения дали повод арестовать Феофила. Он был отослан в заточение в московский Чудов монастырь, все богатства архиепископа взяты в Москву. Вместо Феофила по воле Ивана III митрополит Терентий поставил московского протопопа Симеона, переименованного при посвящении в Сергия. Сергий надменно вел себя с новгородцами и третировал местное духовенство. Вскоре Сергия начали мучить видения. К нему сначала во сне, а потом уже и наяву стали приходить давно усопшие новгородские владыки (архиепископы). «Зачем, безумец, — говорили они — зачем дерзнул ты приняти поставление святительства нашего, на место поруганного, неправедно сверженного и еще живого владыки? Не по правилам ты осмелился сесть на мученический престол! Оставь его!». Сергий-вначале крепился, но затем в его поведении появились странности. То он «выйдет из кельи без мантии, то сядет под храмом Св. Софии или у Евфимиевской паперти и глядит бессмысленно». Кончилось дело тем, что Сергий

вообще потерял дар речи. Московские власти официально заявили, что новгородцы отняли у него ум волшебством.

26 июня 1484 г. Сергия увезли в Троицкий монастырь под Москву. Иван III занялся подбором кандидатов на место Сергия. Лучшим оказался чудовский архимандрит Геннадий Гонзов, поскольку архимандрит «а дал от того (за назначение) дви тысячи рублей князю великому»[134]. Геннадий поехал в Новгород. А немощный Сергий, вернувшись в Троицкий монастырь, пришел в себя и прожил еще 20 лет. Судя по всему, даже столь иромосковски настроенный священнослужитель ужаснулся безобразиям, творимым московскими наместниками Яковом Захарьевичем и Юрием Захарьевичем Кошкиными в Новгороде.

Братья творили в Новгороде буквально все, что хотели. Иван III отдавал лучшие новгородские земли своим боярам. Глава московской боярской думы князь И.Ю. Патрикеев с сыном получили 500 обеж, а Яков, Юрий и Василий Захарьевичи получили 800 обеж. Любопытно, что когда родные братья Ивана III попросили его поделиться по обычаю новгородской добычей, он им категорически отказал.

В 1487 г. по доносу Якова Захарьевича Иван III выслал из Новгорода пятьдесят семей лучших купцов и перевел их во Владимир. В следующем году Яков и Юрий открывают «ужасный» заговор новгородцев, которые хотели убить братьев. В Новгороде начинаются массовые казни — кого вешают, кому рубят головы. По доносу Захарьевичей Иван III повелел выселить из Новгорода семь тысяч житных людей (домовладельцев) и поселить их в Костроме, Нижнем Новгороде, Владимире и других городах. В следующем 1489 г. Иван III повелел выселить из Новгорода всех остальных (коренных) житных людей. Их также расселили в средней России, причем многие были убиты по дороге.

На место высланных новгородцев прибывали обозы с переселенцами со всей России.

По этому поводу Н.И. Костомаров писал: «Так добил московский государь Новгород, и почти стер с земли отдельную северную народность. Большая часть народа по волостям была выгуб-лена во время двух опустошительных походов. Весь город был выселен. Место изгнанных старожилов заняли новые поселенцы из Московской и Низовой Земли. Владельцы земель, которые не погибли во время опустошения, были также почти все выселены; другие убежали в Литву».

Надо ли говорить, что в 80-х годах XV века Новгород покинуло подавляющее большинство иностранных купцов, занимавших ранее целый квартал в городе — «немецкий двор». Бесспорно, в вольном Новгороде было много буйства, но иностранцы были надежно защищены от него. На тот же «немецкий двор» новгородцы могли заходить только днем. Строгий порядок в торговых сделках сменился бесчинствами Захарьевичей. Да и не с кем стало торговать — все партнеры иностранных купцов были казнены или высланы из Новгорода.

Так рухнули торговые связи Новгорода Великого, доставлявшие огромные средства республике. Иван III «зарезал курицу, несшую золотые яйца».

В целом для истории России уничтожение торговых связей Новгорода, а через 30 лет и Пскова привело фактически к изоляции России на 200 лет от Западной Европы. На западе Россию от Европы отгораживали враждебные Литва и Польша, на юге — Оттоманская империя. Северо-западное окно в Европу заколотил сам Иван III, а в начале XVII века шведы лишь заделали щели.

ГЛАВА 13
СМУТЫ ЛИТОВСКИЕ И МОСКОВСКИЕ

После смерти Ягайло польские магнаты возвели на престол его сына Владислава III (годы правления 1434—1444). В Литве же продолжалась усобица. Свидригайло поссорился с претендентом на должность митрополита Герасимом и сжег его в Витебске. В Витебск собрались русские князья — сторонники Свидригайло. Оттуда войско его двинулось к Брислову, где соединилось с ливонским магистром. Затем союзники направились к городу Валькомиру.

1 сентября 1435 г. у Валькомира на реке Святой произошло генеральное сражение. Свидригайло поручил командовать войском своему племяннику Сигизмунду Корибутовичу, в свое время отличившемуся в Гуситских войнах. Под началом у него были полки смоленские, витебские, полоцкие и отряд ливонских рыцарей. Войском Сигизмунда Кейстутовича, большую часть которого составляли поляки, командовал его сын Михаил. После упорной и кровопролитной битвы войска Свидригайло обратились в бегство, а раненый Сигизмунд Корибутович попал в плен. Под Вилько-миром были убиты ливонский магистр, князь Ярослав Лингве-ньевич, князь

Михаил Балабан, князь Даниил Семенович Голь-шанский и князь Михаил Львович Вяземский.

«И через три недели после того побоища князь великий Сигизмунд, собрав всю свою силу литовскую, послал сына своего князя Михаила на Русь. И князь Михаил, придя, стал в Орше, и смоль-няне встретили князя Михаила в Орше, и сдались великому князю Сигизмунду и сыну его князю Михаилу.

И князь Михаил не пошел к Смоленску, а пошел от Орши к Витебску, стоял [там] шесть недель и, не взяв замка, пошел прочь, и после того, в ту же зиму, князь великий Сигизмунд собрал опять свою силу литовскую и послал к городу Полоцку. И, придя, паны стояли под Полоцком неделю и, не взяв города, пошли прочь. А на следующий год полочане и витебляне, не видя себе ни от кого помощи, подчинились великому [князю] Сигизмунду Кейстуто-вичу, и начал великий князь Сигизмунд княжить в Великом княжестве Литовском и в Русском,

В лето шесть тысяч девятьсот сорок восьмое [1440 г.] правил великий князь Сигизмунд в Вильно и в Троках, и во всех землях русских, и литовских, и жемайтских, и совершал большие жестокости в отношении своих подданных, особенно над шляхетским сословием, хватал их и совершал над ними страшные жестокости, карал их невинно, убивал и мучил их так, как только мог придумать, и поступал так со всеми князьями и панятами и со всем шляхетским сословием всех земель литовских, русских и жемайтских. И был в отношении того шляхетского сословия очень жесток, и всеми этими своими злыми поступками он равнялся Антиоху Сирийскому и Ироду Иерусалимскому и предку своему великому князю литовскому Тройдену, который совершал различные страшные жестокости в отношении земель польских и русских. И те подданные его, вся шляхта, терпели это как от своего господина верные рабы, и ничего злого против него не предпринимали и не замышляли.

И он, окаянный князь великий Сигизмунд, не насытил злобы своей и мыслил в сердце своем по дьявольскому наущению, как бы погубить все шляхетское сословие и пролить его кровь и поднять мужичье сословие, собачью кровь. Прежде всего он захватил двоих князей, своих близких родственников, намереваясь их казнить: князя Юрия Лингвеньевича и князя Олелька Владимировича, и посадил князя Юрия Лингвеньевича в меньшем замке Трокском, а князя Олелька в Кернове, а княгиню его с двумя сыновьями, с Семеном и с Михаилом, в Утянах, и еще, считая, что этого недостаточно, в заключение своего злого умысла решил созвать великий сейм и на том сейме уничтожить и искоренить всю шляхту и вознести мужичье сословие. И написал окаянный грамоты своим властям по всем своим землям Великого княжества, княжатам и панятам и всей шляхте, приказывая, чтобы все ехали на сейм, для решения земских дел; а злобу свою утаил, что против них замыслил.

А в то время воеводой виленским был Довгирд, а воеводой трок-ским Лелюша. И те два пана, узнав достоверно, что тот сейм будет созван для гибели всего шляхетского сословия и их самих, и позвали к себе на совет князя Чарторыйского; и те три пана, посовещавшись, замыслили убить князя Сигизмунда; а прочих князей и панов в то время при Сигизмунде никого не было. И на том совещании решили, чтобы самим им занять города Вильно и Троки и держать их на князя Свидригайла, который после поражения, понесенного от Михаила Сигизмундовича у Побоиска, бежал в Молдавию.

И решив так, направили дворянина родом из Киева по имени Скобейко и дали ему триста возов сена и на каждый воз под сено положили по пяти вооруженных человек, а один человек возом правил, и отправили того Скобейко в Троки, будто бы с дякольным сеном. И отправив Скобейко, послали в Молдавию к князю Свидригайлу, искать его, а князь Александр Чарторыйский и Скобейко въехали в Трокский замок в вербное воскресенье.

В тот же момент сын князя Сигизмунда вышел из замка в костел, а сам князь Сигизмунд слушая мессу в замке в спальне. И князь Чарторыйский, въехав со Скобейко и со всеми теми возами в замок, замок затворили, и все те люди вышли из возов и пошли прямо к спальне князя Сигизмунда, где он слушал мессу. И был у князя Сигизмунда медведь, которого он очень любил, и когда он, приходя к спальне, дергал лапой, то его всегда впускали. И так князь Чарторыйский, нрийдя со Скобейко и со всеми теми людьми, дернул рукою за дверь, и князь Сигизмунд подумал, что это медведь, и приказал открыть дверь. И в тот же момент бросились в спальню, и начал князь Чарторыйский говорить ему о всех его злых проступках, которые он совершал над всей шляхтой Великого княжества и о том, чти еще замыслил, наконец, на том сейме всех князей и панов и все шляхетское сословие искоренить и кровь их пролить, а собачью кровь мужичью вознести, и сказав те слова, наконец произнес: «Что ты приготовил князьям, панам и всем нам испить, то ты теперь испей один».

И бросился к нему, намереваясь его убить, но у него не было ничего, и поэтому Скобейко схватил вилы, которыми поправляли в камине дрова и теми вилами ударил его в тот момент, когда ксендз подносил облатку [причастие], и кровь брызнула с головы на стену, которая и до сего времени видна на стене в спальне его, в башне, в Большом замке Трокском. И в тот момент, не желая видеть смерть своего господина, упал на него его любимец по имени Славко, так как его очень любил великий князь Сигиз- мунд. А они того Славку взяли и выбросили из окна башни, и он там сломал шею»[135].

После убийства Сигизмунда литовская знать вновь разделилась: одни хотели видеть великим князем польского короля Владислава Ягайловича, а другие, бывшие сторонники Сигизмунда, желали на престол его сына Михаила, третьи же хотели Свидригайло.

В 1437 г. умер венгерский король Сигизмунд, и венгерские вельможи предложили престол польскому королю Владиславу III. Юному королю очень хотелось объединить два королевства. Польские вельможи, в свою очередь, считали необходимым соединить силы двух королевств для отпора турецкой агрессии. Наконец, было ясно, что если Владислав откажется, то венгры выберут короля из династии Габсбургов, а это совсем уж не нравилось полякам.

Однако и Литва требовала присутствия короля в Вильно, а в противном случае грозила отделиться от Польши. После долгих совещаний вельмож решено было, что Владислав поедет в Венгрию для упрочения себе тамошнего престола, а в Литву поедет его родной брат, юный Казимир, но не в качестве великого князя литовского, а в качестве польского наместника, поскольку большинство польских вельмож желало видеть великим князем литовским Владислава.

Тринадцатилетнему мальчику литовские послы рассказали о Литовской земле, «о роскошной охоте в Литве, об охоте на туров и зубров и на прочих различных зверей, и королевич Казимир очень полюбил охоту, так как очень любил охоту и решил ехать с ними»[136].

Литовские паны очень спешили и провозгласили Казимира великим князем литовским не в столице, а в пограничном городе Бресте. Сделали это не зря. Другой претендент на виленский престол — Михаил, сын Сигизмунда — был вынужден бежать из замка Троки в Мазовию к своей тетке, жене князя Януша.

Юный Казимир начал править в Вильно, но но всей Литве вскоре заполыхала гражданская война. Ряд литовских городов перешел на сторону пришедшего с мазурским войском Михаила Сигизмундовича. Почти одновременно восстал Смоленск, о чем уже говорилось в главе 9.

В 1444г. Владислав, король польский и венгерский, пал в битве с турками при Варне, а точнее, пропал без вести, и это событие имело важное значение в судьбе Литвы и Руси. Бездетному Владиславу должен был наследовать его брат, семнадцатилетний Казимир Литовский. Поляки, с подачи краковского епископа Збигнева Олесницкого, звали Казимира к себе на престол, тот же по настоянию литовцев долго не соглашался. На Петрков-ском сейме в 1446 г. послы Казимира, русские князья Василий Красный и Юрий Семенович, объявили панам об отказе своего князя наследовать брату на польском престоле.

Тем временем на Руси продолжала бушевать гражданская война. Московский престол несколько раз переходил от Василия II к его дяде Юрию Дмитриевичу, а после его смерти опять к Василию II. Василий II ослепляет своего двоюродного брата Василия Косого — сына Юрия Дмитриевича, а другой сын Юрия Дмитриевича — Шемяка — сверг с престола Василия II и в свою очередь ослепил его. С тех пор Василия II называли Темным.

Таким образом, ни у Литвы с Польшей, ни у Москвы не было сил для серьезного вмешательства в дела друг друга, если не считать отдельных эпизодов. Так, Свидригайло был побратимом Юрию Дмитриевичу, следовательно, Василий II должен был находиться в союзе с врагом Свидригайло Сигизмундом Кейстутовичем и сыном его Михаилом, а убийца Сигизмунда князь Черторыский жил у Шемяки и вместе с ним приходил воевать на Москву. Василий держал сторону Михаила и в его борьбе с Казимиром.

В 1445 г. великий князь московский Василий II послал двух татарских царевичей на Вязьму, Брянск и другие литовские города. Татары побили много народа, еще больше в плен повели, разорили Литовскую землю почти до самого Смоленска и вернулись домой с большой добычей. Казимир решил отомстить и отправил под Калугу семитысячное войско под начальством семерых своих панов. Войско постояло под Козельском и под Ка- лугой и ни с чем отошло к Суходрову. Тут их встретил отряд из ста можайцев, ста верейцев и шестисот боровцев. В сражении русские потеряли своих воевод, литовцы потеряли двести человек убитыми и возвратились домой[137]. Это было, впрочем, единственное сражение с Литвой в княжение

Василия Темного.

В 1449 г. был заключен договор между королем Казимиром IV и великим князем Василием II и его братьями Иваном Андреевичем, Михаилом Андреевичем и Василием Ярославичем. Василий Темный обязался жить с Казимиром в мире и согласии и действовать везде заодно, «хотеть добра ему и его земле везде, где бы ни было». Те же обязательства взял на себя и Казимир. Казимир обязывался не принимать к себе Дмитрия Шемяку, а Василий — Михаила Сигизмундовича. В случае нападения татар князья и воеводы литовские и московские, обязались, сославшись друг с другом, обороняться заодно.

Из-за конфликта с Москвой Казимир решил помириться с соперником. Он вызвал из Мазовии Михаила Сигизмундовича и дал ему в удел Бельск, Брянск, Сураж, Клецк, Стародуб и ряд других русских городов. Михаил сделал своей столицей Клецк. Там он предложил каким-то князьям Воложским убить великого князя Казимира на охоте.

И вот, когда Казимир со свитой отправился на охоту, князья Воложские с пятьюстами всадниками поехали ловить самого великого князя. Однако один из загонщиков увидел вооруженных всадников и предупредил Казимира. Тот бросился бежать в замок Троки. Немедленно из Трок выехала дружина главного литовского воеводы Яна Гаштольда. Вскоре все пять князей Волож-ских были пойманы и казнены в Троках.

Узнав о казни Воложских, Михаил Сигизмундович бросил Клецк и бежал в удаленный от Вильно Брянск. Далее я процитирую «Хронику Быховца»: «И находясь в Брянске, собрал там немалое войско и с помощью Москвы пошел и захватил город Киев. И князь великий Казимир, собрав силы свои литовские, спешно послал своего дядьку Ивана Гаштольда. Он же прибыл туда и города Киев и Брянск возвратил Великому княжеству. А Михайлушко [Михаил Сигизмундович — *А.Ш.]* услышав, что идет войско литовское, испугался, и побежал из тех городов в Москву. И когда был он в одном монастыре и слушал обедню, игумен, который не любил его, дал ему в причастии лютую отраву ядовитую. Он это причастие быстро принял и проглотил, и здесь же нал и подох».

Похоже, что Василий II отправил войско на помощь Михаилу, но после поражения решил спрятать концы в воду. По этому поводу А.А. Зимин писал: «Польский хронист середины XV в. Ян Длугош отметил, что «Михайлушко» отравлен был ядом, данным ему, «как утверждают, великим князем московским». Смерть Михаила Сигизмундовича исследователи относят к 1451 г. Опыт расправы с ним пригодился вскоре, когда Василию II представилась возможность покончить со своим недругом Дмитрием Шемякой»[138].

Тут мы немного забежали вперед. Поляки продолжали звать великого князя Казимира на польский престол. И, в конце концов, Казимир должен был уступить требованиям польских панов, так как узнал, что они на сейме решили выбрать королем мазовецкого князя Болеслава, тестя и союзника его соперника Михаила Сигизмундовича. Итак, Казимир стал польским королем под именем Казимира IV Ягеллончика.

Отношения польских и литовских панов в начале правления короля Казимира хорошо иллюстрирует сейм в Парчеве, созванный через год после коронации. Как гласит «Хроника Быховца»: «И замыслили паны польские перерезать на том парчовском сейме панов литовских, а Литовское княжество присоединить к Польше». Причем король не знал о заговоре.

Но «Варфоломеевской ночи» не получилось из-за болтливости польских панов. «Был один поляк благородного происхождения Андрей Рогатинский, и узнал он достоверно о предстоящей гибели литовских панов, и втайне сообщил о том панам литовским, Ивану Гаштольду и старосте жемайтскому Кезгайле. И те паны, не сообщив своим слугам, замыслили так: попросили польских панов к себе назавтра на обед, и, попросив на обед, сами ночью спешно уехали в Брест, а слуг и обозы оставили для наблюдения на месте в Парчове. И паны польские, не зная о том и, согласно своему замыслу намереваясь их перерезать, собрав своих людей в немалом количестве, послали их в обоз перебить литовских панов. И те люди приехали и стремительно налетели на обозы, но панов литовских не нашли, только обоз да слуги. И затем паны польские раздумали, что нехорошо поступили, и поэтому решили ни обозу, ни слугам ничего не делать и отпустили их вскоре в Литву»[139].

С большим трудом королю и его советникам удалось предотвратить польско-литовскую войну.

А в Московском государстве гражданская война шла к концу. 27 января 1450 г. московская рать разгромила у Галича войско Дмитрия Шемяки, а через несколько дней пал и Галич — родовое гнездо Юрьевичей, конкурентов Василия Темного. Шемяка повел войну на севере и занял

Устюг и Вятку, но, в конце концов, ему пришлось бежать в Великий Новгород.

17 июля 1453 г. в Новгороде агенты Василия Темного отравили Дмитрия Шемяку. Его сыну Ивану пришлось бежать в Литву. Король Казимир IV дал Шемячичу во владение города Рыльск и Новгород Северский. Эти владения по наследству достались сыну Ивана Дмитриевича Василию, который стал князем новго-род-северским.

Летом 1454 г. Василий II отправился в поход на Ивана Андреевича Можайского. Тот в свое время был союзником Шемяки, но давным-давно заключил мир с Василием II. Можайск был взят войсками Василия II, но князь Иван Андреевич с женой, сыновьями Андреем и Семеном и боярами, в том числе с Н.К. Добрын-ским и его семейством, бежали в Литву. Беглому можайскому князю король пожаловал сперва Брянск, а затем поменял его на Стародуб и Гомель.

До конца царствования короля Казимира (1492 г.) войны между Литвой и Москвой не было, поскольку у обеих сторон были связаны руки. Иван III освобождался от ордынской зависимости, присоединял Великий Новгород, разбирался со своими родственниками (имеются ввиду не противники, а его союзники в гражданской войне). А Казимиру пришлось вести серию тяжелый войн. Король выиграл войну с Тевтонским орденом. В 1466 г. по Торунь-скому миру Орден был вынужден признать вассальную зависимость от Польши. Гроссмейстер Ордена обязался принять присягу польскому королю и лишался права самостоятельно заключать союзы и объявлять войну. Гданьск и Западная Пруссия (Гданьское Поморье) были присоединены к Польше. Это открыло Польше выход к Балтийскому морю. Литва из владений Ордена получила Жмудь вместе с городом Ковно (западная часть современной Литвы).

Несколько лет Казимир вел войну с венграми, пытаясь сделать их королем своего сына Яна Альбрехта.

Выйдя к Балтийскому морю, Казимир первым из польских королей приступил к реализации идеи Великой Польши «от можа до можа», то есть создания огромного государства от Балтийского моря до Черного. Замечу, что эта идея стала «идеей фикс» польской верхушки на более чем 500 лет.

В 1486 г. молдавский воевода Стефан попросил у Казимира помощи в борьбе с турками. Еще раз процитирую «Хронику Бы-ховца»: «Молдавский воевода Стефан сообщил королю Казимиру, что царь турецкий пришел с большими силами в его землю, намереваясь прогнать его из государства и захватить землю, и просил короля, чтобы тот оказал ему помощь, и его и землю его спасал, обещая стать навечно со всею землею его вассалом. Король же Казимир, собравшись без малейшей задержки, со всеми силами польского королевства и со многими людьми литовскими пошел к нему на помощь и, придя к границам Молдавии, стал на месте, называемом Коломыя. Стефан же, воевода молдавский, со всеми своими панами и с несколькими тысячами народа приехал к нему в Коломыю. Король же Казимир принял его с большим почетом и жил [он] у короля две недели, и отдался со всею своею землею королю в руки навечно в вассальную зависимость, и принес присягу, и все молдаване подали в руки короля свои знамена. Король же Казимир, отпустив молдавского воеводу, послал к нему на помощь королевичей и многих из своих людей. И как только люди короля вошли в Молдавскую землю, царь турецкий услышал о том, что войска королевича и короля пришли молдаванам на помощь, и тотчас же ушел из земли Молдавской в свою землю за Дунай, а король Казимир и королевич со своими войсками возвратились обратно в Польшу, а воевода молдавский потом немалое время имел покой от турецкого [султана]».

Любопытно, что польские историки считают, что в конце правления великого князя литовского Витовта в состав Великого княжества Литовского вошло так называемое Дикое поле, то есть территория между Днепром и Днестром, ограниченная на юге Черным морем. На самом деле власти Великого княжества Литовского никогда не контролировали Дикое поле, а в XV веке там гуляли отряды казаков, но не запорожских (их тогда не было), а казаков восточного происхождения, большинство из которых были татарами. В XVI же веке в Диком поле кочуют орды, подчиненные крымским Гиреям.

Несколько слов стоит сказать и о судьбе Великого княжества Тверского. Его князь Михаил Борисович строго выполнял все указания Ивана III и фактически к 1480 г. стал верным вассалом Москвы. Но вот в 1483 г. Михаил Борисович заключил договор с королем Казимиром. «Заключил договор» звучит слишком громко, фактически это было повторение слово в слово договора, заключенного в 1449 г. между великим князем тверским Борисом Александровичем и тем же Казимиром.

Иван III использовал продление договора 1449 г. как предлог для нападения на Тверь. 21 августа 1485 г. великий князь московский с большим войском двинулся на Тверь. Артиллерией

москвичей по-прежнему командовал Аристотель Фиорованти, который 8 сентября впервые открыл огонь по Твери. Из города как крысы начали перебегать к Ивану бояре, «крамольники тверские», как их назвал летописец.

12 сентября князю Михаилу Борисовичу в сопровождении небольшого отряда всадников удалось прорваться из осажденной Твери. На следующий день Иван III торжественно въехал в город. Все тверичи обязаны были присягнуть сразу двум великим князьям — Ивану III и его наследнику Ивану Молодому. При этом отец подарил сыну Великое княжество Тверское. Но это был акт формальный. Иван Молодой с отцом отправился в Москву, а править Тверью стал московский боярин Василий Федорович Образец-Добрынский .

Занятый своими делами король Казимир и не думал помогать несчастному Михаилу Борисовичу в борьбе с Москвой. Однако по прибытии в Литву король подарил князю «двор» Лососиная в Смоленском округе и имение Печихвосты в Волынском округе Луцка. Если судить по грамотам, фиксирующим передачу имений следующим владельцам после смерти Михаила Борисовича, речь шла об обширных земельных владениях с лесами, водами и доходами от податей. Судя по всему, у Михаила Борисовича не было детей, или их убил Иван III. Во всяком случае, подаренные королем имения позднее достались посторонним лицам. Неизвестна и дата смерти Михаила. Его имение Лососиная перешло к очередному владельцу 13 декабря 1505 г.

Король Казимир страстно любил охоту. По его мнению, в Литве охотиться было лучше, и он старался как можно больше времени проводить в Литве, а не в Польше. Зимой 1491/92 г. король на очередной охоте в Литве сильно разболелся. Его пришлось отправить в ближайший город Гродно. Там Казимир завещал сделать польским королем своего старшего сына Яна Альбрехта, а младшему Александру отдать Великое княжество Литовское. 24 мая 1492 г. Казимир, которого поляки называли Великим, умер.

ГЛАВА 14
РАСКОЛ РУСИ И ЦЕРКОВЬ

В Киевской Руси православная церковь была строго централизована. Во главе ее стоял киевский митрополит, назначаемый константинопольским патриархом.

Во время батыева нашествия митрополитом на Руси был Иосиф, но после 1240 г. он совершенно исчезает из летописей, что дает историкам возможность предположить что, либо он был убит татарами, либо бежал в неизвестном направлении.

Через несколько месяцев после исчезновения Иосифа князь Даниил Галицкий назначает митрополитом «некого Кирилла»[140]. Семь лет он остается «нареченным митрополитом». Лишь в 1247 г. Кирилл отправляется в Константинополь, где официально посвящается патриархом в митрополиты. Немного пожив в Киеве, Кирилл отправляется во Владимир, где становится верным сторонником Александра Невского. Данные о поездках Кирилла в Орду отсутствуют, но он завязал хорошие отношения с ханами. При Кирилле православные попы начинают постоянно поминать *в* своих молитвах ордынских «царей». В свою очередь, за моральную поддержку и идею непротивления «батогу божьему» ханы позволяют Кириллу основать в 1261 г. в Сарае епархию. Первым епископом саранским Кирилл назначил Митрофана,

В 1280 г. Кирилл скончался в Переяславле-Залесском, но он был митрополитом киевским, и его тело перевезли в Киев и погребли в соборе святой Софии.

Приемника Кириллу, по всей вероятности, нашел сам константинопольский патриарх. В 1283 г. в Киев из Константинополя прибыл новый митрополит Максим, грек по национальности. Через несколько недель Максим покинул митрополию и поехал в... Орду для утверждения золотоордынским ханом. Туда-Менгу выдает ему ярлык, и вот Максим снова в Киеве.

В 1284 г. он собрал там всех русских епископов, а в следующем, 1285 году, совершил инспекционную поездку на север. В 1299 г. Максим переселился из Киева во Владимир. «Пришел с клиросом и совсем житьем своим, по выражению летописца; последний приводит и причину переселения: митрополит не хотел терпеть насилия от татар в Киеве; но трудно предположить, чтобы насилия татарские в это время именно усилились против прежнего»[141].

Перенос кафедры во Владимир Максим задумал давно и для этого провел перемещение церковных иерархов. Он с 1295 г. держал вакантной кафедру епископа (владыки) ростовского и лишь перед самым своим переездом отправил в Ростов владимирского епископа Симеона.

Перенос митрополии из Киева во Владимир вызвал осуждение у части князей Рюриковичей и, особенно, у населения южных княжеств. Не понравилось это и константинопольскому пат-

риарху. Максим оправдал свой переезд из Киева явлением ему Богородицы. Вскоре после прибытия Максима во Владимир, Богородица явилась ему во сне и сказала: «Рабе мой Максиме, добро пришел еси семо посетите град мой... Прими сей омофор и паси в граде моем словесныя овцы». Видение митрополита было запечатлено на иконе, помещенной в Успенском соборе.

Как писал известный историк Н.С. Борисов: «Переезд Максима во Владимир в 1299 г. послужил началом затяжного конфликта внутри русской церкви. Уже в 1303 г. шесть епархий Галицко-Волынской Руси — галицкая, перемышльская, владимиров-волынская, луцкая, холмекая и туровская — образовали самостоятельную, независимую от владимирской, митрополию. Поставление первого галицкого митрополита Нифонта, несомненно, было поддержано галицким князем Юрием Львовичем, внуком Даниила Галицкого. Патриарх Афанасий счел за лучшее признать новую митрополию. С этого момента и на протяжении более чем ста лет борьба против выделения самостоятельной галицкой митрополии становится постоянной заботой великорусских иерархов»[142].

Именно поэтому Максим объявил себя «митрополитом всея Руси». До него киевским митрополитам и так подчинялась вся Русь, и лишний раз говорить об этом не приходилось, но сейчас ситуация стала постепенно меняться.

6 декабря 1305 г. митрополит Максим умер во Владимире. Великий князь владимирский Михаил Ярославич Тверской и слышать не захотел о каком-то Киеве и приказал похоронить Максима во Владимире. Так Максим стал первым митрополитом, погребенным в Северо-западной Руси, а не в Киеве.

Князь Михаил сразу же отправил в Константинополь своего кандидата на митрополию игумена Геронтия. Однако и юго-западным княжествам плохо без митрополита, поэтому галицкий король Юрий Львович отправляет своего соискателя игумена Петра Ратского. Петр в 12 лет пошел в монахи, и к тому времени уже стал игуменом Спасского монастыря на реке Рате близ Львова.

Первоначально патриарх Афанасий I хотел создать на Руси две митрополии — Галицкую и Владимирскую. Но позже он принял решение оставить одну митрополию в Киеве, а митрополитом сделать Петра Ратского. Как писал Н.С. Борисов: «По-видимому игумен Петр понравился Афанасию своим подвижническим жаром и преданностью делу православия»[143].

Поначалу Петр Ратский решил, как ему и было предписано патриархом, осесть в Киеве, но по заведенному Киприаном обычаю ему пришлось еще поехать на утверждение в Орду. Золотоордынский хан Тохта 12 апреля 1308 г., а по другим источникам 21 апреля 1309 г., выдал Петру ярлык. В ярлыке, в частности, говорилось: «А как ты во Владимире сядешь, то будешь Богу молиться за нас и за потомков наших». Позже новый хан Узбек дал митрополиту Петру новый ярлык, где было добавлено, что митрополит Петр управляет своими людьми и судит их во всяких делах, не исключая и уголовных, что все церковные люди должны повиноваться ему под страхом гнева Великого хана.

Явление митрополита Петра вместо Геронтия вовсе не обрадовало тверских князей. И Михаил Ярославич решает сместить митрополита. Быстро нашелся и повод. Среди русского духовенства процветала симония, то есть торговля церковными должностями. Дело дошло до того, что митрополит Кирилл на владимирском соборе в 1274 г. установил верхний предел взяток. Так, за поповство и дьяконство было положено брать не более 7 гривен. А вот новый митрополит, видимо, не знал меры, и ряд иерархов церкви во главе с тверским епископом Андреем потребовали суда над митрополитом.

Однако место суда — город Переяславль, принадлежавший в то время московским князьям, был выбран противниками Петра неудачно. Там появился московский князь Юрий Данилович с дружиной. Лично он на соборе не выступал, но московские мечи оказали нужное действие на делегатов собора, и большинством голосов Петр был оправдан. Его противники послали делегацию в Константинополь к патриарху, но толку от этого быть не могло. Теперь Петр Ратский стал не владимирским, а московским митрополитом, всегда выполнявшим волю его покровителей.

Естественно, что противники Петра вскоре лишились своих кафедр: в 1311 г. — ростовский епископ Симеон, в 1312 г. — саранский епископ Измаил и в 1315 г. — тверской епископ Андрей. Расправившись с врагами, митрополит начал думать и о смене резиденции. Спору нет, Владимир уже давно был столицей Северо-восточной Руси, там имелись большие каменные храмы и митрополичьи палаты, но великие князья владимирские назначались ханами, и, не дай Бог, завтра там вновь окажется тверской князь. Поэтому Петр перенес митрополичью кафедру в Москву.

Для поддержания своего престижа Петр упросил великого князя московского Ивана

Калиту возвести в Москве каменный епископский собор, подобный тем, что украшали все главные города Северо-восточной Руси. Калита исполнил желание митрополита и 4 августа 1326 г. заложил в Кремле первую каменную церковь во имя Успения Богородицы. Петр, не ожидая конца строительства, собственными руками построил себе каменный гроб в стене церкви. И действительно, в декабре 1326г. Петр преставился.

Калите был срочно нужен собственный святой, и вот «некий сухорукий юноша исцелился у гробницы Петра уже через 20 дней после его кончины. Потом чудесным образом Петр исцелил слепого. Князь Иван велел записывать все эти происшествия, а также составить краткое «житие» — рассказ о жизни святого.

Вскоре во Владимире-на-Клязьме состоялся поместный собор Русской Церкви. Исполнявший тогда обязанности митрополита ростовский епископ Прохор зачитал присланный из Москвы список чудес, случившихся у гробницы Петра. Для причисления к лику святых (канонизации) требовались три условия: чудеса у гроба; наличие письменного «жития» и нетленные мощи. Впрочем, иногда обходились и двумя первыми.

На владимирском соборе, по-видимому, присутствовал и великий князь Александр Тверской. Едва ли он желал появления у Москвы собственного святого. Однако в тот момент князю нельзя было усложнять свое и без того крайне шаткое положение новыми распрями с москвичами, а также и с иерархами, которые глубоко чтили Петра и желали его прославления. В итоге Владимирский собор утвердил местное, московское, почитание Петра как Святого. Это был первый шаг к его общерусской канонизации, состоявшейся в 1339 г. Тогда святость Петра была признана и константинопольским патриархом»[144].

Я опять даю длинную цитату, чтобы избежать обвинений в предвзятости. Таким образом, Калите удалось реализовать свою задачу только наполовину — Петр Ратский стал лишь местным святым.

Гораздо труднее было решить вторую задачу — поставить на кафедру своего митрополита. В последние месяцы жизни Петр Ратский подготовил себе преемника, некоего архимандрита Федора. Он, как и Петр, был с Волыни, возможно, из того же Ратско-го монастыря. И вот летом 1326г. в Константинополь прибыли московские бояре со своим кандидатом Федором. Естественно, бояре привезли богатые дары патриарху и его иерархам. Но что-то не сладилось, и патриарх Исайя поставил митрополитом киевским и всея Руси своего придворного клирика Феогноста.

Новый митрополит оказался неглупым человеком — он не пожелал иметь кафедру в Киеве, но не поехал и в Москву, а отправился во Владимир. Это, естественно, не могло понравиться Калите, но он не повторил ошибки Михаила Тверского, поссорившегося с митрополитом Петром Ратским. С самого начала Кали-та стремился быть в хороших отношениях с Феогностом, проявляя показное почтение. Феогност несколько раз приезжал в Москву, где удостаивался торжественной встречи и останавливался во дворце покойного Петра. Ну а главное, Иван щедро распахнул свою «калиту» перед новым митрополитом. В итоге Феогност начал активно сотрудничать с Иваном, хотя ручным так и не стал.

В 1339 г. митрополит Феогност но настоянию великого князя московского Ивана Калиты добился у константинопольского патриарха согласия на общерусскую канонизацию Петра Ратского.

Умер митрополит Феогност весной 1353 г. во время «мора» (эпидемии чумы) в Москве. Незадолго до смерти грек по настоянию Симеона Гордого посвятил инока Алексея (Алексия) в сан епископа владимирского. Его-то московские бояре и решили сделать митрополитом всея Руси после почти одновременной смерти Феогноста и Симеона. Алексей уже по происхождению должен был стать ручным московским владыкой.

Алексей (мирское имя Алферий) был сыном боярина Федора Бяконта, пришедшего на службу к Даниилу Московскому. Крестным отцом Алферия был сам Иван Калита. До 20 лет Алферий служил при дворе московского князя, а затем принял постриг под именем Алексея. Что послужило причиной пострига молодого человека, неизвестно, но можно с уверенностью сказать, что это был не религиозный экстаз. Это было время, когда монахи уходили в глухие леса, на северные реки и озера, сами рубили себе там скиты, постоянно собирали послушников и основывали монастыри.

Как писал историк Р.Г. Скрынников: «Инок не помышлял об удалении в глухую пустынь, а остался в столице, обосновавшись в Богоявленском монастыре за Торгом, в Китай-городе, поблизости от Кремля. Московская знать покровительствовала Богоявленскому монастырю. Его ктиторами[145] считались бояре Вельяминовы. Богоявленские иноки из постриженных бояр сохраняли тесные связи с великокняжеским двором и всегда были на виду. Алексей выделялся

среди братии не только знатностью, но и незаурядными способностями. Митрополит Феогност удостоил его своим расположением и в 1340 году назначил наместником во Владимире. На плечи Алексея легло множество забот — судейство и другие дела, связанные с управлением митрополичьим домом»[146].

Сразу же после смерти Феогноста Алексей едет в Орду, и 11 февраля 1354 г. ханша Тайдула выдает ему подорожную грамоту на проезд в Константинополь. Там Алексею пришлось пробыть около года. Дело в том, что константинопольский патриарх Каллист вступил в конфликт с императором Кантакузином и вскоре был заменен Филофеем. А главное, иерархи Византии ждали, будет ли усобица на Руси после смерти Симеона Гордого, и кто получит ярлык на Великое княжество Владимирское. В Константинополе прекрасно понимали, что Алексей — исключительно московская кандидатура, и если великое княжение получит не Иван Красный, а кто-либо другой, то Алексея взашей прогонят из Владимира, и престиж патриарха заметно пострадает. Замечу, что в 50-х годах XIV века у Византии были серьезные проблемы с турками-османами, которые заняли уже весь противоположный берег Мраморного моря.

Наконец Алексей был рукоположен в митрополиты, причем патриарх впервые официально признал местом митрополичьей кафедры не Киев, а Владимир (с опозданием на полвека). Радостный Алексей отплыл на Русь. Но тотчас после его отъезда патриарх Филофей рукоположил еще одного русского митрополита — Романа.

Роман родился в Твери в боярской семье и даже состоял в родстве с князем Михаилом Александровичем. Но главное, Романа поддержал великий князь литовский Ольгерд. Дело в том, что владимирские митрополиты были заняты на 99% делами Владимире-Суздальской Руси, Орды и Новгорода, и лишь эпизодически, раз в 10 — 20 лет посещали Юго-Западную Русь. Надо ли говорить, что иметь таких духовных пастырей ни паства, ни духовенство, ни русско-литовские князья юго-западных земель не желали.

Роман устроил митрополичью кафедру в Новгороде Волынском. Между обеими митрополиями началась война не на жизнь, а на смерть. Как писал Р.Г. Скрынников: «В 1356 году по настоянию Романа патриарх вызвал Алексея в Константинополь для окончательного раздела русской епархии. Вступив в спор из-за обладания титулом митрополита Киевского, владыки не жалели денег. Чтобы получить необходимые средства, они посылали дан-щиков в одни и те же епископства, что было разорительно для паствы. Москва не хотела лишаться древнейшей церковной столицы Руси — Киева. Литва не желала считаться с претензиями Москвы. В конце концов константинопольский патриарх принял решение, не удовлетворившее ни одну из сторон. Алексей сохранил титул митрополита Киевского и всея Руси, а Роман стал митрополитом Малой Руси без Киева. Однако Роман отказался подчиниться постановлению и, опираясь на поддержку Ольгерда, провозгласил себя митрополитом Киевским»[147].

Опираясь на решение патриарха, Алексей решил показаться в Киеве, куда он и прибыл в 1358 г. Однако местный князь, видимо, с санкции Ольгерда, заключил под стражу Алексея и его свиту.

Бежать из плена в Москву Алексею удалось лишь спустя два года. Роман, в свою очередь, совершил поездку в Северо-Восточную Русь. Роман объявился в Твери, но здешний владыка (архиепископ) Феодор не захотел его принять, но, по словам летописца, князья, бояре и некоторые другие давали ему все потребное. Особенно отличился князь Всеволод Александрович Холмский, оказав Роману большой почет и одарив его богатыми дарами. В отличие от своих предшественников, митрополит Алексей ни разу в 60-х — 70-х годах XIV века не появился ни в Киеве, ни в других южных и западных русских землях. Щедрыми дарами и льстивыми письмами он сумел завоевать расположение патриарха Филофея. По настоянию Алексея Филофей в 1370 г. подтвердил постановление, «чтобы литовская земля ни под каким видом не отлагалась и не отделялась от власти и духовного управления митрополита Киевского» (Алексея).

Но всему есть предел. На Алексея буквально валом шли жалобы из Литвы, Твери, Великого Новгорода и других земель за его поддержку московских князей, идущую вразрез не только с интересами других русских земель. Несколько раз патриарх пытался оказать давление на Алексея. Так, в 1372 г. специальное послание патриарха в Москву привез монах Аввакум. Затем Филофей послал в Москву двух своих протодьяконов, Георгия Пердика и Иоанна Докиана. Они должны были «произвести дознание о жизни Алексея, выслушать, что будут говорить против него обвинители и свидетели и донести священному собору [в Константинополь — *А.Ш.]* письменно обо всем, что откроется».

Однако московские власти и священнослужители не только не допустили проведения

патриаршего розыска, но и начали угрожать протодьяконам, да так, что тем пришлось просить защиты у самого Алексея.

Между тем 23 октября 1373 г. пана Григорий XI обратился к литовским князьям Ольгерду, Куйстуту и Любарту с призывом принять латинскую веру, в каковой они только и смогут спасти свои души.

Как уже говорилось, литовских князей вопросы веры интересовали лишь в той степени, в какой они касались их интересов. Так, Ольгерд решил сыграть на папской булле. Он пригласил в Киев митрополита Алексея для ведения церковных дел, тот тра- диционно отказался. Тогда в Константинополь пошла жалоба от киевского клира. А сам великий князь литовский Ольгерд направил грамоту Филофею, в которой угрожал поставить своего митрополита от папы римского, если патриарх откажется от устройства особой православной митрополии в Литве.

И вот 2 декабря 1375 г. Филофей возвел в сан митрополита киевского болгарина Киприана. Филофей познакомился с Киприа-ном еще будучи настоятелем Афонского монастыря. Сам Киприан происходил из древнего боярского рода Цамвлаков.

Замечу, что константинопольские патриархи до этого всеми силами пытались сохранить единовластие на Руси. Так было и проще качать деньги с такой огромной территории, и управлять легче, а главное, меньший риск отложения в «латинство» какого-либо русского княжества. Поэтому Филофей сделал хитрый ход. Было объявлено, что киевская митрополия создается временно, до смерти старого Алексея, а затем Киприан станет митрополитом всея Руси.

Появление конкурента вряд ли обрадовало митрополита Алексея, и тот сам решил подыскать себе преемника. Им стал хорошо известный в Северо-Восточной Руси Сергий Радонежский. В середине 40-х годов XIV века инок Сергий (в миру боярский сын Варфоломей) вместе с братом Стефаном основал монастырь в пустом ранее Радонежском уделе. Стефан вскоре становится духовным отцом московского князя Симеона Гордого.

С подачи митрополита Алексея патриарх Филофей осенью 1355 г. прислал похвальную грамоту и золотой нагрудный крест-мощевик Сергию — игумену Троицкого монастыря в Радонеже.

Сергий стал самым прославленным и почитаемым игуменом XIV века на Руси. Именно он уговорил великого князя Дмитрия Ивановича пойти навстречу Мамаю и дал ему двух богатырей-монахов Ослябю и Пересвета.

Митрополит вызвал Сергия Радонежского и не только предложил ему стать преемником, но и попытался публично возложить на него драгоценные митрополичьи регалии. Сергий отказался. Наши историки обычно объясняют это скромностью игумена. На самом же деле Сергий в очередной раз проявил себя опытным политиком. Ведь у Дмитрия Донского уже был свой претендент, а Сергий ни в коем случае не хотел вступать в конфликт с великим князем.

Великокняжеский кандидат вошел в историю под именем Ми-тяя. Он, в отличие от большинства русских иерархов церкви того времени, не принадлежал к княжескому или боярскому роду. Отец его Иван служил священником в селе Тешилове за Окой, в окрестностях Коломны. И Митяй продолжил династию — стал священником и получил приход в Коломне. Там его и приметил великий князь Дмитрий Иванович.

Современники так описывают внешность Митяя: был ростом немал, плечист, был голосист («глас имея доброгласен, износящ»), любил петь в церкви, знал грамоту и любил книжную премудрость, ибо был «чести горазд, книгами говорити горазд».

Дмитрий Донской для начала сделал Митяя своим духовником, а затем печатником. «И бысть Митяй отец духовный князю великому... но и печатник, юже на собе ношаше печать князя великого». По древнему обычаю великий князь никогда не «рукоприкладствовал»: его подпись на грамоте заменяла печать. Фактически Митяй стал чем-то вроде канцлера на Западе.

В конце концов, великий князь решил, что лучшего митрополита всея Руси, чем Митяй, ему не найти. Но ни печатник князя, ни даже поп — представитель белого духовенства, по православным канонам не мог стать митрополитом. По настоянию князя Митяй в 1376 г. принял постриг в Спасском монастыре в Кремле, и стал иноком Михаилом. Немедленно по княжескому указанию архимандрит этого монастыря Иван Непенца был освобожден «по глубокой старости», а на его место назначен... Митяй. Но «глубокая старость» не помешала через 4 года Ивану Непенце благополучно совершить путешествие в Константинополь, что но тем временам было совсем нелегким делом. Не лишенный юмора летописец помянул анекдот, ходивший по Москве: «Иде до обеда бе-лец сын, а по обеде архимандрит, до обеда мирянин, а но обеде мнихом начальник и старцем старейшина, и наставник, и учитель, и вождь, и пастух».

Теперь великий князь мог требовать у митрополита Алексея назвать своим преемником Митяя (архимандрита Михаила). «Князь же великий много нуди о сем Алексея митрополита, дабы благословил, овогда бояр старейших посылая, овогда сам приходя». Однако согласия он так и не получил. Самое большее, что смогли добиться от Алексея, — неопределенной ссылки на волю патриарха. «Алексей же митрополит, умолен быв и принужден, не посули быти прошению его, но известуя святительскы и стар-ческы, паки же пророчьскы рече: «Аз не доволен благословить его, но оже дасть ему бог и святая Богородица и пресвященныи патриарх и вселеньскыи збор»[148]. Так Алексей и не дал благословения Митяю.

В 1376 г. византийский император Иоанн V Палеолог был свергнут с престола сыном Андроником, воспользовавшимся помощью генуэзцев и турок. Патриарх Филофей был лишен сана и заточен в монастырь.

Митрополит Алексей направил грамоту вместе с приличной суммой новому патриарху Макарию. Макарий прислал ответную грамоту, где говорилось, что он не примет Киприана, а «предает ту церковь грамотой архимандриту оному Михаилу».

Кинриан тотчас обличил сторонников Митяя словами: «И тин на куны надеются и на фрязы...» Фрязами Киприан называл латинян-генуэзцев, помогших свергнуть патриарха Филофея, а, говоря о «кунах», подразумевал подкуп нового патриарха послами Алексея.

И вот, наконец, 12 февраля 1378 г. в Кремле умер митрополит Алексей. «Митяй вышел на митрополичий двор, стал ходить и властвовать как митрополит». Поначалу он собрался ехать в Константинополь на поставление к патриарху, но потом раздумал и начал говорить великому князю: «В правилах писано, что два или три епископа поставляют епископа; так пусть и теперь сойдутся епископы русские, пять или шесть, и поставят меня в митрополиты».

Великий князь и бояре согласились, и епископы уже собрались. Но на заседании епископов Митяя начал обличать суздальский владыка Дионисий. Митяй надоумил Дмитрия Ивановича заключить Дионисия в темницу. Но тут в защиту опального епископа решительно выступил Сергий Радонежский, не высказывавшийся ранее против Митяя.

Великий князь пошел на компромисс — с Дионисия была взята клятва, что он впредь не будет выступать против Митяя, а гарантом этого согласился быть тот же Сергий. Покаявшийся Дионисий попросился обратно в свою епархию. Но, приехав в Суздаль, он бежал к Волге и на ладье добрался до Сарая, далее медленно двинулся по Дону к Черному морю в Константинополь.

Митяй принял решение ехать в Константинополь и начал собирать деньги: «по всей митрополии с попов дань сбираше, сборное и рожественое и урокы и оброкы и пошлины митрополичи, то все взимаше, готовляшеся на митрополию и тщашеся и наряжашевя ити к царю-городу на поставление».

Обычно за поставление в митрополиты греки брали тысячу рублей, но (на всякий случай) собрали в десять раз больше.

Получив вести о смерти митрополита Алексея, в Москву из Литвы двинулся Киприан, притом, ехал он нелегально. Великий князь выслал заставы, чтобы перехватить неугодного митрополита. 3 июня 1378 г. Киприан из-под Калуги, то есть уже с территории Великого княжества Московского, написал письмо Сергию Радонежскому и его ученику Федору Симоновскому с предложением встретиться «где сами погадаете».

Киприану удалось обмануть московские дозоры и в сопровождении свиты из монахов и слуг въехать в Москву. Киприан надеялся, что великий князь не захочет скандала в столице. Но Дмитрий Иванович ради дела был готов на все. Воевода Ники-фор с отрядом захватил Киприана и его свиту. С митрополитом обошлись довольно грубо. Позже сам Кинриан писал, что над ним «содея... хулы, и наругания, и насмезания, грабления, голод!.. Мене в ночи заточил, нагаго и голодного, и от тоя ночи студени и нынеча стражу!»

Как реагировал на случившееся Сергий Радонежский и другие иерархи — неизвестно. Но через сутки, с наступлением ночи, Киприана и его свиту под конвоем княжеских дружинников тот же воевода Никифор повез до литовского рубежа. Причем, свита была основательно ограблена подчиненными Никифора.

Как писал Р.Г. Скрынников: «По возвращении в Киев Киприан написал обширное послание Сергию и прочим своим единомышленникам. В нем он доказывал, что московский князь не заботится о церкви и, назначив Митяя, «гадает двоити митролию», тогда как он, Киприан, печется о ее единстве: «Яз потружаюся отпадашая места приложити к митрополии». В заключение святитель обвинил Дмитрия и его бояр в непочтении к «митрополии и гробам святых митрополитов», в бесчестье его «святитель-ства», после чего объявлял им всем церковное проклятие «по правилам святых отец». Послание было получено с наказом читать и

распространять его но всей Руси»[149].

В конце июля 1379 г. Митяй покинул Москву и отправился в Константинополь. В его свите были Иона — архимандрит московского Петровского монастыря, Пимен — архимандрит переяславского Успенского Горицкого монастыря и другие церковные чины. Светскую власть представлял боярин великого князя Юрий Васильевич Кочевий. Как гласит «Житие Сергия Радонежского», Сергий предсказал, что Митяй не получит желаемого и не увидит Царьграда.

В отличие от Дионисия, Митяй со свитой двинулся кратчайшим путем через Рязань. Вскоре посольство было захвачено татарами, и Митяй предстал перед Мамаем. Красноречие митрополита оказало нужное действие на темника, и с подачи Мамая хан Тюлякбек (Тулухбек) выдал ярлык митрополиту Михаилу, подтвердивший привилегии, полученные митрополитом Алексеем от хана Бердибека.

Ханский ярлык позволил посольству беспрепятственно достигнуть Кафы (современная Феодосия), где был нанят корабль. И вот у входа в пролив Босфор Митяй внезапно «разболеся и умре на море».

В Москве Митяя постоянно корили за его молодость, и вот этот силач и здоровяк внезапно скончался. Позднейшие историки обвинят его спутников в умышленном убийстве — то ли его удушили, то ли отравили.

Казалось бы, свите умершего патриарха нужно было поворачивать назад, но они прибыли в Галату, где без лишних церемоний похоронили Митяя. А в свите Митяя немедленно начались раздоры, кому быть митрополитом — Иоанну Петровскому или Пимену Горицкому. Дело чуть ли дошло до ножей. В конце концов, решили представить патриарху Пимена.

Иоанн Петровский, потерпев поражение, пригрозил, что донесет на согрешивших против истины послов то ли патриарху, то ли великому князю московскому. «Аз, — сказал он, — не обину-яся, възглаголю на вы, единаче есте не истиньствуете ходяще!» Тогда боярин Кочевий с подачи Пимена дождался удобного момента и, «пришедше, возложиша руце на Ивана и яша его, и по-садиша его в железа», чтобы не мог бежать с корабля.

Как отмечал Р.Т. Скрынников: «Князь Дмитрий снабдил своего любимца чистой «хартьей», запечатанной великокняжеской печатью. Найдя в казне Митяя эту грамоту, Пимен и его советники написали подложную. Из нее следовало, что московский князь прислал в Константинополь на поставление не Митяя, а Пимена, «того бо единого избрах на Руси и паче того иного не обретох».

Однако обмануть Синод с помощью подложной грамоты послам было довольно трудно. Во-первых, патриаршая канцелярия располагала точными данными о том, что на митрополию в Москве назначен Михаил, а не Пимен. Во-вторых, его похороны в Галате не могли остаться тайной для Константинополя. В-третьих, в приемной у патриарха послы столкнулись лицом к лицу с прибывшим из Киева Киирианом, доказывавшим свое исключительное право на митрополичий стол»[150].

Дело решили деньги, причем не столько привезенные из Москвы, сколько занятые Пименом у генуэзских купцов в Константинополе. Новый патриарх Нил и священный собор поставили Пимена митрополитом всея Руси, а Киириана — митрополитом Малой Руси и Литвы, причем, в случае смерти Кинриана его митрополия должна перейти к Пимену.

Весть о смерти Митяя и иоставлении Пимена на митрополию была получена в Москве после возвращения русских войск с Куликова поля. Великий князь Дмитрий был расстроен и в сердцах сказал: «Я не посылал Пимена в митрополиты, послал я его I как слугу при Митяе; что сделалось с Митяем, я не знаю, один бог знает, один бог и судит, только Пимена я не приму и видеть его не хочу».

25 февраля 1381 г. Дмитрий Донской направил в Киев своего духовника, чтобы призвать Киприана на митрополию в Москву. 23 мая, в праздник Вознесения, столица торжественно встретила нового пастыря, тремя годами ранее выдворенного под конвоем боярина Никифора.

А митрополиту Пимену не дали даже доехать до Москвы. В июне 1381 г. он был схвачен в Коломне великокняжескими дружинниками. С Пимена силой сорвали митрополичье облачение и отправили в ссылку в Чухлому. Духовные лица из его свиты тоже были сосланы, а светские подверглись телесному наказанию, боярину же Юрию Кочевину отсекли голову.

Вскоре Дмитрий Донской решил избавиться от митрополита Киприана. В августе 1382 г., когда войско хана Тохтамыша подо- шло к Москве, вся знать, включая самого Донского, покинула Москву. Бежал, естественно, и Киприан, но со страху или по недомыслию он прибежал в Тверь и, видимо, «политически неграмотно» повел себя с великим князем тверским Михаилом Алексан-

дровичем — соперником Донского. Лишь 3 октября 1382 г. Киприан отправляется из Твери в Москву. Но Дмитрий Донской дает ему «от ворот поворот», и Киприану приходится ехать в далекий Киев.

Но еще раньше Дмитрий Донской получил несколько грамот из Константинополя от патриарха Нила, который был обеспокоен судьбой митрополита Пимена и просил великого князя избавить Пимена «от телесных бедствий». После высылки Киприана великому князю пришлось за неимением лучшего вернуть из ссылки Пимена и посадить его на митрополию. Но власть Пимена была весьма ограничена. Дмитрий Иванович едва терпел Пимена, а Сергий Радонежский и его окружение вообще игнорировали митрополита. Видимо, сторонники Сергия и отправили в Царьград жалобу на Пимена. И в 1383 г. патриарх назначил митрополитом всея Руси известного нам суздальского епископа Дионисия. Итак, на многострадальной Руси стало сразу три митрополита: один в Москве, второй в Киеве и третий в Царьграде.

Новопоставленный митрополит легкомысленно решил ехать в Москву через Киев. Надо ли говорить, что Киприан не мог упустить свой шанс. Он пожаловался киевскому князю Владимиру Ольгердовичу, который заточил Дионисия в темницу. Через год Дионисий умер (а может, ему помогли?). Зато киевские власти устроили третьему митрополиту торжественные похороны в Киево-Печерском монастыре, в самом святом месте обители — в пещере основателя монастыря Антония Печерского.

В 1389 г. патриарх Антоний признал единственным патриархом всея Руси Киприана. Узнав об этом, Пимен отправился объясняться в Царьград, даже не предупредив великого князя Дмитрия. Но увидеть патриарха Пимену не удалось — его постигла судьба Митяя. 11 сентября 1389 г. незадачливый митрополит скончался при невыясненных обстоятельствах в нескольких верстах от Константинополя.

Еще ранее, 19 мая, умер Дмитрий Донской. Великокняжеский стол занял его старший сын Василий. И вот 6 марта 1390 г. Москва вновь с колокольным звоном встречает митрополита Киприана.

В 1391 —1395гг. турецкий султан Баязид фактически блокировал Константинополь и выдвинул ряд требований к византийскому императору Мануилу, которые должны были сделать его вассалом турок. В этой ситуации Киприан начал сбор денег по всей Руси в помощь Византии. Главными пожертвователями стали московский и тверской князья. Только в 1395 — 1396 гг. в Царьград было отправлено 20 тысяч рублей (огромная по тем временам сумма). В благодарность патриарх прислал в Москву и Тверь иконы византийского письма.

И на 15 лет Киприана стал единственным митрополитом всея Руси в полном смысле этого слова. Он вместе с Василием I на несколько месяцев посетил Смоленск, а затем полтора года прожил в Киеве.

В 1404 г. Киприан вновь посетил Смоленск, Вильно и Киев. Ви-товт дал много подарков и денег митрополиту. В Литве Киприан вершил и церковный суд. Он велит схватить в Киеве своего наместника архимандрита Тимофея и тамошних своих слуг и отвезти их в Москву. По настоянию Витовта Киприан лишил сана туровского епископа Антония, обвиненного в сношениях с тата- рами. Антоний под стражей был увезен в Москву и заточен в Си-моновом монастыре.

Сами по себе эти подробности церковной жизни XIV века, возможно, малоинтересны современному читателю, но они являются крайне немногочисленными свидетельствами, характеризующими взаимоотношения Московской и Литовской Руси.

16 сентября 1406 г. в своем подмосковном селе Голенищеве умер митрополит Киприан. Позже он и митрополит Алексей были причислены к лику святых.

ГЛАВА 15
КРАХ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ УНИИ

Сразу после смерти митрополита Киприана Витовт отправил к патриарху Матвею I (1397-1410 гг.) полоцкого епископа Феодосия. Витовт просил императора и патриарха: «Поставьте Феодосия нам в митрополиты, чтобы сидел на столе киевский митрополии по старине, строил бы церковь божию по-прежнему, как наш, потому что по воле божией мы обладаем тем городом, Кие-

вом».

Великий князь московский Василий I не имел достойного кандидата, да и не хотел идти на прямой конфликт с тестем, и обратился в Царьград с просьбой поставить митрополита «по старой пошлине» [обычаю]. Это следовало понимать в том смысле, что Москва готова принять митрополита, указанного патриархом. Первоиерарх-грек в данной ситуации представлялся предпочтительнее литовского ставленника. Сговорчивая позиция Москвы в Константинополе, естественно, больше пришлась по душе, чем просьба Витовта: в канун падения Империи Ромеев греки рады были укрепить свое влияние в крупнейшей и богатейшей митрополии Константинопольского Патриархата и держать ее под контролем.

В пользу московского предложения греки склонялись и по причине предполагавшегося нового династического союза: дочь Василия Анна[151] вступила в брак с сыном императора Мануила II — Иоанном Палеологом, также будущим императором. Таким образом, в Царьграде было принято решение пренебречь просьбой Витовта и вновь поставить на митрополию всея Руси грека. 1 сентября 1408г., спустя два года после смерти Киприана, патриарх Матвей поставил митрополитом киевским и всея Руси грека Фотия. Это был уроженец Морей (Пелопоннеса), в юные годы ушедший в монастырь.

1 сентября 1409 г. Фотий прибыл в Киев, где и пробыл 7 месяцев. То, что свое святительство на Руси он начал с Первопрестольного митрополичьего города, обещав Витовту не оставлять

своим попечением Литовскую Русь, сделало возможным примирение митрополита с великим князем литовским.

В 1410 г. Фотий прибыл в Москву. Деятельность свою он начал с устроения весьма запущенных дел Русской митрополии. Четыре года отсутствовал митрополит и нашествие Эдигея в 1408 г. привели в упадок хозяйство русской церкви. За это время почти вся собственность митрополичьего двора была разграблена и расхищена, а церковными землями завладели бояре. Митрополит весьма решительно занялся наведением порядка, смело обличая всех похитителей. В их числе оказался даже великий князь, присвоивший себе право пользования частью доходов митрополии. Фотий в короткий срок самыми энергичными мерами сумел восстановить митрополичье хозяйство, и, как результат, нажить себе немало врагов, которые всячески старались рассорить Фотия с великим князем, в чем нередко преуспевали.

Фотий хотел быть не московским митрополитом, а подлинным митрополитом всея Руси. Управлять митрополией только из Москвы или только из Киева означало стать на стороне Москвы или Литвы, поэтому Фотий стал «кочующим митрополитом». Пробыв несколько месяцев в Москве, в 1411 —1412 гг. он совершил длительные поездки по южным епархиям, посетив Киев, Галич, Луцк и т.д.

Как уже говорилось, Витовт мечтал о создании сильного русско-литовского королевства с единой и зависимой от него власти церковью. Причем, повторяю, сами по себе внутренние проблемы мало волновали великого князя. Понятно, что митрополит всея Руси, стоявший над московским и литовским великими князьями, не устраивал Витовта. И тут вовремя подоспела кляуза киевских иерархов на Фотия, мол, «митрополит переносит из Киева в Москву все узорочье церковное и сосуды, пустошит Киев и весь юг тяжкими пошлинами и данями».

В 1414 г. Витовт лишил Фотия права управлять западнорусскими епархиями. Он пожаловался в Царьград и просил патриарха поставить митрополитом на Литву племянника Киприана Григория Цамблака. Однако в Царьграде по-прежнему не любили чужих избранников и при бедственном положении империи надеялись получить помощь скорее от своего Фотия, чем от кандидата Витовта — болгарина Григория, и просьба Витовта была отклонена. Но литовский князь решил, что константинопольский двор и патриарх поставят того митрополита, за которого дадут больше денег, и в 1414г. в Новогрудке созвал владык и архимандритов, где объявил им о необходимости поставить своего митрополита. «Жаль мне смотреть на все это, — говорил Витовт, — чужие люди станут толковать: «Вот государь не в той вере[152], так и церковь оскудела; так чтоб этих толков не было, а дело явное, что все настроение и запущение церкви от митрополита, а не от меня». Епископы ответили: «Мы и сами не в первый раз слышим и видим, что церковь скудеет, а император и патриарх строителя доброго к нашей церкви не дают».

Однако большинство иерархов не желали полного разрыва с Константинополем и предложили Витовту: «Пошлем еще раз в Царьград, к императору и патриарху». И в марте 1415 г. с Витовт отправил в Константинополь послов с угрозой, что если там не исполнят его желание, то в Киеве будет поставлен митрополит своими русскими епископами.

Когда все сроки прошли, Григорий Цамблак был посвящен в митрополиты собором

епископов литовской Руси — полоцкого, черниговского, луцкого, владимирского, перемышльского, смоленского, холмского, туровского. В соборной грамоте об избрании и посвящении Григория говорилось, что епископы, видя церковь киевскую в пренебрежении от митрополита, который, собирая с нее доходы, относит их в другое место, где живет, по совету великого князя, других князей, бояр, вельмож, архимандритов, игуменов, иноков и священников поставили в митрополиты Григория, руководствуясь апостольским уставом, прежним примером русских епископов, которые при великом князе Изяславе сами поставили митрополита Клима, и примером единоплеменных болгар и сербов. «Этим поступком, — говорили епископы, — мы не отделяемся от церкви, продолжаем почитать патриархов восточных, митрополитов и епископов отцами и братиями, согласно с ними держим исповедание веры, хотим избежать только насилий и вмешательства мирского человека, симонии и всех беспорядков, которые происходили недавно, когда Киприан, Пимен и Дионисий спорили о митрополии».

Не менее любопытна и грамота Витовта о поставлении Григория Цамвлака: «Кто хочет по старине держаться под властию митрополита киевского — хорошо, а кто не хочет, то как хочет, знайте одно: мы не вашей веры, и если б мы хотели, чтоб в на- ших владениях вера ваша истреблялась и церкви ваши стояли без устройства, то мы бы ни о ком и не хлопотали; но когда митрополита нет или епископ который умрет, то мы бы наместника своего держали, а доход церковный, митрополичий и епископский себе бы брали. Но мы, желая, чтоб ваша вера не истреблялась, и церквам, вашим было бы строение, поставили собором митрополита на киевскую митрополию, чтоб русская честь вся стояла на своей земле».

Здесь Витовт показывает, что хотя он лично и принадлежит к католикам, но интересы православной церкви ему дороги, и он будет ревностно их защищать.

Фотий, со своей стороны, издал окружное послание к православному южнорусскому населению. Не упоминая о Витовте, митрополит порицал поступок Григория Цамвлака и поставивших его епископов. Из послания видно, что Григорий ездил сперва в Константинополь на поставление, но был там лишен священнического сана патриархом Евфимием и едва спасся бегством от казни. Этот случай Фотий привел в доказательство бескорыстия константинопольского двора, ибо как сам Григорий, так и прежде его Феодосии полоцкий обещали много золота и серебра за свое постав ление, но не получили желаемого. Фотий потребовал от православных, чтобы они не общались с епископами, замыслившими разделение митрополии.

Несколько месяцев после избрания Цамвлак прожил в Вильно. Летописец утверждает, что он даже предложил Витовту перейти в православие, на что получил ответ, что если Григорий поедет в Рим и оспорит папу и его мудрецов, то он, Витовт, немедленно перейдет в православие.

Но, шутки шутками, а великий князь всерьез подумывал, как объединить католиков и православных. Узнав про учение Яна Гуса, он решил использовать его как приемлемую для обеих сторон базу для соединения. Он уговорил Григория и нескольких епископов отправиться на знаменитый Констанцский Собор (1414—1418 гг.), провозгласивший превосходство Соборов над папами. Однако литовское посольство с митрополитом на Собор прибыло уже после свержения Гуса, и план Витовта оказался невыполнимым, тем более, что отцы Собора отвергли для мирян древний обычай причащения под обоими видами. То, что литовские послы узрели на Западе: скандальные распри, порожденные двоепапством, недостойное поведение и распущенность духовенства и т.д., — убедили Витовта, что о соединении церквей нечего было и мыслить.

В 1419 г. Цамвлак умер[153], и Витовт согласился признать власть митрополита Фотия над русской Литвой. Главной причиной этого стала возможность сделать Василия II своим вассалом. Со своей стороны Фотий прекрасно понимал слабость нового великого князя московского и тоже искал союза с Витовтом.

Извещая о примирении с Витовтом, Фотий писал: «Христос, устрояющий всю вселенную, снова древним благолепием и миром свою церковь украсил и смирение мое в церковь свою ввел, сове-тованием благородного, славного Великого Князя Александра [Витовта]».

Вновь «кочующий митрополит» начал объезжать свои владения. В 1420—1422 гг. Фотий посещает Львов, Владимир Волынский и Вильно. Длительные поездки в Литву Фотий совершил в 1423, 1428 и 1430 годах.

Фотий ненадолго пережил Витовта и умер 1 июля 1431 г. Он был погребен рядом со святым Киприаном в Успенском соборе Московского Кремля. Впоследствии митрополита Фотия причислили к лику святых.

В Московском государстве вновь возникла усобица, и несколько месяцев после смерти Фотия

было не до митрополита. В свою очередь, литовский князь Свидригайло, хотя и вел войну за престол в Вильно, нашел время отправить в Константинополь на по-ставление своего кандидата — смоленского епископа Герасима, который и стал новым митрополитом. Однако не вполне ясно, с каким титулом Герасим был поставлен на митрополию. Новгородские летописи называют его «Киевским и всея Руси» и даже «Московским и всея Руси». Но это могла быть и намеренная фальсификация, связанная с тем, что новгородцы использовали нового митрополита в своем противостоянии с Москвой: Герасим поставил для Новгорода архиепископа Евфимия И, которому в этом отказал Фотий.

В Москву Герасим ехать не захотел, мотивируя это продолжавшейся там гражданской войны. Герасим правил из Вильно, а затем из Смоленска. Он вел какие-то переговоры с Римом о воссоединении церквей. В ноябре 1434 г. папа послал грамоту «Достопочтенному брату нашему Герасиму, архиепископу провинции русской». Видимо, Герасим вошел в сношение и с польскими воеводами против Свидригайло.

В конце апреля 1435 г. митрополит был схвачен по обвинению в организации заговора против великого князя. У него обнаружили «переветные грамоты». Герасим готовил передачу Смоленска врагу Свидригайло Сигизмунду, но в последний момент заговор был открыт смоленским наместником. 26 июля Герасима сожгли в Смоленске (по другим сведениям, в Витебске), и митрополичий престол стал опять вакантным.

В Москве же еще в 1432 г. «нарекли» в митрополиты рязанского епископа Иону, но ехать в Царьград при жизни Герасима Иона побоялся. И лишь зимой 1435/36 г. «нареченный» московский митрополит двинулся в дальнюю дорогу. Но пока он ехал, в середине 1436 г. патриарх утвердил митрополитом грека Исидора.

Это решение патриарха формально могло оправдываться последовавшим по смерти Киприана от самих русских предложении ставить митрополита «по старине», то есть по усмотрению самого патриарха Константинопольского. Прецедент с поставле-нием Фотия как бы подтверждал за Царьградом это право.

К моменту поставления Исидора греки уже вовсю готовились к Ферраро-Флорентийскому собору, который должен был рассмотреть вопрос об унии Константинополя с Римом. Такой ценой греки надеялись купить военную и финансовую помощь против наступавших турок. Уже было совершенно очевидно, что Константинополь не может один противостоять туркам. Империя угасала, ее история стремительно приближалась к своему трагическому финалу. Размеры Византии в первой половине XV века свелись к одному лишь Константинополю с его окрестностями да маленькому Морейскому деспотату на Пелопоннесском полуострове. Тем не менее, в Царьграде еще продолжал существовать император, и первоиерархом православного мира по-прежнему считался константинопольский патриарх. Но в некогда блестящей столице Империи ромеев царила ужасающая нищета. Население Царьграда во много раз сократилось. Целые кварталы города лежали в руинах, в том числе и Большой императорский дворец. Практически отсутствовало войско. Денег катастрофически не хватало на самое необходимое. Даже император ел на деревянной посуде. Все это были явные признаки агонии империи и приближающегося конца. В то же время турецкая мощь была несопоставима с силами угасающей Византии.

В такой ситуации утопающий хватается за соломинку. Византийские власти и иерархи православной церкви готовы были согласиться на унию ради своего спасения от турок.

Увы, они выдавали желаемое за действительное. Запад не мог, да и не хотел спасать обломки Византийской империи. Исидор был верным соратником патриарха Иосифа и императора Иоанна VIII Палеолога в деле созидания унии с латинянами. Патриотически настроенный грек (хотя, вероятно, болгарского происхождения), он с огромным энтузиазмом отнесся к плану обороны империи силами католического Запада. Современники отзывались об Исидоре как о человеке обширнейших познаний. Как и его соратник в деле заключения унии митрополит Никейский Виссарион, Исидор выглядит, скорее, интеллектуалом ренессанс -ного типа, чуждым православной духовности и, напротив, близким идеалам западноевропейского гуманизма в духе «Возрождения».

Приверженцем западной ориентации он зарекомендовал себя еще до того, как стал митрополитом всея Руси. В 1433 г. Исидор уже побывал на Базельском соборе католической церкви, где начал диалог об унии.

2 апреля 1437 г. новый митрополит прибыл в Москву. В его свите ехал незадачливый кандидат Иона, вернувшийся к прежней должности рязанского епископа. Правда, при прощании патриарх утешил Иону, обещав поставить его на митрополию после смерти Исидора.

Как писал историк А.А. Зимин в монографии «Витязь на распутье»: «В Москве Исидор был принят с подобающим новому митрополиту почетом. Свидетельством вполне лояльных отношений, установившихся между великим князем и митрополитом в первые месяцы после его прибытия в Москву, является докон-чание Василия II с великим князем тверским Борисом Александровичем, составленное «по благословению» митрополита Исидора.

При встрече с Василием II Исидор передел ему послания византийского императора и престарелого патриарха Иосифа II (1416 — 1439 гг.), в которых содержалась просьба послать его на собор «утверження ради православныя веры». Василий II решил не только отпустить Исидора на собор, но и послать вместе с ним представительную делегацию, в которую входили суздальский епископ Авраамий и человек сто сопровождавших их лиц»[154].

Церковники утверждают, что Василий II напутствовал митрополита: «Если уже ты непременно желаешь идти на Осьмый Собор, то принеси нам оттуда наше древнее Православие, которое мы приняли от предка нашего Владимира, а нового и чужого не приноси нам, — мы того не примем»[155]. Но, скорей всего, это позднейшая интерполяция.

Итак, 8 сентября 1437 г. Исидор отправился на собор и 14 сентября прибыл в Тверь, где его встретили великий князь Борис Александрович и епископ Илья. Тверской князь отправил вместе с Исидором на собор своего боярина Фому. 9 декабря митрополит прибыл в Новгород, где ему также устроили пышную встречу. Только 6 декабря Исидор добрался до Пскова, где пробыл семь недель.

Позже Исидора обвинят в склонности к латинству еще в дороге. Так, мол, в Юрьеве Ливонском (Дерите), когда русское население города вышло к нему навстречу со священниками и крестами, и в то же время вышли навстречу немцы со своими крестами, то митрополит сначала подошел к немцам.

(Мне же тут хочется обратить внимание на другое: в Юрьеве, основанным князем Ярославом Мудрым в XI веке, через 400 лет продолжали жить русские, и в немалом количестве, и их почему-то окрестные чухонцы не называли оккупантами.)

В августе 1438 г., через год после выезда из Москвы, Исидор прибыл в Феррару, где еще в апреле 1438 г. начался собор, впоследствии перенесенный во Флоренцию. Здесь уже находилась вся греческая делегация, которая дала папе Евгению IV убедить себя ехать в Феррару, а не в Базель. Там заседал другой собор Западной церкви, который находился в разрыве с папой, и с которым ранее греки поддерживали связь. Базельский собор, назвавший себя «Вселенским», постановил, что Собор стоит выше папы и имеет право низлагать последнего. Такая позиция могла бы дать больший шанс для подлинного богословского диалога с Западом о соединении церквей. Кроме того, Базельский собор был поддержан большинством европейских монархов, в том числе и императором «Священной Римской империи Германской нации», что сулило более реальную помощь грекам.Евгений IV отлучил от церкви всех участников Базельского собора, а те, в свою очередь, угрожали аналогичной мерой всем собравшимся на собор в Ферраре. Ни один европейский монарх не приехал в Феррару. Никто из них, кроме герцога Бургундского, не прислал сюда даже своих послов. Поражает политическая недальновидность всегда столь изощренно хитрых греков: при конфликтной ситуации, которая на тот момент сложилась в отношениях между папством и государями европейских стран, было очевидно, что никакой реальной помощи Константинополю ожидать не приходится, каковы бы ни были итоги Феррарского собора.

С 26 февраля 1439 г. заседания собора были перенесены во Флоренцию. Присутствовавший на соборе император Иоанн Па-леолог к догматическим спорам был безразличен, его волновало лишь получение реальной помощи от Запада для борьбы с турками. В итоге греки уступили по всем пунктам. Они приняли католический догмат об исхождении святого духа, признали папу главой церкви и т.д.

Я умышленно не привожу подробных сведений о различиях в обрядах восточной и западной церквей. На мой взгляд, все унии католиков с православии имели целью не сближение вероучений, а подчинение православными римскому папе. Как уже в наши дни остроумно заметил один из иерархов православной церкви: «Мы не против объединения церквей, но при главенстве московского патриарха».

5 июля 1439 г. уния была подписана всеми греческими делегатами, за исключением одного лишь епископа Марка Эфесского. Исидор поставил красноречивую подпись под актом о соединении с Римом: «подписуюсь с любовью и одобрением». Роль русского митрополита в деле заключения унии была столь велика, что папа выказал ему свое особенное расположение. Исидор перед отъездом на Русь получил кардинальскую шапку и титул «1e§a1;из <1e 1a1еге» («легата от ребра апостольского»). Его юрисдикции подчинялись не только Русь и Литва, но также Ливония и

Польская Галиция[156].

Вскоре Исидор неспешно двинулся домой, на Русь, повсюду призывая православных причащаться вместе с католиками. Об этом же из Будапешта он в 1440 г. отправил окружное послание своей пастве. В Кракове митрополит был принят королем Польши и служил греческую литургию в римском костеле. Многократно служил он и с католиками. Но поддержки католических властей Польши и Литвы, на которых Исидор возлагал большие надежды, он так и не встретил. Причиной этому было то, что король Польши Владислав III Ягеллончик не признавал в то время ни папу Евгения IV, ни базельского антипапу Феликса V, а потому не воспринял и Флорентийской унии. В Литве же князем после смерти Сигизмунда стал брат Владислава Казимир Ягеллончик (будущий король Польши Казимир IV), который боялся конкуренции за престол со стороны сына Сигизмунда, а потому не хотел вносить смуту в умы своих православных подданных поддержкой унии. Однако, многие православные удельные князья Литовской Руси, в том числе и Киевский князь Александр Владимирович, внук Ольгерда, приняли Исидора как своего законного митрополита.

Митрополит Исидор прибыл в Москву в Великий Пост 1441 г. Перед ним как перед папским легатом и кардиналом несли латинский крест — «крыж ляхкий». Митрополит стал совершать богослужение в Успенском соборе Кремля. За ектениями он велел на первом месте поминать имя папы Евгения, а не патриарха константинопольского. По окончании службы Исидор велел зачитать с амвона главного храма России акт об унии константинопольского патриархата с Римом. Затем митрополит передал великому князю послание от папы Евгения с призывом помогать Исидору в деле утверждения унии. Папе, а не патриарху, как раньше, пропели многолетие.

Через четыре дня после прибытия в Москву Исидор по приказу Василия II был схвачен и заключен в Чудов монастырь в Кремле. Василий II назвал его «латинским ересным прелестником» и «волком в овечьей шкуре».

В Москве давно знали о ходе Флорентийского собора. Спутник Исидора суздальский епископ Авраам прибыл в Москву еще 19 сентября 1440г. Так что времени для принятия решения у Василия II и у его иерархов было более чем достаточно.

Современные церковные историки считают Василия II спасителем православия: «Исидору дают возможность максимально изобличить себя как отступника от Православия, и лишь затем инициативу берет на себя великий князь. Это, вероятно, тоже не случайно. После Флорентийского собора в мире нет уже ни православного Вселенского Патриарха, ни православного императора, есть лишь одна верная Православию Поместная Церковь — Русская. И отныне она тождественна Вселенской Церкви. Прежде занимавший заурядное место в имперской теократической системе великий князь Московский и всея Руси теперь осознал себя как подлинный преемник православного царского достоинства, настоящий «епископ внешних дел Церкви», каким мыслили себя, начиная с Константина Великого, все Императоры Ромеев. Даже само царственное имя Василия, наверное, было им осмыслено в это время как призвание быть возглавителем того православного остатка, с которым после унии еще можно было связывать понятие «православный мир». Здесь уже впервые мы можем увидеть истоки идеи «Третьего Рима» — Москвы. Отсюда и такая неожиданная активность Московского государя в делах Церкви, выказанная им при обличении Исидора.

Лишь после Василия высказывают свое суждение о митрополите русские архиереи. В Москву на Собор Русской Церкви для рассмотрения дела митрополита-отступника приехали епископы Ефрем Ростовский, Иона Рязанский, Варлаам Коломенский, Иов Сарайский, Герасим Пермский и Авраамий Суздальский, многочисленные архимандриты, игумены важнейших монастырей, представители черного и белого духовенства. Собор рассмотрел флорентийское определение и признал его 4ересью, противной Божественным правилам и Преданию». Кстати, это определение неплохо было бы помнить сегодня тем ревнителям экуменизма, которые утверждают, что Православной Церковью католицизм никогда соборно не квалифицировался как ересь — постановления Московского Собора 1441 г. никто до сих пор не отменял!»[157] С таким утверждением можно во многом согласиться. Но не следует забывать, что Василий II был недалеким человеком и слабым правителем, которым всегда управляли: поначалу мать Софья Витовтовна и митрополит Фотий, потом московские бояре. И ни о каких проблемах вселенского масштаба Василий не думал. Был бы жив дед, еще неизвестно, что бы он затеял. Но великого Витовта не было в живых, и в Литве шла усобица, то есть, ни помощи, ни особой беды оттуда ждать не приходилось. До папы было слишком далеко, и проку от его пастырского благословения, равно как и от проклятия, не было.

Так что мотивы отказа от унии были чисто внутренние. Принятие унии могло дать серьезное оружие конкуренту Василия — его двоюродному брату Дмитрию Шемяке. А власть Василия II, как показали дальнейшие события, и так висела на волоске.

Спору нет, отказ от унии имел огромное значение для истории Руси, да и для всемирной истории. Но при этом надо остерегаться фальсификаторов, которые и так уже вдоль и поперек изгадили русскую историю.

Заключив под стражу митрополита Исидора, московские власти сами себя поставили в сложное положение: а что с ним теперь делать? Казнить или отправить в заключение страшно, ведь власть Василия висит на волоске. Обличать в ереси константинопольского патриарха и всю греческую церковь тоже не хочется.

Посему, видно, московские власти предложили Исидору уехать... Исидор не заставил просить себя дважды и осенью 1441 г. вместе со своим учеником архимандритом Григорием отправился в Тверь. Однако тверской князь Борис Александрович, не разобравшись в ситуации, посадил беглецов в темницу. Лишь через полгода Борис все понял и отпустил Исидора с Григорием в Литву. Но там его ожидает полный провал: великий князь Казимир признал законным не Ферраро-Флорентийский собор и папу Евгения IV, а Базельский с его антипапой Феликсом V. В результате унию не приняла даже Литва. Такого, вероятно, Исидор не мог предположить даже при самом худшем прогнозе событий. Незадачливый кардинал уехал в дорогой его сердцу Рим с тем, чтобы уже больше никогда не появляться на Руси, в которой он так жестоко обманулся.

Во время осады Константинополя турками император Константин XII, находясь на краю гибели, снова стал умолять Рим о помощи. Папа послал к нему кардинала Исидора, дабы предварительно добиться утверждения унии. Прибыв в столицу 12 ноября 1452г., Исидор был резко обличен монахом Пантократорского монастыря Геннадием Схоларием (ставшим вскоре патриархом Геннадием II). Все же ему удалось совершить в соборе святой Софии литургию с поминовением папы Николая V и бежавшего в Рим униатского патриарха Григория Мамма.

На следующий день после взятия турками Константинополя Исидор, переодевшись рабом, сумел выкупиться за несколько монет и бежал в Рим. Папа Пий II (1458—1464 гг.) даровал ему титул патриарха константинопольского. Умер Исидор в Риме в 1463 г.

Падение Царьграда московский летописец оценил следующим образом: «Царство без грозы есть конь без узды. Константин и предки его давали вельможам утеснять народ, не было в судах правды, ни в сердцах мужества; судии богатели от слез и крови невинных, а полки греческие величались только цветной одеждой. Гражданин не стыдился вероломства, а воин — бегства, и Господь казнил властителей недостойных, умудрив царя-Магомета, коего воины играют смертию в боях и судьи не дерзают изменять совести. Уже не осталось теперь ни единого царства православного, кроме русского. Так исполнилось предсказание св. Мефодия и Льва Мудрого, что измаилтяне (турки) овладеют Византией; исполнится, может быть, и другое, что россияне победят турок и на семи холмах ея воцарятся».

Из-за усобицы в Великом княжестве Московском избрание рязанского епископа Ионы митрополитом состоялось лишь 15 декабря 1448 г. Теперь московские власти уже не считали нужным спрашивать об этом Царьград. После поставления Ионы великий князь отправил к императору Константину Палеологу грамоту, в которой писал: «Мы поступили так по великой нужде, а не по гордости или дерзости. До скончания века пребудем мы в преданном нам православии. Наша церковь всегда будет искать благословения церкви цареградской и во всем по древнему благочестию ей повиноваться. И отец наш, Иона митрополит, также просит благословения и соединения, кроме нынешних новых разногласий, и молим твое святое царство, будь благосклонен к отцу нашему Ионе митрополиту. Мы хотели обо всех этих делах церковных писать и к святейшему патриарху православному, требовать его благословения и молитвы; но не знаем, есть ли в вашем царствующем граде патриарх или нет? Если же, бог даст, будет у вас патриарх по древнему благочестию, то мы будем извещать его о всех наших положениях и просить благословения».

Тут внешняя покорность граничит с издевкой. Это не просьба, а вежливое уведомление об уже свершившемся факте.

Польский король и великий князь литовский Казимир подчинил юго-западную церковь новому митрополиту, и в 1451 г. Иона отправился в инспекционную поездку по русской Литве.

Между тем, после взятия турками Константинополя в 1452 г. стало два константинопольских патриарха: один — в турецком Стамбуле, а другой — в Риме. В 1458 г.

патриарх константинопольский Григорий Мамма, живший в Риме, поставил митрополитом всея Руси болгарина Григория.

Узнав об этом, Василий II попросил Казимира не принимать Григория, так как общий митрополит всея Руси был Иона, и «не нарушать старины». «Старина же наша, — писал великий князь московский, — которая ведется со времени прародителя нашего Владимира, крестившего Русскую Землю, состоит в том, что выбор митрополита принадлежит нам, а не великим князьям литовским. Кто будет нам люб, тот и будет у нас на всей Руси, а от Рима митрополиту у нас не бывать, такой мне не надобен. И ты, брат, ни под каким видом не принимай его. Если же примешь, то ты церковь божью разделишь, а не мы».

В ответной грамоте Казимир предложи Василию II признать Григория и в качестве основного аргумента привел дряхлость Ионы, который уже просто физические не мог посещать Литву. Василий, естественно, отказался, и Казимир поставил в Киеве митрополитом Григория.

Хворый Иона помер в 1461 г., назначив себе преемником ростовского архиепископа Феодосия, который и был поставлен по новому обычаю в Москве собором северных русских владык.

Таким образом, Иона стал последним митрополитом всея Руси. В 1458 г. наступил раскол русской православной церкви на русскую и литовскую. Так будет более двух веков.

ГЛАВА 16
ХУДО ЛИ ЖИЛОСЬ ПРАВОСЛАВНЫМ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ?

Литовские князья, как уже говорилось, отличались веротерпимостью и часто исповедывали двоеверие.

Любопытный казус произошел в 1324 г. За несколько месяцев до этого, чтобы заключить договор с рижским архиепископом, великий князь литовский Гедемин написал римскому папе, что желает вступить в лоно католической церкви. Договор был заключен. И вот в ноябре 1324 г. прибыли папские послы. И тут Гедемин разыграл из себя простачка, мол, французские монахи Бертольд и Генрих, служившие ему переводчиками, неправильно поняли князя. «Я этого не приказывал писать, — сказал Гедемин. — Если же брат Бертольд написал, то путь ответственность падет на его голову. Если когда-либо имел я намерение креститься, то пусть меня сам дьявол крестит! Я действительно говорил, как написано в грамоте, что буду почитать папу как отца, но я сказал это потому, что папа старше меня; всех стариков, и папу, и рижского архиепископа, и других, я почитаю как отцов; сверстников своих я люблю как братьев, тех же, кто моложе меня, я готов любить как сыновей. Я говорил действительно, что дозволю христианам молиться по обычаю их веры, Русинам по их обычаю и Полякам по своему; сами же мы будем молиться Богу по нашему обычаю. Все мы ведь почитаем Бога». В подтверждение своих слов Гедемин велел казнить обоих монахов.

Литовский же народ долго был привержен своим языческим богам. Литва[158] стала последним европейским государством, принявшим христианство. Так, жмудины (племена, жившие на территории Ковенской губернии) официально приняли христианство (католичество) в 1415 г.

Присоединение русских земель литовскими князьями имело и обратный эффект — русское проникновение в этническую Литву. Так, в Вильно с XIII века существовал так называемый «русский конец» (нынешний район улицы Аушрос Варту), возводились одна за другой русские церкви. К середине XIV века имелись богатые русские торговые ряды на Великой улице (между нынешней Субачяус и Свято-Троицким монастырем). В 1366 г. по неизвестной причине они были разграблены и сожжены, но к 1375г. специальным разрешением Ольгерда восстановлены. Естественно, в Литву проникало и православие.

Нет данных, свидетельствующих о том, что литовские воины (то есть этнические литовцы) в захваченных русских княжествах пытались хоть кого-нибудь обратить в язычество. Литовцы спокойно смотрели на русских воинов в дружине Ольгерда и даже на православных священников, приезжавших с княжнами Рюриковнами — женами литовских князей.

Но новообращенным в православие литовцам зачаСтую приходилось худо. Так, в 1347 г. было казнено три дружинника Ольгерда — Антоний, Иоанн и Евстафий. Правда, с католиками обращались еще хуже. Вот, например, в 60-х годах XIV века один из литовских бояр Гаштольдов

женился в Кракове на некой Анне Бучацкой, обратился в католичество и при переезде в Вильно с супругой-полькой завез и монахов францисканцев. Они поселились в центре города, в здании, где позже разместился дворец вильнюсских католических епископов, на нынешней Кафедральной площади. Католики явно неудачно выбрали место жительства (а может и нарочно!) рядом с языческим капищем Пярку-наса. В 1368 г. толпа литовцев растерзала всех 14 монахов. Их трупы прибили к крестам и пустили вниз по реке на плотах со словами: «Пришли с Запада и ступайте на Запад».

Еще при Гедемине была построена первая православная церковь в Вильно. Она была деревянной. Первым же каменным православным храмом в Вильно стала Пятницкая церковь, построенная в 1345 г. А на месте казни трех православных мучеников в 1349—1353 гг. по приказу Юлиании Тверской, второй жены Ольгерда, был основан Свято-Троицкий монастырь. Монастырь этот в 1609 г. был захвачен униатами и лишь в 1839 г. волей императора Николая I возвращен православной церкви. Сами же мощи убитых Иоанна, Антония и Евстафия были позже захоронены в Свято-духовном монастыре в Вильно. Замечу, что первый католический храм в Литве — костел святого Станислава в Вильно — был построен лишь в 1387 г. по приказу Ягайло.

В какой пропорции находились православные и католики в этнической Литве в 1400 — 1450 гг., сказать трудно. Но то, что православных было много, следует из самого литовского языка.

Вот что пишет профессор Дмитрий Петрович Огицкий: «Слово knyga (книга), конечно, не религиозный термин, но и оно пришло в Литву, несомненно, вместе с христианством, едва ли нужно уточнять, с каким.

Вербное воскресенье у литовцев по сей день называется Verbi secmadienis, или просто Verba, хотя литовское название самого дерева ничего общего с этим словом не имеет. Источник и фон заимствования очевидны.

К группе современных литовских слов, имеющих православно-русское происхождение, лингвисты относят слова: Ve1ika (Пасха), Kalados (Рождество Христово; белорусск.: каляда, коляды), Krikatas (Крещение), krikatynos (крестины), Kumas (кум). По-видимому, сюда же надо отнести rojas (рай).

Любопытно, что некоторые из таких слов сохраняют сейчас в литовском языке свое древнее русское значение, которое они со временем утратили или несколько видоизменили у себя на родине.

К таким словам прежде всего относится слово bajnyjcia (церковь): Сейчас никто из русских не назовет христианского храма «божницей». Между тем, в глубокую старину так именно называли наши предки свои святыни. «Володимир поиде к божници к святому Спасу на вечернюю» (Ипатьевская летопись). «При-ближися к дверем божничным» (Житие блаженного Андрея, Христа ради юродивого). «Исписаша божницю Антонову» (Новгородская Первая летопись). «А крест достоить целовати всем, кто лазить в божницю». «Принесуть в божницю (кутью)». «Лзе ли им в божнице быти?». «В божнице ставати» (Вопрошание Кириково).

То же самое касается литовских слов gavenia (пост), gaveti (поститься). Сейчас у нас словом «говение» обозначается подготовка к Причащению. В древней Руси значение этого слова было более узким и полностью совпадающим с его значением в современном литовском языке: «Пришедше в Петрово говенье» (Псковская летопись); «В лето 6910 во великое говение месяца марта» (Супрасльская летопись). Такое же первоначальное значение этого слова в русском языке подтверждается производными от него «заговляться», «разговляться», имеющими прямое отношение только к посту.

Наличие еще и сейчас в литовском языке таких слов, после свыше трехсот лет интенсивных влияний на Литву польского Запада, говорит о том, что православные влияния в языческой Литве отнюдь не были чем-то поверхностным, эпизодическим, неглубоким.

Если мы обратимся к памятникам литовского языка XVI, XVII, XVIII вв. (к сожалению, более ранних нет), то найдем там значительно больше подтверждений вышесказанному. В литовской речи сохранялись тогда еще такие слова, как Trajce (Троица), pravadai (проводы, радоница), viera (вера), zokonas (закон), griechas (грех), griescnykas (грешник), neshcestyvas (нечестивый), kodyti (кадить), minychas (монах), prysega, prysiega (присяга), prisiegoti (присягать), Bajytis (божиться), swodba (свадьба), biesas (бес), gromata (грамота), dijakas (писец), nedila (неделя и в смысле «воскресенье», и в смысле «седмица»). Семидневная неделя пришла в быт литовцев вместе с христианством. Вплоть до XVIII века дни недели у литовцев носили такие названия: paldienikas, utarnikas, sereda, cietviergas, petnicia,. subota[159].

Историк русской церкви В.А. Беднов писал, что «князья Гедемин и Ольгерд были женаты

на русских княжнах (у первого — Ольга и Ева, у второго — Мария Витебская и Иулиания [Юлиания — *А.Ш.]* Тверская). Из семи сыновей Гедемина (1316—1341 гг.) четыре (Наримонт, Любарт, Кориат и Евнут) были крещены в православие; православными были и все двенадцать сыновей Ольгерда (1345 —1377 гг.)»[160].

Другой вопрос, что ряд литовских князей после Кревской унии с Польшей 1385 г. приняли католичество. Но тут следует сказать, что веру литовские князья меняли исключительно, чтобы добиться тех или иных политических выгод. Что же касается удельных князей Гедеминовичей, сидевших по русским городам, то они практически все были православными. В XIV —XV веках в русской Литве появились лишь отдельные католики.

Несколько иная ситуация сложилась в Червонной Руси на Волыни, захваченной поляками. В 1340 г. польский король Казимир Великий, воспользовавшись смертью правившего с 1336 г. Червонной Русью князя Болеслава Мазовецкого (родственника последнего галицкого Рюриковича Юрия II), занял своими войсками эту русскую область и приобщил ее к короне польской. Казимир пожаловал Червонной Руси полное самоуправление, удержал в ней все прежние законы и учреждения, весь выработанный здесь веками общественный строй и полную свободу исповедания по обряду восточной церкви.

В Густинской летописи под 6848 годом (1340 г.) говорится, что жители Львова сдались Казимиру Великому, «варуючи себе, абы в старожитной вере никто им николи ничего не чинил, еже Казимер обеща им... А потом сей Казимер крол, собрав сейм, на нем же рускую землю на поветы и воеводства раздели, и шляхту рускую единою волностю з полскими волностями совокупи и увтерди»[161].

Важно отметить, что и тогда, вплоть до Сигизмунда III, инициатива гонений на православных всегда исходила из Рима и его агентов в Польше и Великом княжестве Литовском, а польские короли и великие князья литовские вынуждены были лишь подчиняться. Властители прекрасно понимали, что разжигая межконфессиональную рознь и оскорбляя значительную часть своих подданных, они подрывают свое могущество.

Папа Бенедикт XII, узнав от самого Казимира Великого о подчинении Руси и о том, что король клятвенно обещал русскому населению во всем защищать его и хранить при его обрядах, правах и обычаях, 29 июня 1341 г. писал краковскому епископу, чтобы тот освободил Казимира от данной им клятвы и тем самым дал ему возможность действовать свободно по отношению к православному населению Галицкой Руси.

Как видно из буллы папы Климента VI (от 14 марта 1351 г.), Казимир Великий, сообщая ему о подчинении русских областей, предлагал открыть здесь латинскую митрополию с семью епископскими кафедрами. Кафедры эти, действительно, основываются в Перемышле, Галиче, Холме и Владимире, но, за отсутствием в русских областях католиков, назначаемые на них епископы являлись только поминальными, епископами без паствы — и проживали в звании суффраганов при других, иногда в Германии и даже в Англии, кафедрах.

По свидетельству одного францисканца, в 1372 г. в Галицкой Руси не было ни кафедральных, ни приходских церквей, не было даже священников (католических), и среди массы неверных и схизматиков можно было найти лишь немного католиков. Но в70-х годах XIV века, благодаря деятельности Владислава Ольгердовича, правившего Галицкой Русью с 1372 г. по 1379 г., католичество получает здесь прочную организацию[162]. Деятельность его в этом отношении была настолько энергичной и полезной для католичества, что папа Григорий XI отзывался о нем с большой похвалой и в своей булле от 3 марта 1375 г. называет его «dux zelo christianae religious inductus», то есть «прекрасным праведным католиком».

В 1370 г. Казимир Великий потребовал от константинопольского патриарха Филофея, чтобы тот дал для Галича особого митрополита на том основании, что Галич якобы «был престолом митрополии от века веков». Кандидатом в галицкие митрополиты польский король выставил какого-то южнорусского епископа Антония. В случае неисполнения патриархом его требований король грозил «крестить русских в латинскую веру». Филофей исполнил требование Казимира и, назначив Антония Галицкого митрополитом, временно подчинил его ведению и епархии Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Владимирскую.

Но вернемся к Литовской Руси, тут, повторяю, католиков было крайне мало.

В Городельском акте 1400г., подтверждающем соединение польских и литовских земель, содержится дискриминация православных бояр и панов по сравнению с католиками. Однако наши историки несколько преувеличивают это. Так, православным панам не будут предоставляться гербы. Далее говорится, что в должности воевод и наместников «не будут

выбираемы те, которые не исповедывают католической веры и не подчиняются святой римской церкви». Тут уже ограничение очень серьезное, если бы речь не шла только о двух городах Великого княжества Литовского — Вильно и Троки. Спору нет, города столичные и должности там престижные. Но в целом на Литовской Руси Город ельский акт никак не отразился. Тем более что властями сей акт неоднократно нарушался. Причем, подчеркиваю, речь шла о Русской Литве.

А в Польше имели место отдельные эксцессы. Так, в 1412 г. король Владислав II (Ягайло) отнял в Перемышле прекрасную кафедральную церковь святого Иоанна Крестителя, издавна принадлежавшую православным (построена еще Володарем Ростиславичем), и передал ее латинскому епископу: при этом были выброшены имевшиеся при ней гробы православных.

А вот в Великом княжестве Литовском тот же Ягайло 15 октября 1432 г. дал Гродненскому съезду литовских панов особый привил ей, которым предоставлялось русским князьям, боярам и шляхте утешаться и пользоваться теми же самыми милостями, свободами, привилегиями и выгодами, которыми владеют и пользуются и литовские князья, бояре и шляхта, причем литовцы могут приобщать к полученным от поляков гербам и русских. Иначе говоря, по этому привилею православная шляхта Великого княжества Литовского получала теперь то же, что предоставлено было литовской шляхте католического исповедания предыдущими привилеями Ягайло.

А через две недели, 30 октября, тот же Ягайло распространяет права и вольности польской шляхты на духовенство, князей, панов и шляхту Луцкой земли (на Волыни) без различия вероисповедания как на католиков, так и православных.

Я боюсь наскучить читателю перечислением всевозможных «привилеев», выдаваемые шляхте и духовенству польскими королями и великими князьями литовскими, но именно в борьбе за «привилеи» и состоял тогда конфликт между конфессиями. Князья, паны и ксендзы стремились получить как можно больше «привилеи» от государства, а православные князья, паны и попы старались получить не меньше, чем католики.

2 мая 1447 г., вскоре после принятия польской короны, Казимир дал (в Вильно) «привилеи» «литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам». Этот «привилеи» замечателен тем, что им предоставлялись «прелатом, княжатом, рытерем, шляхтичам, боярам, местичом» Литовско-русского государства все те права, вольности и «твердости», какие имеют «прелати, княжата, рытери, шляхтичи, бояре, местичи коруны Полское», то есть население литовско-русских земель уравнивалось в правах и положении своем с населением коронных земель.

В начале 1499 г. киевский митрополит Иосиф предоставил великому князю литовскому Александру «свиток прав великого князя Ярослава Володимеровича», то есть церковный устав Ярослава Мудрого. В этом уставе говорилось о невмешательстве светских лиц и властей в суды духовные и в церковные дела и до- ходы, так как «вси тые дела духовные в моц митрополита Киевского» и подведомственных ему епископов.

20 марта 1499 г. великий князь особым «привилеем» подтвердил этот свиток. По этому «привилею» «мает митрополит Иосиф и по нем будущие митрополиты» и все епископы Киевской митрополии «судити и рядити, и все дела духовные справовати, хрестиянство греческого закону, подле тех прав, выпису того свитка Ярославля, на вечные часы». Все князья и паны «римского закона как духовные, так и светские», воеводы, старосты, наместники «как римского, так и греческого закона», все должностные лица городских управлений (в том числе и там, где есть или будет Магдебургское право) не должны чинить «кривды» церкви бо-жией, митрополиту и епископам, а равно и вмешиваться «в доходы церковные и во все справы и суда их духовные», ибо заведование всеми ими, как и распоряжение людьми церковными, принадлежит митрополиту и епископам.

В городах, где введено было Магдебургское право (в Великом княжестве Литовском), православные мещане не отличались юридически от свои собратьев — католиков: жалованные грамоты короля городам на получение этого права требовали, чтобы половина радцев, избираемых мещанами, исповедовала латинство, другая — православие; один бургомистр — католик, другой — православный. Грамоты Полоцку (в 1510г.), Минску, Новогрудку (в 1511 г.), Бресту (тоже в 1511 г.) и другие подтверждают это.

Великие князья литовские и польские короли периодически раздавали новые имения православным иерархам. Так, Александр (теперь уже польский король) в 1504 г. дал епископу смоленскому Иосифу Солтану три имения в Бельзском уезде.

Как писал В.А. Беднов: «При возникавших часто недоразумениях, вследствие злоупотреблений правом патроната между епархиальными владыками и богатыми помещиками — патронами, Александр принимал сторону епископов. Так, Пинские князья Иван и Федор

Ивановичи Ярославичи начали «новины вводите» самостоятельно, без согласия и благословения своего епископа Туровско-Пинского владыки Вассиана, не только строили по городам и волостям церкви, но и назначали священников и распоряжались ими. Епископ жаловался на них князю, и последний запретил Ярославичам делать указанные своеволия, а всем обывателям Туровской епархии предписал, чтобы впредь никто не осмеливался, под опасением штрафа в три тысячи литовских коп, без воли и благословения владыки «церквей и монастырей закладати и будовати», и вмешиваться вообще в церковные дела»[163].

Однако тот же Беднов постоянно критикует польских королей и великих князей литовских за притеснения православной церкви. В чем же состояли эти притеснения? Ну, во-первых, в покровительстве католическому духовенству, в строительстве католических храмов, в создании монастырей и т.д. А во-вторых, в стремлении иметь в своих землях независимого от Москвы митрополита.

На самом же деле православные владыки в Литовской Руси с XIV века и до середины XVII века имели куда больше прав и привилегий, чем их коллеги в Московской Руси. А вот что касается симонии, то тут трудно сказать, кто держал пальму первенства — московские или литовские иерархи. Вот один характерный пример. В 1398г. православный луцкий епископ Иоанн пообещал Владиславу II (Ягайло) 200 гривен и 30 коней, если король поможет ему получить галицкую митрополию.

Православные иерархи в Польше и Литве фактически стали полунезависимыми феодальными властителями (удельными князьями). Они владели десятками замков, имели свои частные армии, в том числе с артиллерией. При этом, в отличие от светских магнатов, они имели судебный иммунитет, то есть могли быть осуждены лишь судом православного митрополита.

ГЛАВА 17
ИВАН III НАЧИНАЕТ «РЕКОНКИСТУ»

Иван III стал первым московским правителем, приступившим к возвращению русских земель, захваченных Литвой. Процесс этот шел крайне медленно, и закончит его лишь Екатерина Великая в конце XVIII века. Трехсотлетний период возвращения русских земель Русскому государству можно сравнить лишь с реконкистой, то есть с пятисотлетней войной по освобождению Пиренейского полуострова от арабских завоевателей.

В настоящее время украинские и белорусские националисты издеваются над фразой «возвращение русских земель», которая обязательно присутствует во всех исторических изданиях царской, советской и «демократической» России. Мол, как можно возвращать то, что никогда не принадлежало Москве?

На мой взгляд, справедливость термина «возвращение» очевидна. Так, в чисто юридическом плане все безукоризненно. Правопреемником Киевской Руси в XIII веке стало Великое княжество Владимирское, а его правопреемником — Великое княжество Московское, и так до Российской империи, СССР и Российской Федерации.

Конечно, можно пофантазировать, а вдруг великий князь литовский Витовт сумел бы подчинить себе Москву и Новгород в начале XV века? Ах, если бы он вернулся в православие из католичества! Ах, если бы он сделал какую-то унию между русскими и поляками с подчинением какому-то славянскому патриарху, а не римскому папе! Вот тогда можно было бы сказать, что королевство Витовта могло бы стать правопреемником Киевской Руси. Аналогичный рассказ можно привести и в отношении великого князя литовского Свидригайло. Но, увы, это все чистое теоретезирование.

Предположим на секунду, что Великое княжество Московское, а позже Российская империя не является правопреемником и юридически, и фактически Киевской Руси. Кто же тогда будет ее правопреемником? Речь Посполитая? Да она была могильщицей русского народа и русской культуры. Поляки в XVII — начале XVIII веков превратили русских дворян Белой и Малой Руси в польских панов, навязав им свой язык, религию, культуру, не оставив им ничего русского. В итоге потомки русских людей стали ненавистниками России.

То же самое польские паны желали сделать и с простыми людьми, но Екатерина Великая

прервала этот процесс.

Прежде чем перейти к рассказу о новых войнах Москвы с Польшей и Литвой в 1492—1522 гг., следует упомянуть об изменении титула Ивана III, дела на первый взгляд формального, но давшее обоснование всем последующим войнам вплоть до 1792 г.

В 1467 г. у Ивана III скончалась жена Мария. Замечу, что Иван женился на дочери тверского князя Бориса Александровича, когда той было двенадцать лет.

Сразу же после смерти жены Иван срочно стал искать себе невесту. Князя распирало честолюбие, а, с другой стороны, он на всю жизнь запомнил страшную свару с Дмитрием Шемякой и до конца жизни боялся вся и всех: ближних бояр, удельных князей-вассалов и особенно родственников. Поэтому князя не устраивала невеста из своей среды. И вот ему предложили царьградскую принцессу Софью (Зою). Естественно, Иван счел ее достойной своего величия.

В 1453 г. при взятии турками Константинополя был убит последний император Византии Константин XI Палеолог. Его брату Фоме Палеологу со всем семейством удалось бежать в Рим. У дочери Фомы Софьи не было шансов на приличное замужество. За ней не было ни денег, ни земель, ни даже претензий на земли. К 1469 г. турки так прочно осели в Европе, что о реставрации Византийской империи мог мечтать только сумасшедший. Эту-то девушку папа Павел II через одного из греческих митрополитов кардинала Виссариона, подписавшего Флорентийскую унию, и предложил в жены московскому великому князю, желая воспользоваться случаем завязать отношения с Москвой и утвердить здесь свою власть посредством униатки Софьи.

В феврале 1469 г. грек Юрий приехал к великому князю московскому с письмом от Виссариона, в котором кардинал предлагал Ивану руку греческой царевны, отказавшей будто бы из преданности к отцовской вере двум женихам — французскому королю и миланскому герцогу. Великий князь, подумав, посовещавшись с матерью и боярами, в следующем же месяце отправил в Рим своего посла.

В июне 1472 г. принцесса Софья выехала из Рима в сопровождении кардинала Антония. 12 ноября она въехала в Москву и в тот же день была обвенчана с Иваном, а на другой день легат правил посольство и поднес дары от папы. Кардинал Антоний должен был сразу же поднять вопрос о соединении церквей, но испугался, потому что, как говорит летописец, московский митрополит выставил против него на спор книжника Никиту Поповича: «иное, спросивши у Никиты, сам митрополит говорил легату, о другом заставлял спорить Никиту». Кардинал не нашел, что ответить и, заканчивая спор, сказал: «Нет книг со мною!» Так неудачно закончилась попытка римского двора восстановить Флорентийскую унию посредством брака князя московского и Софьи Палеолог. Но брак этот имел другие важные последствия.

Безмерно возгордившийся Иван повелел называть себя государем. А в 1483—1484 гг. в ряде документов появляется и титул «царь». В 1498 г. происходит венчание Дмитрия Ивановича, внука Ивана III, на престол по всем правилам венчания византийских императоров[164].

Женитьба на Софье дала повод Москве впервые заговорить о претензиях на Константинополь. Так, в ряде документов, датированных 1499 годом, Софья именовала себя «царевной царьградской великой княгиней московской Софьей великого князя московского». Старый московский герб с Георгием Победоносцем, введенный князем Юрием Дмитриевичем, был заменен на двуглавого орла. Что означает этот герб, Иван и его бояре, вероятно не поняли. С VII века до н.э. орел был символом Рима, с IV века н.э. двуглавый орел стал символом разделения Римской империи на Западную со столицей в Риме и Восточную со столицей в Константинополе.

Но наиболее важным моментом для отношений с Литвой и Польшей было принятие Иваном титула Государя *Всея* Руси. Но ведь Иван III владел лишь частью того, что в конце XV века понималось под Русью в Москве, Вильно и Кракове. Замечу от себя, что тогда у этих трех стран даже и спора не возникало о конкретных землях, считать их русскими или нет, как, например, о Киевской земле, о Волыни, Брянской земле и др. Повторяю, тогда в официальных документах всех трех государств существовало единство по сему поводу. Изменения же в названиях появились, спустя несколько веков.

Таким образом, Иван III выдвинул претензии на русские земли, находившиеся в составе Литвы и Польши, что не могло не вызвать резкую отповедь в Вильно и Кракове.

В борьбе с Литвой и Золотой Ордой Иван III решил опереться на нового союзника — Крымское ханство. Окончательно степной Крым был занят татарами в 1242 г. Крым стал улусом Золотой Орды и управлялся наместником хана (улусским эмиром). Столицей Крымского улуса и резиденцией улусского эмира стал город Кырым, построенный татарами в долине реки Чурук-

Су на юго-востоке полуострова. В XIV веке название города Кырым перешло постепенно на весь полуостров Таврида. С конца XIII происходит исламизация татарского населения Крыма.

С начала XII века на берегах Тавриды возникли венецианские и генуэзские города-колонии. Эти колонии остались и после захвата степного Крыма татарами. Между итальянцами и татарами неоднократно возникали конфликты, но в основном преобладало мирное существование. С одной стороны, прибрежные города-крепости были хорошо укреплены и могли получать подкрепление с моря, а с другой стороны, торговля с итальянцами приносила эмирам неплохие барыши, так зачем же резать курицу, несущую золотые яйца.

Большинство населения Крымского ханства составляли крымские татары. В XV веке они не представляли собой какого-либо единого народа или даже национальности. Там были и потомки монголов Чингисхана, и других народов, пришедших вместе с монголами, потомки кочевавших в домонгольскии период половцев, а также потомки коренных жителей Крыма — тавров, киммерийцев, скифов и сарматов.

В 1474 г. Иван III заключил с крымским ханом Менгли Гире-ем политический и военный союз против Золотой Орды и Великого княжества Литовского.

В 1492 г. умер польский король Казимир IV. За годы его правления королевская власть сильно ослабела. В XV веке по отдельным областям Польши — воеводствам — стали собираться сеймики, представлявшие собой съезды местной шляхты, на которых она решала все вопросы, касавшиеся ее, и, прежде всего, вопросы о новых налогах. Первое время король сам объезжал эти сеймики, но затем стал приглашать представителей этих сеймиков в какой-либо определенный пункт. Иногда по требованию короля уполномоченные шляхты собирались на общий съезд — так входил в обычай общий для Польши сейм. Эта система сеймиков стала основной опорой господства шляхты. Нуждаясь в больших средствах для войны с Орденом, король Казимир IV вынужден был постоянно обращаться к сеймикам и таким образом укреплять их политическое значение.

К концу XV века окончательно организовался так называемый «вальный сейм», то есть общий для всей страны. Этот сейм делился на две палаты: верхнюю — коронную раду, или сенат, где заседали можновладцы — прелаты и сановники Польского государства, и вторую палату — посольскую избу, в которой заседали депутаты от шляхты, избранные на сеймиках. Сеймики полу[чили еще большее значение. Они не только выбирали депутатов на вальный сейм, но также составляли для них обязательные наказы. В вальном сейме депутаты выступали не от своего имени, а как представители сеймиков.

После смерти Казимира IV польские паны избрали королем Яна Ольбрехта (Альбрехта), а литовские — великого князя Александра. Иван III побаивался короля Казимира, но после его смерти решил начать большую войну. Он срочно отправил в Крым своего посла Константина Заболоцкого. Послу поручено было сказать хану Менгли Гирею, что король Казимир умер, но его сыновья такие же враги Москве и Крыму, как и отец, и чтобы хан с ними в союз не вступал, а пошел бы войной на Литву. Великий князь также хочет сам сесть на коня. Иван III рекомендовал хану идти на Киев. Хан выслушал Заболоцкого, но послал в Малороссию не всю орду, а лишь 500 всадников.

Сам Иван III со всем войском не желал идти в поход, а послал летом 1492 г. на Литву два сравнительно небольших отряда. Один отряд под командованием князя Федора Оболенского напал на Мценск и Любутск и сжег их, взял в плен наместников, бояр и много других людей. Второй отряд воеводы Даниила Щени[165] в том же 1492 г. захватил город Вязьму, где княжил Андрей Юрьевич Вяземский, и город Хлепень, где сидел Михаил Дмитриевич Вяземский. Напомню, что Вяземский удел достался великому князю Витовту, и вяземские князья, почти 100 лет правившие им, верой и правдой служили Вильно.

Иван III любил не спеша расправляться со своими жертвами, вспомним те же Новгород и Тверь. Вяземское княжество не стало исключением из общего правила. Так произошло и с вяземс-кими князьями. Михаил Дмитриевич с семьей под стражей был отправлен на Северную Двину, где и умер (убит?). Куда делся Андрей Юрьевич Вяземский — неизвестно, во всяком случае в 1495 г. в Вязьме уже сидел наместник Ивана III. Итак, наиболее знатные князья Вяземские были устранены, а вот многие боковые ветви были отправлены подальше от западных границ Московского государства.

В Литве забеспокоились и собрались мириться с Москвой. Чтобы склонить Ивана III к уступкам, ему решили предложить брачный союз с одной из его дочерей и великим князем литовским Александром. Но как это сделать? Ведь на границе Литвы и Руси идет война. Александр решил действовать обходным путем. Полоцкий наместник пан Ян Заберезский послал

своего писаря Лаврина в Новгород к московскому наместнику Якову За-харьевичу Кошкину под предлогом покупки разных вещей в Новгороде, а на самом деле с предложением о сватовстве. Яков Заха-рьевич, узнав об этом предложении, сам поехал в Москву объявить о нем великому князю. Иван III сначала решил было с боярами, что Якову не следует посылать к Заберезскому своего человека с ответом на его предложение, но потом, когда Яков уже уехал в Новгород, великий князь передумал и послал ему приказ отправить своего человека к Заберезскому, не прекращая, впрочем, военных действий, «потому что и между государями пересылка бывает, хотя бы и полки сходились». Иван велел Якову Захарьевичу отвечать вежливо, потому что Заберезский писал вежливо. Посланный должен был все разведать — какие отношения у Александра с панами, какие слухи ходят про братьев Александра. В Москве поняли, зачем в Литве хотят начать дело о сватовстве, и потому посланец Якова Захарьевича должен был передать Заберезскому, что до заключения мира никаких переговоров о браке не будет.

На этом окольная дипломатия закончилась. Литовские паны завели переписку о браке напрямую с первым московским боярином Иваном Юрьевичем Патрикеевым. Наконец, в ноябре 1492 г. в Москву прибыл литовский посол Станислав Глебович. Однако посол и московские бояре заспорили об очередности мероприятий. Глебович хотел свадьбы, а потом переговоров о мире, бояре предлагали заключить мир по воле Ивана III, то есть к Москве должен был отойти ряд пограничных городов (Мценск, Любутск и др.). В конце концов, Станислав Глебович безрезультатно вернулся в Литву.

Но дипломатическая игра продолжалась. В Литву прибыл московский посол дворянин Загряжский. Задача послу была поставлена вполне конкретная — отспорить у Литвы города, захваченные московским войском. В ответной грамоте сенсацией стал новый титул Ивана III. До сих пор в верительных грамотах Казимиру Иван III писал так: «От великого князя Ивана Васильевича Казимиру королю польскому и великому князю литовскому послами есмо». Теперь же грамота начиналась: «Иоанн, божьею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и югорский, и болгарский, и иных, великому князю Александру литовскому». Итак, впервые великий князь московский назвал себя «государем всея Руси». Что же произошло? Да ничего, кроме того, что военная мощь Литвы в тот момент была ослаблена, а силы Ивана III велики. Кроме того, Литве угрожал союзник московского князя крымский хан Менгли Гирей. Иных аргументов у Ивана III не было. Он даже не стал рассуждать о преемственности московских князей древнерусским киевским князьям. То ли в силу неубедительности сей посылки, то ли потому, что сам Иван с боярами имел весьма смутное представление о Киевском государстве. Послу же был дан такой наказ: «Если спросят его: для чего князь великий назвался государем всея Руси; прежде ни отец его, ни он сам к отце государя нашего так не приказывали? То послу отвечать: государь мой со мной так приказал, а кто хочет знать зачем, тот пусть едет в Москву, там ему про то скажут».

Пока посол Загряжский собирался в Литву, литовские паны возобновили «окольную дипломатию». Опять полоцкий наместник Заберезский послал своего человека в Новгород к Якову Захарьевичу с просьбой продать двух кречетов. Яков немедленно известил великого князя. Тот отвечал, что дело не в кречетах, а посланник приехал, чтобы возобновить переговоры «для прежнего дела», то есть о великокняжеской дочери. Иван III велел Якову послать в Полоцк вместе с кречетами надежного и умного человека, который был бы там вежлив, но все выведал и высмотрел. А посланника Заберезского Иван приказал сопровождать до границы приставу, и следить, чтобы он ни с кем в контакт не вступал. И впредь же так поступать со всеми, кто приедет из Литвы.

Таким образом, Иван III был против «окольной» дипломатии. Когда Александр получил грамоту «государя всея Руси», он понял, что игра слишком серьезна, и тут не до кречетов. В январе 1494 г. в Москву прибыли большие литовские послы. После долгих препирательств литовские послы уступили Ивану III большую часть спорных земель, и главное, в договорной грамоте Иван III был написан государем всея Руси, великим князем владимирским, московским, новгородским, псковским, тверским, югорским, пермским, болгарским и иных.

По окончании переговоров Иван III объявил, что согласен выдать дочь за Александра, если только, как говорили послы и ручались головой, неволи ей в вере не будет.

В январе 1495 г. новые послы приехали за невестой — московской княжной Еленой. В Вильно венчал Александра и Елену католический епископ, но русский поп Фома, приехавший с Еленой, стоял рядом и громко молился. Александр и вельможные паны просили его помолчать, но Фома остался тверд до конца церемонии.

Мир с Литвой просуществовал всего пять лет, а затем литовские паны нарушили его. Но на сей раз не напали на Московское государство, а наоборот, попросились на службу к Ивану III. И полбеды, если бы они попросту уехали, но они попросились в Московское государство вместе со своими уделами.

Первым к Ивану III подался в 1499 г. князь Семен Иванович Бельский. Семен Иванович был правнуком великого литовского князя Ольгерда, то есть по отцовской линии он был литовцем. Сын Ольгерда Владимир в конце XIV века стал князем киевским, а его второй сын Иван получил в удел город Белев. Этот Иван и стал родоначальником князей Бельских.

Семен Бельский прибыл в Москву, «бил челом великому князю, чтоб пожаловал, принял в службу и с отчиной». Причиной своего поступка Бельский назвал притеснения православных в Литве — «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон».

Иван III принял Бельского и послал сказать Александру: «Князь Бельский бил челом в службу; и хотя в мирном договоре написано, что князей с вотчинами не принимать, но так как от тебя такого притеснения в вере и прежде от твоих предков такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли в службу с отчиною». Бельский тоже послал Александру грамоту, где слагал с себя присягу по причине принуждения к перемене веры.

За Бельским перешли с богатыми волостями князья, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя московского: князь Василий Иванович, внук Дмитрия Шемяки, и сын соратника Шемяки Ивана Андреевича Можайского князь Семен Иванович. Князь Семен перешел с Черниговом, Стародубом[166], Гомелем и Любичем; Шемячич — с Рыльском и Новгородом Северским. Вместе с ними последовали и другие князья — Мосальские, Хотетовские, и все по причине гонения на веру.

На самом же деле никаких гонений на веру в 1500 г. не было, тем более в пограничных с Москвой уделах и княжествах. На самом деле князья Литовской Руси были мало знакомы с московскими порядками и нравом Ивана III. Они знали московского князя как удачливого и очень богатого правителя и надеялись на получение денег и новых вотчин.

И поначалу московские власти не спешили их разочаровывать. К Ивану перешли князья Трубецкие — Андрей, Иван, Федор Семеновичи и Иван Юрьевич с сыном Семеном. Все эти потомки Гедемина к 1499 г. совместно владели небольшим городком Трубчевском. Им он был и оставлен до конца XVI века. От них пошел род князей Трубецких.

Меньше повезло Василию Шемячичу. Он несколько лет верой и правдой служил Ивану III, а затем Василию III. Шемячич проявил себя талантливым полководцем и участвовал во многих походах на Литву и крымских татар. Но московским великим князьям не нужны были сильные князья — вассалы, а только холопы. И вот в 1522 г. Василий III вызывает Василия Шемячича в Москву. Тот, видимо, заподозрил неладное и попросил охранную грамоту, скрепленную 4клятвою государя и митрополита». Митрополит Варлаам не согласился пойти на клятвопреступление и в конце 1521 г. оставил митрополичий престол. Его место занял более податливый Даниил, который согласился дать «крестоцеловальную запись» с тем, чтобы выманить «запазушного врага» в столицу.

18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом был принят Василием III, но вскоре был схвачен и брошен в тюрьму. По мнению посла германского императора Герберштейна, один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и «чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдумано было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его». Сын Василия Шемячича Иван, жена и двое дочерей были насильно пострижены в монахи и сосланы в Каргополь, сам Василий умер в заточении 10 августа 1529г.

Та же участь ждала Ивана Ивановича Белевского (не путать с Бельским). Он стал известным московским воеводой, но в 30-х годах XVI века был сослан в заточение в Вологду, а Белевский удел прекратил свое существование. Почти также кончили и все остальные удельные князья.

Но, повторяю, князья, переходив к Ивану III, мечтали совсем о другом. Понятно, что литовский князь Александр не стал спокойно взирать на переход чуть ли не четверти своего княжества к Москве, и вновь началась война.

Основная часть московских войск шла под командованием служилого татарского хана Магмет-Аминя и воеводы Якова Заха-рьевича Кошкина. Эта рать заняла города Мценск, Серпейск, Мосальск, Брянск и Путивль. Князья северские Можайский и Ше-мячич были приведены к присяге Ивану III.

Другую часть московского войска возглавил боярин Юрий За-харьевич Кошкин. Вскоре Юрий взял Дорогобуж. На соединение с Юрием Кошкиным Иван III направил тверскую рать

под начальством князя Даниила Васильевича Щени. После соединения Щеня должен был командовать большим полком, а Юрий Кошкин — сторожевым. Таким образом, Юрий должен был подчиняться Щене. Кошкин обиделся, заместничал и написал Ивану III, что ему нельзя быть ниже князя Данилы. Иван вежливо одернул зарвавшегося боярина: «Гораздо ль так делаешь? Говоришь, что тебе непригоже стеречь князя Данила: ты будешь стеречь не его, но меня и моего дела; каковы воеводы в большом полку, таковы и в сторожевом: так не позор это для тебя». С одной стороны братья Кошкины оказали великому князю неоценимые услуги, одно участие в расправе над Новгородом чего стоило. А с другой стороны Иван еще чтил старинные обычаи — не тоже потомкам дружинника Кобылы быть выше потомка великого князя Геде-мина. В Москве это был один из первых, если не первый случай, когда представитель служилого старомосковского боярства осмелился местничать с князем.

Получив послание Ивана III, Юрий Кошкин успокоился. Урок пошел в прок, и долгие десятилетия Кошкины — Захарьины — Романовы не осмеливались местничать ни с Гедеминовичами, ни с Рюриковичами.

Помирившиеся Юрий и Щеня 14 июля 1500 г. дали бой литовской рати на Митьковом иоле на реке Ведроше. Благодаря внезапной атаке засадного полка литовцы были полностью разбиты, а гетман князь Константин Острожский со всеми литовскими воеводами взят в плен и отправлен в Москву.Великий князь литовский Александр стал с войском на реке Бобр, но, узнав о разгроме князя Острожского на Ведроше, отступил к Полоцку. Оставив сильные гарнизоны в Витебске и Полоцке, Александр осенью ушел зимовать к Вильно.

Осенью 1499 г. «по наущению великого князя московского царь перекопский Менгли-Гирей послал сына своего Ахмат-Гирея, султана с прочими своими детьми и с многими силами татарскими. И воевали [они] земли Волынскую и Подляшскую и Польскую, и сожгли тогда города Владимир и Брест, и воевали около Люблина до самой реки Вислы и, перейдя за Вислу, большой город Опатов сожгли и много зла причинили и сотворили несказанное кровопролитие христианам в Великом княжестве Литовском и в Польше, и, многие города и деревни сжегши, с большой добычей и множеством пленных ушли восвояси»[167].

В начале 1500 г. великий князь литовский нанял несколько тысяч наемников — поляков, чехов и немцев — и, собрав большое войско, двинулся к Минску. Тем временем новгородские, псковские и великолуцкие полки под начальством великокняжеских племянников Ивана и Федора Борисовичей и боярина Андрея Челядина взяли Торопец. Новые подданные — князья северские Можайский и Шемячич вместе с братьями князем ростовским и Семеном Воронцовым — одержали победу над литовцами под Мстиславлем. Русская летопись сообщает о семи тысячах убитых.

Сын Ивана III Дмитрий Жилка осадил Смоленск. Московское войско окружило город, вокруг были возведены осадные батареи, которые даже и ночью обстреливали Смоленск. Одновременно русские овладели Оршей.

На выручку Смоленску великий князь литовский Александр послал из Минска войско во главе с трокским старостой Станиславом Яновским. Литовцы форсировали Днепр и Оршу и направились к Смоленску. Русские были вынуждены снять осаду с города и отойти без сражения.

В 1501 г. магистр Вальтер фон Плеттенберг заключил союз с литовским великим князем Александром и объявил Ивану III войну, задержав в своих владениях псковских купцов. Псковичи послали гонца в Москву с этим известием. На помощь Пскову из Москвы пришли воеводы Василий Шуйский и Даниил Пен-ко. Сражение объединенной псковско-московской рати с немца- ми произошло в десяти верстах от Изборска. Немцы встретили атаку псковичей мощным залпом из пушек и пищалей. Те бросились бежать и увлекли за собой москвичей. На следующий день Орден осадил Изборск, но взять его не смог.

Более удачлив был магистр Вальтер фон Пленттенберг под Островом, ему удалось взять и сжечь город, при этом погибло около четырех тысяч русских. Однако немцам пришлось начать отступление. В войске «открылся кровавый понос», то есть эпидемия дизентерии. Заболел и сам магистр.

Иван III выслал новую рать во главе с князем Александром Оболенским и татарский отряд. Московское войско встретилось с немцами около города Гелмеда, и, несмотря на то, что в первой же схватке погиб воевода Александр Оболенский, русские победили и десять верст гнали немцев. По словам псковского летописца, из неприятельской рати не осталось даже «вестоноши» (вестника), который бы дал знать магистру об этом страшном поражении. Псковский летописец утверждает, что москвичи и татары «секли врагов не саблями светлыми, но били как свиней шестоперами». По словам немецкого летописца, русские потеряли в этом

сражении до полутора тысяч человек, а Ливония лишилась сорока тысяч жителей, убитых и взятых в плен русскими.

Вскоре Плеттенберг выздоровел и в том же году явился с пятнадцатитысячным войском под Изборском. Немцы осадили город, но, простояв несколько дней, отошли и осадили Псков. Псковичи сами подожгли предместья и оборонялись до тех пор, пока немцы, узнав о приближении московских воевод князей Данилы Щени и Василия Шуйского, не отступили от города. На берегу озера Смолина воеводы настигли немцев и принудили к битве. Бой был кровопролитным и ожесточенным. Несмотря на большое численное превосходство русских, Плеттенберг устоял и в порядке отступил.

Великий магистр прусский писал папе, что русские хотят или покорить всю Ливонию, или, если не смогут этого сделать по причине крепостей, то хотят вконец опустошить Ливонскую землю, перебив и пленив всех сельских жителей; что русские уже проникли до середины страны, что магистр ливонский не в состоянии противиться таким силам, а от соседей же помощи почти нет; что христианство в опасности и потому святой отец должен провозгласить крестовый поход. Но, увы, папе было не до крестового похода — начиналась борьба с реформацией.

На литовском же театре военных действий после битвы на реке Ведроше боевые действия велись вяло, а в 1502 г. вообще не велись. Интенсивные баталии вели лишь дипломаты. Отчасти это объяснялось смертью в 1501 г. польского короля Яна Ольбрехта. В том же году королем был избран его брат великий князь литовский Александр.

Осенью 1502 г. крымские татары — союзники Москвы — перейдя реку Припять, основательно пограбили Великое княжество Литовское. По приказу короля князь Семен Михайлович Слуцкий собрал большое войско из литовских и русских панов, австрийских наемников и т.д. Литовцы нагнали татар за Бобруйском в 10 верстах на реке Ули и разбили их. Тем не менее, другие отряды крымских татар гуляли по окрестностям Слуцка, Клецка, Несвижа и даже Новогрудка.

25 марта 1503 г. в Москве был подписан русско-литовский «перемирный» договор, то есть перемирие сроком на б лет. Перемирная грамота была написана от имени великого князя Ивана, *государя всея Руси,* сына его *великого князя* Василия и остальных детей. Великий князь литовский Александр обязался не трогать земель московских, новгородских, псковских, рязанских, пронских, уступил землю князя Семена Стародубского (Можайского), Василия Шемячича, князя Семена Бельского, князей Трубецких и Мосальских, города Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белую, Торопец, Острей, всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел.

27 октября 1505 г. на 67-м году от рождения и на 44-м году княжения умер Иван III. Московский престол перешел к его сыну Василию III (1479—1533 гг.). Польский король и великий князь литовский Александр пережил своего тестя менее чем на год и умер в августе 1506 г. Его место на литовском престоле занял брат Сигизмунд, который с 24 января 1507 г. стал и королем Польши.

Прежде, чем переходить к правлению Сигизмунда I, следует упомянуть о переменах в государственном устройстве Польши, имевших большое значение для последующих событий. Так, Мельницким «привилеем» 1501 г. королевская власть была поставлена в полную зависимость от сената. Значение короля свелось по существу к роли председательствующего в сенате. Сенат сконцентрировал в своих руках всю полноту власти в государстве. Однако успех крупных феодалов не был длительным. В 1505г. шляхта добилась издания Радомской конституции «Nihil novi» («Никаких нововведений»). По конституции 1505 г. король не мог издавать ни одного нового закона без согласия как сената, так и посольской избы.

ГЛАВА 18

СИГИЗМУНД I ПРОТИВ ВАСИЛИЯ III

Сразу же после вступления на престол Сигизмунд I отдал приказ о подготовке к походу на Москву. В Крым и Казань были отправлены большие послы поднимать татар на Василия III.

Следует заметить, что от Александра новый король унаследовал огромные долги. Дело дошло до того, что за шесть злотых была заложена даже кухонная посуда короля. Однако польская шляхта согласилась на новый разовый налог, давший казне 70 тысяч злотых. На эту сумму Сигизмунд даже нанял две «армии». В одной было 500 кавалеристов и 200 пехотинцев, а в другой 663 кавалериста и 1900 пехотинцев.

В начале 1507 г. в Москву прибыли послы Сигизмунда. Они известили Василия III о смерти Александра и о восшествии на престол Сигизмунда I. Послы объявили, что у великого князя Василия Васильевича и у короля Казимира был заключен веч- ный мир, по которому они обязались не забирать друг у друга земель и вод, что Казимир не нарушил ни в чем договора, а московская сторона нарушила. Так как правда королей Александра и Казимира известна всему миру, то Сигизмунд призывает великого князя Василия к уступке всех литовских городов, волостей, земель и вод, доставшихся его отцу во время прежних войн, а также к освобождению всех литовских пленников, дабы кровь христианская не лилась, ибо король в своей правде уповает на бога.

В речи послов была явная угроза, что в случае неисполнения требований Сигизмунда будет объявлена война. Еще послы пожаловались, что московские подданные захватили четыре смоленские волости.

Василий спокойно отвечал послам: «Мы городов, волостей, земель и вод Сигизмундовых, его отчин никаких за собою не держим, а держим с божиею волею города и волости, земли и воды, свою отчину, чем нас пожаловали и благословил отец наш, князь великий, и что нам дал бог, а то прародителей наших и вся Русская земля наша отчина... Как отец наш, и мы брату нашему и зятю Александру дали присягу на перемирных грамотах, так и правили ему во всем до самой его смерти. А с Сигизмундом королем нам перемирья не было. Если же Сигизмунд, как вы говорили, хочет с нами мира и доброго согласия, то и мы хотим с ним мира, как нам будет пригоже». Потом, перечислив обиды, нанесенные литовцами русским, — взятие в Брянской области более ста сел и деревень, грабеж купцов козельских, алексинских, калужских, псковских, занятие волостей князя Бельского — Василий велел сказать королю, чтоб за все это было сделано надлежащее удовлетворение, а в противном случае он найдет управу.

Переговоры в Москве закончились в марте 1507 г., а 29 апреля московские полки уже пошли воевать Литовскую землю.

Положение литовского войска было осложнено конфликтом нового короля с фаворитом Александра князем Михаилом Глинским. Глинские вели род от татарина, приехавшего в Литву на службу к Витовту и крестившемуся по православному обряду. При Александре Михаил Глинский стал одним из богатейших владетелей Литвы и нашел много сторонников среди православной шляхты. В начале Сигизмунд отнял у брата Михаила князя Ивана Львовича Киевское воеводство и дал вместо него Новгородское (Новогруденское). Глинский «за правдой» отправился в Венгрию к брату Сигизмунда королю Владиславу, но и заступничество Владислава не помогло. Тогда Глинский сказал королю: «Ты заставляешь меня покуситься на такое дело, о котором оба мы после горько жалеть будем», и вступил в переписку с Василием III. Последний уговорил князя Михаила, что вот-вот к Гродно подойдут русские воеводы, и чтобы Глинский тоже не медлил.

С семью сотнями всадников из своей частной армии[168] Михаил Глинский форсировал Неман и ворвался в Гродно. Личный враг Михаила воевода виленский Ян Заберезский (в других документах Забржезинский) был убит в своей спальне. Его голову на сабле поднесли Глинскому. Тот велел нести ее впереди войска на древке шесть верст и потом утопить в озере. Покончив со своим главным врагом, Глинский разослал конницу искать и бить других враждебных ему панов. Через несколько дней, не дождавшись русских воевод, Глинский со своей армией ушел к Новгороду.

Лето 1507 г. оказалось очень жарким, дождей не было. Посему поводу и король Сигизмунд, и русские воеводы развели свои войска. Дождливой осенью и холодной зимой драться тоже было несподручно. И военные действия возобновились лишь поздней весной следующего года.

Частная армия Глинского опустошила Слуцкую и Копыльскую области и захватила города Туров и Мозырь. Великий князь московский уведомил Глинского, что посылает ему на помощь полки под начальством князя Василия Ивановича Шемячича. Василий III писал, чтобы с этой помощью Глинский «добывал ближайшие к себе города, а далеко с нею не ходил, дело делал бы не спеша», пока подойдет из Москвы другое, более многочисленное войско.

Глинский хотел, чтобы Шемячич помог ему занять Слуцк, который, как писал он Василию III, находился близко от его городов. На самом же деле Глинскому хотелось овладеть Слуцком для того, чтобы жениться на его княгине Анастасии и получить право на Киев, которым раньше владели предки князей Слуцких. Но Шемячичу хотелось держаться ближе к северу, откуда должны были подойти московские полки, и потому решено было идти на Минск, отправив вперед

«загоны» (отряды легкой кавалерии) в глубь Литвы для того, чтобы устроить панику и помешать сбору войск. Эти отряды подходили на 14 верст к Вильно, на 7 верст к Новогрудку, заходили под самый Слоним.

Две недели стояли Глинский с Шемячичем у Минска, дожидаясь вестей о подходе московских полков, но вестей не было, и это заставило их отступить от Минска и двинуться к Борисову. Отсюда Глинский писал Василию III, чтоб он смиловался «для пользы всего притесненного христианства, которое всю надежду полагает на бога, да на него. Велел бы своим воеводам спешить к Минску, иначе братья и приятели его, Глинского, и все христианство придет в отчаяние, города и волости, занятые с помощью великокняжескую, подвергнутся опасности, и самое благоприятное время будет упущено, ибо ратное дело делается летом». Но Василий III, извещая о движении своих воевод князя Даниила Васильевича Щени из Новгорода, Якова Захарьевича Кошкина из Москвы и Григория Федоровича из Великих Лук, приказал Шемячичу и Глинскому идти на соединение с ними в Орше.

Шемячич и Глинский двинулись к Орше, по дороге заняли Друцк. Одновременно с ними к Орше подошел князь Щеня с новгородскими полками, и воеводы начали вместе осаду крепости. Однако взять Оршу так и не удалось. Замечу, что третий воевода, Яков Захарьевич Кошкин, стоял без дела под Дубровной.

12 июня 1508 г. русские узнали, что королевские войска идут к Орше. Тогда воеводы отошли от крепости и стали на другом берегу Днепра, потом отступили еще дальше, к Дубровне, и простояли там семь дней. Но король за Днепр не пошел. По литовским же сведения король переправился через Днепр после того, как его отряды отогнали русских от берега. К ночи бой прекратился, и Глинский стал упрашивать московских воевод наутро дать бой королю, но те не согласились и в полночь отступили. Король побоялся их преследовать и вернулся в Смоленск.

Из Дубровны московские воеводы пошли на юго-восток, к Метиславлю, где разграбили и сожгли посад. Потом войско пошло к Кричеву, то есть московские воеводы все дальше расходились с Сигизмундом в разные стороны.

Сигизмунд начал собирать силы у Смоленска и готовиться к генеральному сражению. Войском должен был командовать литовский гетман князь Константин Острожский, которому удалось сбежать из Москвы. Но другие литовские вельможи воспротивились этому назначению, и поход сорвался. Литовские отряды успели только сжечь крепость Белую, овладеть Торопцом и занять Дорогобуж, который сожгли сами горожане, чтобы не оставлять врагу.

Но теперь в наступление перешли русские. Смоленский воевода Станислав Кишка, засевший в Дорогобуже, бежал при приближении московской рати. Дорогобуж был взят. Таким же способом воевода князь Даниил Васильевич Щеня взял Торопец. По каким-то неясным причинам далее русские воеводы не пошли.

Василий III пожаловал Михаила Глинского двумя городами — Малоярославцем и Медынью, несколькими селами под Москвой и «отпустил с ним в Литву полки свои для оберегания его вотчинных городов».

Итак, Сигизмунд I не имел сил более вести войну, а Василий III не имел более желания воевать. Посему оставалось только помириться. 19 сентября 1508 г. в Москву прибыли королевские послы полоцкий воевода Станислав Глебович, маршалок Ян Сапе-га[169] и другие. Уже 8 октября был заключен «вечный мир» (то есть бессрочный) между Московским государством и Литвой.

Согласно договору Сигизмунд должен был уступить Москве в вечное владение приобретения Ивана III. Тяжелые для Литвы условия перемирия литовского великого князя Александра с Иваном III стали теперь условиями вечного мира между Сигизмундом и Василием III. Однако шесть волостей, занятых русскими войсками в ходе боевых действий 1507 —1508 гг., пришлось вернуть. Среди этих волостей были и владения Глинских. Самим Глинским и всем желающим шляхтичам был разрешен свободный выезд из Литвы в Москву. Также оба государя обязались быть заодно против всех недругов, в том числе и «перекопского царя» татарского хана Менгли Гирея.

«Вечный мир» просуществовал всего лишь четыре года. Как написано в русской летописи, в мае 1512 г. «двое сыновей Менгли Гиреевых с многочисленными толпами напали на украйну, на Белев, Одоев, Воротынск, Алексин, повоевали, взяли пленных». Василий III выслал против них войско, но татары успели отступить с большой добычей, а московские воеводы догонять их не стали.

Тут надо сделать маленькое отступление. Как в летописи, так и у цитированного историка С. М. Соловьева слово «украйна» написано с маленькой буквы. Это не то, что позже стали пони-

мать под Украиной, а окраина Русского государства. Замечу, что в XVI и XVII веках ряд территорий в Сибири в казацких челобитных в Москву именуется «украйнами». Термин же Украина в современном понимании стал использоваться лишь во времена войн Богдана Хмельницкого.

Осенью 1512 г. русские лазутчики донесли из Крыма, что поход крымских царевичей был следствием договора, заключенного между Менгли Гиреем и Сигизмундом. Это известие в Москве сочли достаточной причиной для разрыва с Литвой, и Василий III послал Сигизмунду грамоту, упрекая его за оскорбление своей сестры Елены (вдовы Александра) и за старание поднять Менгли Гирея против Москвы.

Василий III вступил в союз с германским императором Максимилианом. В феврале 1514 г. в Москву прибыл императорский посол Синцен Памер и заключил договор, предусматривавший изъятие у Сигизмунда I земель Тевтонского ордена в пользу императора, а Киева и других русских городов в пользу великого князя московского.

Василий III еще до заключения договора, 19 декабря 1512 г., выступил в поход с двумя братьями Юрием и Дмитрием, зятем — крещеным татарским царевичем Петром, с Михаилом Глинским и с двумя московскими воеводами князьями Даниилом Васильевичем Щеней и Иваном Михайловичем Репня-Оболенским. Целью похода был Смоленск. Как сказано в летописи, шесть недель простояв под городом, великий князь назначил приступ. Псковские пищальники, получив от Василия III три бочки меду и три бочки пива, напились и в полночь ударили на крепость вместе с пищальниками других городов. Всю ночь и весь следующий день «бились они из-за Днепра и со всех сторон, много легло их от городского наряда [пушек — *А. Я*/.]». Однако все приступы московской рати были отбиты, и Василий III в марте 1513 г. возвратился в Москву, так и не взяв Смоленска.

14 июня Василий опять выступил в поход. Сам он остановился в Боровске, а к Смоленску послал воевод боярина князя Реп-ня-Обо ленского и окольничего Андрея Сабурова. Смоленский наместник Юрий Сологуб вышел с войском из города и контратаковал русских. Однако полки его были разбиты и бежали в крепость.

Вскоре под Смоленск прибыл и сам великий князь Василий. К городу были доставлены осадные орудия. Но литовцы храбро защищались.

8 июня 1514 г. Василий III в третий раз выступил к Смоленску. С ним шли братья Юрий и Семен, а третий брат, Димитрий, стоял в Серпухове для защиты южных границ от крымцев, четвертый же брат, Андрей, остался в Москве. 29 июля началась осада Смоленска.

Действиями пушек распоряжался пушкарь Стефан. Первым же выстрелом из огромной пушки Стефану удалось попасть в пушку в крепостной башне. Литовская пушка разорвалась, и все, кто находился в башне, были убиты. Через несколько часов Стефан дал залп из пушек меньших калибров «ядрами мелкими окованными свинцом», то есть пушки заряжались несколькими камнями средней величины, покрытыми свинцовой оболочкой. Согласно русской летописи, этот залп «еще больше народу побил; в городе была печаль большая, видели, что биться нечем, а передаться — боялись короля». Тем временем великий князь велел Стефану дать третий залп, вызвавший новые потери среди осажденных.

Тогда православный владыка Варсонофий вышел на мост и стал просить у великого князя перемирия до следующего дня. Но Василий не согласился и велел бить по городу из всех пушек со всех сторон. Варсонофий вернулся в город, собрал весь церковный причт, надел ризу, взял крест, иконы и вместе с наместником Сологубом, панами и простыми людьми снова вышел на мост и обратился к Василию: «Государь князь великий! Много крови христианской пролилось, земля пуста, твоя отчина. Не погуби города, но возьми его с тихостию». Тогда Василий подошел к владыке для благословения, а затем велел ему, Сологубу и панам идти к себе в шатер.

На следующий день, 30 марта, Василий III послал в Смоленск своих воевод Данилу Щеня с товарищами, дьяков и подьячих с заданием переписать всех жителей и привести к присяге «быть за великим князем и добра ему хотеть, за короля не думать и добра ему не хотеть». К вечеру следующего дня все смоляне были переписаны и приведены к присяге. А 1 августа Василий III вместе с владыкой Варсонофием торжественно вступил в Смоленск, где был радостно встречен всем народом. После молебна и многолетия в соборной церкви владыка сказал великому князю: «Бо-жиею милостию радуйся и здравствуй православный царь Василий, великий князь всея Руси, самодержец, на своей отчине, городе Смоленске на многие лета!»

Смоленским князьям, боярам и мещанам Василий объявил свое жалованье, уставную грамоту и назначил им наместником боярина князя Василия Васильевича Шуйского, а затем позвал всех

обедать, а после обеда все получили великокняжеские дары. Сологубу же и сыну его Василий сказал: «Хочешь мне служить, и я тебя жалую, а не хочешь, волен на все стороны». Сологуб выразил желание вернуться к своему королю и был отпущен. А в Польше его объявили изменником и отрубили голову. Всем остальным королевским служилым людям Василий III также предложил на выбор остаться у него на службе или возвратиться к Сигизмунду. Оставшиеся получили по два рубля и по сукну, те же, кто решил уехать к королю, получили по рублю. Многие смоляне уже давно хотели покинуть свой город, и тем, кто ехал в Москву, давали подъемные, те же, кто оставался, удерживали за собой свои вотчины и поместья.

В осаде Смоленска активное участие принимал Михаил Глинский. Он был уверен, что получит город себе во владение. Василий же не собирался отдавать этот ключевой пункт столь легко увлекающейся личности. Глинский обиделся и вступил в переговоры с королем Сигизмундом. Тот обрадовался и переслал князю охранную грамоту. Глинский решил тайно покинуть свой отряд и бежать в Оршу, но один из близких его слуг в ту же ночь прискакал к князю Михаиле Голице, доложил о бегстве своего господина и даже указал дорогу. Голица, предупредив воеводу Челядина, помчался вдогонку за беглецом и схватил его этой же ночью. На рассвете Голица соединился с отрядом Челядина и они вместе повезли Глинского в Дорогобуж, где находился Василий III. Великий князь приказал заковать изменника и отправить в Москву. Изъятая у Глинского сигизмундова охранная грамота стала страшной уликой против него.

Генеральное сражение русских и польско-литовских войск произошло 8 сентября 1514г. близ Орши у слияния реки Крапив-ны с Днепром. Сигизмунд остался в городе Борисове с четырьмя тысячами воинов, а навстречу русским отправил князя Константина Острожского с тридцатью тысячами.

Русские воеводы князь Михаила Голица и боярин Иван Че-лядин заняли позицию на левом берегу Днепра, опираясь левым флангом на болота у Крапивны. В ночь на 8 сентября Острожс-кий переправил через Днепр вплавь кавалерию, а за ней двинул пехоту по двум наскоро наведенным мостам. Челядин допустил большую ошибку, дав противнику без боя форсировать Днепр. К 9 часам утра польско-литовское войско стояло в полном боевом порядке на левом берегу.

Челядин построил свои войска в три растянутые линии, а на флангах послал отдельные отряды в тыл противнику. Голица, отделившись от правого крыла с большим отрядом конницы, стремительно ударил на левый фланг литовской кавалерии, но она выдержала удар, а польская конница из резерва атаковала отступавшего Голицу во фланг. Подоспевшее подкрепление позволило Голице вновь двинуться на противника. Но тут неожиданно неприятельская кавалерия расступилась и открыла пехоту, которая огнем с близкой дистанции привела ряды русского войска в беспорядок. Тогда Острожский ударил всей литовской конницей и, преследуя, занесся за вторую линию русских. На помощь прискакал полк Зборовского, который вместе с гусарами Шпаковс-кого прорвался сквозь растянутую линию русских и ударил в копья.

Между тем на правом фланге литовцев их кавалерия, имея против себя превосходящую численностью русскую кавалерию, обратила тыл. Русская конница, в беспорядке преследуя литовцев, наскочила на засаду: скрытые до того пушки встретили ее страшным огнем. В то же время обратившаяся было назад литовская конница вместе с польскими латниками из резерва стремительно ударили на русскую ошеломленную и расстроенную конницу, опрокинули ее центр и левое крыло и гнали до реки Крапивны и левого берега Днепра. Русскому левому крылу не куда было отступать, и оно было большей частью истреблено.

Челядин со свежими войсками бездействовал, а когда решился ударить в тыл прорвавшимся, то был атакован латниками Свер-чевского и легкой конницей Радзивилла[170]. Русские не выдержали, подались назад и бросились к ближайшему лесу.

Битва эта продолжалась целый день и окончилась полным поражением русских. Сигизмунд, извещая магистра Ливонского ордена об Оршинской победе, писал, что москвичи из 80 тысяч человек 30 тысяч потеряли убитыми, в плен взяты восемь верховных воевод, 37 второстепенных начальников и полторы тысячи дворян. Однако из официальных литовских документов известно, что всего пленных, взятых как у Орши, так и в других местах, было 611 человек.

Следствием Оршинского поражения стала сдача без боя городов Дубровны, Мстиславля и Каючева. Правда, эти города сдавали не московские воеводы, а литовские феодалы, переметнувшиеся в свое время на сторону «московитов». Так, Мстиславский владелец князь Михаила Ижеславский, узнав о приближении королевского войска, отправил Сигизмунду грамоту с обещаниями верности и извинениями, что только по необходимости служил некоторое время великому князю московскому.

В Смоленске сторонники короля устроили заговор, причем во главе его стоял православный владыка (епископ) Варсонофий. Он отправил к Сигизмунду своего племянника с письмом такого содержания: «Если пойдешь теперь к Смоленску сам или воевод пришлешь со многими людьми, то можешь без труда взять город». Король обрадовался и направил заговорщикам милостивую грамоту и богатые дары.

Однако большинство смоленских дворян и мещан тяготели к Москве. Кто-то из них донес на заговорщиков московскому наместнику Василию Шуйскому. Тот велел схватить Варсонофия и других заговорщиков, посадил под стражу и о случившемся доложил великому князю в Дорогобуж. В это время к Смоленску подошел князь Константин Острожский. Надеясь на помощь Варсонофия, король отправил с Острожским только шеститысячный отряд. Но Шуйский разуверил его, повесив всех заговорщиков, кроме Варсонофия, на городских стенах на виду у польского отряда. Причем, как гласит летопись, «который из них получил от великого князя шубу, тот был повешен в самой шубе; который получил ковш серебряный или чару, тому на шею привязали эти подарки и таким образом повесили».

Тщетно после этого Острожский посылал смолянам грамоты с увещеваниями передаться Сигизмунду, тщетно пытался взять город приступом, королевских сторонников среди смолян больше не было, а остальные горожане бились крепко. Острожский был вынужден отступить, а московские ратные люди и смоляне преследовали его отряд, отбив почти весь обоз.

Таким образом, Оршинская битва стала хорошим примером в тактическом отношении, но ничего не дала в стратегическом. Войска обеих сторон остались примерно на тех же позициях.

Следует отметить, что православные князья и бояре, как русского, так и литовского происхождения, в целом не обнаруживали большого желания воевать с Василием III. Так, киевский воевода Андрей Немирович в письме литовской Раде жаловался: «Писал я к старостам и ко всем боярам киевским, чтоб ехали со мною на службу господарскую. Но никто из них не хочет ехать. Пожалуйста, напишите им, чтоб они поспешили за мною на службу господарскую».

И Сигизмунд, и Василий с переменным успехом натравливали друг на друга Менгли Гирея. Самый крупный набег на Московское государство крымцы предприняли летом 1517г. Двадцать тысяч татар явилось в окрестности Тулы. Воеводы князь Василий Семенович Одоевский и Иван Михайлович Воротынс- кий успели подготовиться к обороне. Пешие рати встретили татар в засеках, а затем их стала преследовать конница. Как сказано в летописи, татар «много взяли в плен, так что из 20 000 очень мало их возвратилось в Крым, и те пришли пеши, босы и наги».

Василий III вступил в союз с императором Максимилианом и с Альбрехтом Бранденбургским, великим магистром Тевтонского ордена. И тут, видимо, впервые возникла идея раздела Польши и Литвы между Священной Римской империей, Тевтонским орденом и Москвой. Напуганный возможностью такой комбинации, Сигизмунд обратился к императору Максимилиану с просьбой о посредничестве в переговорах с Василием III. Император согласился, и его посол Сигизмунд Герберштейн прибыл в Москву 18 апреля 1517 г.

С большим трудом Герберштейну удалось склонить Василия к переговорам, и в сентябре 1517 г. в Москву явились сигизмун-довы послы маршалки Ян Щит и Богуш. Но тут король, державший почти трехлетнюю паузу после Оршинской битвы, вновь решил воевать. Сигизмунд отправил гетмана Константина Острож-ского с большим войском к псковскому городу Опочке. Но 6 октября сильный приступ литовцев был отбит великокняжеским наместником Василием Михайловичем Салтыковым-Морозовым с большим уроном для осаждающих. Несмотря на это, Острожс-кий не снял осаду с крепости, а распустил отряды для нападений на другие малые псковские крепости — Воронач, Вилье[171] и Красный. Но московские войска, прибывшие на помощь к Опочке, в трех местах одержали победу над неприятелем, а воевода Иван Ляцкий наголову разбил шедший к Острожскому литовский отряд, заполучив при этом все их пушки и пищали.

Тем не менее, польские послы 29 октября 1517 г. были приняты великим князем в присутствии Герберштейна. Московские бояре потребовали от Литвы и Польши возвращения русских городов Киева, Полоцка, Витебска и других. Ведь недаром Иван III объявил себя государем *всея* Руси. С другой стороны, и Сигизмунд был не только польским королем, но и великим князем литовским и русским.

Как писал С.М. Соловьев: «...чем бы не кончились переговоры [с Литвой — *А. Ш.],* на каких бы условиях на этот раз ни заключен был мир или перемирие, в Москве считали необходимым всякий раз наперед предъявлять права великого князя или царя, потомка св. Владимира, на все русские земли, принадлежавшие последнему, опасаясь умолчанием об этих правах дать повод думать, что московский государь позабыл о них, отказывается от них».[172]

Послы Сигизмунда в ответ потребовали возвращения Смоленска. Герберштейн попытался поддержать связано с казанским походом Василия III, описание которого выходит за рамки этой книги. До самой смерти Василия III в 1533 г. так и не было подписано вечного мира, его заменяли перемирия от 25 декабря 1526 г. и от 24 марта 1532 г.

Видимо, стоит сказать несколько слов и о судьбе одного из важнейших действующих лиц русско-литовских войн — Михаиле Глинском. Как уже говорилось, после неудачного побега в Литву Глинский был отправлен в заточение. Из тюрьмы его вызволила... импотенция Василия III.

В 1525 г. великому князю московскому исполнилось 46 лет, а детей у него еще не было. Василий остро переживал это. Один раз он при боярах даже впал в истерику и с плачем говорил: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих уделов устроить не умеют». На что бояре ответили: «Государь князь великий! Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда».

В конце 1525г. митрополиту и боярам удалось склонить Василия к разводу. 23 ноября власти начали «розыск о колдовстве» великой княгини Соломонии. Действительно, несчастная женщина обращалась к знахарям за помощью от бесплодия.

Теперь Василий III имел основания предать жену церковному суду как ведьму. Но вместо этого он 29 ноября приказал увезти ее в девичий Рождественский монастырь на Трубе (на Рву), где ее принудительно подстригли в монахини под именем София. Соломония сопротивлялась до последнего, когда на нее надели монашеское одеяние, она сорвала его и растоптала. Тогда Шино-га Поджогин ударил ее плетью. Соломония не могла смириться со своей участью и распустила слух, что она беременна. В распространении этого слуха заподозрили вдову Юрия Траханиотова и жену постельничего Якова Мансурова. Женщины утверждали, что слышали о беременности из уст самой Соломонии. Василий III в гневе избил Траханиотову, а свою бывшую жену немедленно удалил из столицы.

Соломония была заточена в Покровском девичьем монастыре в Суздале. Вскоре по Москве поползли слухи, что в Суздале у Соломонии родился сын Георгий. Гробница таинственного Георгия сохранилась в общей усыпальнице Покровского суздальского монастыря до 1934 г. под видом гробницы Анастасии Шуйской, дочери царя Василия Ивановича, сосланной в монастырь вместе с матерью. В ходе археологических раскопок, проведенных в Покровском монастыре в 1934г., в предполагаемом месте погребения Георгия в каменном гробике найдена кукла в одежде из шелковых древних тканей, завернутая в материю и опоясанная пояском с кисточками. Костей в гробике археологи не обнаружили. Реставраторы ткани по типичным для княжеской одежды золотым прошвам отнесли мальчиковую рубашку и другие обнаруженные в гробике ткани к концу XVI века. Это же подтверждал и орнамент на надгробной плите. Полученные материалы доказали, что гробница не принадлежала Анастасии Шуйской. Но все это лишь косвенно подтверждает версию о рождении у Соломонии сына.

А тем временем московские бояре подыскали и невесту Василию — Елену Глинскую. В выборе невесты решающую роль сыграли Захарьины и князья Шуйские. Невеста из клана Захарьиных или Шуйских не могла пройти, поскольку в этом случае против них ополчилась бы вся московская знать. Поэтому для стоявших у престола Захарьиных и Шуйских идеалом была невеста — сирота: отец в могиле, дядя в тюрьме, братья почти дети. Все были уверены, что брак Василия с красавицей Еленой сохранит «статус-кво» при дворе.

Юная красавица Елена пришлась но душе 47-летнему великому князю. Чтобы угодить ей, Захарьин, Шуйские и Горбатые просят освободить из заключения ее дядю Михаила Львовича Глинского. Василий III нехотя соглашается. В феврале 1527 г. Михаил был выпущен на свободу и получил на кормление город Стародуб Ряполовский. Но М.Ю. Захарьин, М.В. Шуйский и Б.И. Горбатый были вынуждены «поручиться» за Глинского.

В случае его нового побега в Литву они были обязаны уплатить в казну огромную по тем временам сумму — 5 тысяч рублей.

Ради молодой жены Василий III отступил от старых русских обычаев и первым из московских князей сбрил бороду. Летописец сообщает, что великий князь «возлюбил» Елену «лепоты ради лица и благообразна возраста, наипаче ж целомудрия ради». Ну что касается ее «целомудрия», то тут вопрос остается открытым.

Прошел год, второй после свадьбы, а у Елены признаков беременности не появлялось. Великокняжеская чета зачастила по монастырям. Василий III не скупился на богатые вклады в монастырскую казну.

И вот 25 августа 1530 г., то есть спустя четыре с лишним года после замужества Елена

родила сына Ивана. Появление долгожданного наследника престола было встречено Василием III с огромной радостью. Не иначе, как помогли молитвы монахов о чадородии княгини. Однако у многих современников на этот счет были серьезные сомнения. Уже тогда начались разговоры о молодом воеводе Иване Федоровиче Овчине-Телепневе-Оболенском. Ивана с Еленой свела его родная сестра Аграфена Челядина, приближенная великой княгини.

В ночь со 2 на 3 декабря 1533 г. великий князь Василий III скончался в страшных мучениях. Великая княгиня не присутствовала при агонии мужа. Но, увидев митрополита с боярами, идущих в ее покои, Елена «упала замертво и часа с два лежала без чувств». Увы, длительный обморок Елены был всего лишь данью этикету. Не прошло и 40 дней со смерти мужа, как вся Москва заговорила об ее фаворите Иване Федоровиче Овчине-Телепневе-Оболенском. В начале января 1534 г. Овчина получил чин боярина.

Молодая вдова и ее фаворит попытались единолично править страной. Единственным методом управления у них были репрессии. 11 декабря, то есть спустя 8 дней после смерти Василия III, его брат Юрий Дмитровский был взят под стражу вместе с его боярами. Князь Юрий был заключен в ту же камеру, где уморили несчастного внука Ивана III — Димитрия. Нетрудно догадаться, что и Юрий вскоре там тихо почил. Позже Елена повелела схватить и заключить в темницу и младшего брата мужа — князя Андрея Стародубского. На него надели не только цепи, но и подобие железной маски — «тяжелую шляпу железную». Как видим, у нас был приоритет даже с железными масками. И русская «шляпа железная» оказалась более эффективной, чем знаменитая французская железная маска времен Людовика XIV. В ней узник прожил менее полугода.

Наглость Овчины вывела из себя даже дядю великой княгини Михаила Львовича Глинского, который был назначен Василием III главным опекуном при младенце Иване. Однако Елена предпочла фаворита дяде. По ее повелению в августе 1534 г. Михаил Глинский был схвачен, ослеплен, закован в цепи и заключен темницу, где и умер через несколько недель. Сразу же после ареста Глинского, опасаясь за свою жизнь, князь Семен Бельский и Иван Ляцкий бежали в Литву.

3 апреля 1538 г. умерла великая княгиня Елена Глинская. Немецкий барон Герберштейн, живший в Москве и оставивший подробные описания России, утверждал, что ее отравили. В самом деле, Елена не дожила до 25 лет, никакого мора в том году в Москве не было, так что вероятность естественной смерти была мала.

На седьмой день после смерти Елены в Москве произошел государственный переворот, во главе которого стал князь Василий Васильевич Шуйский. Иван Овчина и его сестра Аграфена были арестованы. На Овчину наложили «тяжелые железа», те самые, в которых в 1534 г. умер Михаил Глинский. Через несколько недель Овчину уморили голодом. Сестру же его Аграфену сослали на север в Каргополь и насильственно постригли в монахини. Заключенные в правление Елены князья Иван Бельский и Андрей Шуйский были освобождены.

Надо ли говорить, как формировался характер великого князя Ивана, в 8 лет оставшегося полным сиротой, причем не только без родителей, но и без дедушек и бабушек, братьев, дядей и тетей. Мало того, ходили слухи и о его незаконном происхождении, ведь связь Елены Глинской с Иваном Овчиной ни для кого не была секретом. Недаром юный Иван приказал посадить на кол Федора, сына Ивана Овчины, а племянника Ивана Дорогобужского — обезглавить.

ГЛАВА 19
СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА ДВУХ СИГИЗМУНДОВ

А теперь перейдем к религиозной политике Сигизмунда I. Первая жена короля Варвара умерла в 1515г. после долгой болезни. Германский император предложил Сигизмунду, которому уже исполнилось 50 лет, невесту — двадцатичетырехлетнюю итальянскую принцессу Бону Сфорцу, дочь миланского герцога Джован-ни Галеаццо. 18 апреля 1518г. Сигизмунд Старый вступил в новый брак.

Бона привезла с собой новые вкусы и новые требования, и, угождая им, Сигизмунд перестроил старый Краковский замок, окружил себя певцами и поэтами, а шляхтичи из кожи лезли, чтобы показаться прекрасной королеве не хуже итальянцев.

Постепенно королева начала вмешиваться и в государственные дела. Бона была очень умна и еще больше жадна. Она начала торговать должностями. Полбеды, если речь шла о придворных,

но королева вмешалась и в церковные дела. Если ранее кандидаты на церковные должности, как у католиков, так и у православных, выбирались собранием духовных лиц, то теперь все более и более стало входить в обычай непосредственное назначение их самим королем по рекомендации и ходатайству каких-нибудь влиятельных лиц.

Как писал В.А. Белов: «Духовные места король давал кому хотел, нисколько не сообразуясь с нравственными достоинствами своего кандидата. Епископии, монастыри и церкви часто даются, как награды за какие-либо государственные или военные заслуги, причем не обращается никакого внимания на нравственные качества того, кому они давались. Многие сами добивались их, так как получение духовной должности давало им материальное обеспечение, и для получения желаемого не останавливались ни перед какими средствами. Часто места даются еще при жизни занимающих их лиц. Примеров тому немало.

Около 1519г. Сигизмунд дал грамоту пану Василию Евлашковичу, в которой обещал ему за заслуги отечеству его сына Михаила Копти предоставить какую-либо епископию — Владимирскую или Луцкую, — смотря по тому, какая из них раньше освободится. Епископ Владимирско-Брестский Пафнутий просил Си-гизмунда I предоставить ему Луцкую кафедру после смерти престарелого владыки Кирилла, на что и последовало согласие короля (в 1526 году). Лаврашевскому архимандриту Алексию, по ходатайству князя К.И. Острожского и митрополита, обещал дать Троицкий монастырь в Вильне, после смерти немощного архимандрита Тихона. В уплату долга из казны некоему Андрею Дя-гилевичу король предоставил в его пользование три Киевские церкви (Николаевско-Межигорскую, Николаевско-Иорданскую и Христо-Рождественскую) с тем, чтобы он сделался священником... Жидичниский монастырь отдан был королем (1507г.) К.И. Острожскому с правом подавать туда архимандрита и распоряжаться его имениями, а Городенскому старосте Юрию Радзивиллу (в 1520 г.) в такое же подаванье отдана была находившаяся в его имении Котре Спасская церковь со всеми ее землями. Многие монастыри и церкви переходили преемственно от отца к сыну, и это, как видно из наказа Боны своему державцу Пинскому (1520 г.), сделалось обычным на Руси явлением. Впрочем, такой произвол в делах церковных нисколько не должен удивлять нас, так как Сигизмунд и Бона допускали подобного рода злоупотребления при раздаче и католических церковных должностей.

Со времени Казимира Ягеллона короли начинают проявлять особенную самостоятельность в назначении католических епископов и в утверждении монастырских аббатов. Сигизмунд I задался целью поставить в зависимость от себя раздачу всех церковных (католических) бенефиций. Назначение того или другого лица на должность бискупа или арцибискупа зависело от короля; он избирал кандидатов на кафедры, папе же предоставлено было только право апробации указанного королем лица. Кроме епископов, король сам назначал первых в каждом капитуле прелатов, некоторых каноников и значительно количество приходских священников. При этом допускались злоупотребления и по отношению к католической церкви. Бона, несмотря на то, что была усердной католичкой, самым бесцеремонным образом торговала епископскими кафедрами и продавала их за хорошую плату явным сторонникам реформации»[173].

Пущенные в Германии Мартином Лютером идеи реформации очень быстро перенеслись в Польшу, где были встречены горячо и сочувственно. Естественно, что польские католические епископы попытались поставить заслон для проникновения в страну лютеранства. Еще в 1520 г. католическое духовенство, собравшись на Пиотрковском синоде под председательством примаса Яна Лас-ского, строго запретило католикам чтение книг, содержащих в себе идеи лютеранства. Запрещение это впоследствии несколько раз подтверждалось и на других соборах.

В том же 1520 г. Сигизмунд I издал распоряжение (эдикт), которым под угрозой конфискации имущества и изгнания из отечества воспрещалось ввозить в Польшу и продавать сочинения Мартина Лютера. Строгие распоряжения против распространения реформации потом повторялись несколько раз как со стороны духовенства, так и со стороны светского правительства. В 1522 г. Сигизмунд издал второй эдикт против лютеран. Но, видя бесполезность обоих своих эдиктов, король 7 марта 1523 г. издал третий эдикт, более строгий, в котором запрещалось привозить, читать и распространять сочинения Лютера и исповедовать смертоносные догматы протестантизма под страхом смертной казни (сожжения на костре) и конфискации имущества.

Однако эти свирепые эдикты остались в основном на бумаге. Другой вопрос, что фанатичные ксендзы в ряде случаев в инициативном порядке устраивали избиения протестантов. Так, например, в городе Несвиже католики загнали несколько десятков протестантов в маленькую часовню, где они набились буквально как сельди в бочке. Им было предложено

отречься от своей веры. Когда через пять дней часовню открыли, то нашли живым только одного, который тоже под вечер умер.

Несмотря на репрессии, число сторонников «религиозных новшеств», по выражению польских историков, увеличивалось быстрыми темпами. Сначала протестантизм распространялся в форме лютеранства, но потом появились и другие его виды: цвинглианство, кальвинизм, социанизм[174]. Все виды и разветвления протестантизма нашли себе радушный приют в Польше и Литве и привлекали к себе многочисленных последователей.

Как уже говорилось, на момент смерти Василия III с Литвой действовало перемирие сроком на один год. Поэтому Сигизмунд и паны направили посланника Клиновского к великому князю, но он уже не застал Василия в живых. Елена и ее фаворит Овчина по каким-то причинам мира не захотели, но и не объявляли войны, то есть действовали по формуле «ни мира, ни войны».

Итак, срок перемирия истек, и летом 1534 г. гетман Юрий Рад-зивилл вместе с татарским войском опустошил окрестности Чернигова, Новгорода Северского, Радогощ, Стародуба и Брянска.

Королю Сигизмунду стало известно, что московские бояре настолько конфликтуют между собой, что несколько раз их распри даже переходили в поножовщину. А в Пскове нет войска, сидят только купцы, переведенные из Москвы, да «черные люди» псковичи, которые часто сходятся на вече, наместники и дьяки им это запрещают, не зная, что они там замышляют.

Очень обрадовался Сигизмунд приезду знатных беглецов — князя Семена Бельского и Ивана Ляцкого. Королю передали, что если он хорошо примет этих беглецов, то следом за ними из Москвы перебегут многие князья и знатные дети боярские, и Сигизмунд богато наградил Бельского и Ляцкого.-

Осенью 1534 г. гетман Юрий Радзивилл отправил в Северскую землю воеводу Андрея Немировича и конюшего дверного Василия Чижа. Они сожгли Радогощ, но были разбиты и отступили от Стародуба и Чернигова. Князь Александр Вишневецкий также потерпел неудачу под Смоленском.

Литовские воеводы встречали активное сопротивление под городами, но не встречали московской рати в поле. В Москве татар боялись больше, чем Литвы, и все войска стояли под Серпуховом. Кроме того, внутренние смуты и распри мешали сбору и движению войск. И только в конце октября 1534 г. московская рать двинулась в Литву. Большой полк вели князья Михаил Горбатый-Суздальский и Никита Оболенский; передовой полк — боярин конюший князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский. Из Новгорода вел полки князь Борис Горбатый для соединения с князем Михаилом. Но теперь уже московские войска не встретили литовцев в поле и в свою очередь безнаказанно опустошили литовские области, не дойдя только 40 или 50 верст до Вильно. А князь Федор Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский ходил из Стародуба до самого Новгорода Северского.

На следующий год в Москве узнали от лазутчиков о подготовке к походу королевского войска. Навстречу ему из Москвы отправилась большая рать: большой полк иод начальством князя Василия Васильевича Шуйского и передовой полк — опять под начальством князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского. Главная московская рать должна была взять Мстиславль, а псковские и новгородские войска под началом дворецкого[7;> Бутурлина должны были построить город на литовской территории на озере Себеж.

Литовское же войско, избегая решительного сражения, двинулось в другую сторону, то есть на двести верст южнее направления главного удара русских на Мстиславль. Гомель сдался королевским войскам без сопротивления, но Стародуб, где воеводой сидел князь Федор Овчина-Телепнев-Оболенский, сопротивлялся отчаянно. Тогда немецкие инженеры прорыли подкоп под стены города и одновременно взорвали несколько фугасов. В образовавшийся пролом ворвались литовцы и, согласно летописи, перебили тринадцать тысяч жителей, то есть практически весь город. Сам же воевода попал в плен.

Городок Почеп еще до прихода Литвы был покинут жителями и сожжен русскими войсками. От Почепа литовское войско двинулись назад.

Основная московская рать осадила Мстиславль. Посад был взят, но замок (центральная цитадель) остался в руках литовцев. Постояв несколько недель у Мстиславля и опустошив окрестности, русские ушли.

Бутурлин с новгородцами и псковичами быстро построил новый укрепленный город, получивший название Себеж. Литовцам появление крепости у себя иод носом явно не понравилось, и уже в феврале 1536г. Себеж был осажден войсками воеводы Андрея Немировича. По зимнему пути литовцы легко подвезли осадную артиллерию. Но литовские

пушки не смогли разрушить укрепления Себежа. Воевода приказал увеличить пороховые заряды, что сразу привело к разрыву нескольких пушек. 27 февраля русский гарнизон пошел на вылазку, осаждающие бежали через озеро, но подтаявший лед провалился, и озеро поглотило много людей и лошадей.

Весной и летом 1536 г. московские воеводы ходили воевать Литовскую землю под Любеч, сожгли посад Витебска, разорили много волостей и сел и возвратились домой с богатой добычей и большим полоном.

Кроме Себежа, на литовской границе были построены крепости Заволочье в Ржевском и Велиж в Торопецком уездах. Крепости Стародуб и Почеп, покинутые литовцами, были восстановлены.

Еще в сентябре 1535 г. поляки в неофициальном порядке попытались заключить мир. А в июле 1536г. король официально прислал малолетнему Ивану IV (1530—1584 гг.) посла — кревского наместника Никодима Техановского. Наконец, 18 февраля

1537 г. в Москве (по традиции, которую великий князь уже не желал нарушать) было подписано перемирие сроком на пять лет, считая с 25 марта 1537 г. По этому перемирию Гомель оставался за Литвой, а ряд городов по левой стороне Днепра — Кричев, Рославль, Мстиславль, Чернигов и новопостроенные крепости Себеж и Заволочье — за русскими.

Перемирие 1537 г. соблюдалось обеими сторонами. Молодой Иван IV в это время был занят внутренними проблемами, крымскими и казанскими татарами. Литва и Польша тоже страдали от крымцев, да и престарелый Сигизмунд не желал новой войны.

Любопытно обращение короля к Литовской раде в сентябре

1538 г., где он сообщил, что до истечения перемирия с Москвой остается только три года, и потому надо думать, как быть в случае новой войны? «Что касается до начатия войны с нашим неприятелем московским, то это дело важное, которое требует достаточного размышления. Не думаю, чтоб жители Великого княжества Литовского могли одни оборонить свою землю без помощи наемного войска. Вам, Раде нашей, известно, что первую войну начали мы скоро без приготовлений, и хотя земские поборы давались, но так как заранее казна не была снабжена деньгами, то к чему наконец привела эта война? Когда денег не стало, мы принуждены были мириться. Какую же пользу мы от этого получили? Если теперь мы не позаботимся, то по истечении перемирия неприятель наш московский, видя наше нерадение, к войне неготовность, замки пограничные в опущении, может послать свое войско в наше государство и причинить ему вред. Так, имея в виду войну с Москвою, объявляем вашей милости волю нашу, чтоб в остающиеся три года перемирных на каждый год был установлен побор, на первый год серебщизна по 15 грошей с сохи, на второй — по 12, на третий — по 10; чтобы эти деньги были собираемы и складываемы в казну нашу и не могли быть употреблены ни на какое другое дело, кроме жалованья наемным войскам».

После этого воинственно настроенное панство как-то притихло и о войне более не заикалось. В итоге ровно день в день по истечении пятилетнего срока перемирия, 25 марта 1542 г., в Москве польские послы подписали соглашение о продлении перемирия еще на семь лет с момента подписания.

В 1548г. от апоплексического удара умер тучный Сигизмунд I Старый. На польский престол взошел его сын Сигизмунд II Август, он же стал и великим князем литовским.

Новому королю было только 28 лет, но он уже успел стать вдовцом. В 1545 г. умерла его первая жена Елизавета Австрийская. Но молодой королевич не долго горевал и через несколько недель влюбился в двадцатидвухлетнюю Барбару Радзивилл.

Николай Черный Радзивилл, двоюродный брат Барбары, и Николай Рыжий Радзивилл, родной ее брат, решительно потребовали от королевича порвать с их сестрой. Сигизмунд вынужден был дать слово. (Хорошая иллюстрация могущества польской знати!). Однако страсть заставила королевича нарушить обещание. Во время очередного тайного свидания братья Барбары застали любовников в весьма интересном положении. Теперь Сигизмун-ду не оставалось ничего иного, как заявить о своей любви и желании жениться. Королевич согласился жениться, потому что очень любил Барбару, но только попросил, чтобы свадьба оставалась в тайне до того времени, пока он не займёт польский трон, иначе он не сможет защитить не только Барбару, но и себя.

В 1547 г. произошло тайное венчание Сигизмунда и Барбары. А между тем королева Бона продолжала ему искать невесту среди знатных королевских дворов Европы. Лишь после смерти мужа Бона узнала о женитьбе сына. Итальянка в ярости требует от Сигизмунда расторгнуть брак. Получив отказ, королева-мать обращается к сейму с требованием не признавать Барбару коро-

левой. На сейме Сигизмунд решительно объявляет, что скорее откажется от престола, чем от жены, с которой его соединил Бог, и вельможи уступили, а мелкая шляхта встала на сторону короля. И в декабре 1550 г. Барбара стала польской королевой.

Старая же королева в знак протеста со всем своим двором уехала в Италию. Но ее придворный аптекарь итальянец Монти остался. Он подмешал яд молодой королеве, и в мае 1551 г. цветущая красавица умерла.

Отчаяние и горе короля были безмерными. По завещанию умершей гроб с ее телом повезли в Вильно. Неутешный король всю дорогу от Кракова шел за гробом пешком. Похоронили Барбару в Кафедральном соборе на площади Гедемина. Саркофаг с ее останками находится там и в наши дни.

Король после смерти любимой так тосковал, что решил с помощью алхимиков — панов Твардовского и Юрия Мнишка — вызвать ее душу. В полутемном зале было все подготовлено, чтобы с помощью зеркал, на одном из которых была выгравирована Барбара во весь рост в белой одежде, любимой королем, разыграть сцену встречи короля и души Барбары. Короля посадили в кресло и хотели привязать руки к подлокотникам, чтобы он нечаянно не прикоснулся к привидению. Сигизмунд дал слово, что будет сидеть спокойно и только на расстоянии спросит у любимой, как ему жить дальше. Но, когда появилось привидение, он от волнения забыл свою клятву, вскочил с кресла, кинулся к приведению со словами «Васенька моя!», и хотел ее обнять. Раздался взрыв, пошел трупный запах — теперь душа Барбары не могла найти дорогу в могилу, вечно ей скитаться по земле. Поляки до сих пор верят, что она поселилась в Несвижском замке.

Несколько слов об алхимиках. Кем был и чем кончил пан Твардовский, неизвестно, а вот Юрий Мнишек — личность очень колоритная, и о нем стоит сказать пару слов. Мнишки, чехи по происхождению, в Польше поселились недавно. Отец Юрия Николай Мнишек переехал в Польшу из Моравии где-то в 1540г.

Родовое имя Мнишков нашло сомнительную славу в хрониках Священной Римской империи, но носитель его принес с собой большое состояние, нажитое им на службе у короля Фердинанда[176] . Николай Мнишек выгодно женился на дочери санокского каштеляна Каменецкого и тем самым породнился с одной из аристократических фамилий Польши. Это открыло ему доступ к самым высшим должностям в государстве. Вскоре он получил звание великого коронного подкормия. Подобно своим предкам, потомки Николая Мнишка никогда не блистали военными доблестями. Оба его сына, Николай и Юрий служили при дворе Сигизмунда II и ничем не проявили себя до тех пор, пока смерть супруги короля Барбары Радзивилл не изменила кардинально его характер.

В 1553 г. Сигизмунд II женился на двадцатилетней Екатерине Австрийской. Но молодая жена не интересовала короля. Сигизмунд предался разврату и мистицизму, и Мнишки проявили тогда свои таланты. Проворные маклеры и искусные сводники, они доставляли своему безутешному государю колдунов, вызы-вателей духов, любовниц и разные зелья и средства для возбуждения потехи. В одном монастыре бернардинок воспитывалась юная красавица по имени Варвара. Она была удивительно похожа на покойную королеву. Юрий Мнишек пробрался туда, переодевшись в женское платье, и Варвара согласилась еще более реальным образом напомнить королю о прелестях столь горячо оплакиваемой супруги. Варвара была дочерью простого мещанина Гижи. Ее поселили во дворце, и два раза в день Юрий Мнишек отводил ее к королю.

Это «ремесло» возвело его в должность коронного кравчего и управляющего королевским дворцом. В его обязанности входило также наблюдение и за другими любовницами короля, жив-шими во дворце. В то же время, действуя заодно с братом, Юрий Мнишек приобрел большое влияние на большинство государственных дел и прибрал к своим рукам распоряжение королевской казной. Это было лишь началом карьеры Юрия Мнишка, но, увы, хронологические рамки книги заставляют нас покинуть Юрия и даже не упомянуть о его дочери Марине.

Правление королевы Боны плохо отразилось на нравах православного духовенства, а католики, как миряне, так и духовенство, буквально распоясались. А могло ли быть по-другому? В руках католических епископов оказались громадные богатства, тысячи деревень и имений. Рим был далеко. Власть папы — духовного владыки католического мира давно уже утратила свою силу. А в Польше, где свободолюбивая шляхта добилась чуть ли не полной независимости от светской и духовной власти, наступило безначалие и в жизни церкви.

По свидетельству современника, «бессилие духовенства дошло до того, что теперь братья безнаказанно женятся на сестрах, дяди на племянницах и т.п.; есть и такие, что имеют по две жены или вступают в брак с чужими женами». Некоторые по несколько раз меняли веру, в

зависимости от того, какое вероисповедание в настоящий момент принесет им больше выгоды. Девушки из знатных семей запросто выходили замуж за ксендзов, нарушавших обет безбрачия. Приходы раздавались нередко в виде доходной статьи несовершеннолетним или даже детям, родители которых нанимали от себя для совершения таинств и обрядов какого-нибудь бедного и невежественного священника.

Те же пороки захватили и высшее духовенство. Епископы жили по своим поместьям, хозяйничали, а доходы отдавали не церкви, а своей родне. Священных книг у них не было, а обряды они совершали так небрежно и неумело, точно в первый раз отправляли богослужение.

Еще при жизни отца, 4 февраля 1537 г., Сигизмунд Август, которому исполнилось 15 лет, в главной церкви краковского замка дал клятву хранить все права, привилегии, свободы, иммунитеты церковные и светские, каким бы станам и людям (без всякого исключения) они не принадлежали.

На Виленском сейме в 1563 г. Сигизмунд II сделал много уступок в пользу шляхты, к числу которых относится и уничтожение обидных для православных пунктов Городельского постановления 1413 г. Сигизмунд Август уравнял во всем с католиками и всех прочих «стану рыцарского и шляхетского, как Литовского, так и Русского народу, одно бы были веры христианской».

В 1568 г. на Гродненском сейме киевский митрополит Иона III Протасович попросил короля, чтобы «духовные должности не раздавались светским лицам, чтобы последние, по получении какого бы то ни было духовного уряда, оставались в звании мирян не более трех месяцев. Если кто не исполнит этого, то епископ данной епархии лишает его достоинства и хлебов духовных и отдает их людям духовным». Король согласился с этим, но оставил за собой право отбирать таковое достоинство и передавать его другим, «поддуг воли своее госиодарской», по донесении епархиальным (местным) владыкой.

Но когда митрополит обратился к королю с ходатайством предоставить и ему с епископами греческого закона постоянно место и голос в королевской раде в такой же мере, как это предоставлено высшей католической иерархии, то просьба эта была отклонена.

Тем временем протестантизм[177] широко распространился среди польской и особенно литовской шляхты. Так, воевода[178] ви-ленский и канцлер литовский Николай Черный Радзивилл, двоюродный брат королевы Барбары, стал ревностным протестантоми делал все возможное для распространения нового учения в Литве. Он ввел его в свои обширные вотчины и поместья, вызвал из Польши самых знаменитых протестантских проповедников и принимал под покровительство всех отступивших от католицизма. Радзивилл простых людей привлекал угощениями и подарками, а шляхту — почти королевскими милостями, и, таким образом, почти все высшее сословие приняло протестантизм. С не меньшим успехом новая вера распространялась и в городах. Только сельское население в большинстве своем оставалось в прежней вере, особенно в русских православных областях.

В конце концов, Радзивилл решил перетянуть на свою сторону самого короля. Он уговорил Сигизмунда в Вильно поехать на богослужение в протестантскую церковь, построенную напротив католической церкви святого Иоанна. Однако, как уже неоднократно бывало, случайность изменила историю Польши. Узнав, что Си-гизмунд поедет в протестантскую церковь, доминиканец Киприан, епископ литопенский, вышел к нему навстречу, схватил за узду лошадь и сказал: «Предки вашего величества ездили на молитву не этою дорогою, а тою». Сигизмунд растерялся и был вынужден последовать за Киприаном в католическую церковь. В 1565 г. Николай Черный Радзивилл скончался. Во главе протестантского движения стал его двоюродный брат Николай Рыжий Радзивилл. Однако у Рыжего не было ни ума, ни воли, ни авторитета брата.

1565 год можно считать переломным в борьбе протестантизма с католичеством в Речи Посполитой.

ГЛАВА 20
ПЕРВЫЙ ЭТАП ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

13 февраля 1549 г. в Москве перемирие было продлено еще на пять лет. О вечном же мире не могло быть и речи: Литва не хотела мириться без Смоленска. Литовские послы настаивали: «Без отдачи Смоленска не мириться», а московские бояре отвечали им: «Ни одной драницы из Смоленска государь наш не уступит».

Замечу, что молодой Иван, еще не Грозный, не хотел мира и со Смоленском. Он говорил боярам: «За королем наша вотчина извечная, Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и многие другие города русские, а Гомель отец его взял у нас во время нашего малолетства: так пригоже

ли с королем теперь вечный мир заключать? Если теперь заключить мир вечный, то вперед уже через крестное целование своих вотчин искать нельзя, потому что крестного целования никак нигде нарушить не хочу».

И решил Иван IV с боярами вечного мира с королем не заключать, а заключить только перемирие, чтобы потом иметь возможность отвоевать свои старинные вотчины, а пока дать людям отдохнуть и разобраться с другими недругами. Если же послы начнут допытываться у бояр, на каких условиях государь согласен на вечный мир, то требовать уступки Гомеля, Полоцка и Витебска. Полоцка и Витебска требовать для того, чтобы вечный мир не состоялся, потому что если послы согласятся уступить Гомель, Смоленск, Себеж и Заволочье, то от вечного мира тогда отговориться будет сложно.

При подписании соглашения о новом продлении перемирия встретились затруднения с титулом Ивана, который сам себя объявил царем. Литовские послы взбеленились и говорили, что прежде этого не бывало. Бояре ответили, что прежде не бывало потому, что Иван на царство еще не венчался, а теперь венчался по примеру Владимира Мономаха. Но это послов не убедило, они отказались подписывать грамоту и собрались покинуть Москву.

Иван с боярами долго обсуждал, можно ли подписать грамоту без царского титула. Бояре говорили, что теперь, при угрозе еще двух неприятелей — крымских и казанских татар — можно обойтись и без царского титула. Но Иван решил: «Написать полный титул в своей грамоте, потому что эта грамота будет у короля за его печатью. А в другой грамоте, которая будет писаться от имени короля и останется у государя в Москве, написать титул по старине, без царского имени. Надобно так сделать потому, что теперь крымский царь в большой недружбе и казанский также: если с королем разорвать из-за одного слова в титуле, то против троих недругов стоять будет истомно, и если кровь христианская прольется за одно имя, а не за землю, то не было бы греха перед богом. А начнет бог миловать, с крымским дело поделается и с Казанью государь переведется, то вперед за царский титул крепко стоять и без него с королем дела никакого не делать».

Послы воевода витебский Станислав Кишка и маршалок Ян Камаевский потребовали дать им грамоту о царском поставле-нии, каким образом государь на царство венчался, и откуда его предки взяли царское имя. Царь, переговорив с боярами, решил такой грамоты послам не давать, потому что они составят на нее свои ответы, и тогда «в речах будет говорить о том тяжело».

Послы уже распростились и сели в сани, но тут их вернули и позволили им написать грамоту от королевского имени без царского титула.

Для взятия присяги с короля о соблюдении перемирия в Литву отправился боярин-окольничий Михаил Яковлевич Морозов. В его миссию также входило добиться от короля признания царского титула Ивана, полученного им от предков, а именно от великого князя киевского Владимира Мономаха. Король велел ответить Морозову, что прежде ни Иван, ни отец его, ни дед этого титула не употребляли, а что касается Владимира Мономаха, то, во-первых, это дела давние, а во-вторых, киевский престол сейчас находится в руках короля, и тогда уж король, а не великий князь московский имеет право называться царем киевским. Но так как титул этот ни славы, ни выгоды королю не обещает, то он его и не употребляет, тем более что все христианские государи называют царем только римско-германского императора. Если же король и великий князь московский называют царями крымского хана и других татарских и поганских господарей, то это ведется из старины, давно их на славянских языках стали так называть, а сами себя они так не величают.

Спор о царском титуле привел к тому, что король не называл Ивана царем в своих грамотах, за что Иван в ответных грамотах не называл Сигизмунда-Августа королем. Гонцы не брали таких грамот и уезжали с пустыми руками.

При Иване IV видимо впервые возник и «еврейский вопрос». Как писал С.М. Соловьев: «В 1550 году приезжал в Москву посол Станислав Едровский, через которого король велел сказать Иоанну: «Докучают нам подданные наши, жиды, купцы государя нашего, что прежде изначала при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей земле твоей с товарами ходить и торговать. А теперь ты жидам не позволяешь с товарами в государство свое въезжать». Иоанн отвечал: «Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья к нам привозили и пакости многие нашим людям делали. Так тебе бы, брату нашему, не годилось и писать об них много, слыша их такие злые дела». Еще при жизни Сигизмунда Старого жиды брестские были выгнаны из Москвы и товары их сожжены за то, что они привозили продавать *мумею»*[179]. Вопрос сей на время снялся.

Между тем евреи издавна обладали в Польше большими правами. Первый известный «привилей» евреям был дан великим польским князем Болеславом в 1264 г. «Евреи находились в положении рабов князя (зегу! сатегае), ему непосредственно подчинялись, иногда, при заместительстве князя, — воеводе, суду которого они и подвергались в случае надобности. Однако споры между евреями решались в гмине в чисто еврейском судебном ведомстве. Привилегия определяла их права относительно христианского населения, защищала евреев, запрещала нарушать еврейские кладбища, школы и пр. Привилегия эта, изданная для одной только области, стала основанием для привилегий Казимира Великого, относящихся к 1344, 1364 и 1367 гг. Казимир Великий распространил эту привилегию на всех евреев в государстве, в форме подтверждения Болеславовой привилегии или же развивая ее еще дальше.

Привилегии эти составляют основу законного положения евреев в Польше относительно прочих слоев общества.

Евреи занимались почти исключительно лихвой, т.е. отдачей денег в долг за большие проценты, что христианскому населению было запрещено по церковному уставу»[180].

12 сентября 1552 г. в Москве было подписано перемирие на два года, со вступлением в силу с 25 марта 1554 г., а 7 февраля 1556 г. подписали очередное соглашение, по которому перемирие продлевалось с 25 марта 1556 г. еще сроком на семь лет. При этом вопрос о титуле Ивана IV так и не был решен. Русским дипломатам не помогли и ссылки на прародителя Ивана римского императора Августа и то, что «Казанского и Астраханского государств титулы царские бог на нас положил».

В царствование Сигизмунда II состоялась первая попытка привести Киевские земли под руку московского царя. И сделал это за сто лет до Хмельницкого каневский староста (владетель города) Дмитрий Иванович Вишневецкий. Род православных князей Вишневецких происходил от князя северского Дмитрия Кори-бута, сына великого князя литовского Ольгерда, участника битвы на Куликовом поле.

Начало 50-х годов XVI века отмечено ежегодными походами крымских орд как на Литву, так и на Московское государство. Татары доходили до Тулы и Рязани. В марте 1556 г. царь Иван Грозный, не дожидаясь очередного вторжения татар, посылает дьяка Ржевского провести разведку боем в тылу противника. Ржевский на чайках (малых гребных судах) спустился по реке Псёл (правый приток Днепра) и вышел в Днепр. Черкасский и каневский староста Дмитрий Вишневецкий посылает на помощь Ржевскому 300 казаков под начальством атаманов черкасских Млынского и Есковича. Дьяк Ржевский доплыл до турецкой крепости Очаков в устье Днепра и штурмом овладел ею. На обратном пути у порогов Днепра татарский царевич нагнал войско Ржевского, но после шестидневного боя дьяку удалось обмануть татар и благополучно вернуться в Москву.

Летом 1556 г. Вишневецкий построил мощную крепость на острове Хортица, там, где в последствии была знаменитая Запорожская Сечь. Крепость на острове находилась вне территории Польско-литовского государства и была хорошей базой для борьбы с татарами. Отряды Вишневецкого, преследуя татар, доходили до Перекопа и Очакова.

В сентябре 1556 г. Дмитрий Вишневецкий отправляет в Москву атамана Михаила Есковича с грамотой, где он бьет челом и просит, чтобы «его Государь пожаловал и велел себе служить».

Предложение Вишневецкого открывало широкие перспективы перед Иваном IV. Ведь в подданство Вишневецкий просился не один, он владел всеми землями от Киева до Дикой степи. В поход на татар Вишневецкий мог поднять тысячи казаков, в его распоряжении находилось несколько десятков пушек. Разумеется, польский король не остался бы равнодушен к потере южного Приднепровья. Но нет худа без добра. Походы польских войск традиционно сопровождались насилиями и грабежами, что неизбежно вызвало бы восстание и на остальной территории Малой России.

В 1556 г. Малороссия могла сама, как спелое яблоко, упасть в руки царя Ивана. Но, увы, у него были иные планы. Через два года начнется Ливонская война, и царь думает только о ней. Прорубить окно в Европу было России жизненно необходимо. Но для этого нужна была более мощная армия, более сильная экономика, 20 лет тяжелой Северной войны, постройка Петербурга, заселение новых земель, создание мощного флота и, наконец, гений Петра Великого.

Иван IV, начиная Ливонскую войну, явно переоценил свои силы. Предложение Вишневецкого было отвергнуто царем. Русская дипломатия начала действовать в диаметрально противоположном направлении, вступив в переговоры о мире с Польшей и Крымским ханством. До Ивана IV никак не доходило, что Крымское ханство не обычное государство, живущее за счет сельского хозяйства, ремесел и торговли, а орда грабителей, которая физически не может существовать за счет

внутреннего производства. Переговоры же, которые вели крымские ханы с московскими царями и польскими королями имели цель лишь получить как можно большую дань. Историки XIX века остроумно называли их «бахчисарайским аукционом». Если Москва платила больше, чем Краков, то крымцы два или три года грабили только польские владения, и наоборот.

В итоге Иван Грозный упустил великолепный исторический шанс воссоединить Малую и Великую Россию. Царь приказал Вишневецкому сдать Черкассы, Канев и другие контролируемые им территории польскому королю, а самому ехать в Москву. На «подъем» Вишневецкому выдали огромную по тем временам сумму — 10 тысяч рублей. В Москве Вишневецкому царь дал «на кормление» город Белев и несколько сел под Москвой. Так Иван потерял «Богдана Хмельницкого» и приобрел хорошего «кондотьера» .

В 1558 г. начинается Ливонская война, и 100 тысяч татар, забыв обо всех мирных договорах, идут на Рязань и Тулу. Но, узнав, что значительная часть русских войск еще не ушла в Ливонию, татары повернули назад. Так рухнули дипломатические усилия Грозного обеспечить безопасность России на юге в ходе войны за выход к Балтике. В ответ царь отправил против крымского хана два отряда: восьмитысячный под командованием окольничего Данилы Адашева вниз по Днепру и пятитысячный под командованием Вишневецкого вниз по Дону. Адашев захватил в устье Днепра два турецких корабля, а затем высадился в западном Крыму близь современной Евпатории. Русские разорили несколько улусов, освободили сотни русских рабов и благополучно вернулись по Днепру домой. Вишневецкий разбил на Дону отряд крымских татар, шедших к Казани, а затем осадил турецкую крепость Азов. Крепость спасло лишь появление большого турецкого флота адмирала Али Рейса. Атакованный с двух сторон крымский хан вновь вступил в переговоры с Москвой.

Дмитрию Вишневецкому не улыбалось закончить жизнь белев-ским помещиком, и он покинул царскую службу. В 1564 г. с четырьмя тысячами казаков Дмитрий Вишневецкий отправился воевать с турками в Молдавию. Там он был обманом схвачен, привезен в Константинополь и повешен за ребро на крюке.

В украинский эпос Дмитрий Вишневецкий вошел как казак Байда. В одной из песен султан предлагал православному казаку Байде поменять веру и взять в жены султанову дочь, но гордый казак ответил: «Твоя віра проклятая, твоя дочка поганая».

Подробное исследование Ливонской войны выходит за рамки книги, нам интересен лишь польско-литовский вектор этой войны. Некоторые историки считают Ливонскую войну политической ошибкой Ивана IV. Н.И. Костомаров, например, усматривал в ней излишнее стремление Ивана Грозного к завоеваниям. Другие, как, например, И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев, утверждают, что эта война для России «была поставлена в повестку дня самой историей — выхода к Балтийскому морю требовали ее экономические и военные интересы, а также необходимость культурного обмена с более развитыми странами Запада. Иван Васильевич, следуя по стопам своего знаменитого деда — Ивана III, решил прорвать блокаду, которой фактически отгородили от Запада Россию враждебные ей Польша, Литва и Ливонский орден»[182].

Автор более склонен ко второй точке зрения, но, по моему мнению, Иван IV и его бояре явно не рассчитали свои силы. Крайне неудачно было выбрано и время начала войны. Как показывает история XV—XX веков, пожать плоды своих военных побед Россия могла лишь в том случае, когда другие европейские государства были заняты другой войной, причем, неважно с кем.

В январе 1558 г. сорокатысячная русская армия вторглась в Ливонию. В ходе кампаний 1558 г. и 1559 г. войска Ордена были наголову разбиты, а значительная часть крепостей взята русскими.

В сложившейся ситуации новый магистр ордена Готхард Кетлер обратился за помощью к соседним государствам. 31 августа 1559г. Кетлер и король Польши и Литвы Сигизмунд II Август заключили в Вильно соглашение о вступлении Ливонии под протекторат Польши. Согласно этому договору король обязался защищать владения Ордена от Москвы. За это архиепископ и магистр отдали ему под залог девять волостей с тем условием, что если они захотят их после выкупить, то должны заплатить 700 тысяч польских гульденов. Тогда Сигизмунд Август обязался отправить своего посланника в Москву, чтобы довести до сведения Ивана IV, что теперь Ливония отдалась под королевское покровительство, и чтобы московские войска не смели вступать в Ливонские земли.

В Москву поехал в январе 1560 г. Мартин Володков. Передав королевскую грамоту, он попросил разрешения встретиться с Алексеем Адаше-вым и сказал ему: «Поляки всею землею хотят того, чтоб государь наш с вашим государем начал войну. Но воевода виленский, Николай Радзи-вилл, и писарь литовский Волович стоят крепко, чтоб король с государем вашим был в любви. Поляки с Радзивиллом сильно бранятся, говорят, что воевода за подарки помогает русскому государю, говорят: нам Ливонские земли нельзя выдать, и не станет король за Ливонскую

землю, то мы не станем его за короля держать, и приговорили накрепко, что королю к вашему государю посланника не отправлять. Так вы бы государя своего на то наводили, чтоб он отправил к нашему государю своего посланника, чтоб о Ливонской земле сговориться: тут уж непременно Радзивилл вступится в дело и приведет его к миру».

Адашев ответил, что государю к королю отправлять посла не годится, потому что король вступился в Ливонскую «данную» (то есть плативщую Москве дань) землю. А когда посол усомнился, точно ли Ливония должна платить дань Москве, ему показали последнюю договорную грамоту с обязательством дерптского епископа платить по гривне с человека.

Иван IV отвечал королю: «Тебе очень хорошо известно, что Ливонская земля от предков наших по сие время не принадлежала никакому другому государству, кроме нашего, платила нам дань, а от Римского государства избирала себе духовных мужей и магистров для своего закона по утвержденным грамотам наших прародителей. Ты пишешь, что когда ты вздумал идти войною на Ливонскую землю, то я за нее не вступался и тем показал, что это не моя земля: знай, что по всемогущего бога воле начиная от великого государя русского Рюрика до сих пор держим Русское государство и, как в зеркале смотря на поведение прародителей своих, о безделье писать и говорить не хотим. Шел ты и стоял на своих землях, а на наши данные земли не наступал и вреда им никакого не делал: так зачем было нам к тебе писать о твоих землях? Как хотел, так на них и стоял. Если какую им истому сделал, то сам знаешь. А если магистр и вся Ливонская земля вопреки крестному целованию и утвержденным грамотам к тебе приезжали и церкви наши русские разорили, то за эти их неправды огонь, меч и расхищение на них не перестанут, пока не обратятся и не исправятся».

Король отвечал на это: «Ты называешь Ливонию своею; но как же при деде твоем были лютая война у Москвы с ливонцами и прекращена перемирием? Какой государь с своими подданными перемирие заключает?» .

Но все это остроумие, желание доказать друг другу свои права на Ливонию ни к чему не привели: дело могло решиться только оружием!

В 1560 г. умер старый шведский король Густав Ваза. Магистрат Ревеля немедленно отправил депутатов к сыну и наследнику, который вступил на престол под именем Эрика XIV. Ревель-цы просили денег взаймы. Честолюбивый Эрик отвечал, что «денег он по-пустому не даст, но если ревельцы захотят отдаться под его покровительство, он не из властолюбия, а из христианской любви и для избежания московского невыносимого соседства готов принять их, утвердить за ними все их прежние права и защищать их всеми средствами». Ревельцы подумали и в апреле 1561 г. присягнули на верность шведскому королю при условии сохранения всех своих прав.

Иван IV старался сохранить мир со Швецией, и ему пришлось закрыть глаза на захват шведами Ревеля. В августе 1561 г. в Новгороде был подписан договор о сохранении перемирия на 20 лет. А вот в договоре, заключенном в сентябре 1564 г., русским пришлось признать территориальные приобретения Эрика XIV. К шведам отошли Колывань (Ревель), Пернов, Пайда и Каркус с их уездами, за Россией же закрепилась Нарва.

С ноября 1561 г. Ливония с сохранением всех своих прав отошла к Польше, а магистр Кетлер получил Курляндию и Семига-лию с титулом герцога и с вассальными обязанностями к Польше.

Иван IV поначалу хотел решить вопрос о Ливонии с ляхами миром, решив жениться на одной из сестер короля. Помимо возможности действовать через это родство на мирное соглашение относительно Ливонии, у Ивана могла быть и другая цель: бездетным Сигизмундом Августом прекращался дом Ягеллонов в Литве, и сестра последнего из Ягеллонов переносила в Москву свои права на это государство. Иван спросил митрополита, можно ли ему жениться на королевской сестре, поскольку его тетка Елена была женой невестиного дяди Александра. Митрополит ответил, что можно, и в Москве уже решили, как встречать королевну, где ей жить до перехода в православие. Решено было, что бояре во время сговора с панами о крещении поминать не будут, а если паны сами начнут говорить, чтоб королевна осталась католичкой, то их отговаривать, приводя в пример Софью Витов-товну и сестру Ольгерда, которые были крещены по греческому закону.

Русскому послу Федору Сукину, отправленному в Литву с брачным предложением, был дан наказ: «Едучи дорогою до Вильны, разузнавать накрепко про сестер королевских, сколько им лет, каковы ростом, как *телъны,* какова которая обычаем и которая лучше? Которая из них будет лучше, о той ему именно и говорить королю. Если большая королевна будет так же хороша, как и меньшая, но будет ей больше 25 лет, то о ней не говорить, а говорить о меньшой».

Сукин выяснил, что младшая королевна, Екатерина, лучше, и потому предложил королю

именно ее выдать за царя. Паны от имени Сигизмунда отвечали, что отец королевны, умирая, приказал семейство свое императору, и что король хочет, прежде чем дать ответ, сослаться с императором и с другими королями — своими родственниками зятем герцогом Брауншвейгским и с племянником королевичем венгерским. К тому же король должен обсудить вопрос с польской Радой, поскольку королевны родились в Польше, и приданое их там. Федор Сукин отвечал: «Мы видим из ваших слов нежелание вашего государя приступить к делу, если он такое великое дело откладывает в даль». Так закончились первые переговоры.

Следующим послам Сигизмунд объявил, что согласен выдать свою сестру Екатерину за царя. Послы попросили позволения увидеть невесту, но паны ответили: «И между молодыми (т.е. незнатными) людьми не ведется, чтоб, не решивши дело, сестер своих или дочерей давать смотреть». Послы говорили: «Не видавши нам государыни королевны Екатерины и челом ей не ударивши, что, приехав, государю своему сказать? Кажется нам, что у государя вашего нет желания выдать сестру за нашего государя!» Тогда московским послам объяснили, что нельзя видеть королевну явно, поскольку все придворные у нее поляки, они расскажут своим, что московские послы видели королевну, и у польской Рады с королем выйдет большой конфликт. Поэтому послам предложили посмотреть на Екатерину тайно, когда она пойдет в костел, и им пришлось согласиться.

Однако дело опять кончилось ничем. Король соглашался на брак Екатерины с Иваном только в том случае, если брак этот доставит ему выгодный мир. Его посол Шимкович прибыл в Москву и потребовал, что прежде чем решить дело о сватовстве, надо заключить мир, для переговоров о котором вельможи с обеих сторон должны съехаться на границе, а до этого съезда в Ливонии боевых действий не вести.

Царь на порубежные договоры не согласился, ведь в Москве считалось большим грехом нарушить прародительские обычаи, а обычаи эти требовали, чтобы все мирные переговоры велись в Москве.

В результате дела марьяжные сменились делами ратными. Первыми начали боевые действия литовцы. Гетман Радзивилл напал на русских в Ливонии и в сентябре 1561 г. после пятидневной осады взял крепость Тарвест. Но вскоре русские воеводы разбили его под Пернау (Пярну), вернули Тарвест и разрушили его.

Весь 1562 год прошел в опустошительных набегах с обеих сторон, и в то же время сношения между обоими дворами не прерывались. Сигизмунд не имел ни средств, ни желания вести активные боевые действия, а хотел тянуть время переговорами. В начале 1562 г. в Москву приехал королевский посол Корсак с жалобой, что Иван обижает короля и не хочет мира, и хлопотал, чтобы военные действия прекратились с обеих сторон. Иван отвечал Сигизмунду: «Во всем твоем писанье не нашли мы ни одного такого дела, которое было бы прямо написано: ты писал все дела ложные, складывая на нас неправду...»

В начале января 1563 г. сам Иван IV с большим войском двинулся к Полоцку. По разным данным у него было от 60 до 80 тысяч воинов, двести пушек и несколько тысяч крестьян (обозных). Так, только одну огромную стенобитную пушку тащили вместе с лошадьми до тысячи человек. В летописи говорится о пушке, стрелявшей 20-пудовыми снарядами. По мнению автора, речь, скорей всего, идет о мортире.

31 января царское войско подошло к Полоцку и 7 февраля закончило обложение крепости.

Полоцк, построенный на высотах, в углу, образованном слиянием реки Полоты с Западной Двиной, состоял из Большого города, Острога и Стрелецкого города. Острог представлял отдельное укрепление из сомкнутой крепостной ограды, состоявшей из двух стен: внешней и внутренней (после взятия города была возведена еще третья стена).

В тот же день, 7 февраля, был взят Острог и выжжены все предместья, расположенные за Полотой. Этот успех облегчил дальнейший ход осады. Московское войско двинулось непосредственно к стене Большого города, где ощущался недостаток продовольствия. Это заставило коменданта воеводу Станислава Давойны выслать из крепости двадцать тысяч мирных жителей, которые были хорошо приняты царем Иваном.

Тогда же в русском стане узнали, что на выручку Полоцку спешит Радзивилл с сорокатысячным войском. На самом же деле у него было 3500 сабель и 20 пушек. Против Радзивилла для прикрытия осады был выдвинут отряд Репнина, и одновременно начата бомбардировка Полоцка. К 15 февраля сгорело около 650 метров деревянной стены, после чего Давойна сдал город. А 18 февраля царь Иван въехал в Полоцк, принял титул князя полоцкого, слушал обедню в Софийском соборе и написал митрополиту Макарию: «Исполнилось пророчество русского угодника, чудотворца Петра митрополита, о городе Москве, что взыдут руки

его на плещи врагов его: бог несказанную свою милость излиял на нас недостойных, вотчину нашу, город Полоцк, нам в руки дал».

Поведение Ивана в Полоцке было довольно противоречиво. Так, польские шляхтичи не только получили свободу, но и награж-денья собольими шубами и золотыми монетами. Им было поручено передать королю, что московский государь войны не желает. Местная же шляхта и простые воины были разосланы по московским городам. Среди населения пострадали евреи и католические монахи доминиканцы. О первых Псковская летопись повествует: «Которыя были в городе люди жидове, а князь великий велел их семьями в воду речную вметати и утопили их». А монахов-бернардинцев царские татары посекли саблями и сожгли их храм. Так в Полоцке появились первые местные католические святые — мученики Адам, Доминик и Петр.

В Полоцке царь оставил трех воевод Петра Ивановича Шуйского, Василия и Петра Семеновичей Серебряных-Оболенских, наказав им «укреплять город наспех, не мешкая, чтоб было бесстрашно. Где будет нужно, рвы старые вычистить и новые покопать, чтоб были рвы глубокие и крутые. И в остроге, которое место выгорело, велеть заделать накрепко, стены в три или четыре. Литовских людей в город (т.е. в крепость), приезжих и тутошних детей боярских, землян и черных людей ни под каким видом не пускать, а в какой-нибудь день торжественный, в великий праздник, попросятся в Софийский собор литовские люди, бурмистры и земские люди, то пустить их в город понемногу, учинивши в это время береженье большое, прибавя во все места голов. И ни под каким бы видом, без боярского ведома и без приставов, ни один человек, ни шляхтич, ни посадский, в город не входил, в городе должны жить одни попы у церквей с своими семьями, а лишние люди у попов не жили бы».

Узнав о взятии Полоцка, король Сигизмунд II отправил послов в Москву с предложением перемирия. Одновременно он отправил грамоты к шведскому королю Эрику XIV, где призывал его начать войну с московитами. Грамоты эти были перехвачены русскими. По сему поводу Иван издевался над послами: «К нам пишет, что Лифляндская земля его вотчина, а к шведскому пишет, что он вступился за убогих людей, за повоеванную и опустошенную землю. Значит, это уже не его земля!»

В конце концов, в марте 1563 г. было подписано перемирие до 6 декабря 1563 г. Причем, Двина была признана пограничной рекой между царскими и королевскими владениями.

В декабре 1563 г. в Москву приехали королевские послы край-чий Юрий Ходкевич и маршалок Волович. С ними Иван кардинально нарушил протокол, вызвал к себе и решил поговорить по душам. В частности, он был очень обижен тем, что король не хотел именовать его царем, и сказал Ходкевичу: «Юрий! Говори перед нами безо всякого сомнения, если что и по-польски скажешь, мы поймем. Вы говорите, что мы припоминали и те города, которые в Польше, но мы припомнили не новое дело: Киев был прародителя нашего, великого князя Владимира, а те все города были к Киеву. От великого князя Владимира прародителя наши великие государи, великие князья русские, теми городами и землями владели, а зашли эти земли и города за предков государя вашего невзгодами прародителей наших, как приходил Батый на Русскую землю, и мы припоминаем брату нашему не о чужом, припоминаем о своей искони вечной вотчине. Мы у брата своего чести никакой не убавляем. А брат наш описывает наше царское имя не сполна, отнимает, что нам бог дал. Изобрели мы свое, а не чужое. Наше имя пишут полным именованием все государи, которые и повыше будут вашего государя. И если он имя наше сполна описывать не хочет, то его воля, сам он про то знает. А прародители наши ведут свое происхождение от Августа кесаря, так и мы от своих прародителей на своих государствах государи, и что нам бог дал, то кто у нас возьмет? Мы свое имя в грамотах описываем, как нам бог дал. А если брат наш не пишет нас в своих грамотах полным наименованием, то нам его списывание не нужно».

Бояре в разговоре с польскими послами так вывели генеалогию государей московских: Август кесарь, обладавший всей вселенной, поставил своего брата Пруса на берегах реки Вислы по реку Неман, и до место это по сей день зовется Прусская земля. А от Пруса четырнадцатое колено до великого государя Рюрика.

(Жаль, что польские послы, как и наши бояре, плохо знали римскую историю. Ведь и Октивиан Август и Юлий Цезарь официально вели свой род от богини любви Венеры. А все языческие боги и богини были объявлены православной церковью бесами.)

Несмотря на красноречие Грозного, переговоры ни к чему не привели, и боевые действия возобновились.

В начале 1564 г. по приказу Ивана Грозного две русские рати отправились в поход. Князь Петр Иванович Шуйский выступил из Полоцка, а князь Петр Семенович Серебряный — из Вязьмы. Опустошив берега Днепра, Серебряный соединился с Шуйским в районе Орши. Далее

объединенное войско должно было идти через Минск на Вильно. Но по неясным причинам (скорей всего, из-за местничества Шуйского и Серебряного) войска шли порознь на расстоянии нескольких верст друг от друга.

На марше князь Шуйский проявил недопустимую беспечность: не высылались передовые дозоры; панцири, пищали и другое вооружение воины везли на санях, и т.д. Этим воспользовался гетман литовский Николай Радзивилл, конница которого вечером 23 января 1564 г. внезапно атаковала рать Шуйского на реке Уле возле деревни Иванск. Русские потерпели полное поражение. Сам Шуйский и два князя Палецких были убиты, двое воевод — Захар Плещеев и князь Охлябин — взяты в плен. Обоз из трех тысяч возов и артиллерия оказались добычей литовцев.

Однако к месту сражения приближалось пятидесятитысячное войско князя Серебряного. И тут Радзивилл пошел на хитрость. Он послал к местному старосте гонца с письмом, где в красках описал второе оршинское поражение русских и уведомил о своем намерении зайти в тыл войску Серебряного. Уловка удалась, русские перехватили гонца, и князь Серебряный отошел к Смоленску.

Однако реализовать вторую оршинскую победу гетман Радзивилл не сумел. Литовское войско осадило Полоцк, но царский воевода князь Петр Щенятьев отказался сдать город. Русские артиллерийским огнем отбили штурм, и Радзивилл вынужден был снять осаду и отойти к Витебску.

В ночь на 30 апреля 1564 г. из захваченной русскими крепости Дерпт бежал его воевода Андрей Михайлович Курбский[183]. Наконец в город прибыл сам Малюта Скуратов в сопровождении отряда опричников. Князь Андрей резонно опасался расправы и бежал, стремясь избежать мучительной казни.

Первая встреча с литовцами не принесла ничего хорошего беглецу. Они обчистили его до нитки, а князь вез с собой на значительную сумму — злотые, дукаты, талеры и др. Зато король Си-гизмунд II щедро одарил Курбского. Изгнанник получил старо-ство Кревское с замком Крево, угодья на Волыни — город Ко-вель с замком, местечки Вижву и Миляновичи, а также 28 сел. Первоначально эти земли были даны Курбскому в пожизненное владение, но в 1565 г. король утвердил за ним право наследования.

Андрей Курбский стал известным литовским воеводой. В 1565 г. он ходил брать Великие Луки. В 1575 г. воевал на Волыни против татар. В 1576—1581 гг. воевал против русских под знаменем Стефана Батория.

Но еще больше Курбский прославился как писатель, публицист и переводчик. В Литве он написал «Историю о великом князе Московском» и «Историю Флорентийской унии». Курбский направил три знаменитых послания Ивану Грозному. Наконец, он перевел с латинского и греческого языков труды Иоанна Дамас-кина, Иоанна Златоуста и Василия Великого.

Последние годы князь Курбский провел в Ковеле, где и умер в 1583 г. Похоронили его в православном монастыре Вербки близ Ковеля.

Первая жена и дети Андрея Курбского были убиты по приказу Ивана Грозного. А в Литве князь женился дважды. От второй жены у него остался один сын Дмитрий (1582 —1645 гг.). В конце жизни Дмитрий Курбский перешел в католичество. Обратим внимание, начало XVII века — пик перехода детей представителей старинных русских княжеских родов из православия в католичество.

Но вернемся к боевым действиям. Они велись довольно вяло. На юге русские взяли город Озерище и отбили нападение литовцев на Чернигов. В районе Полоцка отряд литовцев иод командованием Бирули сжег небольшую деревянную крепость Ситное. Четыре сотни московских стрельцов бежали, оставив литовцам 120 ручных пищалей. Курбский с 15 тысячами литовцев весной 1565 г. не смог взять город Великие Луки и ограничился разграблением окрестностей. А осенью 1565 г. боевые действия вообще прекратились и начались мирные переговоры, затянувшиеся на 4 года.

ГЛАВА 21
ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ

К началу 60-х годов XVI века королевская власть находилась в плачевном состоянии. Последние годы жизни Сигизмунд II провел в окружении наложниц, которые его грабили, и колдуний, которых он призывал для восстановления сил. Когда короля спрашивал, почему он не займется государственными делами, он отвечал: «Из-за соколов (так он называл женщин) ни за что взяться не могу».

Поляки прозвали Сигизмунда II за привычку откладывать государственные дела на потом «Король Завтра».

Как писал С.М. Соловьев: «Но не от характера Сигизмунда Августа только зависело внутреннее расстройство его владений, медленность в отправлениях государственной жизни: жажда покоя, изнеженность, роскошь овладели высшим сословием; и эта жажда покоя, отвращение от войны оправдывались политическим расчетом — не давать посредством войны усиливаться королевскому значению, причем забыто было положение Польши, государства континентального, окруженного со всех сторон могущественными соседями»[184].

Папский посол кардинал Коммендоне хотел вовлечь поляков в войну с турками и потому говорил в Сенате: «Не похожи вы стали на предков ваших: они не на пирах за чашами распространили государство, а сидя на конях, трудными подвигами воинскими; они спорили не о том, кто больше осушит бокалов, но о том, кто кого превзойдет в искусстве военном».

Примерно то же писал и Андрей Курбский: «Здешний король думает не о том, как бы воевать с неверными, а только о плясках да о маскарадах; также и вельможи знают только пить да есть сладко; пьяные они очень храбры: берут и Москву, и Константинополь, и если бы даже на небо забился турок, то и оттуда готовы его снять. А когда лягут на постели между толстыми перинами, то едва к полудню проспятся, встанут чуть живы, с головной болью. Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, послышав варварское нахождение, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают с своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагом и, походивши дня два или три, возвращаются домой и, что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот, все поедят и последнее разграбят»[185].

Хорошей иллюстрацией слабости королевской власти служит «петушиная война». В связи с наступлением турок в Валахии Сигизмунд I в 1537 г. решил созвать всеобщее ополчение служилого сословия (посполитное рушение). Шляхта в числе 150 тысяч собралась под стенами Львова, но вместо того чтобы воевать с турками, объявила рокош (rokosh — польск.). Рокош воскресил старый принцип феодального права, в силу которого вассал мог на законном основании восстать против сеньора, нарушившего свои обязательства по отношению к нему. Король был вынужден распустить ополчение. История эта получила название «петушиной войны».

В конце 60-х годов XVI века усилилось движение польских панов за создание единого государства с Великим княжеством Литовским. Сейчас «самостийные» белорусские историки утверждают, что де создание польско-литовского государства стало реакцией народов этих стран на агрессию Ивана Грозного. Спору нет, война с Москвой сыграла в этом определенную роль. Но роль Москвы в Люблинской унии не была решающей. Как мы видели, война несколько лет велась вяло, а четыре года перед самой унией не велась вообще. Армия Ивана Грозного по тактике полевого боя и по вооружению заметно отставала от армий западных государств. Москве приходилось одновременно воевать против шведов в Эстляндии, крымских татар на юге, с турками в Астрахани и т.д. Наконец, террор психически нездорового царя, в том числе уничтожение десятков самых лучших русских воевод, серьезно ослабил русскую армию[186]. Так что ни Россия, ни страшный Иван не угрожали в 1568 г. ни Польше, ни Литве. Кстати, это мы сейчас знаем о чудовищных расправах Ивана над своими подданными. А польские и литовские паны через несколько лет после унии пожелают видеть Ивана... своим королем.

Куда ближе к истине тот же С.М. Соловьев: «Бездетность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить решением вопроса о вечном соединении Литвы с Польшею, ибо до сих пор связью между ними служила только Ягеллонова династия»[187].

В январе 1569 г. польский король Сигизмунд II Август созвал в городе Люблине польско-литовский сейм для принятия новой унии. В ходе дебатов противники слияния с Польшей литовский протестант князь Криштов Радзивилл[188] и православный русский князь Константин Острожский со своими сторонниками покинули сейм. Однако поляки, поддерживаемые мелкой литовской шляхтой, пригрозили ушедшим конфискацией их земель. В конце концов, «диссиденты» вернулись. 1 июля 1569 г. была подписана Люблинская уния. Согласно акту Люблинской унии Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялось в единое государство — Речь Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иноземными государствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Поспо-литой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская — в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык.

Согласно 9-му параграфу унии, король обещал должности в присоединенных землях

предоставлять только местным уроженцам, имеющим там свою оседлость. «Обещаем не уменьшать должностей и урядов в этой Подляшской земле, и если что из них сделается вакантным, то будем предоставлять и давать шляхтичам — местным уроженцам, имеющим здесь недвижимое имение»[189].

Киевское княжество по желанию поляков было «возвращено» Польше, как будто бы еще задолго до княжения Ягайло принадлежащее польской короне. Поляки говорили: «Киев был и есть глава и столица Русской земли, а вся Русская земля с давних времен в числе прочих прекрасных членов и частей присоединена была предшествующими польскими королями к короне Польской, присоединена отчасти путем завоевания, отчасти путем добровольной уступки и наследования от некоторых ленных князей». От Польши, «как от собственного тела», она была отторгнута и присоединена к Великому княжеству Литовскому Владиславом Ягайло, который сделал это потому, что правил одновременно и Польше, и Литвой.

Фактически акты Люблинского сейма 1569 г. явились конституцией нового государства — Речи Посполитой. Как писал В.А. Беднов: эти акты, «с одной стороны, подтверждают всем областям Великого княжества Литовского все те законы, права, вольности и сословные привилегии, которыми раньше определялось их юридическое положение, а с другой стороны, уравнивали их с коронными областями во всем том, чего эти первые не имели в сравнении с последними до Люблинской унии. Дух веротерпимости, господствовавший в эпоху среди польско-литовского общества, а затем и политические расчеты покрепче связать с Польшей богатые и обширные области, населенные православно-русскими обывателями, не позволили римско-католическому духовенству поставить какие-либо ограничения религиозной свободе русского населения; правительство стояло за религиозную свободу и проявляло свою веротерпимость, но эта веротерпимость являлась не столько добровольной, сколько вынужденной. Она вытекала не столько из уважения к религиозным убеждениям населения, сколько из простого расчета сохранить внутренний мир и спокойствие государства, так как при том разнообразии религиозных верований, какое царило при Сигизмунде Августе в Польше и Литве, подобное нарушение этого мира религиозных общин могло привести к страшным расстройствам и опасным для государства замешательствам».

Возможно, кому-то слова православного священника и профессора богословия Варшавского университета о веротерпимости в Речи Посполитой во второй половине XVI века покажутся странными, если не сказать жестче. На самом же деле он прав. Вот два достаточно характерных примера из жизни Речи Посполитой того времени. Константин Константинович Острожский был не только одним из богатейших магнатов, но и одним из светских идеологов православия в Речи Поснолитой. Однако женат он был на католичке Софии Тарновской, дочери краковского каштеляна. Его сын Януш тоже стал католиком. Зато одна дочь вышла замуж за кальвиниста Криштофа Радзивилла, а другая — за Яна Кишу, сторонника социан.

А возьмем того же Юрия Мнишка, которого наши историки называют фанатичным приверженцем католицизма. Действительно, пан Юрий был католиком, но одна его сестра вышла замуж за краковского воеводу — кальвиниста Яна Фирлея, другая — за арианина Страдницкого, сам Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой также были ариане.

Попробую подвести, наконец, итоги. Начну с того, что дала Уния русскому населению? Именно русскому, поскольку никаких белорусов и украинцев к 1569г. в Великом княжестве Литовском не было. Был один язык, одна культура, одна религия, один митрополит, одни обычаи и т.д. Так вот, для русского населения ничего плохого в текстах Люблинской унии не было. Наоборот, она подтверждала их прежние права. И трудно сказать, в каком направлении пошла бы история Восточной Европы, если бы польские короли строго выполняли все параграфы люблинских актов 1569г. Но польские паны тем и отличались, что любили принимать хорошие законы, но органически не желали исполнять ни хороших, ни плохих законов.

В результате Люблинская уния вопреки всем ее актам стала началом католической агрессии на русские земли, входившие ранее в состав Великого княжества Литовского. Увы, этого русские люди не могли предвидеть даже в страшном сне, поэтому и князья, и шляхта, и духовенство пассивно отнеслись к принятию унии.

Наступление на православных и протестантов католики начали еще до принятия унии. Но пока наступление шло в области идеологии и просвещения. Попытка силовым способом навязать католицизм, безусловно, привела бы к кровавой междоусобице и гибели Речи Посполитой.

Епископ виленский Валериан Проташевич, один из идеологов борьбы с диссидентами[191], обратился за советом к кардиналу Го-зиушу, епископу варминскому в Пруссии, знаменитому председателю Тридентинского собора, считавшемуся одним из главных столпов католицизма во всей Европе. Гозиуш, советуя всем польским епископам вводить в свои епархии иезуитов,

посоветовал то же самое и Проташевичу. Тот последовал совету, и в 1568г. в Вильно был основан иезуитский коллегиум под управлением Станислава Варшевицкого.

Вскоре в Польше и Литве возникли десятки иезуитских школ. Молодое поколение подверглось жесткой идеологической обработке. В ответ православные иерархи не смогли создать школы, привлекательно для детей шляхты, не говоря уж о магнатах. С конца XVI века началось массовое окатоличивание и ополячивание русской дворянской молодежи. Зачастую православные родители не видели в этом ничего плохого: чтение итальянских и французских книг, западная мода, западные танцы — почему бы и нет? Страшные последствия полонизации западных и южных русских земель начнут сказываться лишь через 100 лет.

Хотя формально Литва и Польша стали единым государством, но присоединение Киевской земли к Польше создавало условие для ее более быстрой полонизации. Причем, если в Белой Руси большинство помещиков были потомками русских князей и бояр, то в Киевские земли устремились сотни польских панов, начавших закабаление ранее свободных крестьян. Все это привело к появлению языковых и культурных различий, которые позже дали повод националистам говорить о двух народах — белорусском (он же литвинский и т.д.) и украинском.

Для Московского государства заключение Люблинской унии означало переход всех литовских претензий к Польше. Замечу, что официальные прямые контакты Польши с великим князем владимирским, а затем с Москвой прервались в 1239 г. А в дальнейшем, если польские короли вели переговоры с Москвой, то формально они представляли только великого князя литовского. Как писал историк Вильям Похлебкин: «...став вновь соседями через 330 лет, Польша и Русь обнаружили, что они представляют по отношению друг к другу совершенно чуждые, враждебные государства с диаметрально противоположными государственными интересами»[192].

Русско-польские отношения начались не с войны, а с мира. Весной 1570 г. в Москву прибыли большие литовские послы Ян Кротошевский и Николай Тавлош. На переговорах опять спорили о полоцких границах, и опять не пришли к согласию. Тогда послы, чтобы облегчить дело, попросили позволения переговорить с самим царем, поскольку считали, что ему особенно выгодно заключить мир. Царь Иван спросил, почему, и послы ответили: «Рада государя нашего Короны Польской и Великого княжества Литовского советовались вместе о том, что у государя нашего детей нет, и если господь бог государя нашего с этого света возьмет, то обе рады не думают, что им государя себе взять от бусурманских или от иных земель, а желают избрать себе государя от славянского рода, по воле, а не в неволю, и склоняются к тебе, великому государю, и к твоему потомству».

Царь отвечал: «И прежде эти слухи у нас были. У нас божи-им милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно, и нам вашего для чего хотеть? Но если вы нас хотите, то вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели боярам своим с вами говорить, чтоб христианство было в покое».

Далее царь в длинной речи, занявшей 44 страницы в посольской книге, рассказал послам по порядку историю отношений Москвы и Литвы в его царствование и заключил, что война не от него, а от короля. Когда Иван закончил говорить, послы заявили, что не все поняли, поскольку многих русских слов не знают, и попросили дать им эту речь в письменном виде. Иван ответил, что писарь их все слышал и все понял, и может им пересказать. Писарь испугался и сказал: «Милостивый государь! Таких великих дел запомнить невозможно: твой государский от бога дарованный разум выше человеческого разума».

22 июня 1570 г. в Москве послы подписали перемирие сроком на три года с момента ратификации в Варшаве, то есть со 2 мая 1571 г. По его условиям обе стороны должны были владеть тем, что контролировали на данный момент.

Для присутствия на ратификации в Варшаву царь направил двух послов князей Канбарова и Мещерского. Послам была выдана секретная инструкция, что делать в случае смерти короля: «Если король умер, и на его место посадят государя из иного государства, то с ним перемирия не подтверждать, а требовать, чтоб он отправил послов в Москву. А если на королевстве сядет кто-нибудь из панов радных, то послам на двор не ездить. А если силою заставят ехать и велят быть в посольстве, то послам, вошед-ши в избу, сесть, а поклона и посольства не править, сказать: это наш брат; к такому мы не присланы; государю нашему с холопом, с нашим братом, не приходится через нас, великих послов, ссылаться».

7 июля 1572 г. умер Сигизмунд II Август, которого польские историки именуют последним из Ягеллонов, хотя он был потомком Ягайло лишь по женской линии.

Сразу же после смерти короля Сигизмунда польские и литовские паны развили бурную деятельность в поисках нового короля. В качестве претендентов на престол выступали шведский

король Иоанн, семиградский воевода Стефан Баторий, принц Эрнст (сын германского императора Максимилиана II) и т.д. Неожиданно среди претендентов на польский престол оказался царевич Федор, сын Иван Грозного. Напомню, что царевичу тогда было 15 лет, наследником престола числился его старший брат Иван (убит он будет лишь в 1581 г.).

Движение в пользу московского царевича возникло как сверху, так и снизу, независимо друг от друга. Ряд источников говорит о том, что этого желало православное население Малой и Белой Руси. Аргументом панов — сторонников Федора — было сходство польского и русского языков и обычаев. Замечу, что тогда языки различались крайне мало.

Другим аргументом было наличие общих врагов Польши и Москвы — немцев, шведов, крымских татар и турок. Сторонники Федора постоянно приводили пример великого князя литовского Ягайло, который, будучи избран в короли, из врага Польши и язычника стал другом и христианином. Пример того же Ягайло заставлял надеяться, что новый король будет больше жить в Польше, чем в Москве, поскольку северные жители всегда стремятся к южным странам. Стремление же расширить и сберечь свои владения на юго-западе, в стороне Турции или Германской империи, также заставит короля жить в Польше. Ягайло в свое время клятвенно обязался не нарушать законов польской шляхты, то же мог сделать и московский царевич.

Паны-католики надеялись, что Федор примет католичество, а паны-протестанты вообще предпочитали православного короля королю-католику.

Главным же аргументом в пользу царевича были, естественно, деньги. Жадность панов и тогда, и в годы Смутного времени была патологическая. О богатстве же московских великих князей в Польше, да и во всей Европе ходили фантастические слухи.

Дав знать царю Ивану через гонца Воропая о смерти Сигиз-мунда II Августа, польская и литовская Рада тут же объявили ему о своем желании видеть царевича Федора королем польским и великим князем литовским. Иван ответил Воропаю длинной речью, в которой предложил в качестве короля... себя самого.

Сразу возникло много проблем, например, как делить Ливонию. Ляхи не хотели иметь Грозного царя королем, а предпочитали подростка Федора. В Польшу и Литву просочились сведения о слабоумии царевича и т.д. Главной же причиной срыва «избирательной кампании» Федора Ивановича были, естественно, деньги. Радные паны требовали огромные суммы у Ивана IV, не давая никаких гарантий. Царь и дьяки предлагали на таких условиях сумму в несколько раз меньшую. Короче, не сошлись в цене.

6 января 1573 г. начался конвокационный сейм, который должен был решить вопрос о месте и времени созыва избирательного сейма. Сейм оказался очень бурным. Причем, страсти кипели не столько из-за выборов короля, сколько по вопросу веротерпимости в Речи Посполитой. Любопытно, что примас[193] Яков Уханьский поддерживал идею веротерпимости. Причин для этого было много. Во-первых, слишком далеко зашло соперничество Уханьского с краковским епископом Филиппом Падневским, который был ярым фанатиком. Возможно, что Уханьский надеялся примирить польских католиков с протестантами и православными за счет разрыва с Римом и создания польской национальной церкви под своим руководством. Замечу, что такая идея была в то время вполне реальной, вспомним Англию, порвавшую с папой.

Дело кончилось Варшавской конфедерацией, актами которой гарантировалась религиозная свобода в пределах Речи Посполитой и объявлялась широкая веротерпимость по отношению к протестантизму, фактически существовавшая и прежде, но юридически не признаваемая.

Этой конфедерацией участники конвокации постановили сообща избрать в короли только того, кто даст обещание «подтвердить присягою все права, «привилеи» и вольности, какие есть», и какие будут поданы ему после избрания. Именно он должен подтвердить, что «будет хранить общественное спокойствие между разъединенными и различающимися в вере и богослужении людьми», ни под каким видом не будет выводить поляков за пределы Короны и без ведома и одобрения сейма не станет созывать посполитного рушения. Далее следовало торжественное обещание гарантии прав всякому вероисповеданию. «Так как в нашей Речи Посполитой замечается немалый раздор по поводу христианской религии, то, стараясь о том, чтобы по этой причине не вышло каких-либо вредных волнений, какие видим в других государствах, сообща все обещаем за себя и своих потомков, обещаем навсегда, за порукой присяги, веры, чести и совести нашей, что мы, несогласные в вере, сохраним между собою покой из-за разницы в вере и изменений в церквах не будем проливать крови, не будем карать конфискацией имущества, бесчестием, тюремным заключением и изгнанием, и никоим образом не будем помогать в таких действиях никакой власти, никакому правительственному лицу; напротив, если бы кто захотел проливать ее по этой

причине, то все мы, хотя бы он вздумал это сделать под предлогом декрета или какого-нибудь судебного приговора, должны будем защищаться»[194].

Но вернемся к выборам короля. Бурную активность в предвыборной кампании развил французский посол в Польше Жан Манлюк, епископ и граф Валонский. Он предложил радным панам кандидатуру Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. Довольно быстро образовалась французская партия, во главе которой стал староста[193] бельский Ян Замойский. При подсчете голосов на сейме большинство было за Генриха. Монлюк поспешил присягнуть за него в сохранении условий, знаменитых «Рас1а Сопуеп^а». Протестанты были против короля — брата Карла IX. Они боялись повторения Варфоломеевской ночи в Кракове или Варшаве, но Монлюк успокоил их, дав за Генриха присягу в охранении всех прав и вольностей.

Понятно, что император Максимилиан II не был в восторге от французской кандидатуры. И вот в Москву в июле 1573 г. прибыл императорский посол Павел Магнус с грамотой, в которой Максимилиан предлагал Ивану IV всеми силами противиться возведению на польский престол Генриха Анжуйского. Посол рассказал о Варфоломеевской ночи, чем очень расстроил царя. «Всем христианским государям, — говорилось в грамоте, — пригоже о том жалеть и кручиниться, а с тем злодеем французским не знаться. А вот теперь французский король брата своего отпускает на Польское королевство, по ссылке с турецким султаном, и от того цесарю [императору] кручина. Цесарю хотелось, чтоб на Короне Польской был или сын его, или государь московский и у них была бы по старине любовь и братство; а приговорил цесарь, чтоб государство поделить: Польскую Корону к цесарю, а Литовское Великое княжество к Московскому государству и стоять бы им заодно против турецкого и против всех татарских государей. А если королевич французский будет на Короне Польской, то с турецким у них будет союз, а христианству будет большая невзгода и пагуба»[196].

Прошу извинения за стиль Соловьева, но этот неосуществленный проект показывает, что беспорядок в Польше не мог вызвать иной реакции у соседних правителей, как поделить беспокойных и спесивых панов.

В августе 1573 г. двадцать польских послов в сопровождении 150 человек шляхты приехали в Париж за Генрихом. Стали обсуждать условия: поляки потребовали, чтобы не только Генрих подтвердил права польских протестантов, но чтоб и французские гугеноты получили свободу вероисповедания, как обещал полякам Монлюк. С большим трудом королю Карлу IX и папскому нунцию Лавро удалось убедить польскую делегацию отказаться от последнего требования, но 10 сентября 1573 г. при принесении Генрихом присяги Речи Посполитой в соборе Парижской богоматери ему пришлось поклясться следовать актам Варшавской конфедерации 1573 г. То же самое Генрих сделал и в Кракове во время коронации.

Таким образом, Генрих двойной присягой подтвердил Варшавскую конфедерацию, и она для Речи Посполитой стала законом. Конфедерация признавала права и законность всех верований, существовавших в Польско-Литовском государстве. Для православного населения Варшавская конфедерация важна тем, что не только охраняла православных от насилия и притеснений за веру и религиозные убеждения, но и избавляла от того страшного вреда, который причиняли православию короли, раздававшие церковные бенефиции лицам католического исповедания.

В Кракове новый король сказал: «Я, Генрих, Божией милостью, избранный королем Польши, Великого княжества Литовско- го, Руси, Пруссии, Мазовии и т.д... всеми чинами государства обоих народов как Польши, так и Литвы и прочих областей, избранный с общего согласия и свободно, обещаю и свято клянусь всемогущим Богом, перед сим св. евангелием Иисуса Христа, в том, что все права, вольности, иммунитеты, общественные и частные привилегии, не противные общему праву и вольностям обоих народов, церковные и светские, церквам, князьям, панам, шляхте, мещанам, селянам и всем вообще лицам, какого бы они ни были звания и состояния, моими славными предшественниками, королями и всеми князьями... сохраню и удержу мир и спокойствие между несогласными в религии, и никоим образом не позволю, чтобы от нашей юрисдикции или от авторитета наших судов и каких-либо чинов кто-либо страдал и был притесняем из-за религии, да и сам лично не стану ни притеснять, ни огорчать»[197].

Одновременно король отрекался от наследственной власти, обещал не решать никаких вопросов без согласия постоянной комиссии из шестнадцати сенаторов, не объявлять войны и не заключать мира без сената, не разбивать на части «посполитного рушения», созывать сейм каждые два года не больше чем на шесть недель. В случае неисполнения какого-либо из этих обязательств шляхта освобождалась от повиновения королю. Так узаконивалось вооруженное восстание шляхты против короля, так называемый рокош.

Новый двадцатитрехлетний король выполнил надлежащие формальности и загулял. Ему и во Франции не приходилось заниматься какими-либо государственными делами, он не знал ни польского, ни даже латинского языка. Новый король проводил ночи напролет в пьяных пирушках и за карточной игрой с французами из своей свиты.

Внезапно прибыл гонец из Парижа, сообщив королю о смерти его брата Карла IX 31 мая 1574 г. и о требовании матери (Марии Медичи) срочно возвращаться во Францию. Поляки своевременно узнали о случившемся и предложили Генриху обратиться к сейму дать согласие на отъезд. Что такое польский сейм, Генрих уже имел кой-какое представление, и счел за лучшее ночью тайно бежать из Кракова.

К беспорядку в Речи Посполитой все давно привыкли, но чтобы король бежал с престола — такого еще не бывало. Радные паны чесали жирные затылки: объявлять ли бескоролевье или нет?

Решили бескоролевье не объявлять, но дать знать Генриху, что если он через девять месяцев не вернется в Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. В Москву были отправлены послы от имени Генриха с известием о восшествии его на престол и об отъезде его во Францию, причем будто бы он поручил радным панам сноситься с иностранными государствами.

Генрих, естественно, возвращаться в Польшу не пожелал, а взошел на французский трон под именем Генриха III. Ряд панов вновь предложили кандидатуру царевича Федора, и опять с царем Иваном не сошлись в цене.

В 1575 г. в Варшаву прибыли послы Священной Римской империи. Император Максимилиан предложил в польские короли своего брата эрцгерцога Фердинанда и обещал, что Фердинанд будет вносить в Польшу большую часть своих доходов, а именно 150 тысяч талеров ежегодно, и еще 50 тысяч талеров на ремонт старых и постройку новых пограничных крепостей, приведет с собой сильные полки немецкой пехоты для отражения неприятелей.

Еще в 1574 г., после бегства Генриха, турецкий султан прислал грамоту с требованием, чтобы поляки не выбирали австрийца, который обязательно вовлечен их в войну с Портой. Султан предлагал полякам выбрать кого-нибудь из своих, например сандо-мирского воеводу Яна Костку, а если уж поляки хотят выбрать короля из чужих, то тогда шведского короля или седмиградско-го князя Стефана Батория. Шведы предлагали полякам своего короля Иоанна III или его сына Сигизмунда, а на худой конец сестру покойного польского короля Анну. Замечу, что сам шведский король был женат на дочери Сигизмунда II Екатерине.

В ноябре 1575 г. открылся избирательный сейм. 12 декабря австрийская партия, состоявшая в основном из польских вельмож, провозгласила королем императора Максимилиана, а 14 декабря шляхта провозгласила королевну Анну с условием, что она выйдет замуж за Стефана Батория. У австрийской стороны были все шансы выиграть, поскольку Литва и Пруссия также поддерживали кандидатуру Максимилиана. Однако когда польские послы приехали к императору Максимилиану, тот стал выдвигать новые условия, не удовлетворившие поляков.

Между тем Баторий с войском вошел в польские пределы, 18 апреля 1576 г. торжественно въехал в Краков и уже 1 мая короновался.

ГЛАВА 22
СТЕФАН БАТОРИЙ ИДЕТ НА РУСЬ

В связи со сложной политической обстановкой в Прибалтике Иван IV решил создать марионеточное Ливонское королевство. Датский герцог Магнус принял предложение царя Ивана стать его вассалом и в мае 1570 г. был по прибытии в Москву провозглашен «королем Ливонским». Русское правительство обязалось предоставлять новому государству, обосновавшемуся на острове Эзель, военную и материальную помощь, чтобы оно могло расширить свою территорию за счет шведских и литовско-польских владений в Ливонии.

До конца 1576г. перемирие между Россией и Польшей в целой соблюдалось. В январе 1577 г. пятидесятитысячное русское войско под началом боярина Ивана Васильевича Шереметева вторглось в Северную Ливонию и осадило Ревель. Однако город взять не удалось.

Летом того же года сам царь выступил из Новгорода в поход, но пошел не к Ревелю, а в польскую Ливонию. Самозванный правитель Ливонии литовский гетман Карл (Ян) Ходкевич не рискнул вступить в бой с русскими и со своим малочисленным войском удалился в пределы Литвы. Большинство южноливонских городов — Мариенбург, Люцин, Динабург и другие — без

единого выстрела сдавались русским воеводам. Держалась одна Рига.

Окончив поход, Иван IV с частью войска отправился в Россию, оставив вместо себя воевод Ивана Шуйского и Василия Сицкого. Сразу же после отъезда царя на русские войска с севера напали немцы, а с юга — литовцы. В декабре 1577 г. литовцы внезапно напали на сильно укрепленный замок Венден и овладели им. Марионеточный король Магнус перебежал к полякам.

В 1578г. русские войска в Ливонии перешли в контрнаступление и 25 июля взяли город Оберпаллен и осадили Венден. В это время литовский отряд Сапеги соединился в районе Пернова со шведским отрядом воеводы Бойэ, наступавшим с севера.

Форсированным маршем объединенное войско двинулось к Вен-дену и 21 октября атаковало русских. Татарская конница сразу бежала с поля боя, а русские отступили в свой укрепленный лагерь. Ночью четверо воевод — князь Иван Голицын, окольничий Федор Шереметев, князь Андрей Палецкий и дьяк Андрей Щел-калов, — бежали с конницей, а наутро противник овладел лагерем. Литве и шведам достались 17 тяжелых осадных орудий, причем, несколько пушкарей, не желая сдаваться в плен, повесились на своих орудиях. Согласно ливонским хроникам под Венденом из восемнадцатитысячной русской рати погибло 6022 человека.

Надо заметить, что все эти операции литовские магнаты вели в инициативном порядке, и у них в 1577 — 1578 гг. была, так сказать, частная война с Иваном Грозным. С новоизбранным же королем Стефаном у царя было перемирие. У Стефана же в тот период была частная война со своими подданными — жителями города Данцига[198]. Король нарушил их права, и горожане объявили, что до тех пор не признают Стефана королем, пока их права не будут возвращены и пока не будет подписано соглашения с императором. Однако император Максимилиан в 1576г. умер, и Данцигу теперь неоткуда было ждать помощи. Стефан осаждал город до конца 1577 г., после чего ему пришлось заключить с горожанами мир на довольно выгодных для них условиях.

В июле 1576 г. Стефан отправил в Москву послов Груденско-го и Буховецкого с предложением не нарушать перемирия и прислать опасную грамоту на великих послов. Однако в грамоте Иван IV был назван не царем, а великим князем, а также содержалось несколько других, недопустимых с точки зрения дипломатического этикета, положений. Возмущённые бояре ответили послам: «Мы удивились, что господарь ваш не называет нашего господаря царем и великим князем смоленским и полоцким и отчину нашего господаря, землю Лифляндскую, написал в своем титуле. Господарь ваш пришел на королевство Польское с небольшого места, с воеводства Сед-миградского, которое подчинено было Венгерскому государству. А нашего государя все его братья, великие господари, главные на своих королевствах, называют царем: так вам бы, паны, пригоже было советовать Стефану королю, чтобы вперед таких дел не начинал, которые к разлитию христианской крови приводят». Послов не позвали обедать за то, что они не объявили о родстве Батория, но опасную грамоту на великих послов все-таки дали.

Узнав о походе царя Ивана в Ливонию в 1577 г. и о взятии там городов у поляков, Баторий упрекал Ивана в том, что тот, послав опасную грамоту и не объявив войны, забирает у него города. Царь отвечал на это: «Мы с божиёю волею отчину свою, Лифляндскую землю, очистили, и ты бы свою досаду отложил. Тебе было в Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с Седмиградского княжества на Корону Польскую и на Великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю. О Лифляндской земле с Польшею и Литвою что велось, то делалось до тебя: и тебе было тех дел, которые делались до тебя, перед себя брать непригоже».

В январе 1578 г. в Москву приехали «великие польские послы» воевода мазовецкий Станислав Крыйский и воевода минский Николай Сапега[199] и начали говорить о «вечном мире». Но обе стороны выдвигали такие условия, что заключение вечного мира было невозможно. Кроме Ливонии, Курляндии и Полоцка царь требовал Киев, Канев, Витебск, и обосновывал свои требования, выводя родословную литовских князей от полоцких Рог-володовичей. «Эти князья (Гедеминовичи), — говорил он, — были славные великие государи наши братья, во всей вселенной ведомые и по родству (по коленству) нам братья, поэтому Корона Польская и Великое княжество Литовское — наши вотчины, ибо из этого княжеского рода не осталось никого, а сестра королевская государству не отчич. Князья и короли польские были в равенстве, в дружбе и любви с князьями галицкими и другими в той украйне, о Седмиградском же государстве нигде не слыхали. И государю вашему, Стефану, в равном братстве с нами быть непригоже, а захочет с нами братства и любви, так он бы нам почет оказал».

Послы обиделись за своего государя и привели в пример царя Давида, который также был

избран из низкого звания, но и тут Иван не растерялся и велел отвечать послам: «Давида царя бог избрал, а не люди».

Тем не менее, в январе 1578 г. в Москве было подписано очередное перемирие сроком на три года, считая от 25 марта 1578 г. Причем, в грамоте, подписанной от имени царя, было внесено условие: «Тебе, *соседу* [а не брату — *А. Ш.]* нашему, Стефану королю в вашей отчине, Лифляндской и Курляндской земле, в наши города, мызы, пристанища морские, острова и во всякие угодья не вступаться, не воевать, городов не заседать, новых городов не ставить, из Лифляндии и Курляндии людей и городов к себе не принимать до перемирного срока». В польской же грамоте, написанной послами от имени Стефана, это условие отсутствовало.

Но Стефан не собирался выполнять условия перемирия. Он не очень надеялся на польские и литовские войска и нанял в Германии и Чехии несколько полков пехоты, а также закупил в Западной Европе лучшие по тем временам пушки и нанял к ним прислугу. Приготовившись таким образом, Баторий в июне 1579 г. послал в Москву гонца с объявлением войны. Причиной же разрыва отношений он назвал вступление Ивана в Ливонию, несмотря на перемирие с Литвой.

Для начала Стефан Баторий, который был опытным полководцем, решил овладеть Полоцком, названный им «ключом к Ливонии и к самой Литве». В начале августа войско Батория двинулось берегом вверх по Двине. Московские воеводы, чтобы напугать неприятеля, пускали вниз по реке трупы пленных, привязанные к бревнам. В Диене Баторий переправился через Двину по понтонному мосту, составленному из лодок.

И, наконец, 11 августа 1579 г. поляки осадили Полоцк. Войска Батория расположились следующим образом: у Двины стала венгерская пехота, у их лагеря был наведен понтонный мост. Ниже венгров на берегу реки Полоти стал лагерем воевода трокский Николай Радзивилл с литовскими войсками и польскими частными армиями (в польских источниках их именовали «охотниками»). По другую сторону Полоти была ставка короля, и находились королевские войска. Их лагерь окружали повозки, соединенные железными цепями и установленные за глубоким рвом с насыпью. Выше королевского лагеря расположился немецкий наемный отряд.

Осадные действия начались со стороны венгров. Были проведены подступы к стенам внешних укреплений, остававшихся на Заполотье, и открыта по ним бомбардировка из пушек. Видя невозможность здесь удержаться, осажденные подожгли укрепление и удалились в Большой город.

У стен Большого города осаждающие построили укрепление, откуда открыли огонь из осадных орудий. Ядра пробивали деревянные стены, но не разрушали их. Тогда стали бросать каленые ядра по способу, изобретенному самим Баторием во время венгерских междоусобных войн, но и против них полоцкие стены оказались неуязвимыми. С.М. Соловьев писал: «...жители, старики и женщины бросались всюду, где вспыхивал пожар, и тушили его, на веревках спускались со стен, брали воду и подавали в крепость для гашения огня. Множество при этом падало их от неприятельских выстрелов, но на место убитых сейчас же являлись новые работники».

Отдавая должное врагу, король Стефан писал, что «московиты в обороне крепостей стойкостью и мужеством превосходят все иные нации».

Царь, узнав об осаде Полоцка, двинул туда передовые отряды под начальством окольничих Бориса Шеина и Федора Шереметева. Но эти воеводы, увидев, что все дороги к Полоцку перегорожены войсками Батория, заняли крепость Сокол и оттуда препятствовали подвозу фуража и продовольствия к осаждавшим, избегая столкновений в чистом поле с высланными против них полками под начальством Криштофа Радзивилла и Яна Глебовича.

Вскоре в лагере осаждавших начался голод. Положение их осложнялось еще и тем, что начались проливные дожди, дороги размыло, обозные лошади падали, а ратники не могли найти сухого места даже под шатрами. Особенно страдали немцы, привыкшие воевать в богатых, густо населенных странах.

Не видя способа справиться с возникшими трудностями, король созвал военный совет. Большинство воевод высказалось за то, чтобы немедленно идти на приступ, но Баторий не согласился. «Если приступ не удастся, — говорил он, — что тогда останется делать? Отступить со стыдом!» Пообещав венграм большие награды, король уговорил их подобраться к стенам крепости и зажечь их одновременно со всех сторон.

В первый же выдавшийся ясный день, 29 августа, венгры подобрались к стенам и подожгли их. Пламя быстро распространялось, и осажденные в течение целого дня не могли потушить

пожаров. А король с большей частью войска в это время стоял на дороге к Соколу, боясь, чтобы засевшие там русские воеводы, увидев зарево, двинутся на помощь Полоцку. Однако помощи не было, и осажденные стали думать о сдаче. Десять русских парламентеров спустились со стен, чтобы начать переговоры, но венгры убили их, поскольку не желали никаких переговоров, а хотели взять крепость приступом, чтобы потом разграбить ее. Особенно венгров прельщала церковь святой Софии, о богатствах которой ходили легенды. Поэтому венгры, не дождавшись королевского приказа, кинулись в город сквозь пылавшие стены, а за ними двинулась и польская пехота. Но защитники города к этому времени уже успели выкопать ров в том месте, где прогорела стена, встретили нападавших залпами из пушек и отогнали их.

На следующий день пожары и натиски осаждавших возобновились. Тогда стрельцы с воеводой Волынским вновь послали людей для переговоров. На этот раз переговоры состоялись, и город был сдан с условием свободного выхода всем ратным людям. Причем некоторые поступили на службу к королю Стефану, но большинство предпочло вернуться в Россию.

В московских Разрядных книгах о капитуляции города записано: «Король Стефан Полоцк взял изменою, потому что изменили воеводы, что были худы, а милы были им жены, а как голов и сотников побили, то воеводы город сдали, а сами били челом королю в службу с детьми, с Людьми и со стрельцы. Всего воинского люду в Полоцке было 6000. Сдал Полоцк королю Петр Волынский со стрельцами».

Среди тех, кто отличился под стенами Полоцка, был запорожский казак Корни л а Перевал. Король дал казаку наследственное дворянство и герб с изображением натянутого лука со стрелой. Через десять лет потерявший в боях здоровье Корнила вышел в отставку и нажил сыновей Рыгора и Богдана, положив начало знаменитому роду Перевальских, которые со временем станут именоваться на польский манер Пржевальскими.

Вслед за Полоцком войска Батория до конца 1579 г. овладели и рядом близлежащих укрепленных городков и замков. Козьян и Красный казаки под началом Франтишка Жука взяли еще до начала осады Полоцка. Козьян разрушили сразу, а с Красным вышла иная история: приставив к стенам лестницы, казаки ворвались в крепость, захватили вместе с гарнизоном продовольствие и несколько бочек вина. Как следует отпраздновав победу, казаки крепко уснули. А тем временем из замка Суша тихо подошел отряд из восьми сотен стрельцов, перебил сонных победителей, а крепость сжег.

После взятия Полоцка литовский отряд князя Константина Лу-комского двинулся к крепостце Туровля. Московские воеводы бросили крепостицу со всеми орудиями и припасами и бежали. На радостях князь и его воинство перепились и начали стрелять из орудий. От удачного попадания мортирной бомбы деревянные постройки загорелись, и крепостца выгорела дотла.

Деревянная одиннадцатибашенная крепость Сокол стояла на высоком холме при слиянии рек Нищи и Дриссы. Сокол был осажден немецкой пехотой и польской кавалерией. Несколько каленых ядер подожгли деревянную стену. У командовавшего конным отрядом Шереметева нервы не выдержали, и он пошел на прорыв. Польская кавалерия гнала русских несколько верст, зарубив многих, включая Шереметева. Пешие стрельцы под командованием воеводы Шеина под ударом немцев отступили в замок. Причем, около пятисот наемников на плечах русских ворвались в замок, однако стрельцам удалось закрыть ворота и перебить немцев, всех до единого.

25 сентября 1579 г. Сокол был взят немцами, а уцелевшие русские перебиты. Командир наемников полковник Вейер говорил, что бывал он во многих битвах, но нигде не видел такого множества трупов, лежавших на одном месте.

Больше на этом холме никто не селился, а окрестные крестьяне еще в 1912г. находили там обломки оружия и кости.

Весть о потере Полоцка и Сокола настигла царя Ивана в Пскове. Он срочно двинулся в глубь страны и уже с дороги послал грамоту в замок Суша, в которой, против своего обыкновения, разрешил гарнизону отступить, но предварительно зарыть в землю иконы и испортить пушки и порох. Но гарнизон Суша не выполнил волю государя, а, может быть, просто не успел. Каменный замок сдался, а шесть тысяч его защитников с ручным оружием отправились домой. Полоцкий воевода Николай Доро-гостайский взял в крепости 21 большое орудие, 13бгаковниц, 123 длинные ручницы, 100 бочек пороха весом 2,5 тысячи пудов и три тысячи железных ядер.

В конце 1579 г. Баторий вернулся в Вильно. Еще в середине сентября он отправил Ивану грамоту, в которой писал, что по восшествии на престол главным старанием его было сохранить

мир со всеми соседями, и везде он в этом преуспел. В ответ царь Иван прислал ему гордую грамоту, в которой требовал Ливонию и Курляндию. «Так как нам не годилось, — писал король, — исполнить это требование, то мы сели на коня и пошли под отчинный наш город Полоцк, который господь бог нам и возвратил: следовательно, кровь христианская проливается от тебя». Иван ответил: «Другие господари, твои соседи, согласились с тобою жить в мире, потому что им так годилось. А нам как было пригоже, так мы с тобою и сделали. Тебе это не полюбилось, а гордым обычаем грамоты мы к тебе не писывали и не делывали ничего. О Лиф-ляндской же земле и о том, что ты взял Полоцк, теперь говорить нечего, а захочешь узнать наш ответ, то для христианского покоя присылай к нам послов великих».

Начались переговоры, а тем временем Баторий лихорадочно готовился к войне. Он повсеместно занимал деньги у магнатов и ростовщиков, в этом королю хорошо помогал канцлер Ян Замой-ский. Родной брат Батория князь семиградский прислал ему большой отряд венгров.

Поскольку польские шляхтичи отказывались служить в пехоте, то Баторий впервые в Польше ввел воинскую повинность. Было приказано в королевских имениях из двадцати крестьян выбирать одного, которого по выслуге срочного времени освобождать навсегда самого и все потомство от всех крестьянских повинностей. Между прочим, решение это позже привело к значительному увеличению безземельной шляхты.

Не зная намерений польского короля, Иван Грозный должен был растянуть свои войска, послав полки и к Новгороду, и к Пскову, и к Кокенгаузену, и к Смоленску. На южных границах по-прежнему было не спокойно, и там необходимо было оставить сильные полки, а на северо-западе надо было отбиваться от шведов.

В кампанию 1580 г. Баторий решил двинуться к Великим Лу-кам, но, чтобы русские не разгадали его намерений, приказал войскам собраться под Часниками — городком на реке Уле, расположенном на равном расстоянии и от Смоленска, и от Великих Лук. Поэтому до последнего момента русские не знали, куда двинет король свои войска.

Баторий выступил к Великим Лукам. Королевское войско насчитывало 50 тысяч человек, в том числе 21 тысяча пехоты. Деревянную крепость Велиж удалось быстро поджечь каленными ядрами, и гарнизон был вынужден сдаться. Затем сдался Усвят.

Баторий стоял уже у Великих Лук, когда к нему в стан прибыли московские послы князь Сицкий и Пивов. Окрыленные успехом короля, поляки и литовцы напрочь забыли о дипломатическом этикете. От самой границы московских послов встречали оскорблениями. Первым их приветствовал шляхтич, посланный оршанским воеводой Филоном Кмитой, но гонористый пан заявил, что он прибыл от воеводы *смоленского* Филона Кмита. Послы показали, что им не чуждо чувство юмора, и ответили: «Филон затевает нелепость, называя себя воеводою смоленским. Он еще не тот Филон, который был у Александра Македонского. Смоленск — вотчина государя нашего. У государя нашего Филонов много по острожным воротам».

Когда московские послы подъезжали к королевскому стану, гайдуки начали палить из ручниц возле посольских лошадей, и пыжи падали на послов. А Баторий, принимая послов, против государева имени и поклона не встал, шапки не снял, о здоровье также не спросил. Послы потребовали от короля снять осаду Великих Лук, и тогда они станут править ему посольство, так как им ведено править посольство на королевской земле, а не под государевыми городами. На это паны им ответили: «Ступайте на подворье!». Авиленский воевода крикнул вслед: «Ступайте на подворье! Пришли с бездельем, с бездельем и пойдете». Послы просили, чтобы король отошел от Великих Лук хотя бы на то время, пока они будут править посольство, но паны не согласились.

Так и не добившись уступок, послы были вынуждены начать переговоры. Они уступали королю Полоцк, Курляндию и 24 города в Ливонии, но король требовал всей Ливонии, Великие Луки, Смоленск, Псков и Новгород. Послы попросили позволение отправить в Москву к государю гонца за новыми инструкциями. Гонец был отправлен, а тем временем королевским войскам удалось поджечь крепость. Осажденные начали переговоры о сдаче, но венгры, боясь лишиться добычи, ворвались в город и начали резать всех, кто попадался под руку. Поляки последовали их примеру, и Замойскому удалось спасти только двух русских воевод.

Князь Збаражский с польской, венгерской и немецкой конницей разбил князя Хилкова под Торопцом. Невель был подожжен и сдался. Озерище сдалось сразу, не дожидаясь пожара. Защитники сильной крепости Заволочье отбили первый приступ, но затем все же сдались отряду Замойского.

Оршанский воевода Филон Кмита, которому уж очень не терпелось стать смоленским воеводой, с девятитысячным литовским отрядом двинулся к Смоленску. У деревни Настасьино под

Смоленском его встретил русский отряд под началом Ивана Михайловича Бутурлина. Литовцы были разбиты и укрылись в обозе, а с наступлением темноты бежали. Русские лишь на утро обнаружили отсутствие неприятеля. Тем не менее, конница Бутурлина настигла литовцев в сорока верстах от Смоленска на Спасских лугах. Трофеями русских стали несколько знамен, 10 пушек, 50 за-тынных пищалей и 370 пленных.

После взятия Великих Лук Стефан Баторий отправился в Полоцк. Но военные действия, несмотря на зиму, продолжались. В феврале 1581 г. литовцы ночью подошли к крепости Холм и заняли ее, затем выжгли Старую Русу, в Ливонии взяли замок Шмильтен и вместе с Магнусом опустошили Дерптскую область до Нейгайзена, то есть до русской границы. С другой стороны шведский воевода Понтус Делагарди вступил в Карелию. В ноябре 1580 г. шведы взяли Кексгольм, где по сведениям литовских летописцев было убито две тысячи русских. В Эстонии шведы осадили городок Падис, находившийся в шести милях от Ревеля. Гарнизон Падиса под начальством воеводы Чихаева, несмотря на страшный голод, держался. Тринадцать недель защитники не видели хлеба, съели всех лошадей, собак, кошек, сено, солому, кожи, а, по некоторым сведениям, были отдельные случае поедания человеческого мяса. Наконец в декабре 1580 г. шведы взяли Падис. В начале 1581 г. Делагарди ушел из Карелии и неожиданно появился в Ливонии под Везенбергом и осадил его. В марте 1581 г. город сдался при условии свободного выхода осажденных.

В марте же 1581 г. московские воеводы ходили из Можайска в литовские земли, были у Дубровны, Орши, Могилева, под Шкло-вом, имели удачную битву с литовскими войсками и благополучно возвратились в Смоленск.

А король Стефан в это время готовился к третьему походу. Он занял денег у прусского герцога, саксонского и бранденбургско-го курфюрстов.

На польском сейме, собранном в феврале 1581 г., король заявил, что мало радоваться успехам, а надо пользоваться ими. И если поляки не желают или не надеются покорить все Московское государство, то, по крайней мере, они не должны слагать оружие до тех пор, пока не закрепят за собой всей Ливонии. Потом король объяснил, как ему вредно каждый год отрываться от войска и спешить на сейм для требования денежных поборов, что от этого собственное войско ослабевает, а у неприятеля появляется возможность восстановить свои силы, что запаздывание со сбором денег заставляет терять самое удобное для военных действий время. И король предложил, чтобы избежать всех этих проблем, ввести двухлетний побор.

Сейм сначала воспротивился королевскому предложению, но потом согласился. Но земские послы попросили короля, чтобы следующим, третьим походом он постарался закончить войну, так как шляхта и особенно ее крестьяне совершенно изнурены поборами и не в состоянии далее выносить их.

Война войной, а мирные переговоры не прекращались. Русские послы Сицкий и Пивов ехали за королем Стефаном от Великих Лук до Варшавы. Затем приставы повели послов за королем к Полоцку. Всю дорогу литовцы бесчестили послов, избивали их людей, грабили, не давали послам еду и их лошадям корма, отчего много лошадей пало.

Затем прибыли новые царские послы думные дворяне Иван Пушкин и Федор Писемский. Им было дано указание соглашаться на передачу королю всей Ливонии, за исключением только четырех городов. Но Баторий не только по-прежнему требовал всей Ливонии, а еще добавил к своим требованиям уступки Себежа и выплаты 400 тысяч венгерских золотых за военные издержки. Послы отказались продолжать переговоры и попросили дозволения послать гонца к царю за новым наказом.

Иван Грозный направил с гонцом к Стефану грамоту, начинавшуюся словами: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, *по божиему изволению, а не по многомятежному человеческому хотению».* Не менее резко грамота и заканчивалась: «Ясно, что хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь. Мы бы тебе и всю Лифляндию уступили, да ведь тебя этим не утешишь. И после ты все равно будешь кровь проливать. Вот и теперь у прежних послов просил одного, а у нынешних просишь уже другого, Себежа. Дай тебе это, ты станешь просить еще и ни в чем меры себе не поставишь. Мы ищем того, как бы кровь христианскую унять, а ты ищешь того, как бы воевать. Так зачем же нам с тобою мириться? И без миру то же самое будет».

Послам же царь направил наказ уступить королю завоеванные им русские города, но зато требовать в Ливонии Нарву, Юрьев и 36 других замков, и только на таких условиях заключить перемирие на шесть-семь лет. Паны удивились новым условиям, на что послы ответили, что Баторий свои условия изменил, и государь их сделал то же самое, и уехали на свое подворье.

Переговоры закончились: Баторий выступил в поход, а Ивану послал ругательную грамоту, в которой обзывал его фараоном московским, волком, вторгнувшимся к овцам, человеком, исполненным яда, ничтожным и грубым. «Для чего ты не приехал к нам с своими войсками, — писал Баторий, — для чего своих подданных не оборонял? И бедная курица перед ястребом и орлом птенцов своих крыльями прикрывает, а ты, орел двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!» Наконец Баторий вызывает Ивана на поединок!

Летом 1581 г. войско Стефана Батория двинулось на Псков. По польским данным с королем шло 100 тысяч человек, по тем же данным в Пскове находилось 7 тысяч конницы и 50 тысяч пехоты. Сведения, явно, преувеличенные, но, увы, они за отсутствием других вошли в историю. Для начала Баторий взял небольшую русскую крепость Остров в пятидесяти верстах от Пскова. Каменные стены Острова были разрушены осадными пушками поляков, и крепость пала. Замечу, что поляков и литвы в осадной артиллерии почти не было. Командовал ею воевода Юрий Зиновьев, а прислуга состояла в основном из немцев и венгров.

18 августа передовые отряды противника подошли к стенам Пскова. Русскими войсками в Пскове командовали князья Иван Петрович Шуйский и Василий Федорович Скопин-Шуйский. Воеводы, увидев малочисленность авангарда королевского войска, пошли на вылазку и на несколько верст прогнали противника.

26 августа к городу подошли основные силы поляков[200] во главе со Стефаном Баторием. Король приказал поставить свой шатер недалеко от стен Пскова на московской дороге у церкви Николы Чудотворца.

Как говорилось в «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков»: «Государевы же бояре и воеводы не велели стрелять по шатрам днем, но все орудия для этого велели днем приготовить. Когда же были поставлены многие шатры и наступила ночь, приблизительно часу в третьем, повелели ударить по ним из больших орудий. Наутро же не увидели ни одного шатра, и, как рассказывали языки, многие знатные паны были тут убиты»[201] . Есть сведения, что король сказал по этому поводу: «В Литве нет ни одной такой пищали, которая бы так далеко стреляла!»

1 сентября поляки приступили к осадным работам. Как гласит «Повесть...»: «...начали копать большие траншеи от своих станов по большой Смоленской дороге к Великим воротам и к церкви Алексея, человека божия, и также от нее к городу — к Великим, Свиным и Покровским воротам. И выкопали за три дня пять больших длинных траншей. А в тех траншеях, как впоследствии подсчитали ходившие туда, выкопаны в земле большие землянки, как целые дома, и даже с печками, сто тридцать две большие избы и девятьсот четыре меньшие. В больших тех землянках расположились ротмистры и сотники, в меньших устроились жить гайдуки. И так, окопавшись землею, хитрым таким способом совсем приблизились к городу, так что между ними и городской стеной был только один городской ров. Злоумышленно и очень хитро они приблизились к городу, копая и роя землю, как кроты; из земли, которую выкапывали для траншей, они насыпали огромные горы со стороны города, чтобы с городской стены не было видно их передвижения. В насыпных земляных валах провертели бесчисленные окна [амбразуры — *А. Ш.*], предназначенные для стрельбы во время взятия города и вылазок из города против них.

Потом, того же месяца сентября в 4 день, ночью прикатили и поставили туры. Первые — у церкви человека божия Алексея, на расстоянии около полупоприща[202] от града Пскова, тут решено быть съезжать двору; также и другой двор турами защитили, рядом с первым, но ближе к Великой реке; да туры боевые поставили: один против Свиных ворот, вторые — против Покровской угловой башни, третьи туры боевые — за Великою рекою против того же Покровского угла. Все те пять тур засыпали в ту же ночь землею. В пятый день сентября приволокли и поставили в три боевые туры орудия...

Того же месяца сентября в 7 день, в четверг, в первом часу дня, начали бить из орудий по городу — из трех тур, из двадцати пищалей; и били по городу беспрестанно весь день до ночи. Так же и утром пять часов беспрестанно по граду били из орудий и разбили двадцать четыре сажени городской стены до земли, и Покровскую башню все до земли сбили, и у Угловой башни разрушили весь охаб — до земли, и половину Свиной башни сбили до земли, и стены городские разбили местами на шестьдесят девять саженей. Все это разбили и городскую стену во многих местах проломили»[203].

На следующий день, 8 сентября, поляки пошли на приступ. Им удалось захватить две башни — Покровскую и Свиную. На башнях были подняты королевские хоругви, и оттуда поляки открыли огонь по городу. Король был уверен, что штурм удался, и его воины ворвались в Псков.

Но на Похвальском раскате прислуга развернула огромную пищаль «Барс» и ударила по Свиной башне, где было убито множество поляков. А тем временем по приказу И.П. Шуйского под Свиной башней был заложен мощный пороховой заряд. Раздался страшный грохот, и башня развалилась, погребя под собой поляков. В пролом в стене и на Покровскую башню двинулись свежие силы русских ратников. В первых рядах их шли с иконами монахи Арсений — келарь Печерского монастыря, Иона Наумов — казначей Снетогорского монастыря, и игумен Мартирий. В миру они были детьми боярскими и храбро вступили в рукопашный бой с противником.

Русским удалось не только вытеснить поляков из пролома в стене, но и ворваться во вражеские траншеи. По приказу воевод на помощь ратникам пришли женщины Пскова. Как гласит «Повесть...»: «Тогда все бывшие в Пскове женщины, по домам сидевшие, хоть немного радости в печали узнали, получив благую весть, и забыв о слабости женской, и мужской силы исполнившись, все быстро взяли оружие, какое было в доме и какое им было по силам. Молодые и средних лет женщины, крепкие телом, несли оружие, чтобы добить оставшихся после приступа литовцев; старые же женщины, немощные телом, несли в своих руках короткие веревки, собираясь ими литовские орудия в город ввезти. И все бежали к пролому, и каждая женщина стремилась опередить другую. Множество женщин сбежалось к пролом- ному месту, и там великую помощь и облегчение принесли они христианским воинам. Одни из них, как уже сказал, сильные женщины, мужской храбрости исполнившись, с литвою бились и одолевали литву; другие приносили воинам камни, и те камнями били литовцев на стене города и за нею; третьи уставшим воинам, изнемогшим от жажды, приносили воду и горячие их сердца утоляли водою...

Уже близился вечер, а литовские воины все еще сидели в Покровской башне и стреляли в город по христианам. Государевы же бояре и воеводы вновь бога на помощь призвали и христианский бросили клич, и в едином порыве все, мужчины и женщины, бросились на оставшихся в Покровской башне литовцев, вооружившись кто чем, как бог надоумил: одни из ручниц стреляли, другие камнями литву побивали; одни поливали их кипятком, другие зажигали факелы и метали их в литовцев, и по-разному их уничтожали. Под Покровскую башню подложили порох и подожгли его, и так с божьей помощью всех оставшихся в Покровской башне литовцев уничтожили, и по благодати Христовой вновь очистилась каменная псковская стена от поправших ее поганых литовцев»[204].

Любопытно, что ратники и женщины Пскова шли бить литовцев, неся иконы и воспевая хвалу святому Довмонту.

Штурм города поляки провалили. Осажденные потеряли убитыми 863 человека, ранеными 1626 человек, а осаждавшие — более пяти тысяч человек убитыми. В числе убитых были и любимый воевода Батория венгр Бекеша Кабур, великий венгерский (угорский) гетман Петр, пан Дерт Томас (англичанин?), пан Мартын и другие.

После неудачного штурма псковские ратники почти ежедневно ходили на вылазки. Пленных регулярно доставляли в город, где их допрашивали о состоянии дел в королевском войске. 17 сентября в ходе одной из стычек у Варлаамских ворот был захвачен пленник, показавший, что под станы Пскова ведется сразу девять подкопов. Однако точного расположения подкопов пленный указать не мог. Немедленно по приказу воевод из города начали вести несколько слуховых ходов.

20 сентября из польского стана явился перебежчик — некий Игнаш. Раньше он был полоцким стрельцом, а после взятия Полоцка его принудительно зачислили в королевское войско. И вот он-то и рассказал воеводам и показал со стены, против каких мест ведутся подкопы. В «Повести...» говорится, что «против тех подкопов скоро и спешно начали копать слуховые ходы, и сентября в 23 день, божьей милостью, наши русские слуховые сошлись с литовскими подкопами между Покровских и Свиных ворот, и злодейский их умысел с помощью Христовой расстроился. Так же и другой подкоп, под Покровскую башню, перехватили, а остальные литовские подкопы за городом сами обрушились. И так, божьей милостью, и этот литовский план окончательно расстроился»[205].

Поскольку упрямый король не хотел уходить от Пскова, его воеводы предприняли даже заведомо обреченные на неудачу способы захвата города. Опять процитирую «Повесть...»: «28 октября со стороны реки Великой под городскую стену пробрались литовские гайдуки, градоемцы и каменотесы и, закрывшись специально сделанными щитами, начали подсекать кирками и всякими орудиями для разбивания камня каменную стену от Покровской угловой башни и до водяных Покровских ворот, чтобы вся стена, подсеченная, упала в реку Великую. А деревянную стену, что построена для укрепления рядом с каменной, хотели зажечь. В то же время из-за реки Великой по

народу, стоящему у городской стены, решили стрелять из орудий, и так надеялись окончательно взять город.

Государевы же бояре и воеводы, увидев такой над городом умысел, против замыслов литвы для обороны города со своей стороны повелевают зажженное смоляное тряпье на литву и на щиты их метать, чтобы от огня щиты их загорелись, а сами они от удушливого дыма из-под стены выбегали или же там сгорали. Литовские же воины, понуждаемые силой, все это терпели и стояли, упорно и настойчиво подсекая стену.

Государевы же бояре и воеводы повелели провертеть сквозь деревянную и каменную стены частые бойницы и из тех бойниц стрелять по подсекающим из ручниц и копьями их колоть. Кроме того, лили на них горячую смолу, деготь и кипяток, зажженный просмоленный лен на них кидали, и кувшины с порохом в них бросали. Те литовские гайдуки, что надежно укрылись, продолжали долбить стену; другие же, охваченные огнем и дымом, не в силах терпеть, стремглав выбегали из-под стены. Чтобы ни одному из этих проворных литовских гайдуков не дать убежать, были расставлены опытные псковские стрельцы с длинными самопалами. Некоторые литовские градоемцы так глубоко продолбили стену, что уже и без щита могли ее подсекать, и ни горячей водой, ни огнем пылающим их нельзя было выжить, но и против этих, особенно смелых, благомудрые государевы бояре и воеводы с мудрыми христианскими первосоветниками придумали для спасения города следующее: повелели навязать на шесты длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских камнетесов и теми палками и острыми крюками извлекали литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи; железные крюки на кнутах цеплялись за одежду и тело литовских хвастливых градоемцев и выдергивали их из-под стены; стрельцы же, как белые кречеты набрасываются на сладкую добычу, из ручниц тела их клевали и литве убегать никоим образом не давали»[206].

Но Баторий не унимался и решил атаковать стены города через реку Великую. На другом берегу реки было построено несколько осадных батарей. Пять дней по стенам били тяжелые пушки. В конце концов, часть стены рухнула, и 2 ноября поляки по льду реки пошли на приступ. Однако русские воеводы не дремали и за пять дней подтянули к стене напротив осадных батарей несколько десятков своих пушек. Причем, на сей раз русские пушкари не вели контрбатарейной стрельбы, а, замаскировав пушки, ждали штурма. В итоге подбежавшие к пролому поляки были встречены страшным залпом из пушек и ручниц. Уцелевшие бросились назад, «оставив на льду реки мост из трупов».

После 2 ноября поляки заметно приуныли, дисциплина упала, и королевское войско проспало стрелецкий полк Федора Мясо-едова. Не только стрельцы, но и многочисленный обоз с продовольствием проследовал без единого выстрела через позиции осаждающих. Поляки заметили отряд, лишь когда арьергард стрельцов проходил через городские ворота.

В 3 часа ночи б ноября польские войска начали тихо отволакивать осадные орудия из туров и траншей. К рассвету укрепления осаждающих были пусты.

Однако польское войско осталось вблизи Пскова. 1 декабря король Стефан уехал в Литву, передав командование Яну Замойскому. Кто-то надоумил пана Яна стать первым польским террористом. 9 января из литовского лагеря в Псков приехал пленный русский стрелец и привез на лошадином вьюке большой ларец. Стрелец заявил, что ларец и грамота предназначены для Ивана Петровича Шуйского. В грамоте было написано: «Первому государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичу, Гансумел-лер челом бьет. Бывал я у вашего государя с немцем Юрием Фрянбреником, и ныне вспомнил государя вашего хлеб-соль, и не хочу против него стоять, а хочу выехать на его государево имя. А вперед себя послал с вашим пленным свою казну в том ларце, который он к тебе принесет. И ты бы, князь Иван Петрович, тот мой ларец у того пленного взял и казну мою в том ларце один осмотрел, и иным не давал бы смотреть. А я буду в Пскове в скором времени».

Но князь Иван Петрович оказался не прост, а, может, русская разведка в польском лагере сработала. Во всяком случае, Шуйский заявил, что ларец «с обманом», и повелел найти умельцев, «которые ларцы отпирают», а главное, тот ларец подальше от воеводской избы отнести. Нашли умельца, который осторожно вскрыл ларец. Из ларца во все четыре стороны торчали 24 пистолетных ствола. Замки пистолетов были взведены и соединены ремнем с запором ларца. Стоило только открыть ларец, как спускались курки пистолетов. Кроме того, в ларце лежал пуд пороха, который должен был взорваться одновременно с пистолетным залпом.

Узнав о польской хитрости, Шуйский объявил, что его спасли святая Троица и Богородица и по сему поводу заказал молебен.

Теперь королю Баторию ничего не оставалось делать, как мириться. Посредником в переговорах с Иваном IV стал нунций иезуит Антоний Поссевино. Он прибыл 18 августа 1581 г. к царю Ивану в Старицу в качестве посла папы Григория XII. Вместе с ценными подарками папа прислал царю книгу о Флорентийском соборе и грамоту, где писал: «Посылаю твоему величеству книгу о Флорентийском соборе печатную; прошу, чтобы ты ее сам читал и своим докторам приказал читать: великую от того бо-жию милость и мудрость, и разум получишь. А я от тебя только одного хочу, чтоб святая и апостольская церковь с тобою в одной вере была, а все прочее твоему величеству от нас и от всех христианских государей будет готово».

13 декабря 1581 г. в деревню Запольной Ям съехались польские и русские послы. Польшу представляли воевода брауловский Януш Шбаражский, воевода виленский и гетман литовских Криш-тоф Радзивилл и секретарь (писарь) великий князь литовский Михаил Гарабурда. Русскую сторону представляли князь Дмитрий Елецкий и думный дворянин печатник Роман Олферьев-Безнин. В качестве посредника присутствовал тот же Поссевино.

Замечу, что, приехав в Запольной Ям, послы убедились, что деревня в основном была сожжена, и им пришлось отправиться в деревню Киверова гора в 15 верстах от Запольного Яма. Переговоры шли бурно, и об изменении места переговоров в документах не упомянули, поэтому в историю договор 1582 г. вошел по имени сгоревшей деревни, а с легкой руки историка С.М. Соловьева ее переименовали из Ям Запольной в Ям Запольский. Поэтому в учебниках истории писали, что 6 января 1582 г. был заключен русско-польский *Запольский* мирный договор. Однако был это не мирный договор, а всего лишь перемирие сроком на десять лет.

Согласно условиям перемирия Россия отказывалась в пользу Речи Посполитой от всех своих владений в Прибалтике и от владений своих вассалов и союзников: от Курляндии, уступая ее Польше; от 40 городов в Ливонии, переходящих к Польше; от города Полоцка с поветом (уездом); от города Велижа с округой. Речь Посполитая возвращала царю захваченные в течение последней войны псковские коренные земли: «пригороды» Пскова (то есть города Псковской земли — Опочку, Порхов и др., попавшие в зону военных действий); Великие Луки, Невель, Холм, Себеж — исконные новгородские и тверские земли, захваченные в ходе последней трехлетней войны.

В русском экземпляре договора за царем сохранялся титул «царя», то есть императора (цесаря), в польском варианте он не упоминался. В русском экземпляре царь именовался также «властитель Ливонские и Смоленский», а в польском «властителем Ливонским» именовался польский король, а титул «Смоленский» не принадлежал никому.

Историк Н.М. Карамзин, оценивая Запольский договор, назвал его «самым невыгодным и бесчестным для России миром из всех, заключенных до того времени с Литвой».

5 октября 1582 г. произошло крайне неприятное как для историков, так и для читателей событие — папа Григорий XII заменил старый юлианский календарь на новый, позже получивший название григорианский. 5 октября 1582 г. по приказу папы ведено было считать 15 октября. Естественно, что царю Ивану римский папа был не указчик, и в России остался юлианский календарь, или, как его у нас назвали, старый стиль.

В 1582 г., следуя булле папы Григория XIII о введении нового календаря, Баторий ввел григорианский календарь во всей Речи Посполитой. Нововведение, естественно, вызвало возмущение православных в Литве. Король Стефан не желал религиозной войны и в 1584 г. отменил свой указ о принятии григорианского календаря православными. Так Речь Посполитая стала жить по двум календарям.

В XVI и XVII веках разница в старом и новом стилях составляла 10 дней, а далее с каждым веком увеличивалась на один день.

ГЛАВА 23
ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ И БРЕСТСКАЯ УНИЯ

2 (12) декабря 1586 г.[207] умер Стефан Баторий. 20 декабря об этом стало известно в Москве. Недавний опыт показал, как важно было для Москвы избрание короля в Польше. Поэтому Борис Годунов и другие бояре решили выставить кандидатуру царя Федора (1557-1598).

20 января 1587 г. в Польшу было отправлено посольство во главе с думным дворянином Елизаром Ржевским. В царской грамоте говорилось: «Вы бы, паны рады, светские и духовные, смол-вившись между собою и со всею землею, о добре христианском порадели, нашего

жалованья к себе и государем нас на Корону Польскую и Великое княжество Литовское похотели, чтоб этим обоим государствам быть под нашею царскою рукою в общедательной любви, соединении и докончании; а мы ваших прав и вольностей нарушать ни в чем не хотим, еще и сверх прежнего во всяких чинах и вотчинах прибавлять и своим жалованьем наддавать хотим». О будущем местопребывании короля польского и русского царя Федора было сказано, что он поочередно будет править то в Польше, то в Литве, то в Москве. В Польше же и Литве будут по-прежнему управлять радные паны и сноситься с иностранными послами по второстепенным делам. С важными же делами послы должны прибывать в Москву к царю Федору, а с ними вместе по два радных пана из Польши и Литвы.

Увы, Борис Годунов повторил ошибку Ивана Грозного. Ляхам и Литве нужны были не обещания, пусть даже вполне реальные, а деньги, и притом немедленно.

Ночью к московским послам тайно явились воевода трокский Ян Глебович и коронный стольник князь Василий Пронский и прямо потребовали денег на подкуп радных панов. Послы отвечали, что об этом им наказа нет, да и казны с ними нет.

Наконец на втором съезде сейма радные паны уже публично заявили послам: «Даст ли им государь на скорую оборону 200 тысяч рублей? Без чего об избрании Феодора говорить нельзя». Послы ответили, что государь государства не покупает, но если он будет избран, то послы займут и дадут панам до 60 тысяч польских золотых. Паны возразили, что этого мало. Послы увеличили сумму до 100 тысяч, но паны не согласились и на это. Они говорили: «Царь обещал давать шляхте землю на Дону и Донцу; но в таких пустых местах какая им прибыль будет? Да далеко им туда и ездить. У нас за Киевом таких и своих земель много. Как вам не стыдно о таких землях и в артикулах писать! Будет ли государь давать нашим людям земли в Московском государстве, в Смоленске и северских городах?» Послы отвечали: «Чья к государю нашему служба дойдет, того государь волен жаловать вотчиною и в Московском государстве».

Еще раз подчеркну: все это паны говорили публично и от лица «Польской республики». Кончилось дело, как и в прошлые разы: московские бояре и паны не сошлись в цене на польскую корону.

Конкурентами царя Федора стали эрцгерцог Максимилиан Австрийский и наследный принц Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна III.

Тут придется сказать несколько слов о шведской династии Ваза. К началу XVI века Швеция находилась в династической (Кальмарской) унии с Данией. Правил обоими королевствами датский король Кристиан II. В 1521 г. шведский рыцарь Густав Ваза поднял восстание против короля Кристиана II. Датские войска потерпели поражение, и в 1523 г. ригсдаг (парламент) избрал Густава Вазу королем Швеции. Новый король расторг унию. Вскоре датская аристократия свергла Кристиана II и с датского престола. Новый датский король Фридрик I признал Густава Вазу королем Швеции. На этом Кальмарская уния окончательно прекратила свое существование.

Густав Ваза испытывал крайнюю нужду в денежных средствах и попытался поправить дело за счет церкви. Это привело его к конфликту с епископами и Римом.

В Швеции получили свободу проповеди лютеранские священники. Первыми новое вероисповедание приняли горожане Стокгольма — с 1525 г. богослужение стало вестись здесь на шведском языке, а год спустя Олаус Петри перевел евангелие с латинского на шведский язык. В 1527 г. на ригсдаге в Вестеросе король, поддержанный в первую очередь дворянством, настоял на секуляризации церковного имущества.

Официально реформацию приняли церковные соборы 1536— 1537 гг. В 1539 г. было введено новое церковное устройство. Король стал главой церкви. Церковным управлением ведал королевский суперинтендант с правом назначать и смещать духовных лиц и ревизовать церковные учреждения, включая сюда и епископства. Епископы сохранялись, но власть их ограничивалась советами-консисториями.

Реформация способствовала укреплению независимости шведского государства в форме централизованной сословной монархии.

Густаву Вазе удалось укрепить не только шведское государство, но и королевскую власть. Однако, сделав многое для централизации королевской власти, Густав, верный средневековой традиции, разделил королевство на четыре части, отдав их во владения своим сыновьям Эрику, Иоанну, Магнусу и Карлу. После смерти Густава в 1560 г. его старший сын стал править под именем Эрика XIV, а три младших брата остались полунезависимыми правителями с неопределенными законом правами по отношению к королю.

Вскоре Эрик вступил в конфликт с родным братом Иоанном (Юханом) герцогом

Финляндским и большей частью шведской аристократии. 29 сентября 1568 г. в Стокгольме вспыхнуло восстание. Эрик был свергнут с престола, объявлен сумасшедшим и заключен в тюрьму. На престол взошел его брат Иоанн (Юхан) III.

Новый король был женат на Екатерине (1526—1583 гг.), дочери Сигизмунда I Старого. Таким образом, королевич Сигизмунд имел с Ягеллонами родство по женской линии. Однако в историю он вошел как Сигизмунд Ваза.

9 (19) августа 1587 г. группа панов — сторонников Яна Замой-ского — провозгласила королем Сигизмунда. Конкурирующий клан Зборовских в свою очередь объявил королем эрцгерцога Максимилиана. Любопытно, что литовские паны не участвовали в избрании обоих «королей», а направили своих представителей к русским послам и напрямую потребовали, чтобы царь Федор заявил о переходе в католичество, и чтобы им немедленно было выдано для начала 100 тысяч рублей наличными. Послы сказали, что на это ответ уже дан, и другого ответа не будет.

Оба новоизбранных короля поспешили ввести в Польшу свои войска. Максимилиан с австрийцами осадил Краков, но штурм был отбит. Между тем с севера со шведским войском уже шел Сигизмунд. Население столицы предпочло открыть ворота шведам. Сигизмунд занял Краков и немедленно там короновался (27 декабря 1587 г.). Замечу, что, присягая, Сигизмунд III повторил все обязательства предшествующих королей в отношении диссидентов.

Тем временем коронный гетман Ян Замойский со своими сторонниками дал сражение Максимилиану при Бычике в Силе-зии. Австрийцы были разбиты, а сам эрцгерцог взят в плен. В начале 1590 г. поляки освободили Максимилиана с обязательством не претендовать более на польскую корону. За него поручился брат— император Священной Римской империи.

Но, в отличие от прежних королей Польши, Сигизмунд был фанатичным католиком. На его убеждения повлияла и мать — убежденная католичка, и реформация в Швеции.

Взойдя на престол, Сигизмунд III немедленно приступил к гонениям на диссидентов (то есть некатоликов). В 1577 г. знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви божи-ей и о греческом от сего единства отступлении». Две первые части книги посвящались догматическим и историческим исследованиям о разделении церкви, в третьей части содержались обличения русского духовенства и конкретные рекомендации польским властям по борьбе с православием. Любопытно, что в своей книге Скарга именует всех православных подданных Речи Посполитой просто «русскими».

Скарга предложил ввести унию, для которой нужно только три вещи: во-первых, чтобы митрополит киевский принимал благословение не от патриарха, а от папы; во-вторых, чтобы каждый русский во всех артикулах веры был согласен с римской церковью; и, в-третьих, чтобы каждый русский признавал верховную власть Рима. Что же касается церковных обрядов, то они остаются прежними. Эту книгу Скарга перепечатал в 1590 г. с посвящением королю Сигизмунду III. Причем и Скарга, и другие иезуиты указывали на унию как на «переходное состояние, необходимое для упорных в своей вере русских».

В книге Скарги и в других писаниях иезуитов средством для введения унии предлагались решительные действия светских властей против русских.

Сигизмунд III твердо поддержал идею унии. Православные церкви в Речи Посполитой были организационно ослаблены. Ряд православных иерархов поддался на посулы короля и католической церкви.

24 июня 1594 г. в Бресте был созван православный церковный собор, который должен был решить вопрос об унии с католической церковью. Сторонникам унии правдами и неправдами удалось принять 2 декабря 1594 г. акт унии. Уния расколола русское население Речи Посполитой на две неравные части. Большинство русских, включая и шляхтичей, и магнатов, отказалось принять унию.

29 мая 1596 г. Сигизмунд III издал манифест для своих православных подданных о совершившимся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковию под послушание одному духовному пастырю. Епископы [униаты, ездившие к папе — *А. Ш.]* не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете».

Повсеместно начались гонения на русских, сохранивших верность православию. Православных священников изгоняли, а церкви передавали униатам.

Православные шляхтичи во главе с князем К.К. Острожским и протестанты во главе с виленским воеводой Криштофом Рад-зивиллом решили бороться с унией старым легальным способом — через сеймы. Но католическое большинство при сильной поддержке короля на сеймах 1596 г. и 1597 г. сорвало все попытки диссидентов отменить унию. В итоге к уже существующей межконфессиональной розни добавился и конфликт между униатами и православными. Да и вообще, Сигизмунд был человеком из другого мира, чуждый не только своим русским подданным, но и польским панам. Он носил бородку клином, как его современник, жестокий и подозрительный испанский король Филипп, с которого Сигизмунд во многом брал пример. Вместо простого кафтана и высоких сапог, какие носил Баторий и другие польские короли, Сигизмунд одевался в утонченные западные одежды, в чулки и туфли.

В ноябре 1592 г. умер шведский король Иоанн III. Сигизмунд III отпросился на год у сейма, чтобы уладить свои наследственные дела. Он короновался шведской короной в Упсале. Побыв несколько месяцев в Швеции, Сигизмунд отправился в Польшу, поручив управление страной регенту — своему дяде Карлу Зюдерманландс-кому (1530-1611 гг.)

На родине Сигизмунд популярностью явно не пользовался. Масла в огонь подлила и женитьба Сигизмунда на католичке — австрийской принцессе. С отъездом Сигизмунда в Польшу власть в Швеции постепенно стала переходить к его дяде герцогу Карлу Зюдерманландскому. В 1594г. он официально был объявлен правителем государства.

В ответ Сигизмунд собрал польские войска и начал боевые действия со Швецией. Он высадился непосредственно на территории Швеции, но в 1597 г. был наголову разбит в битве при Стон-гебру. Одновременно начались и боевые действия в Эстляндии, которые шли до 1608г. с переменным успехом.

Сигизмунд III успел поссориться и с запорожскими казаками. На сейме 1590 г. король потребовал ограничить число казаков шестью тысячами человек, подчинить их коронному гетману, воспретить продажу простонародью пороха, свинца и оружия в Киевской земле и т.д.

Ответом стало первое большое казацкое восстание. Его возглавил православный шляхтич Кристоф Косинский. 19 декабря 1591 г. казаки взяли Белоцерковский замок. Вслед за Белой Церковью восставшие заняли Триполье, а немного позднее — Пере-яслав (на левом берегу Днепра). В июне 1592 г. казаки осадили Киев, но взять его не смогли.

23 января 1593 г. под местечком Пятка вблизи города Чудно-ва казаки Косинского встретились с польским войском под началом Константина Острожского. Сражение длилось целую неделю и закончилось подписанием мирного соглашения.

Но вскоре боевые действия возобновились. Сейм 1593 г. постановил «считать казаков врагами отечества». В конце лета того же года на мирных переговорах в городе Черкассы Косинский был предательски убит слугой князя Александра Вишневецкого. Тем не менее, при заключении мира панам пришлось пойти на уступки казакам.

Но гибель Косинского стала не концом, а началом казацких войн. 5 октября 1594 г. казаки Северина Наливайко вместе с брац-лавскими мещанами напали на шляхту, съехавшуюся в Брацлав, и перебили ее. История Северина Наливайко сходна с историей Богдана Хмельницкого. Его отец имел хутор в Гусятине недалеко от города Острога. Поляк пан Калиновский решил купить землю у старого Наливайко. Получив отказ, поляк до смерти забил старика. Его сын стал казацким артиллеристом (пушкарем), а затем и атаманом. Надо ли говорить, что Северин помнил отца, и пан Калиновский стал одной из первых жертв восстания.

В ноябре 1594 г. повстанцы взяли города Бар и Винницу. На Волыни повстанческое войско весной 1595 г. разделилось на две части. Одна во главе с Наливайко двинулась на запад, на Луцк, а потом повернула на северо-восток, на Могилев, а другая часть во главе со старшиной Григорием Лободой пошла на юго-восток в направлении Черкасс.

Летом 1595 г. повстанцы Наливайко контролировали всю Малую Русь за исключением Минска, где засел гетман Криштоф Радзивилл.

Отряд Лободы действовал довольно вяло. Л обода весной 1595 г. вступил в переговоры с поляками и фактически бездействовал.

Вскоре Радзивилл получил подкрепление и сумел выбить Наливайко из Могилева. Казаки в полном порядке совершили обратный марш через Рогачев и Туров на Волынь.

В марте 1596 г. отряды Наливайко и Лободы соединились. Вскоре Лобода был отстранен от командования, и его место занял Матвей Шаула. 23 марта гетман Станислав Жолкевский атаковал повстанцев у урочища Красный Камень. Обе стороны понесли тяжелые потери, Шауле ядром оторвало руку, был ранен и сам Наливайко. Ночью повстанцы отошли к Триполью, а затем к Киеву. Жолкевский из-за больших потерь не решился преследовать их, а отошел к Белой Церкви. Там гетман написал письмо к сейму, в котором срочно просил помощи, утверждая, что вся земля «ока-

зачилась».

В мае 1596 г. Жолкевский, получив подкрепление, осадил лагерь повстанцев в урочище Солоница, недалеко от Лубен. Казаки с трех сторон укрепили лагерь возами, поставленными в четыре-пять рядов, обнесли его рвом и высоким валом. С четвертой стороны к лагерю прилегало непроходимое болото. В нескольких местах лагеря были построены срубы, заполненные землей, на них казаки поставили около 30 пушек.

Жолкевский, имевший 5 тысяч одних только жолнеров, не считая шляхетских отрядов и магнатских команд, не решился на штурм. Он понимал, что имеет дело с людьми, по его же словам, отважными, принявшими «в своем положении» решение сражаться насмерть. И вместо штурма поляки подкупили нескольких предателей, которые в ночь на 24 мая схватили Наливайку и Шау-лу и выдали полякам. Они же и пропустили поляков в лагерь. Началась страшная резня, паны и жолнеры убивали всех, кто попадался под руку. Очевидец И. Бельский писал, что «на протяжении мили или больше труп лежал на трупе, ибо всего в лагере с чернью и с женами их было до десяти тысяч».

Наливайко был привезен в Варшаву, где после долгих недель пыток его казнили 11 апреля 1597г.

Так закончился XVI век. Польша и Литва вступили при Си-гизмунде III в новую эпоху. Сигизмунд ухитрился насмерть поссориться со шведами, а через несколько лет он на много столетий, если не навсегда, поссорит поляков с Россией.

Внутри страны король объявил войну православной церкви и казакам. Если раньше между русскими, литовцами и ляхами шли споры за различные привилегии, то теперь вопрос стоял по-другому — быть или не быть православной вере, русскому языку и вообще русским людям. У них оставалось три выхода: погибнуть, ополячиться или сломить шею Речи Посполитой.

Обратим внимание на герб Речи Посполитой в царствование Сигизмунда III. По краям он обрамлен гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой. Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но затем идут Швеция, Россия, причем не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т.д. И в 30-х годах XX века министры правительства Пилсудского неоднократно заявляли, что Балтийское море должно стать Польским морем.

К 1938 г. Польша была единственным в Европе государством, которое имело территориальные претензии ко всем без исключения соседним государствам: Германии, вольному городу Данцигу, буржуазной Литве, СССР и Чехословакии.

ГЛАВА 24
СКАЗКИ XX ВЕКА

Русская история со времен Татищева и Карамзина создавалась по схеме: один народ — одна конфессия — одна династия. В соответствии с этой формулой все русские князья Рюриковичи с начала XIV века объявлялись жадными, ограниченными и реакционными правителями. Хорошими были лишь Иван Калита и его потомки, занимавшие московский престол. Они были «прогрессивными» и поэтому оказывались всегда правыми, даже в конфликтах с родными братьями.

Фактически история России Карамзина и Соловьева — это история Владимиро-Суздальской Руси, переходящая в историю Московского государства. Новгородская республика, Великое княжество Тверское и Великое княжество Рязанское интересовали наших историков лишь в связи с историей Москвы. Аспекты русской истории, не способствующие прославлению рода Калиты, как, например, Смоленское княжество или ушкуйники, историками упоминались вскользь.

В Российской империи формально было запрещено печатать книги на украинском и белорусском языках, хотя фактически запрет сей часто нарушался. Получило широкую известность изречение Николая II: «Нет малороссийского языка, есть только говор темных малороссийских мужиков».

В советское время (с 30-х но 80-е годы XX века) история СССР продолжала оставаться историей Владимирского и Московского княжеств, но с вставкой глав, посвященных культурам

Белоруссии и Украины. За элементы этих культур брались книги, иконы, памятники архитектуры и т.д. Великого княжества Литовского. А наши историки культурные ценности делили на украинские и белорусские исключительно по географическому принципу. То есть Иван Федоров, печатая книги в Белоруссии, развивал белорусскую культуру, а переехав во Львов — украинскую. Понятно, что при советской власти никто не смел сиро- сить у ученых, чем отличаются украинские культурные ценности XIV —XVII веков от белорусских.

Начну с того, что считать Русью и кого — русскими. Подавляющему большинству московских школьников и взрослых обывателей вопрос очевиден, но вот националисты всех мастей трактуют его вкривь и вкось.

В «Повести временных лет»[208] говорится: в лето 6370 от сотворения мира[209] пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Из-борске».

Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманнистами, а историков, считавших, что призвание варягов — вымысел, и князь Рюрик — мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманниста-ми. Еще в XIX веке спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В.Н. Татищева, придумали Рюрику деда — славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманнистов и антинорманнистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами — скандинавскими разбойниками. В VIII —X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье северной Европы, но и на весь средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке — Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов — конуги — захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» но русским рекам и волокам было гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг — это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «joisegato», означающего «союзники», а точнее — наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Разобравшись с варягами, обратимся к личности Рюрика. Ряд историков, включая Б.А. Рыбакова, отождествляет летописного Рюрика с Рёриком Ютландским — мелким датским конугом, владевшим местечком Дорестад во Фрисландии. Где-то в 50-х годах IX века викинги

отняли у Рёрика Дорестад. Рёрик неоднократно упоминается в западных хрониках. С 862 г. его имя исчезает из хроник. В 870 г. Рёрик на короткое время появляется в королевстве франков, а затем исчезает вновь. Согласно нашей летописи Рюрик умер в 879 г. С большой степенью вероятности мы можем принять версию, что Рёрик Ютландский принял предложение славян и действительно княжил у них до 879 г.

А вот его братья Синеус и Трувор являются плодом фантазии летописца. Возможно, он имел какой-то документ, славянский или норманнский, где и нашел непонятые слова «синеус» (sine us — свой род) и «трувор» (thru varing — верная дружина). Видимо, о Рёрике было сказано, что он прибыл со своими родичами и верной дружиной, которых малограмотный летописец превратил в братьев Рюрика. Не имея никаких сведений о деятельности Тру вора и Синеуса и об их потомстве, летописец умертвил обоих братьев в 864 г.

Теперь остается последний вопрос, а какую это «русь» привел Рюрик? В книге «Викинги», изданной в Москве в 1995 г. огромным для нынешнего времени тиражом 50 тысяч экземпляров, говорится: «Славяне называли викингов русами, поэтому территория, где расселились русы, получила название Русь (впоследствии — Россия)»[210]. Мягко выражаясь, это буйная фантазия господ Филиппы Уингейт и Энна Миллард, как, впрочем, и иных иностранных и отечественных историков[211]. Дело в том, что в Скандинавии не было не только племени варягов, но и руси. А русью или русами норманнов называли только в Восточной Европе.

Некоторые историки связывают слово «рос» — «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плаванье на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» — «русь» происходит от слова «корабль».

Итак, поначалу славяне и византийцы называли русью дружины норманнов и славян, передвигающиеся на гребных судах.

Через несколько десятилетий это слово стало ассоциироваться с дружиной киевского князя, а затем — с его владениями и его подданными.

В IX —XI веках на Русь действительно приехали тысячи варягов (норманнов). Кому-то из них наша земля не понравилась, и они, повоевав и поторговав, уехали. А кто-то влюбился в наши бескрайние дремучие леса, полноводные реки[212] и русоволосых красавиц.

Эти варяги остались и вместе со славянами начали строить Великую Русь. Ради нее не жалко было и голову сложить в бою с печенегами, назвать Одина Перуном, а Тора — Дажьбогом. В результате в варяжской семье конуга Ингвара и Хельги родился сын Святослав, у которого была одна родина — Русь, и родной язык — русский. Так что норманны на Руси вроде бы и были, а следов почти не оставили, кроме сотен сопок, где лежат кости, мечи, кольчуги и таблички с руническими надписями.

Невысокий культурный уровень варягов-норманнов и их быстрая ассимиляция дали сильные козыри в руки историкам-антинорманнистам. С последними можно согласиться в том, что варяги практически не оказали никакого влияния на быт, обычаи, культуру, религию и язык славян. Однако в политике и, особенно, в военной истории славян варяги сыграли весьма существенную роль.

К XII веку все земли, входящие в состав Киевского государства, от Перемышля до Курска и от Канева до Белого моря называли однозначно Русью или Русской землей. После фактического распада Киевского государства на отдельные княжества способом обозначения принадлежности населения той или иной «земли» становилось название, производное от названия города, являвшегося административным центром данной «земли» (так называемые урбанизованные политонимы), — «ростовцы», «новгородцы», «галичане» и т.д. В таких названиях, разумеется, отражалось сознание не этнического, а территориально-политического единства. В пользу именно такого их понимания говорит и то обстоятельство, что население более мелких единиц, входивших в состав «земли» — отдельных уделов или административных округов, обозначалось подобным же образом.

Количество «земель» было сравнительно небольшим — Черниговская, Переяславская, Киевская и Рязанская на юго-востоке; Галицкая и Волынская на юго-западе; Полоцкая, Смоленская, Новгородская на северо-западе; Ростово-Суздальская на северо-востоке. Тем не менее, все эти земли считались русскими.

Вот, к примеру, в договоре 1316 г. галицко-волынских князей Андрея и Льва Юрьевичей с Тевтонским орденом эти князья носят титул «duces totius Russiae, Galicie et Ladimirie». Их

преемник Болеслав Юрий Тройденович в договоре с Тевтонским орденом 1325 г. именовался «dei graciae dux Russiae». В грамотах Андрея Юрьевича краковским и торунским купцам 1320 г. он фигурирует с титулами «dux ladimiriensis et dominus terrae Russie», «dux Ladimirie et dominus Russie». В договоре 1352г. между польским королем Казимиром и Литвой сказано: ««городов оу Роускои земли новых не ставити», упоминается «Русь, што Литвы слушаеть» и «Русь, што короля слушаеть», говорится, что делать, «аже побегнет русин а любо руска». В более позднем договоре 1366 г. указывается, что судьи короля должны судить «полянина по польскому закону... а русским судиам судити... и вину взяти по русскому закону».

Таким образом, и власти, и население Галицко-Волынской земли продолжали отождествлять себя с Русью.

Особый интерес представляет «Список русских городов дальних и ближних», составленный около 1396г. в канцелярии митрополита всея Руси Киприана. Особенность этого памятника состоит в том, что в нем русские города поделены на ряд территориальных комплексов, наделенных особыми названиями.

Примером может служить помещенный в нем перечень «волынских градов». Перечень охватывал территорию Галичины, Волыни и части западной Белоруссии (Пинск, Брест), соответствуя границам Галицко-Волынской Руси второй половины XIII — начала XIV веков. Таким образом, для составителей списка как бы не существовал факт раздела этого политического образования между Великим княжеством Литовским и Польшей.

Русские города в «Списке...» были разделены по географическому принципу, а не по принадлежности к Великому княжеству Литовскому, Польше и Великому княжеству Владимирскому.

Анализ «Списка русских городов» показывает, что еще и в конце XIV века Великое княжество Литовское не воспринималось в кругах близких к митрополии как нечто единое: наряду с «Литовской землей», здесь выделялись земли «Киевская» и «Волынская». Подобные представления были не чужды и составителям летописных сводов, создававшихся на Севере Руси в первой половине XV века, а, вероятно, и их источникам. Так, в Псковской первой летописи читаем, что Ольгерд в 1341 г. привел с собой во Псков «моужии своих литовков и мужии видьблян», под 1343 годом здесь же упоминается «гость псковский в Полтеске или в Литве». Таким образом, даже в рамках «литовских градов» «Списка» северорусские современники отличали собственно «Литву» и русские земли, в состав «Литвы» не входившие.

С этими свидетельствами следует сопоставить запись в Новгородской первой летописи под 1335 годом: «Бысть пожар в Руси: погоре город Москва, Вологда, Витебьско». Здесь Витебск — один из городов «Литовской земли» — рассматривается как часть «Руси», подобно Москве или Вологде. Сходные высказывания можно встретить и позже. Так, автор «Повести о Едигее» отметил, что во время описываемых им событий Витовт владел «всею землею Киевскою и Литовъскою». Во Псковской второй летописи под 1422 г. указывалось, что псковские послы, не застав Ви-товта в «Литовской земли», поехали «за Киев в Луческ великый».

Теперь перейдем к происхождению терминов Малая, Белая и Великая Русь. Начнем с того, что такое деление страны свойственно и другим славянским народам. Те же поляки делили свою страну на Великую и Малую Польшу (почему-то сейчас никому не приходит в голову требовать независимости для Малой Польши).

Впервые термин «Малая Русь» появился в византийских актах XIV века в связи с хлопотами галицко-волынского князя Юрия Львовича о создании особой митрополии для его владений с центром в Галиче. Поэтому в одном из византийских документов середины XIV века и называются «епископии Малой Руси, находящиеся в местности, называемой Волынью». Термином «Волынь» в источниках XIV века обозначалась как раз территория Галицко-Волынской Руси. Разграничение, проведенное в связи с церковным разделом, проникло затем и в светские источники, отсюда и титул последнего галицкого князя Болеслава Юрия «dux totius Russiae minor».

В противовес Галицко-Волынской Руси вся остальная территория Руси, остававшаяся по-прежнему под управлением общерусского митрополита с резиденциями в Киеве и во Владимире, получила название «Великой (или Большой) Руси».

В начале XIV века для владений литовских князей была создана особая «литовская» митрополия. В 1361 г. кандидату литовского князя Ольгерда на митрополичий стол Роману решением патриархии были переданы «литовские» епископии и епископии «Малой Руси». В Рогожском летописце в этой связи было отмечено, что Роман был поставлен «на землю Литовськоую и на Волыньскоую».

При новом разделе митрополии в 70-х годах XIV века связанный с литовским двором

митрополит Киприан стал митрополитом «Литвы и Малой Руси», то есть территорий, входивших в состав Великого княжества Литовского и Польского королевства, а оставшаяся территория, продолжавшая называться «Великой Русью», отошла к кандидату московских князей Пимену.

Появление в византийских источниках XIV в. в связи с разделами общерусской митрополии терминов «Великая» и «Малая Русь», а также «Литва» было связано с разграничением политических зон влияния в Восточной Европе. Термин «Великая Русь» лишь к концу XIV века стал совпадать с будущей великорусской территорией, а термин «Малая Русь» никогда не совпадал с границами будущей украинской территории.

Термин «Белая Русь», как писал доктор исторических наук Борис Николаевич Флоря[213], впервые появляется в сочинении византийского хрониста второй половины XV века Лаоника Халкокондила. Такие города, как Москва, Тверь, Киев, он относит к «Черной» Сарматии (так хронист называет Русь), а территорию Новгородской земли обозначает, как Сарматию «Белую».

В источниках второй половины XIV — начала XV веков, связанных с деятельностью Тевтонского и Ливонского орденов, Нов-городско-Псковские земли устойчиво именуются «Белой Русью». Территория на север от Новгорода на ряде географических карт XV века обозначена как Russia Alba в противоположность лежавшей южнее Russia Negra — название, относившееся одновременно к территориям и Великого княжества Литовского и складывавшейся Московской Руси. В «Повести» Симеона-суздальца Василий II именуется «белым царем всея Руси». В рассказе так называемого свода 1479 г. о том же событии упоминается «болшее православие и вышшее христианьство Белые Руси».

Все это показывает, что интересующие нас термины, хотя и редко, встречаются и в восточнославянских источниках. По-видимому, и здесь «Белая Русь» употребляется в значении «Великая Русь», тем более что и сам этот термин (правда, как внешний, используемый иностранцами) имеется также в «Повести» Симеона: «Славна бо земля та и фрязове зовут ея Великая Русь».

Несколько слов стоит сказать и о термине «Украина». Как писал князь А.М. Волконский в статье «Историческая правда и украинофильская пропаганда»: «Русское слово «украйна» (польское исгата) означает «пограничная земля» (по-итальянски раезе ал сопгте); русское прилагательное «исгатц» означает «то, что лежит у края, близ грани» (ргеззо 11 Ьогёо: ргеззо — у, ЬогсЬ — край). Очень знаменательно это значение слова, ибо ясно: то, что именуется Украиной, не есть нечто самостоятельное; такое название может быть дано известной местности лишь извне, правительством или народом, рассматривавшим эту местность как некий придаток к своему государству. И действительно, для Литвы киевские земли стали украйной (южной) со времени завоевания их ею в конце XIV века; для Польши — украйной (восточной) со времени объединения Литвы и Польши во второй половине XVI века; для Московской Руси — украйной (юго-западной) со времени присоединения Малороссии в середине XVII века. Вряд ли наименование Украйна найдется в памятниках ранее конца XIV века. У Московской Руси были и другие украины — те земли, которые лежали у границы донской и нижневолжской степи, занятой татарскими кочевьями. Граница эта (насколько вообще можно говорить о степной границе *в* XIV— XVII веках) постепенно, ценой тяжких столетних усилий, подвигалась на юг; соответственно менялись и земли, к которым прилагалось название украинных. Заметим, что прилагательное «ук-раинный» применяется вовсе не только к Южной России: классический «Толковый словарь русского языка» Даля (издание 1865 г.), объясняя это слово, приводит такие примеры: «Сибирские города встарь зывались украйными. А город Соловецкой место укроинное...»

Читаем в Новгородской летописи под 1517 год ом: «По королеву совету Жигимонтову приходиша крымские татарове на великого князя украйну около города Тулы... без пути начаша во-евати». В 1580 году вследствие тревожных известий государь распределяет, «как быть воеводам и людям на берегу [то есть по Оке] по украинским городам от крымские украины и от литовской» (Древняя российская вивлиофика. XIV, 368). В 1625 году из Валуек (на юге нынешней Воронежской губернии) пишут, что чают «приходу татар на наши украйны»; об этой опасности царская грамота тотчас же сообщает воронежским воеводам (Книги разрядные. 1, 1063, 1106, 1133; Воронежские акты. 1851. 1, 120). Подчеркнутые имена дают представление о постепенном продвижении московской границы за эту сотню лет на юг. Подобные цитаты можно было бы привести в изобилии.

Во сибирской во украйне,

Во даурской стороне... —

Так начинается народная песня про реку Амур, то есть песня, сложившаяся не ранее конца XVII века.

Сейчас националисты Украины и Белоруссии отчаянно спорят, на каком языке говорило население Великого княжества Литовского в XIV — XVI веках — на украинском или на белорусском? Обе стороны согласны, что их язык был государственным на территории Великого княжества Литовского. Одни утверждают, что Литовский статут 1529 года был написан на чисто украинском языке, а другие — что на белорусском. Увы, статут написан на русском языке, очень близком к литературным памятникам XI —XIII веков.

«Самостийники» не понимают анекдотичности своих утверждений. Что же получается? Объезжает, к примеру, великий князь литовский свои владения, и в Минске ему приходиться разговаривать по-белорусски, в Вязьме — по-русски, а в Киеве — по-украински?

На русском языке была написана и знаменитая «Хроника Быховца», а когда в XVII веке кириллица была запрещена на территории Речи Посполитой, хронику переписали тоже по-русски,но латинскими буквами.

В Кракове в Ягеллонской часовне к 1917 г. еще можно было прочесть надпись кириллицей на русском языке, датированную по одной версии 1459 годом, а по другой — 1470 годом. Все документы 1595—1596 гг., связанные с Брестской унией, также написаны на русском языке.

И еще один маленький вопрос — на каком языке печатались первые книги в Москве и в Великом княжестве Литовском? На беду всем самостийникам, знаменитый Иван Федоров печатал книги в Москве, Заблудове[214], Львове и в Остроге (на Волыни). Я не буду говорить об экстремистах, болтающих о каких-то особых народах — у крах и литвинах, но даже благонамеренные советские историки говорили, что к середине XVII века уже сформировались белорусская и украинская народности. К примеру, в «Истории Украинской ССР»[215] говорится, что в XII —XIII веках прошел первый этап формирования украинской народности, а с XIV века по середину XVI века — второй этап.

И вот в начале «третьего этапа» Иван Федоров приезжает в Западную Белоруссию и на Западную Украину и начинает печатать русским шрифтом те же книги, что и печатал в Москве. Тот же русский шрифт, тот же русский язык — не знал бедный Федоров, что в Заблудове и Львове уже кончался третий этап бело-руссизации и украинизации.

Между прочим, русский шрифт, которым Иван Федоров начал печатать книги в Москве, не был его изобретением. В 1491 г. немецкий студент Рудольф Борсдорф изготовил по заказу краковского печатника Швайпольта Филя «русский шрифт». В том же 1491 г. и вышли две первые печатные книги на русском языке — «Осмогласник» и «Часослов». Они распространялись как в Великом княжестве Литовском, так и в Великом княжестве Московском.

В 1574 г. в Львове Иван Федоров печатает «Азбуку». Чью азбуку? Понятно, что русскую! Заметим, что якобы украинское слово «друкария» тогда равно использовалось в Москве, Минске и Львове. А чуждым русскому языку словом «типография» мы обязаны Петру I и любимым им немцам.

В 1561 г. монах Исайя из города Каменец Польский отправился в Москву за оригиналами книг на русском языке, чтобы печатать их «слово в слово»: «…в нашем государстве христианском руском Великом княжестве Литовском выдати тиснением печатным нашему народу христианскому, да и русскому московскому»[216].

Не я, а монах Исайя, князья, шляхтичи и попы XVI века твердят нам одно и тоже: в Великом княжестве Литовском и в Великом княжестве Московском был один народ — русский.

Первопечатник Иван Федоров, князь Андрей Курбский и сотни других людей, приехав из Москвы в Великое княжество Литовское, оказывались в кругу православных людей, говоривших на одном языке, короче — в кругу своих. Это были Николай Радзивилл, Григорий Ходкевич, Константин Острожский и другие. Эти фамилии эрудированный читатель привык встречать среди польских магнатов, но с XVI по XVIII век это были русские люди, а не ляхи. Точно так же, как дети и внуки эмигрантов первой волны (1917 — 1922 гг.) — уже не русские, а французы, немцы и американцы русского происхождения.

Другой вопрос, что во Львове и на Волыни в русский язык в конце XVI века начинают проникать полонизмы, и князь Андрей Курбский решительно выступил против использования «польской барбарии».

Еще в конце XIV — начале XV веков в русском языке Великого княжества Литовского

появляются термины «паны», «рада» и т.д. Причем, панами называли и литовцев-католиков, и православных князей и дворян.

Точно также язык москвичей обогащался десятками татарских слов. Замечу, что в XV веке речь москвичей гораздо больше отличалась от языка новгородцев, чем, скажем, от языка жителей Смоленска — подданных Великого княжества Литовского.

Увеличение различий в языке Великого княжества Литовского и Московской Руси в XIV — XVII веках — вещь вполне естественная и никак не связанная с формированием двух или трех наций. Возьмем, к примеру, Южную и Северную Корею. Там что, два народа, две нации? А между тем в 2002 г. был издан словарь для перевода с северокорейского на южнокорейский языки, насчитывающий 50 тысяч значений, имеющих различные наименования на севере и на юге Кореи.

Увы, сейчас националисты всеми силами пытаются доказать, что еще до Рюрика на территориях современных Украины и Белоруссии жили какие-то народы, не имеющие ничего общего с русскими (москалями). На Украине в исторической науке что ни год, происходят все новые открытия! То ее коренное население происходит от каких-то «рутенов», то от племени «укров».

Особую ненависть самостийников вызывают русские былины. Вот пирует в гридне своей в стольном граде Киеве князь Владимир Красное Солнышко: угощает свою дружину и богатырей, «стоятелей и сберегателей святорусской земли». Кто эти богатыри? Южные ли только они уроженцы или съехались со всех краев Руси? Сидит за столом Ставёр из Новгорода, Дюк Степа-ныч из Галиции, Добрыня Никитич, сын богатого рязанского гостя, боярин Пермята из Перми, Алеша Попович, сын ростовского протопопа, и Чурила Пленкович, щеголь и богач из-под Киева. Со всеми ласков князь, всех потчует медом, для всех у него доброе слово. Но кого встречает он с особым почетом, ведет за руку и сажает в красный угол? Илью Муромца, скромного крестьянина, богатыря из-под Мурома.

Конечно, часть этих богатырей вымышлена, Пермь в то время была еще далеко от русского рубежа, а Ставёр — современник Владимира Мономаха, а не его прадеда. Важно то, что в народном представлении киевские богатыри — общерусские, что жизнь их (особенно Ильи Муромца) посвящена идее служения русской земле. Нигде в былинах вы не найдете выражения неприязни к северным областям. Народ этого чувства не знает и «честь» лелеять его предоставил самостийникам.

Но теперь в Киеве срочно былины переписывают. Так, Илье Муромцу придумали новое место рождения — где-то на Западной Украине. И стал он щирым хохлом, как адмирал Нахимов — Нахименкой, а матрос Кошка — Кишкой.

Только сейчас «выяснилось», что в 1410 г. на поле у Грюнвальда вышли украинские полки под «жевто-блокитным» стягом. Они, понятно, и битву выиграли. Надо ли говорить, что и запорожцы ходили в походы только с «жевто-блокитными» стягами, и ни как иначе. Они-де даже свои чайки красили исключительно в желтый и голубой цвета.

Все верно. Только знаменем галицких королей был Золотой Лев на голубом поле. А в 1410 г. киевский полк шел на крестоносцев под красным (червленым) стягом. У запорожцев же знамена были различных оттенков красного цвета: под красным флагом воевал Северин Наливайко, под малиновым — гетманы Хмельницкий и Дорошенко.

Сторонникам желто-голубого сочетания цветов приходится прибегать к всевозможным логическим ухищрениям, чтобы доказать, что именно эти цвета были основными. Впервые же желто-голубой флаг, похожий на самостийный, появился в 1848г. во Львове на территории Австрийской империи, когда в разгар венгерского восстания имперское правительство создало в Галиции Головну Руську раду, чтобы иметь в тылу у восставших верные себе войска.

По одной версии этот флаг был сконструирован из цветов га-лицкого флага — вверху золотой цвет льва, внизу — голубой цвет фона. По другой версии некогда у галичан было красно-синее знамя (это подтверждается документами), а мать императора Франца-Иосифа заменила красный цвет желтым, чтобы в галиц-ком флаге было что-то от желто-черного знамени Габсбургов. И австрийский наместник торжественно вручил его «руським галичанам».

В 1911 г. украинского национального флага еще не существовало. Тогда лишь развернулась дискуссия на эту тему. Известный украинский историк И. Крипьякевич предложил считать национальным цветом красный — цвет запорожского казачества. В ответ историк С. Томашивский предложил сочетание желтого и голубого цветов, сославшись, в частности, на то, что красный цвет означает рабочую солидарность.

Когда в начале 1918 г. Центральная Рада осознала свое банкротство, для наведения «порядка» она пригласила на украинскую землю немецкие войска. Чтобы с нею считались как с

суверенным правительством, был в спешном порядке задним числом принят IV Универсал о независимости Украинской народной республики. В то время и был утвержден государственный флаг — желто-голубое знамя.

После завоевания Украины немцы скинули Центральную Раду за ненадобностью, утвердив вместо нее своего ставленника — гетмана Скоропадского. Именно он «перевернул» цвета флага, чтобы доступней объяснять народу их значение: вверху синий — цвет неба, внизу желтый — цвет пшеницы. Именно в этом виде флаг использовался впоследствии и Петлюрой, и Бандерой. И именно в этом «немецком» варианте флаг реет сейчас над площадями Украины.

Не менее забавные истории происходят и в современной Белоруссии. Там кое-кому не понравилось быть... белорусами, и они объявили себя литвинами. Нет, не литовцами, а литвинами. Будто бы между этими двумя терминами еще с X века была большая разница. Литвины — это славяне, а литовцы — современные этнические литовцы. А цари и комиссары приказали историкам молчать, и разница исчезла.

Тем не менее, движение «литвинов» в Белоруссии ширится. При этом возникают различные течения. Так, некоторые считают литвинами всех этнических белорусов, зато другие полагают, что «литвины» проживают лишь в западных областях Белоруссии, а на востоке живут замаскированные москали, а главный атаман у них — батька Лукашенко. Эти лица слово «белорус» воспринимают не иначе как «неполноценный рус».

В 2000 г. в городке Новогрудке 25 «литвинских комиссаров» в местной пивной подписали «Акт объявления существования лит-винской нации»[217]. «Комиссары» решили создать литвинский язык, естественно, с использованием латиницы, а не кириллицы, и требовать национальной независимости Литвинского государства.

вместо заключения

Историки создали весьма устойчивые и живучие системы исторических штампов. Штамп первый: единое и процветающее Киевское государство. Штамп второй: распад Киевского государства на удельные княжества привел к упадку военной и экономической мощи Руси, которая не смогла из-за этого противостоять та-таро-монгольскому нашествию. Далее вся отечественная история сводилась к истории Великого княжества Владимирского, а затем — к истории Московского государства. А о западных и южных русских княжествах говорилось мало и невнятно, мол, воспользовавшись татарским разорением, их захватили польско-литовские феодалы.

На самом деле Киевская Русь никогда не была унитарным государством, а лишь государственным образованием, которым управляли князья Рюриковичи. Раздел Киевского государства на удельные княжества не привел к ослаблению Руси в целом. Кстати, татаро-монголы с куда большим успехом разгромили несколько больших централизованных государств Азии.

К 1238 г. на Руси имелся великий князь, которому формально подчинялись все князья Рюриковичи. Замечу, что в таком же состоянии феодальной раздробленности в то время находились и большинство других государств Европы от Польши до Франции. Риторический вопрос, имел ли французский король Людовик IX большую власть над страной, чем великий князь Юрий Всеволодович на Руси?

Татарское нашествие разорвало связи между Владимиро-Суз-дальскими землями и Юго-Западной Русью. Образовавшийся вакуум силы заняли Великое княжество Литовское и Королевство Галицкое. Присоединение Киевской земли и Черниговского княжества к Великому княжеству Литовскому прошло сравнительно мирно. Еще раз повторю: «Победила не Литва, а ее название».

Литва дала название новому большому русскому государству, точно так же, как викинги-норманны дали название большой французской провинции. Советские историки не смогли выговорить очевидной вещи: дикая этническая Литва не имела ни культуры, ни религии, которые могли быть восприняты Западной и Южной Русью. В результате не русские земли облитовились (как видим, это слово даже не выговаривается), а этническая Литва в значительной степени обрусела и приняла православие.

Со времени унии Ягайло (1385 г.) началась полонизация части литовских князей и этнического литовского боярства. Православная церковь, часть князей Гедеминовичей, князья Рюриковичи и русское боярство противодействовали этому процессу. Опираясь на них, великие князья литовские Витовт, а затем Свид-ригайло пытались создать полностью независимое от Польши русско-литовское государство (королевство) с независимой как от Рима, так и от Москвы церковью. Официальным языком нового государства, естественно, должен был стать язык Великого княжества Литовского, то есть русский.

Однако обе попытки по ряду объективных и субъективных причин закончились неудачно. И в ходе последующих уний Великое княжество Литовское продолжало медленно полонизироваться. Краковские короли лоскутного польско-литовского государства, чтобы удержать престол, отчаянно маневрировали между требованиями князей, шляхты и церковных иерархов, как католиков, так, православных и протестантов. Чтобы удержать их в повиновении, короли направо и налево раздавали привилеи, благодаря чему церковные и светские феодалы стали полунезависимыми князьками в своих владениях.

Люблинская уния 1569 г. и создание Речи Посполитой кладет конец существованию полунезависимого русско-литовского государства. Отделение Киевской земли от Литвы приводит к разнице в укладе жизни и степени полонизации Малой и Белой Руси. А это, в свою очередь, ведет к появлению украинской и белорусской народностей.

Появление шведа Сигизмунда III Вазы на польском престоле открывает новый этап в истории Польши и Литовской Руси. Уже в начале своего царствования Сигизмунд ухитрился поссорить поляков с двумя самыми сильными своими соседями — Шведским королевством и Московским царством. Брестская уния сде- лала католическое и православное духовенство из конкурентов смертельными врагами. Естественной реакцией на вторжение в Киевскую землю польских феодалов и католического духовенства стали казацкие войны.

Таким образом, именно политика Сигизмунда Вазы определила направление дальнейшей истории Речи Посиолитой, которое привело ее к бесславному концу. Разумеется, все это было сделано не без помощи гонористых панов, которые ради своих амбиций пять последующих веков заливали кровью Польшу и соседние страны и сделали свою страну постоянной головной болью всей Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Официальное разделение церквей на православную и католическую произошло в 1054 г., однако фактический раскол был уже в IX в. Для удобства читателя здесь и далее я буду именовать западным духовенством клир, подчиняющийся римскому папе, и, соответственно, восточным духовенством — пастырей, подчиняющихся константинопольскому патриарху.

[2] Кирилл к этому времени уже умер (в 869 г.).

[3] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., Издательство социально-экономической литературы, 1959. Книга I. С. 191.

[4] В данной монографии здесь и далее автор будет называть население стран так, как оно называлось в документах того времени.

[5] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. КнигаI. С. 193-194.

[6] Из-за скудности и противоречивости источников X —XI вв. историкам приходится иногда реконструировать события и ориентировочно указывать даты.

[7] Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе, СПб, 1872. С. 257.

[8] Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX —XIII вв. Киев, 1884. С.175.

[9] Существует версия, что Святополк был не сыном Владимира, а племянником, сыном убитого им брата Ярополка. Однако достоверных подтверждений этой версии нет.

[10] Подробнее см. Широкорад А.Б. Северные войны России. Москва — Минск, АСТ — Харвест,

2001. С. 25 — 35.

[11] Так он именовался в «Саге об Эймунде».

[12] Тут стоит отметить любопытную деталь: здесь и далее русские и поляки ругаются и мирятся, понимая друг друга без переводчиков, что служит достоверным доказательством крайней близости древних русского и польского языков.

[13] Река к югу от Киева.

[14] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 369.

[15] Четвертый Болеславич, Генрих, к тому времени умер.

[16] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга!. С. 582.

[17] Даниил Романович (1201 — 1264). Первая жена Анна, дочь Мстислава Мстиславича Удалого; вторая жена сестра литовского князя Товтивила.

[18] Василько Романович (1203 — 1269). Женат на Елене, дочери великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Вторая жена тоже Елена, дочь краковского князя Лешко Белого.

[19] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 587.

[20] Ростислав Роголодович — сын хорошо известного по летописям князя Роголода Всеславича, правившего Полоцком в XII в.

[21] Сейчас это село Гончары Гродненской области.

[22] Возможно, это современный г. Шауляй, но историки называют еще два места, где могла быть битва.

[23] Михаил Хоробрит (Храбрый) — третий сын великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича.

[24] Здесь и далее под княжествами я буду подразумевать большие территориальные объединения типа современной области, а под уделами — малое княжество площадью с современный район, князь которого подчинялся князю княжества (извиняюсь за тавтологию, но иначе не получается).

[25] Магдебургское право — одна из наиболее известных систем городского права, сложилось в XIII в. в немецком г. Магдебург. Юридически закрепило права и свободы горожан, их право самоуправления.

[26] По другим источникам это произошло в конце 1253 г.

[27] Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия, Киев, 1891. С. 478 — 481.

[28] Схизматиками католики называли православных.

[29] Князь Любарт (1312 —1397) — сын Гедемина, православное имя Федор. Дважды женат: с 1331 г. — на Анне Андреевне, княжне волынской, с 1349 г. — на Агафье Константиновне, княжне Ростовской.

[30] Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, Roma, 1860,1.1, N 776. 5.581.

[31] Здесь и далее, говоря о детях царственных особ, автор, следуя принципу древних летописцев и хронистов, в ряде случаев опускает детей, умерших в молодом возрасте и не совершивших поступков, вошедших в историю.

[32] С 1939 г. Вильнюс.

[33] Скрынников Р.Г. Святители и власти. Ленинград, Лениздат, 1990.С. 8.

[34] Сказать «белорусский язык» не будет ошибкой, но точнее назвать «русский», поскольку термина «белорусский язык» тогда не было, да и что, литовские князья, приезжая в Киев, общались с местным населением через переводчиков? Или, как тогда называли, «русская мова».

[35] Оболенск находился недалеко от впадения Протвы в Оку.

[36] Городок на реке Кистме (Кестме), впадающей в Мологу в 10 верстах ниже Весьегонска.

[37] Ныне Переславль-Залесский.

[38] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга П. С. 285.

[39] В 1375 — 1380 гг. Мамай вел борьбу за престол как с Арап-шахом (Арапшой), так и с Тохтамышем.

[40] Коригайло Ольгердович (ум. в 1391 г.). Православное имя Константин, католическое Казимир.

[41] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 306.

[42] Каштелян — второе лицо в воеводстве, он ведал в основном военными делами.

[43] Воронач (Вороноч, Воронич) расположен на левом южном берегу р, Сороти в 4 км выше ее впадения в реку Великую. Маленькая крепость с земляным валом и деревянным тыном находилась в 2-х км от будущего имения А. С. Пушкина Михайловс-кое. Впервые в русско-литовских войнах крепость Воронач упоминается в 1348 г., когда она была осаждена литовским князем

Андреем Ольгердовичем.

[44] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга П. С. 376-377.

[45] Обещал помощь в улаживании споров с вассалами Твери.

[46] На территории современной Тульской области.

[47] г. Галич в Костромской области (не путать с Галичем — столицей Галицко-Волынского княжества, в советское время в Ива-но-Франковской области на Украине).

[48] Владислав — католическое имя Ягайло.

[49] Эта цифра приведена в хронике Быховца, что, видимо, преувеличение.

[50] По-литовски Домантас.

[51] Воинские повести древней Руси / Составитель Н.В. По-ныркo, Ленинград, Лениздат, 1985. С. 141 — 142.

[52] Князь Юрий Андреевич, сын Андрея Ярославича, племянник Александра Невского был в то время служилым новгородским князем.

[53] Раковор — по-немецки Везенберг, по-чухонски Раквере.

[54] Насад — небольшое гребное судно с одной мачтой и прямым парусом.

[55] Воинские повести древней Руси. С. 143.

[56] Там же. С. 143-144.

[57] К 1914 г. меч все еще находился в соборе.

[58] Вся родня Дмитрия разбежалась: двоюродный брат Владимир Андреевич убежал в Волоколамск, его жена и мать — в Торжок, Евдокия, жена Донского с детьми побежала за мужем в Кострому. Бежало и духовное сословие — Герасим, владыка Коломенский убежал аж в Новгород, а митрополит Киприан оказался в Твери, за что позже на него взъелся великий князь.

[59] Воинские повести древней Руси. С. 282.

[60] Там же.

[61] Там же. С. 282-285.

[62] Там же. С. 288.

[63] Там же.

[64] Там же.

[65] Речь идет о ратниках Остея, которые в подавляющем большинстве своем были русскими, а этнических литовцев среди могло вообще не быть.

[66] Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225-1552 гг.). Казань, 2002. С. 282-283.

[67] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга П. С. 157.

[68] Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. С. 441.

[69] От германского слова «гаунтман» (начальник).

[70] Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. С. 465.

[71] Современная речка Синюха, приток Южного Буга.

[72] В некоторых источниках говорится, что в Киеве был еще Владимир Олгердович, но он умер в 1385 г.

[73] Следует заметить, что в XII —XVI вв. эти реки были намного полноводнее. Кстати, до 1917 г. пароходы ходили из Киева не только до Смоленска, но и на 100 верст выше по Днепру, за исключением, конечно, периодов засухи.

[74] Всеволод Мстиславич — внук смоленского князя Романа Ростиславича, к 1239 г. сидел служилым князем в Пскове.

[75] Молодой князь Михаил Ростиславович был троюродным племянником Всеволода Мстиславича.

[76] В брак русские княжны обычно вступали в возрасте 12 — 17 лет.

[77] Михаил Белозерский — сын Глеба Васильковича и татарской княжны Феодоры Сартаковны.

[78] Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225-1552 гг.). С. 226.

[79] По одной (и довольно спорной) версии Андрей — основатель рода князей Вяземских.

[80] Горский А.А. Москва и Орда. М., Наука, 2000. С. 18.

[81] Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М., Издательство Московского университета, 1999.С. 324.

[82] Полное собрание русских летописей. СПб, 1908. Т. 10. С. 206.

[83] Коригайло — литовское языческое имя. Но его носитель успел для начала креститься по

православному обряду и получил имя Константин, а затем перешел в католичество и стал Казимиром. Подобно другим Ольгердовичам, он менял веру по ситуации: на Руси он исповедовал православие, приезжая в Польшу, становился католиком, вернувшись в Чернигов, опять становился православным, и т. д.

[84] Видимо, отдаленный родственник князей Святое л авичей.

[85] Первой женой Витовта была Анна, дочь Святослава Ивановича Смоленского.

[86] Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., Чарли, 1996. С. 163.

[87] Города Руса, Ладога, Орехов, Копорье, Торжок, Городец и другие.

[88] В ряде источников его называют Лев Иванович.

[89] В разных источниках она фигурирует как Улита и Юлиа-ния.

[90] Маршалок — нечто типа бургомистра города.

[91] Хроника Быховца.

[92] Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией, «Исторические записки», № 14. М., 1945; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951,С. 114.

[93] Полное собрание русских летописей. Т. II, стлб. 225.

[94] Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц, М., Российский Архив, 2003. С. 62.

[95] Речка, впадающая в Ладожское озеро меду Пашею и Сясью, современное название реки — Вороновка или Воронега.

[96] Хорош католический архиепископ, он не только 9 лет воевал, да еще и жену имел.

[97] Например, исследование «Хроники Эрика» в книге Е.А. Рыд-зевской «Древняя Русь и Скандинавия, IX—XIV вв.», М., Наука, 1978.

[98] Костомаров Н.И. Русская республика, М., Чарли, 1994. С. 273-274.

[99] Костомаров Н.И. Русская республика. С. 279.

[100] Вообще говоря, словосочетание Александр Невский впервые появилось в летописи XV века. Даже в «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра», созданной спустя 40 лет после описываемых событий, Александр ни разу не назван Невским. Но, поскольку наш читатель привык к этому словосочетанию, я и далее буду называть князя Александра Ярославовича Невским.

[101] Воинские повести древней Руси. С. 91.

[102] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II, 1960. С. 142-143.

[103] Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк, М., Мысль, 1992. С. 128.

Ю4 Точная дата рождения Александра Невского представляет проблемный спор между историками.

юз чeрeз б часов после восхода солнца (под древнерусскому времени), т.е. в 11 часов утра.

[106] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 158.

[107] Подробной информации о системе дани золотоордынским ханам, к сожалению, нет ни в русских, ни в восточных летописях. Предположительно десятина — это десятая часть хлебного сбора, а тамга — пошлина с коммерческих сделок.

[108] Костомаров Н.И. Русская республика. С. 70.

[109] Женитьба удельного князя на боярышне — явление довольно редкое для XIII века.

[110] Костомаров Н.И. Русская республика. С. 70.

[111] Обратим внимание, что если сыновья Ярослава Всеволодовича придерживались горизонтальной системы наследования, то у его внуков преобладала уже вертикальная система, т.е. сын наследовал отцу.

[112] Никоновская летопись.

[113] Из-за разбойного характера русских князей Новгород был вынужден вообще отказаться от строительства крепостей на своих западных и северных границах. Так, оба берега р. Невы, Карельский перешеек и южный берег Финского залива в X —XIV вв. были новгородской территорией. Там поселения новгородцев перемешались с поселениями чухонцев и ижоры. Но крепостей в этом районе новгородцы принципиально не строили. В крепости должны быть гарнизон и князь. А князь, особенно из рода Ярос-лавичей, обязательно начнет грабить проезжих купцов. Шведы же считали земли, где не было ни крепостей, ни гарнизонов, ничейными и постоянно пытались захватить устье Невы и строили там крепости. Новгородцы сами или с помощью нанятых «низовых» князей вышибали шведов и до основания разрушали построенными ими крепости. Новгородцы считали периодические зачистки Невы от шведов экономически более выгодными, чем иметь там гарнизоны с князьями-рекэтирами.

[11/1] Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304 гг. М., Прогресс, 1989.С. 191.

[115] Подробнее см. Широкорад А.Б. Северные войны России.

[116] Костомаров Н.И. Русская республика. С. 77.

[117] Дмитрий Донской. Сборник/Автор и составитель Ю.М. Лощиц. М., Новатор, 1996. С. 121 - 122.

[118] Там же. С. 23-24.

[119] Зимин А.А. Витязь на распутье, М., Мысль, 1991. С. 191 — 195.

[120] Костомаров Н.И. Русская республика. С. 85.

[121] В 1404 г. Роман Федорович получил во владение город Кобрин и стал родоначальником князей Кобринских.

[122] Охочая рать — добровольцы, многие из которых были ушкуйниками.

[123] «Княже Василие! С тобою свой мир, и с Витовтом ин, и в немци ин» (Новгородская летопись).

[124] Город Орлец располагался в верховьях р. Северная Двина, в 20 км от современных Холмогор. Основан в 1342 г. ушкуйниками, которыми командовал Лука Варфоломеевич, сын новгородского посадника Варфоломея Юрьевича.

[125] Видимо, речь идет о Иване Владимировиче Бельском, сыне Владимира Ольгердовича.

[126] Александр Чарторыский, внук Константина Ольгердовича, некоторое время княжившего в Чернигове. Сын Константина Ольгердовича Василий получил во владение город Чарторыск на реке Стырь на Волыни и стал родоначальником знаменитого рода князей Чарторыских.

[127] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 17.

[128] Там же.

[129] Владычный полк — дружина, содержавшаяся на церковные средства и подчиненная непосредственно владыке Фео-филу.

[130] В XVIII —XIX веках такой вывод из строя гладкоствольных дульнозарядных орудий назывался «загнать ерша». Как видим, Упадыш и компания действовали грамотно и профессионально.

131 Остаток жизни Марфа Борецкая провела в московских тюрьмах и монастырях. Похоронили ее в Млевско-троицком монастыре на р. Тверца. В настоящее время место захоронения ее утеряно.

[132] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 33.

[133] Иван III не зря собирал компромат на братьев. Андрея Васильевича Большого 19 сентября 1491 г. он обвинит в измене, посадит в темницу и к ноябрю 1493 г. уморит голодом. Вместе с князем Андреем в тюрьму будут заключены и его дети пятнадцатилетний Иван и семилетний Дмитрий. Иван провел в темнице в оковах свыше 30 лет и умер 19 мая 1522 г. в Вологде. Дмитрий просидел в тюрьме в Переяславле 49 (!) лет. 20 декабря 1540 г. боярская дума от имени десятилетнего Ивана IV освободила страдальца, однако через несколько месяцев он скончался.

[134] В те времена за рубль можно было купить 200 пудов пшеницы.

[135] Я привожу длинную цитату из «Хроники Быховца», надеясь, что читатель оценит колорит текста.

[136] Хроника Быховца.

[137] Поляки же хвалились, что взяли и разорили Козельск, Верею, Калугу и Можайск.

[138] Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 146.

[139] Хроника Быховца.

[140] Здесь и до конца абзаца в кавычках взяты выражения М.С. Грушевского (Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия, Киев, 1891).

[141] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 564.

[142] Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV — XV веков. М., Издательство Московского университета, 1986. С. 38-39.

[143] Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). С. 120.

[144] Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). С. 211.

из Ктитором в Византии и на Руси в XIII —XVI вв. называлось лицо, которому разрешалось основывать монастырь. Обычно определенными правами в отношении монастыря пользовались и их потомки. В XVIII —XX вв. ктиторами назывались церковные старосты.

[146] Скрынников Р.Г. Святители и власти. С. 6.

[147] Там же. С. 8-9.

[148] Цит по Борисову Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). С. 102

[149] Скрынников Р.Г. Святители и власти. С. 52.

[150] Скрынников Р.Г. Святители и власти. С. 58.

[151] Вскоре Анна умерла от «морового поветрия».

[152] Витовт в то время был католиком.

[153] По одной версии он уходит в монастырь в Молдавии и становится схимником Гавриилом.

[154] Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 86 — 87.

[155] Материалы сайта www.sedmitza.ru // Лекторий. Лекция 11 от 12.07.2002.

[156] Материалы сайта www.sedmitza.ru // Лекторий. Лекция 11 от 12.07.2002.

[157] Материалы сайта www.sedmitza.ru // Лекторий. Лекция 11 от 12.07.2002.

[158] Имеется ввиду территория, где проживали этнические литовцы.

[159] Огицкий Д.П. Великий князь Войшелк. Материалы сайта http: / / bratstvoprav. narod. ru.

[160] Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве, Минск, Лучи Софии, 2002. С. 13.

[161] Полное собрание русских летописей. Т. II. С. 349.

[162] Грушевьский М.С. 1стор1я Украиш-Руси. Кшв — Льв1в, 1907. Т. V. С. 426-427.

[163] Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве. С. 55-56.

164 Тут стоит объяснить сей любопытный казус. Дело в том, что Иван III, боясь очередной усобицы, велел своего сына Ивана (от Марии Тверской) также величать великим князем московским. 7 марта 1490 г. Иван Иванович умер в возрасте 32 лет. Дождавшись 14-летия внука Дмитрия, Иван III торжественно венчал его на царство. И опять на Руси стало два государя. После смерти Ивана III его сын Василий (от Софьи Палеолог) заковал племянника «в железа и поместил в палату тесну», где тот и помер «нужной» смертью.

[165] Любопытно, что воевода и боярин Даниил Васильевич Щеня по происхождению был Ольгердовичем. Его прадед Патрикей На-римантович, внук Ольгерда, приехал на службу в Москву в 1408 г. Женат Даниил Щеня был на дочери удельного суздальского князя Ивана Васильевича Горбатого. От Щени пошел род князей Щенятьевых, который пресекся в царствование Ивана Грозного. Внук Патрикея Наримантовича Василий Федорович получил земли на р. Хованке недалеко от Волоколамска. От него пошел знаменитый род князей Хованских. От Патрикея Наримантовича пошли роды князей Голицыных и Куракиных.

[166] Малороссийский Стародуб, не путать со Стародубом на Клязьме.

[167] Хроника Быховца.

[168] Польские и литовские магнаты, подобно удельным князьям X —XIV веков, имевшим свои дружины, также располагали собственными вооруженными силами, не подчинявшимися никому, кроме своего пана. Подобные соединения здесь и далее автор именует «частными армиями». Следует заметить, что отдельные частные армии были многочисленней польской королевской армии. Термин «частная армия», придуман не автором, он встречается в «Военной энциклопедии» в статьях, где говорится о частных армиях феодалов Западной и Центральной Европы.

[169] Ян (Иван) Богданович Сапега (ум. в 1546 г.) происходил из брянских бояр, родоначальником рода был его дед Семен Сапега (Сопига) — писарь великого князя литовского Казимира Ягеллончика.

[170] Юрий (Еже) Радзивилл (1480—1541 гг.), каштелян вилен-ский, великий гетман литовский. Радзивиллы выводили своё происхождение от древнеримской аристократии. Как будто родоначальник дома Радзивиллов, какой-то Дорсирунг, добрался морем в Литву и основал там поселение Рамнова (Новый Рим). Среди наследников этого рода были и политические, и культовые деятели. Особенно известным сделался Верховный жрец Криво-Кри-вейше. Он крепко полюбил красавицу-литвинку. У них родился сын, которого отец, как жрец, не имел права воспитывать сам. Молодая мать при родах умерла. Кому отдать мальчика на воспитание? Криво-Кривейше придумал хитрый план. К нему часто приезжали князья. Один из них, Наримант, не имел сына-наследника. Он просил у жреца вымолить у Бога Перкунаса ему наследника. Вот это и попробовал использовать Криво-Кривейше. Когда в очередной раз к нему приехал Наримант, который любил охоту, жрец приказал положить маленького сына в колыбель, украсить её цветами и лентами и повесить на высокое дерево. Во время охоты собаки вывели князя и его свиту к загадочному дереву, возле которого никакой дичи не было. Охотники взглянули вверх и увидели среди листьев какой-то предмет. Корзину сняли. Там было великое «чудо» — мальчик,

здоровенький и красивый. Криво-Кривейше сказал Нариманту: «Вот тебе Бог Перкунас и послал сына. Расти ребенка, как родного, и во всем слушайся, потому что каждое его слово будет голосом самого Бога». Малыша назвали Лиздейком, что значит по-литовски «найденный в гнезде». Мальчика, который быстро подрастал, почитали, с его советами всегда считались. Однажды к Лиз-дейке за помощью обратился сам великий князь Гедемин. Нужно было объяснить необычный сон, который приснился князю, когда он заночевал в долине Святого Рога: могучий железный волк громко выл на все четыре стороны света. Лиздейка объяснил сон так: на том месте, где ночевал князь, нужно построить большой город Вильно. Именно после этого к имени Лиздейки присоединилось прозвище Радзивилл — от белорусского слова «радзщь» (советовать). Несколько поколений наследников Лиздейки пользовались этим словом как прозвищем, а потом оно стало фамилией могучего рода. Зачинателем этого рода по Несвижской линии был Ян Радзивилл по прозвищу Бородатый.

[171] Крепость Воронач (Вороноч, Воронич) расположена на левом южном берегу р. Сороти в 4 км выше ее впадения в реку Великую. Маленькая крепость с земляным валом и деревянным тыном находилась в 2-х км от будущего имения А.С. Пушкина Михайловское. Впервые в русско-литовских войнах крепость Воронач упоминается в 1348 г., когда она была осаждена литовским князем Андреем Ольгердовичем. Крепость Вилье располагалась на горе около озер Иадо и Черное в 28 верстах к северу от Опочки; важный опорный пункт на пути «из варяг в греки».

[172] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга III, С. 256-257.

[173] Беднов В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. С. 79-80.

[174] Цвинглианство — одно из учений реформации, основатель Ульрих Цвингли (1484—1531). Уже в XVI в. цвинглианство в основном слилось с кальвинизмом. Кальвинизм — направление протестантизма, основанное Жаном Кальвином (1509—1564). Со-цианизм — учение, основанное Лелио Социания (1526—1562) и его племянником Фаустом Социания (1539 — 1604). Суть учения в отрицании католического и православного учения о святой Троице как логически необоснованного. Социанизм получил довольно широкое распространение в Польше и Литве, но в 1658 г. по настоянию иезуитов социане были изгнаны из Речи Поспо-литой.

[175] Дворецкий — чиновник высокого ранга, в допетровские времена московские чиновники не делились на военных и статских.

[176] Фердинанд I Габсбург — младший брат императора Священной Римской империи Карла V, король Богемии с 1526 г., император Священной Римской империи в 1558—1564 гг.

[177] Под термином протестантизм я подразумеваю не только лютеран, кальвинистов и ариан, но и иные религиозные направления.

[178] Воевода — центральная правительственная власть в воеводстве. Воевод было девять, десятый назывался старостой Жмудским.

[179] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга III. С. 512.

[180] Станисла Кутшеба. Очерк истории государственного и общественного строя Польши. СПб, 1907.

[181] Шведский вектор Ливонской войны рассмотрен в книге А.Б. Широкорада «Северные войны России».

[182] Заичкин И.А., Почкаев И.Н., Русская история. Популярный очерк. М., Мысль, 1992. С. 295.

[183] Князья Курбские происходят от Федора Ростиславича Чер-много, т.е. являются потомками смоленских князей Ростислави-чей. Сын Чермного Давид Федорович стал родоначальником не-скольких ветвей ярославских князей. От внука Чермного Василия Давидовича Грозные Очи и пошли князья Курбские. Правнук Василия Грозные Очи получил в удел село Курбы на р. Кур-бице в 25 верстах от Ярославля. Его праправнуком и был Андрей Михайлович Курбский, герой взятия Казани. (См. А.Б. Ши-рокорад «История русско-татарских войн»).

[184] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга III. С. 612-613.

[185] Цит. по Соловьеву С.М. История России с древнейших времен. Книга III. С. 613.

[186] Боюсь, что тут у определенной части читателей возникнет аналогия с репрессиями в конце 30-х годов XX в. в Красной Армии. На самом деле аналогия тут чисто внешняя, т. е. похожи факты, но суть совершенно иная. Иван IV уничтожал профессиональных воевод. Так, десятки князей Курбских участвовали в походах Ивана III, Василия III и Ивана IV и честно сложили головы за землю Русскую. Репрессии же конца 30-х годов XX в. были направлены в основном на героев Гражданской войны — выдвиженцев председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого. Вместо них пришли новые командиры, которые и выиграли Великую Отечественную войну, в которой уцелевшие герои Гражданской войны не сыграли особой роли. Аналогичная ситуация была и во

Франции, когда десятки и сотни генералов, сделавших молниеносную карьеру во времена Революции, ушли со сцены в конце XVIII в., а Европу покоряли совсем другие люди, которые к 1793 г. были лейтенантами, а то и просто рядовыми.

[187] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга III. С. 614.

[188] Князь Криштоф Радзивилл (1547 — 1603 гг.), кашгелян трок-ский, воевода виленский, великий гетман литовский, позже получил за свои военные таланты прозвище «Рюшп» («Перун», т. е. «Гром»).

[189] Цит. по Беднову В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. С. 96.

[190] Беднов В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. С. 102-103.

[191] Так в Польше в XVI —XVIIв. называли протестантов.

[192] Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М., Международные отношения, 1995. С. 391.

[193] Примас — формальный глава католической церкви в Польше.

[194] Цит. по Беднову В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. С. 105.

[193] Староста управлял городом, творил суд над местной шляхтой.

[196] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга III. С. 634.

[197] Цит. по Беднову В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. С. 111-112.

[198] Ныне г. Гданьск.

[199] Николай Сапега (ум. 1599 г.), граф с 1572 г., воевода минский с 1576 г.

[200] Здесь и далее для удобства читателя вместо войска Речи Посполитой, состоявшей из поляков, литовцев и русских я буду говорить «польское войско» или «поляки».

[201] Воинские повести древней Руси. С. 364.

[202] Поприще — древнерусская мера длины. В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет ее в20 верст. Однако в XVI веке поприще, очевидно, было существенно меньше.

[203] Воинские повести древней Руси. С. 364 — 366

[204] Воинские повести древней Руси. С. 375 — 376.

[205] Воинские повести древней Руси. С. 382 — 383.

[206] Воинские повести древней Руси. С. 383 — 384.

[207] Дата по юлианскому, а в скобках — по григорианскому календарю.

[208] Изборник / Под ред. Л.А. Дмитриева. М., Художественная литература, 1969. С. 35.

[209] 862 год от Рождества Христова.

[210] Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М., Росмэн, 1995, С. 40.

[211] Так, в 1876 г. германский историк Вильгельм Томсен прочитал в Оксфордском университете лекцию «Начало русского государства», где утверждал, что «русь IX века — это шведы».

[212] В Москве-реке последнего осетра выловили при Иване III.

[213] Материалы сайта sedmitza.ru.

[214] Заблудово — небольшое местечко над рекой Мелентиной, в 18 верстах от Белостока, т. е. на современной белорусско-польской границе.

[215] История Украинской ССР / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев, Наукова Думка, 1982.

[216] Цит. по Немировскому Е.Л. Иван Федоров. М., Наука, 1985. С.124.

[217] См. Сацук С. «Не скифы мы, не азиаты...», «Белорусская деловая газета», № 774, 27.05.2000.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Невский. Сборник /Составитель Т.А. Соколова. М., Новатор, 1998.

Антонович В.Б. Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878.

Атлас истории средних веков / Под ред. Е.А. Косминского и А.П. Левандовского. М., Главное управление геодезии и картографии МВД СССР, 1955.

Баумгартен Н.А. К происхождению князей Вяземских. Летописи Историко-Родословного Общества в Москве, № 44, 1915.

Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск, Лучи Софии, 2002.

Богуславский В.В. Тульские древности. Тула, Русский лексикон, 1995.

Борисов Н.С. Иван Калита. М., Молодая гвардия, 1995.

Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М., Издательство Московского университета, 1999.

Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV — XV веков. М., Издательство Московского университета, 1986.

Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Ю. Загадки древней Руси. М., Вече, 2000.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Другая история Руси. М., Вече, 2001.

Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28 — 29 августа 2000 года. Казань, Мастер-Лайн, 2001.

Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке, в 4-х томах. Киев, 1848-1864.

Виноградов И.П. Исторические очерки города Вязьмы с древнейших времен. М., 1890.

Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Т. 1. СПб, 1906.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др., в 18 томах. Петербург, 1911 —1915.

Воинские повести древней Руси / Составитель Н.В. Поныр-ко. Ленинград, Лениздат, 1985.

Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. М., Российский Архив, 2003.

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX —XIII вв. Киев, 1884.

Гордиенко Н.С. Православные святые: кто они? Л., Лениздат, 1979.

Горский А.А. Москва и Орда. М., Наука, 2000.

Греков Б.Д. Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Богородский печатник, 1998.

Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.

Грушевьский М.С. 1стор!я Украиш-Руси. Кшв — Львів, 1907.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., Экопрос, 1992.

Дворянские роды Российской империи / Под ред. С.В. Ду-мина. СПб, ИПК «Вести», 1993.

Дмитрий Донской. Сборник / Автор и составитель Ю.М. Лощиц. М., Новатор, 1996.

Древнерусская литература / Составитель О.В. Творогов. М., Просвещение, 1995.

Древнерусские княжества X—XIII вв. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., Наука, 1975.

Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк. М., Мысль, 1992.

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М. МК-Периодика, 2002.

Зимин А.А. Витязь на распутье. М., Мысль, 1991.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., Наука, 1988.

Ивакин Г.Ю. Киев в XII-XV вв. Киев, 1982.

Изборник / Под ред. Л.А. Дмитриева. М., Художественная литература, 1969.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., Чарли, 1996.

История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. М.—Ленинград, Государственное издательство политической литературы, 1945.

История Польши,/ Сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. М., Мо-нолоит-Евролинц-Традиция, 2002.

История родов русского дворянства. М., Современник, 1991.

История средних веков / Под ред. Е.А. Косминского, С. Д. Сказ-кина. М., Издательство политической литературы, 1952.

История Украинской ССР / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев, Наукова Думка, 1982.

История южных и западных славян / Под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. М., Издательство Московского университета, 2001.

Караев Г.Н., Потресов А.С. Загадка Чудского озера. М., Молодая гвардия,1966.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., Мысль, 1988.

Каратеев М.Д. Русь и Орда. М., Современник, 1991.

Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., Молодая гвардия, 2001.

Клюг Э. Княжество тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994.

Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV —XVI вв. М., Российский государственный гуманитарный университет, 1995.

Коган В.М. История дома Рюриковичей. СПб, Издательский дом «Бельведер», 1993.

Кожинов В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М., Чарли, Московский учебник-2000, 1997.

Костомаров Н.И. Русская республика. М., Чарли, 1994.

Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М., Издательство Московского университета, 1983.

Куликовская битва. Сборник статей / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., Наука, 1980.

Курбский А.М. История о великом князе Московском. М., УРАО, 2001.
Кутшеба С. Очерк истории государственного и общественного строя Польши. СПб, 1907.
Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X —XIV вв. М., Наука, 1984.
Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., Издательство Московского университета, 1994.
Маковский Д.П. Смоленское княжество. Смоленск, 1948.
Мартынов А.И. Археология СССР. М., Высшая школа, 1973.
Материалы по истории Смоленской области. Смоленск, 1952.
Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. - 1270 г. М., Индрик, 2002.
Мифтахов 3.3. Курс лекций по истории татарского народа (1225-1552 гг.). Казань, 2002.
Мурзакевич Н.А. История города Смоленска. Смоленск, 1903.
Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
Немировский Е.Л. Иван Федоров. М., Наука, 1985.
Никитин П. История города Смоленска. М., 1848.
Никольский Н.М. История русской церкви. М., Издательство политической литературы, 1983.
Озеров Г. Загадка великого князя Ольгерда (Альгирдаса). СПб, 2000.
Орлов В.А. Тайны полоцкой-истории. Минск, Беларусь, 1995.
Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
Погодин А.Л. Очерк истории Польши. М., 1908.
Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. П.П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб, 1902.
Полное собрание русских летописей. СПб, 1908.
Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., Международные отношения, 1995.
Похлебкин В.В. Татары и Русь. М., Международные отношения, 2000.
Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., Богородский Печатник, 1998.
Ражнев Г.В. Герб Смоленска. Смоленск, Библиотека журнала «Край Смоленский», 1993.
Русские святые воины. М., Спасский собор — «Держава», 2000.
Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия, IX—XIV вв. М., Наука, 1978.
Рыжов К. Все монархи мира. Россия. М., Вече, 1998.
Скрынников Р.Г. История Российская, IX —XVII вв. М., Весь мир,1997.
Скрынников Р.Г. Святители и власти. Ленинград, Лениздат, 1990.
Славяне в эпоху феодализма / Под ред. Л.В. Черепнина. М., Наука, 1978.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I, II, III. М., Издательство социально-экономической литературы, 1959— 1960.
Субтельный О. Украина. История. Киев, Лебедь, 1994.
Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., Наука, 1969.
Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М., Наука, 1973.
Ткаченко В.А. Московские великие и удельные князья и цари. М., Поиск, 1992.
Троицкая летопись. М., Ленинград, 1950.
Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в., подготовил к печати А.А. Зимин. Москва — Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1950.
Уингейт Ф., Миллард Э., Викинги. М., Росмэн, 1995.
Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб, 1872.
Федотов Г.П. Святые древней Руси. Ростов-на-Дону, Феникс, 1999.
Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200 — 1304. М., Прогресс, 1989.
Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. XI —XVI вв.). М., Издательство Московского университета, 1986.
Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Ленинград, Наука, 1987.
Широкорад А.Б. Северные войны России. М., АСТ, Минск, Харвест, 2001.
Широкорад А.Б. Путь к трону. М., ООО «Издательство Аст-рель» ООО «Издательство АСТ», 2002.
Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Русь и Литва. СПб, Алетейя,2000.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. М., Терра — Книжный клуб,1998.
Яковлев В.В. История крепостей. М. — СПб, АСТ — Полигон, 2000.
Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., Наука, 1988.
Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII — XV веков. М., Издательство Московского университета, 1998.
Яровицкий Д.И. История запорожских казаков. Киев, Науко-ва Думка, 1990.

содержание

Предисловие 5
Глава /.Роковой раздел братьев-славян 8
Глава2.Рюриковичи и Пясты — враги и союзники..... 24
Глава 3. Литва и Русь. Первые столкновения 32
Глава 4. Галицкое королевство 40
Глава 5. Великая Литва Гедемина и Ольгерда 54
Глава 6. Литва на распутье.
Уния или независимое королевство? 73
Глава 7. Литовские князья — защитники русских городов 99
Глава3. Киеве 1242г. по 1550г. 112
Глава 9. Смоленское княжество 118
Глава 10. Господин Великий Новгород 135
Глава 11. Между Рюриковичами
и Гедемииовичами 145
Глава 12. Падение вольного Новгорода 178
Глава 13. Смуты литовские и московские.....191
Глава 14. Раскол Руси и церковь 202
Глава 15. Крах Флорентийской унии 219
Глава 16. Худо ли жилось православным
в Великом княжестве Литовском? 233
Глава /7.Иван III начинает «реконкисту» 242
Глава 18. Сигизмунд I против Василия III.....257
Глава 19. Семейные дела двух Сигизмундов 275
Глава 20. Первый этап Ливонской войны 287
Глава 21. Люблинская уния 303
Глава 22. Стефан Баторий идет на Русь 316
Глава 23. Шведский король и Брестская уния 338
Глава 24. Сказки XX века 347
Вместо заключения 362
Примечания 376
Список использованной литературы 391